63.5 (2Каз)
Х-70

ХОЗЯЙСТВО КАЗАХОВ

на рубеже XIX-XX веков

308974

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

ХОЗЯЙСТВО КАЗАХОВ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

Материалы
к историко-этнографическому
атласу

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА · 1980

63.5(2)К03
Х70

Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков: Материалы к историко-этнографическому атласу. — Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1980.
256 с. с ил., карты.

В книге дан краткий исторический очерк хозяйства казахов с древнейших времен до конца XIX — начала XX в. На основе этнографических и статистических материалов подробно охарактеризовано скотоводство и земледелие. В книге помещены типологические таблицы и карты, содержащие сведения об орудиях труда в земледелии и скотоводстве казахов, распространении земледельческих культур, видах скота и сезонных пастбищах, типах водопоев, направлении кочевых путей, способах обмолота и перевозки урожая.

Книга рассчитана на историков, преподавателей школ и вузов, студентов и аспирантов, а также на самый широкий круг читателей.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН КазССР
Г. Ф. Дахшлейгер

Х $\frac{10602-044}{407(07)-80}$ 105.79.0508000000

© Издательство «Наука» Казахской ССР, 1980 г.

Северо-Казахстанская областная
БИБЛИОТЕКА
г. ПЕТРОПАВЛОВСК

308974 ЭК

ВВЕДЕНИЕ

Исследование хозяйственно-культурных типов народов СССР — одно из актуальных направлений советской этнографической науки. Оно естественно предполагает создание прочной источниковой базы, введение в оборот свода накопленных знаний по истории хозяйства, культуры и быта наций и народностей Советской страны, марксистское обобщение совокупности этнографического, исторического, археологического материала с привязкой во времени и пространстве, с характеристикой общего и особенного в историко-экономическом и социально-культурном прогрессе, с оценкой фактора этнохозяйственных и культурных контактов народов. Разумеется, обычным описательным методом воспроизведение колоссального историко-этнографического материала практически невозможно. Поэтому наряду с критической оценкой материала, отбором из него наиболее существенного и достоверного необходим был новый, гораздо более эффективный метод — метод кратких обобщающих характеристик в сочетании с картографированием историко-этнографических данных, вбирающих в себя значительный объем информации.

Именно такой метод был положен в основу начатой по инициативе, при координации и при научном руководстве Института этнографии АН СССР работы по созданию историко-этнографического атласа народов СССР, частью которого является историко-этнографический атлас казахстанско-среднеазиатского региона [1]. Эта работа, ведущаяся уже многие годы, и здесь, в регионе, по вполне понятным причинам началась с изучения и картографирования материалов по основным типам хозяйства по программе, разработанной специалистами-этнографами АН СССР и АН республик Средней Азии и Казахстана.

Историко-этнографическая литература по хозяйству казахов, кото-

---

[1] См.: Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. Труды Института этнографии, т. XXVIII. М.—Л., 1961; Серия «Народы мира», «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I. М., 1962; т. II. М., 1963; *Жданко Т. А.* Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана.— В кн.: Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971 и др.

рому посвящено настоящее исследование, весьма объемна, она насчитывает сотни названий книг, статей, статистических публикаций, записей воспоминаний путешественников, и одна ее библиография может составить целую книгу. Ограничимся здесь ссылкой на историографический обзор [2], а также на труды ученых последних лет, непосредственно относящиеся к теме[3].

Однако, как показывает анализ исторической и этнографической литературы, она недостаточно полна для характеристики эволюции основных форм казахского хозяйства, в ней привлечена в основном историческая документация, книги дореволюционных авторов и ее этнографический материал не охватывает всей громадной территории Казахстана с членением по хозяйственным зонам и с учетом местных особенных черт хозяйства казахов. Наибольшее внимание в имеющейся литературе уделено скотоводству, что во многом, конечно, оправдано, но не полностью, о земледелии же у казахов в ней говорится большей частью бегло и опять-таки без достаточных этнографических данных. Сведения как по скотоводству, так и по земледелию казахов еще не картографировались, а этнографический материал не иллюстрировался.

Авторы настоящей книги ставили своей целью восполнить названные пробелы и дать обобщающую характеристику хозяйства казахов с картографированием ряда элементов, ее составляющих, и с воспроизведением многих орудий труда и сторон материального производства в иллюстрациях.

Основные характеристики хозяйства казахов привязаны к концу XIX— началу XX в. Этот рубеж избран не случайно. В то время в основном сохранялись традиционные, исторически сложившиеся формы казахского хозяйства, приемы его ведения, орудия труда и вместе с тем определялись существенные изменения в типах хозяйствования, связанные с прогрессивными следствиями вхождения казахских земель в состав России, переселением русского трудящегося крестьянства, со сдвигами в общественных отношениях казахского аула. Выделить на таком уровне достаточно данных еще для одного, более раннего, хронологического среза не представлялось возможным из-за скудости источников. Но авторы не ограничились лишь периодом конца XIX — начала XX в.: книга содержит и краткие очерки истории казахского скотоводства и земледелия от глубокой древности до конца XIX в.

Исследование проведено комплексно: в нем использованы этногра-

---

[2] *Масанов Э. А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966.

[3] См.: *Шахматов В. Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1963; *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX вв. Алма-Ата, 1971; *Сулейменов Б. С.* Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX — начале XX вв. Алма-Ата, 1963; *Галузо П. Г.* Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата, 1965; *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976; *Востров В. В., Кауанова Х. А.* Материальная культура казахского народа на современном этапе. Алма-Ата, 1972; *Аргынбаев Х.* Этнографические очерки по скотоводству казахов (на каз. яз.). Алма-Ата, 1969; *Ауэзова Л.* Развитие земледелия у казахов в последней трети XIX в. — Известия АН КазССР. Серия общественная, 1957, вып. 2 (5).

фические данные, исторические документы, историческая литература, статистические сборники, материалы археологического изучения территории Казахстана за многие годы, музейные коллекции. Широко использованы также публикации обследований Переселенческого управления и отчетов местной администрации того времени. В отличие от всех предшествующих исследований основной источниковой базой данной книги явились материалы этнографических экспедиций, обследовавших всю территорию Казахстана.

Материал представлен с учетом экологических факторов и тогдашнего административно-территориального деления (области, уезды).

В книге освещена история возникновения и распространения кочевого и полукочевого скотоводства на территории Казахстана, его зональные, вытекавшие из условий географической среды, особенности, известная эволюция приемов содержания и разведения скота, состав стада и соотношение в нем различных видов животных. Рассмотрены типы пастбищ, разные варианты кочевых и полукочевых маршрутов, их направление и длина. Показана прямая зависимость между экстенсивными формами скотоводства и образом жизни большинства казахского населения, влияние этих форм на отдельные стороны материальной культуры и бытового уклада жизни народа. Отмечены прогрессивные сдвиги в скотоводческом хозяйстве казахов к концу XIX — началу XX в., нашедшие свое отражение, в частности, в распространении сенокошения, совершенствовании орудий труда.

Столь же подробно и во многих отношениях впервые рассмотрена история земледелия как отдельной отрасли казахского хозяйства, его основные формы и приемы ведения также с учетом особенностей различных зон обширной территории Казахского края, виды земледельческих орудий, сельскохозяйственных культур и их доля в посевах. Сделан акцент на масштабах и специфике поливного земледелия, как основной его формы у казахов, но не опущен и факт существования богарного. Охарактеризованы взаимозависимость и взаимодействие скотоводства и земледелия в казахском хозяйстве как в историческом разрезе, так и — прежде всего — применительно к концу XIX — началу XX в. При этом в характеристиках скотоводческого и земледельческого хозяйств казахов отмечены неодинаковость их уровня в разных географических зонах и неравномерность темпов развития. Сумма содержащейся в книге информации убедительно опровергает бытовавшее в литературе мнение о казахах как извечных и «чистых» кочевниках.

Выделено влияние этнополитических событий прошлого, например монгольского нашествия, на развитие скотоводства и земледелия у казахов, конкретно раскрыто значение все усиливавшихся со второй половины XIX в. хозяйственных связей казахского народа с русским и народами Средней Азии, прежде всего на юге и юго-востоке.

Ясно отражая национально-своеобразное в казахском хозяйстве, историко-этнографический материал вместе с тем указывает на роль социально-классового фактора: социального неравенства во владении скотом и использовании пастбищ, эксплуатации баями массы казахских

шаруа, и особо — на отрицательные следствия колонизаторской политики самодержавия.

Таким образом, показана опосредованная многими моментами, но, несомненно, реальная связь между типом и уровнем развития основных форм хозяйства с общественными отношениями аула и господствовавшими в конце XIX — начале XX в. в Казахстане социально-политическими порядками.

Точно отмечая достижения народа в развитии скотоводства и земледелия, его существенные и оригинальные традиции, опровергая утверждения о его абсолютной застойности, неподвижности, исследователи, однако, далеки от стремления идеализировать хозяйство казахов того времени. Напротив, в работе наглядно показана его отсталость и обосновано положение о прогрессивности тех инноваций, которые рождались и постепенно распространялись в традиционных формах казахского хозяйства в результате внутренних экономических и социальных процессов и влияния внешних факторов — воздействия экономики России и переселения русского крестьянства.

Как известно, в советской исторической литературе многие годы продолжается научная дискуссия о земельных отношениях, формах земельной собственности и землепользования в кочевых обществах, в том числе у казахов[4]. В книге этот вопрос не рассматривается, он может быть предметом специального исследования. Имелось при этом в виду и то, что еще в конце 60-х гг. XIX в. самодержавие объявило все казахские земли своей собственностью, а ведь в книге освещается в основном хозяйство казахов на рубеже XIX—XX вв.

У читателя может возникнуть вопрос, есть ли смысл обращаться в наше время стремительного социально-культурного прогресса казахского народа в условиях развитого социализма к описанию и картографированию давно ушедших в прошлое отсталых форм хозяйства и связанных с ними обычаев. Наука отвечает на этот вопрос утвердительно. Восстановление реальной и по возможности полной истории хозяйства казахов, их материальной и духовной культуры, социально-экономических отношений казахского аула в период, предшествовавший Великой Октябрьской социалистической революции, имеет не только познаватель-

---

[4] См.: Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955; О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов (к итогам обсуждения). — Вопросы истории, 1956, № 1; *Абрамзон С. М.* Энгельс и некоторые вопросы социального строя кочевых обществ. Л., 1969; *Васильченко И.* Еще раз об особенностях феодализма у кочевых народов. — Вопросы истории, 1971, № 4; *Вяткин К. В.* К. Маркс о земле как средстве производства и пути образования частной собственности на землю и скот у кочевых народов Центральной Азии. — Тезисы докладов годичной научной сессии. Л., 1968; *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976; *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Алма-Ата, 1971; *Першиц А., Хазанов А.* Община у кочевых народов. — Народы Азии и Африки, 1979, № 2. Представляется заслуживающим внимания мнение известного монгольского ученого Ш. Нацагдоржа по этому вопросу: «В условиях кочевого скотоводства земля и скот, вместе взятые, составляли основные средства производства». См. его доклад на XIV Международном конгрессе исторических наук (Улан-Батор, 1975, с. 6).

ное, но и практически-политическое значение для развивающихся стран, где еще наличествуют такие же отсталые или близкие по типу формы хозяйства. Этим объясняется все возрастающий интерес к историческому опыту казахского народа [5].

Актуальность изучения форм хозяйства казахов в прошлом обусловлена также тем, что в буржуазной историографии и поныне бытуют ошибочные представления об извечной отсталости и абсолютной застойности казахского общества, общества якобы без истории. Отрицается и реальный своеобразный вклад казахского народа в мировую цивилизацию. На примере казахов утверждается, в частности, положение об исконном противостоянии оседлой и кочевой культур, земледелия и скотоводства. Что же касается советского опыта революционного преобразования экстенсивных форм хозяйства, в течение жизни одного поколения покончивших с отсталостью и выдвинувших казахскую нацию на передний план современного социально-культурного прогресса, то он, этот опыт, в буржуазной этнографии довольно часто искажается, объективная необходимость перехода казахов к оседлому образу жизни и быстрому развитию новых хозяйственных форм замалчивается [6].

Научная характеристика казахского хозяйства рубежа XIX—XX веков, таким образом, являет собой деловой и весомый ответ на искаженное освещение буржуазной историографией прошлого и настоящего казахской нации.

Марксистская общественная наука, критически пересмотрев стереотипы буржуазной историографии, доказала несостоятельность взгляда на народы, знавшие кочевое и скотоводческое хозяйство, в том числе и казахов, как на народы, находящиеся вне общего русла развития человеческого общества, и показала их место в мировой истории. В трудах советских ученых обосновано положение, что экстенсивное хозяйство казахов в силу внутренней логики развития самих хозяйственно-культур-

---

[5] International Study Tour and Seminar on the Sedentarization of Nomadic Populations in Soviet Socialist Republics of Kazakhstan and Kirghizia. Geneva, 1966; Proceedings of the VII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Tokyō and Kyoto, 1968, vol. II. Ethnology Symposium—Formation Types and Acculturation of Eurasian Nomads; Land Policy in the Near East. Proceedings of the Development Center of Land Policy and Settlement for the Near East (held in Tripoli, Lybia), organised by the Food and Agriculture Organization of the United Nations. Roma, 1967; Report of the Seminar Study Tour on the Transferring of Nomadic and Semi-Nomadic Population to the Sedentarization Agricultural Production. Organized by FAO in cooperation with the Government of the USSR. Alma-Ata, 1969; IX International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Plan of the Congress and Resumes of Contributuons. Chicago, 1973; Symposium: Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart. Museum für Völkerskunde, Leipzig, 1975; Indo-Soviet Symposium «Tiaditional Institutions in the Process of Modernization of Society: Independent India and Soviet Central Asia». Visva — Bharati, 1977. H. Wissmann. Bauer, Nomade und Stadt im islamischen Orient. Die Welt des Islam und die Gegenwart. Stuttgart, 1961.

[6] Stabilisation of the Nomads.—Central Asian Review, vol. VII, 1959. No. 3, pp. 221—229; *J. Winner*. Some Problems of Nomadism and Social Organization among the Recently Settled Kazakhs. — Central Asian Review, vol. XI, 1963, No 3, pp. 246—267; *L. Dienes*. Pastoralism in Turkestan: its Decline and its Persistence. Soviet Studies, 1975, No. 3, pp. 357, 365.

ных типов и соответствовавших им общественно-экономических отношений в сочетании с влиянием более высоких по своему уровню экономических форм постепенно изживало себя. Простое сравнение некоторых характеристик сельского хозяйства Казахстана и его организации в конце XIX — начале XX в. и сегодня наглядно свидетельствует о поистине удивительных темпах развития на рельсах социализма.

Что же было характерно для хозяйства казахов в прошлом? Постоянная зависимость от стихийных сил природы, постигавшие его почти ежегодные джуты, уносившие до трети поголовья стада и разорявшие десятки тысяч аульных хозяйств, столь же периодичные эпизоотии, отсутствие прочной кормовой базы закрывали дорогу к расширенному воспроизводству стада, повышению его породности, продуктивности, увеличению товарности скотоводства. Экстенсивное скотоводческое хозяйство с его кочевым или полукочевым циклом означало, что сотни тысяч казахских шаруа жили и трудились в тяжелейших условиях. Часто не хватало продовольственных ресурсов для значительных групп населения, средняя продолжительность жизни была низка.

Экстенсивным было и земледелие. Способы его ведения, примитивные средства обработки почвы и уборки урожая требовали больших затрат труда. Невысока была урожайность и товарность. Громадные массивы плодородных земель вообще не использовались.

Глубоко зашедшее социальное неравенство в ауле, при котором байство (а его доля в населении достигала 5—6%) владело до трети поголовья скота, пользовалось лучшими пастбищными и пахотными угодьями и эксплуатировало основную массу аульного населения. Изъятие самодержавием десятков миллионов десятин земли усугубило и без того тяжелое положение народных масс. Миллионы голов скота паслись на просторах казахских степей и полупустынь, расширялись посевы, но в силу отсталости хозяйства и господства докапиталистических отношений в ауле, в результате национально-колониального гнета самодержавия большинство аульного населения недоедало, не имело возможности получить образование и приобщиться к достижениям культуры. Последнее обстоятельство, в частности, нашло отражение в обычаях и поверьях, связанных с формами хозяйствования.

Великий Октябрь и вызванные им революционные социальные преобразования, массовое кооперирование и оседание казахских шаруа, бурное индустриальное развитие и рост городов, полное перевооружение материально-технической базы сельского хозяйства, внедрение достижений науки в сельскохозяйственное производство, организационно-хозяйственное укрепление колхозного строя, освоение целины, строительство сотен новых совхозов не только подняли на качественно новый уровень формы хозяйства на территории Казахстана, изменили орудия и условия труда, его производительность, масштабы производства, объем совокупного валового продукта и долю товарности, но и привели к принципиальным сдвигам в образе жизни, благосостоянии и культуре казахского народа, развитии его этнокультурных контактов и сближении с братскими народами СССР.

Понятно, что в современных условиях интернационализации всех сторон общественной жизни в рамках единого народнохозяйственного комплекса Союза ССР ошибочно было бы говорить о казахском хозяйстве, как о какой-то обособленной хозяйственной форме, тем более что и сама Казахская республика исторически сложилась как многонациональная. Вместе с тем несомненно, что важнейшие показатели развития народного хозяйства Казахстана, безусловно, типичны для прогресса казахской социалистической нации. Взлет — иначе не скажешь — промышленного производства Казахской ССР обусловил то, что теперь в этой области народного хозяйства занята значительная часть казахского населения (до Октября их доля была очень невелика — 1—2%). Не менее разительные перемены произошли в традиционных формах сельского хозяйства в сравнении даже со временем завершения коллективизации и оседания (сравнения с концом XIX — началом XX в. не имеют смысла, ибо величины просто несоизмеримы, а многие показатели несопоставимы).

Если принять 1940 г. за 100%, то валовая продукция сельского хозяйства в 1978 г. поднялась до 727, земледелия — до 852, животноводства — до 540%. При этом доля сельского населения за эти годы снизилась с 69 до 46%.

Если в 1940 г. посевные площади составляли 6808 млн. га, то в 1978 г. — 35 868 млн. га, среди них значительное место прочно заняли посевы кормовых, технических, овощебахчевых культур и картофеля. Сбор зерновых за это время поднялся с 2515,7 до 27 890,8 тыс. т, а государственные закупки зерна увеличились с 1282 до 16 777,3 тыс. т. Поголовье стада с 1941 по 1978 г. возросло с 14 199,4 до 45 318,7 тыс. голов. Производство основных продуктов животноводства за 1940—1978 гг. выросло так: мяса (в убойном весе) — с 226,6 до 1040,4, молока — с 1099,2 до 4414,5 тыс. т, шерсти (в пересчете на немытую) — с 13,7 до 105,6 тыс. т, яиц — с 313,1 до 3254,1 млн. штук; государственные закупки выросли следующим образом: мяса — со 161 до 1334,4, молока — с 271,2 до 2219,1, шерсти — с 13,8 до 118,8 тыс. т. Парк тракторов вырос за это время с 30,8 до 239,7 тыс. (их мощность увеличилась с 1058 до 21 205 тыс. л. с.), число комбайнов — с 11,8 до 112,4 тыс., в том числе кукурузоуборочных, свеклоуборочных, хлопкоуборочных.

Сельскохозяйственная техника постоянно совершенствовалась, обновлялась, она все больше приспосабливалась к местным условиям ведения земледелия и скотоводства. Получили распространение безотвальная обработка почвы и другие меры по защите ее от эрозии, появились десятки новых видов машин, представляющих в совокупности совершенно определенную систему. Успешно ведутся работы по мелиорации и химизации сельского хозяйства. Площадь орошаемых земель составила в 1978 г. 1814,3 тыс. га (с каждого гектара в среднем получено 30,1 ц зерна), а на поля было внесено 2803,8 тыс. т минеральных удобрений[7].

---

[7] См.: Народное хозяйство Казахстана в 1978 г. Алма-Ата, 1979, с. 4, 10, 58, 59, 61—62, 66, 67, 73—74, 77, 78, 81—82, 90.

Труженики сельского хозяйства Казахской ССР в 1978 г. были заняты в 2035 совхозах и 418 колхозах. Четко определилась линия на специализацию сельскохозяйственного производства. Так, существуют совхозы зернового направления, свекловодческие, хлопководческие, овощные, плодово-виноградные и виноградные, молочные, мясные и мясо-молочные, овощеводческие, коневодческие, птицеводческие, около 100 межхозяйственных организаций. Энергетические мощности в сельском хозяйстве в 1978 г. составили 56 750 тыс. л. с., энерговооруженность на одного работника — 40,4 л. с., на 100 га угодий — 153 л. с. Было потреблено 4808,7 млн. кВт·ч электроэнергии. Все основные работы в полеводстве полностью механизированы, значительные успехи достигнуты в механизации труда в животноводстве. Механизатор стал главной фигурой сельскохозяйственного производства: в 1978 г. в нем трудилось 345,8 тыс. механизаторов[8].

Особо остановимся на изменениях в традиционной для казахского народа отрасли сельского хозяйства — животноводстве. Несмотря на частичное сокращение площадей естественных пастбищ и лугов, Казахская ССР и поныне располагает более 180 млн. га пастбищ (свыше половины пастбищных угодий Советского Союза). Были проведены новые обследования структуры пастбищ, запасов поверхностных и подземных вод, осуществлена система мер по улучшению пастбищ, их обводнению и рациональному использованию, по повышению урожайности трав, значительно расширились во многих областях посевы кормовых культур — люцерны, клевера, вики. Резко увеличились заготовки кормов, в рационе кормления животных повысилась доля концентрированных сочных кормов, сенажа, витаминной травяной муки.

Вошли в строй тысячи современных шахтных и трубчатых колодцев, сотни километров каналов и водопроводов, благоустраиваются трассы перегона скота, на них построены межхозяйственные культурно-бытовые центры, подкормочно-водопойные пункты, затиши и тепляки.

Кардинально улучшилась организация труда и технология производственных процессов — получили распространение механизация раздачи кормов, купания животных, очистки кошар и колодцев, стали использоваться передвижные водоподъемные установки, современные средства доставки кормов к районам зимовок. Часть скота постепенно переводилась на стойлово-лагерное и полустойловое содержание. Продолжались работы по улучшению породности стада, были выведены такие породы, как казахская тонкорунная, казахский архаромеринос, южноказахский архаромеринос, аулие-атинская порода крупного рогатого скота и др. По типовым современным проектам возводились и реконструировались сотни животноводческих ферм.

Прогрессивные сдвиги произошли в условиях труда и жизни животноводов в степях и полупустынных районах Сары-Арки, Кзылкумов, Устюрта, Бетпак-Далы, в предгорьях Заилийского Алатау, Тарбагатая и др.

---

[8] Народное хозяйство Казахстана в 1978 г. Алма-Ата, 1979, с. 22—24, 97, 99, 107, 153.

На начало 1978 г. в Казахстане действовали 160 спецхозобъединений и межколхозных предприятий по доращиванию и откорму скота, 60 межхозяйственных предприятий по выращиванию телок, сотни откормочных площадок. Созданы также комплексы, где производственные процессы не только механизированы, но и автоматизированы, например, Джетыгенский (Алма-Атинская область) по откорму рогатого скота, Волынский (Карагандинская область) по откорму свиней, овцеводческий в колхозе им. Кирова (Талды-Курганская область) и др.

Взамен системы мелких бригад, базировавшихся на труде одной семьи чабана с отарой в 500—600 голов, стали распространяться укрупненные чабанские бригады с отарой в 2,5—3 тыс. и больше овец, в которых действует принцип сменной работы и которым придана техника. Это значительно облегчило труд чабанов, внесло изменения в их быт, подняло производительность труда и заработок животноводов, содействовало повышению культуры животноводческого хозяйства, его продуктивности, увеличению товарного выхода мяса и шерсти при приросте поголовья.

Одновременно с распространением опыта укрупненных чабанских бригад в начале 70-х гг. родилось движение молодежи, в первую очередь казахской, в животноводство, названное по праву второй казахстанской целиной.

Молодежные бригады обычно обслуживают от 2 до 4 отар, т. е. от 1,5 до 4 тыс. овец. Все работы по уходу за животными — пастьба, бонитировка, формирование отар, их охрана, стрижка, купание овец и другие операции выполняются членами бригад. У них шестидневная рабочая неделя и сменный порядок организации труда, обязателен трудовой отпуск. За бригадой закрепляются определенные пастбищные угодья и сенокосы, технические средства: тракторы, бульдозеры, стогометатели, механические кормораздатчики, средства для очистки кошар и колодцев, электростригальные агрегаты, наборы навесных орудий. Бригады обеспечиваются жильем с удобствами (на летнее время юртами), хозяйственными постройками и скотопомещениями, средствами связи, электронагревательными приборами, библиотеками, радиоприемниками и телевизорами, узкопленочными киноаппаратами, аптечками, музыкальными инструментами и спортивным инвентарем. Многие бригады получают передвижные электростанции.

В них, как и на животноводческих фермах и откормочных пунктах совхозов и колхозов, где разводится крупный рогатый скот, молодые животноводы приобретают профессии трактористов, электриков, осеменаторов, классификаторов шерсти, мотористов (на фермах — операторов кормоцехов, техников-наладчиков, мастеров машинного доения, диспетчеров и др.).

Неоценимую роль в передаче народного опыта ведения животноводства, в особенности овцеводства, в сплочении молодежных трудовых коллективов сыграло старшее поколение чабанов, многие из которых являются признанными наставниками молодежи.

Бурное развитие всех отраслей народного хозяйства и покорение

целины сопровождались крупными демографическими сдвигами в Казахской ССР в целом, в целинных областях в особенности. Только за 1954—1956 гг. из РСФСР, Украины, Белоруссии и других братских республик в Казахстан по призыву Коммунистической партии на целину прибыло свыше 600 тыс. человек, в основном молодежь.

Приток населения в республику продолжался и во второй половине 50-х гг., но уже не в таких масштабах. В годы освоения целины шло также передвижение части городского населения в сельскую местность, в совхозы и колхозы Казахской ССР. Это привело к тому, что численность населения в сельской местности с 4 млн. с небольшим в начале 50-х гг. к 1959 г. выросла до 5227,5 тыс. человек. В дальнейшем число жителей на селе продолжало расти главным образом за счет естественного прироста населения. В 1970 г. оно достигло 6470 тыс., в 1978 г. — 6732 тыс. человек. Такой прирост отвечал общей тенденции увеличения населения Казахской ССР, в которой за 1959—1970 гг. оно возросло с 9294,7 до 13 009 тыс., а в 1978 г.— до 14 685 тыс. человек, и прежде всего за счет повышения коэффициента рождаемости.

Массовая миграция населения из других республик и областей СССР в Казахскую ССР в годы освоения целины и последующие годы была миграцией нового, социалистического типа. Она качественно отлична, более того — противоположна по своим социальным причинам, характеру, формам организации и следствиям переселенческой политике царизма в дореволюционную пору, когда нужда и безземелье, помещичье землевладение и социальный гнет гнали русских и украинских крестьян-тружеников с родных мест.

Разумеется, в Казахской ССР, как и во всем Союзе ССР, в последние 10—15 лет быстро росло городское население, шел процесс урбанизации, связанный главным образом с промышленным развитием республики. Но при этом также не прекращалось укрупнение сельских населенных пунктов. Так, например, в 1970 г. из 4756 населенных пунктов целинных областей 1376 насчитывали свыше 500 жителей, а из 66 сельских районов этих областей 61 имел свыше 20 тыс. жителей каждый.

В развитом социалистическом обществе культура казахской нации, ее этнокультурные контакты и сближение с другими народами Советского Союза получили новые мощные стимулы для развития, и их интенсивность все возрастала. Так происходило не только вследствие раскрытия в полную силу внутренних потенциальных возможностей казахского народа, не только вследствие притока русского и вообще инонационального населения, но и потому, что миграции и этнокультурные контакты не содержали никаких элементов искусственной ассимиляции. Напротив, они отвечали как интересам новой исторической общности людей — советского народа, так и интересам казахского народа — нерасторжимой его части.

В книгу вводится большая сумма казахских хозяйственных и иных терминов, которые в первом упоминании воспроизводятся на казахском и русском языках, а затем на русском языке.

Должно оговорить, что статистические данные источников и литературы дореволюционного времени о казахском хозяйстве весьма противоречивы. Авторы проделали немалый труд по отбору и проверке статистических данных, но следует иметь в виду, что и вошедшие в книгу тоже приближенны.

В научном аппарате и изредка в тексте встречаются понятия «киргиз», «киргизское землепользование». Это объясняется тем, что до Октября самоназвание казахского народа было искажено (казахов называли киргизами) и только в 1925 г. на V Всеказахстанском съезде Советов было восстановлено исторически верное наименование народа.

Разумеется, монография не исчерпывает темы, работа будет продолжаться. Авторский коллектив надеется, что книга явится основанием для дальнейшего обобщения истории хозяйства казахов в выпусках историко-этнографического атласа народов Средней Азии и Казахстана.

***

Авторский коллектив: Введение — Г. Ф. Дахшлейгер, «Население Казахстана» — [В. В. Востров], Н. Э. Масанов, «Скотоводство» (историко-археологический очерк) — М. К. Кадырбаев, «Пастбищные угодья и их сезонное использование. Водопои», «Направление и протяженность кочевых путей», «Основные виды домашнего скота и их распространение» — Х. А. Аргынбаев, Х. А. Кауанова, Р. Д. Ходжаева, «Об основных типах скотоводческого хозяйства у казахов» — В. П. Курылев, «Молочная пища и утварь» — Р. Д. Ходжаева, «Обычаи и поверья казахов, связанные со скотоводством» — Х. А. Аргынбаев, «Земледелие» (историко-археологический очерк) — К. М. Байпаков, Н. Э. Масанов, «Распространение поливного и неполивного земледелия. Способы орошения и типы ирригационных сооружений» — К. А. Биржанов, И. В. Захарова, «Казахское земледелие и распространение сельскохозяйственных культур» — [В. В. Востров], «Виды сельскохозяйственных орудий» — М. С. Муканов, «Способы молотьбы, перевозки и хранения урожая», «Земледельческая обрядность у казахов» — Д. Х. Кармышева.

Литературные и статистические материалы по земледелию казахов по Семипалатинской и Семиреченской областям, по Омскому и Петропавловскому уездам Акмолинской области собраны И. В. Захаровой. В книге даны карты и таблицы с объяснительными записками. Карты-схемы и иллюстрации выполнены К. А. Власовым и А. С. Раповой.

Коллектив авторов выражает признательность зав. сектором народов Средней Азии и Казахстана Института этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР доктору исторических наук, профессору Т. А. Жданко, докторам исторических наук, профессорам С. М. Абрамзону, Н. А. Кислякову, доктору исторических наук Б. Х. Кармышевой за консультации и ценные советы.

НАСЕЛЕНИЕ

Этническая карта Казахстана на рубеже XIX—XX вв. характеризуется известной пестротой и разнообразием составляющих ее компонентов. Подавляющая часть населения Казахстана относилась к народам тюркской группы алтайской языковой семьи, в частности казахи, уйгуры, татары, узбеки, туркмены, башкиры, киргизы, каракалпаки. Народы индоевропейской языковой семьи в основном были представлены русскими, украинцами, белорусами, поляками и др. Небольшой процент населения составляли народы прочих языковых семей, в частности уральской (мордва) и китайско-тибетской (дунгане).

Особенно сложным был этнический состав тюркских народов, этногенез и расселение которых имели весьма существенные различия во времени и пространстве. Вместе с тем для них свойственно наличие многих однородных в этническом отношении компонентов. На ранних этапах их истории исключительно важную роль сыграли такие тюркские этносы, как огузы, кипчаки, найманы и многие другие. Характерной чертой тюркских народов, пожалуй, наиболее им присущей, являлась сложная и разветвленная этническая сегментация [1].

Существовали и весьма значительные различия в хозяйственной деятельности народов. Важным фактором исторического развития их хозяйственно-культурных типов являлась естественно-географическая среда [2].

Абсолютное большинство населения составляли казахи. Согласно

---

[1] *Жданко Т. А.* Специфика этнических общностей в Средней Азии и Казахстане (XIX — начало XX в.). — Расы и народы. Ежегодник. 1974. Вып. 4. М., 1974, с. 13, 15—17, 25—26.

[2] *Жданко Т. А.* Проблема полуоседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана. М., 1960; *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. — Материалы по этнографии, вып. I. Л., 1961, с. 2—15; *Гумилев Л. Н.* Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии (опыт историко-географического синтеза). — Народы Азии и Африки, 1966, № 4, с. 85—94; *Клейн Л. С.* Генераторы народов. — Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974, с. 126—134; *Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979, с. 186—188 и др.

данным Всероссийской переписи населения 1897 г., в пределах современной территории Казахстана их проживало 3 392 751, что составляло 81,7% всего населения края[3]. Казахи являлись коренными жителями рассматриваемого региона, истоки их этногенеза уходят в далекое прошлое. Этнические процессы на территории Казахстана протекали в сложных социально-экономических и политических условиях и неоднократно прерывались многочисленными нашествиями и потрясениями. В своей основе процесс этногенеза казахского народа был автохтонным, поскольку достаточно определенно прослеживается его генетическая преемственность от древних насельников степи[4].

Появление русских поселенцев на территории Казахстана относится к XVIII в. С развитием политических и торгово-экономических связей Казахстана с Россией, в результате присоединения к Российскому государству русские, в особенности казачьи, поселения постепенно продвигаются в глубь степи. В последней трети XIX в. процесс колонизации казахской степи становится более интенсивным. В значительной степени этому способствовало накопление кризисных явлений в развитии самой России, в частности резко обострившийся аграрный вопрос в центральных губерниях страны. Вследствие этого в Казахстан, главным образом в северные и северо-восточные районы, стали переселяться крестьяне из Воронежской, Рязанской, Самарской, Пензенской и других внутренних губерний. Одновременно с русскими в Казахстан хлынули потоки украинских и белорусских переселенцев. Согласно данным всеобщей переписи 1897 г., в Казахстане проживало русских — 454 402 чел. (10,95%), украинцев — 79 573 чел. (1,91%). В начале XX в. переселение в результате столыпинской аграрной реформы приняло массовый характер.

Тюркские народы, в частности узбеки, киргизы, туркмены, каракалпаки, издавна проживали в смежных с казахскими районах и имели с ними тесные этнокультурные контакты[5]. Причем известны случаи совместного проживания и общей хозяйственно-культурной деятельности различных тюркских этносов. В частности, в «Сыскном деле о пути в Хиву» 1697 г., составленном на основе данных посольства Ф. Скибина и М. Трошина к Тауке-хану, имеется любопытное сообщение, что между городами Туркестаном и Узгентом на побережье нижнего течения Сыр-

---

[3] Характеризуя перепись 1897 г., исследователи отмечают существенные ошибки при сборе информации, «грубые обобщения» при разработке данных переписи, «условность и неточность метода определения этнической принадлежности лишь на основе языкового признака», неполноту охвата населения и т. п. См., например: *Жданко Т. А.* Этнические общности и этнические процессы в дореволюционной России. — Современные этнические процессы в СССР. М., 1977, с. 42—43 и др.

[4] См., например: *Гафуров Б. Г., Литвинский Б. А.* Узловые проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана (теоретический аспект). Тезисы. М., 1976; *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI веков (Вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата, 1977, с. 211—246 и др.

[5] См.: Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР. Тезисы докладов и сообщений. Всесоюзная тюркологическая конференция. Алма-Ата, 1976.

Таблица 1[1]

Расселение казахов, русских и украинцев на территории Казахстана, согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Область, уезд	Общая площадь, кв.вер.	Общая численность населения, чел.	Средняя плотность населения на 1 кв.вер., чел.	Казахи[2]		Русские		Украинцы	
				чел.	%	чел.	%	чел.	%
Уральская	284 411,8	645 121	2,27	460 173	71,3	160 894	24,94	2 959	0,45
Уральский	46 315,1	293 619	6,34	150 901	51,3	124 072	42,25	1 913	0,65
Гурьевский	58 243,1	86 758	14,90	70 921	81,7	14 667	16,90	98	0,11
Лбищенский	62 017,6	169 673	2,57	144 257	85,0	21 796	12,84	494	0,29
Темирский	117 836,0	95 071	0,81	94 094	98,9	359	0,37	454	0,37
Тургайская	399 780,0	453 416	1,14	410 904	90,6	30 438	6,71	4 588	1,01
Кустанайский	72 740,0	152 556	2,10	118 022	77,3	25 810	16,91	3 537	2,31
Актюбинский	50 360,0	115 215	2,29	109 585	95,1	3 248	2,81	1 015	0,88
Иргизский	128 660,0	98 697	0,77	97 143	98,42	875	0,88	14	0,01
Тургайский	148 020,0	86 948	0,61	86 154	99,08	505	0,58	22	0,02
Акмолинская[3]	460 690,0	582 069	1,25	389 204	66,8	123 517	21,22	46 785	8,03
Амолинский	108 390,0	185 058	1,70	166 343	89,8	9 298	5,02	5 207	2,81
Атбасарский	219 420,0	86 413	0,39	74 728	86,4	9 174	10,61	1 899	2,19
Кокчетавский	69 290,0	155 461	2,24	79 041	50,8	48 157	30,97	19 328	12,43
Петропавловский	63 590,0	155 137	2,44	69 [illegible]	44,5	56 888	36,66	20 351	13,11
Семипалатинская	445 310,0	684 590	1,54	604 564	88,3	65 062	9,50	3 257	0,47
Семипалатинский	69 880,0	156 801	2,24	122 296	77,9	26 036	16,60	801	0,51
Зайсанский	34 960,0	95 072	2,72	88 865	93,4	5 149	5,41	18	0,01
Каркаралинский	186 370,0	171 655	0,92	169 656	98,8	1 295	0,75	1	0,0005

Павлодарский	98 130,0	157 487	1,60	142 562	90,5	13 844	8,79	121	0,07
Усть-Каменогорский	55 970,0	103 575	1,85	81 185	78,3	18 738	18,09	2 316	2,23
Семиреченская[4]	219 670,0	663 769	3,02	515 001	77,5	59 815	9,01	12 143	1,82
Верненский	58 330,0	223 883	3,84	151 485	67,6	33 664	15,09	1 833	0,81
Джаркентский	5 160,0	122 636	23,77	81 728	66,6	5 686	4,63	90	0,07
Капальский	69 100,0	136 421	1,97	125 681	92,1	6 173	4,52	2 395	1,75
Лепсинский	87 080,0	180 829	2,08	156 107	86,3	14 292	7,90	7 825	4,32
Сырдарьинская[5]	316 010,0	835 432	2,64	741 811	88,7	11 234	1,34	9 749	1,16
Аулие-Атинский	65 420,0	276 169	4,22	250 [illegible]	90,8	5 129	1,85	5 339	1,93
Казалинский	59 800,0	140 541	2,35	135 850	96,6	2 821	2,00	95	0,06
Перовский	65 840,0	133 663	2,03	130 269	97,4	1 048	0,78	117	0,08
Чимкентский	124 950,0	285 059	2,28	224 704	78,8	2 236	0,78	4 198	1,47
Мангышлакский	190 200,0	68 555	0,36	63 795	93,05	1 795	2,61	3	0,004
Внутренняя орда	70 781,0	214 796	3,03	207 299	96,5	1 647	0,76	89	0 ,04
Итого	2 386 852,8	4 147 748	1,73	3 392 751	81,7	454 402	10,95	79 573	1,91

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г., вып. VII. Наличное население обоего пола по уездам с указанием числа лиц преобладающих родных языков. Спб., 1905, с. 10, 36—37; вып. LXXXVIII. Уральская область. Спб., 1904, с. 1—3, 48; вып. LXXXVII. Тургайская область. Спб., 1904, с. 1—3, 38; вып. LXXXI. Акмолинская область. Спб., 1904, с. 1—3, 50; вып. LXXXIV. Семипалатинская область. Спб., 1905, с. 1—3, 54; вып. LXXXV, Семиреченская область. Спб., 1905, с. 1—3, 52; вып. LXXXVI. Сырдарьинская область. Спб., 1905, с. 1—3, 56; вып. LXXXII. Закаспийская область. Спб., 1904, с. 54—55; вып. II. Астраханская губерния. Спб., 1904, тетрадь 2, с. 42—43, IV.

[2] Следует отметить известную условность указанной цифры казахского населения, поскольку данные переписи не дифференцируют казахов и киргизов. Согласно переписи, оба этноса проходили под общей рубрикой. Однако в целях унификации описания в дальнейшем мы будем упоминать лишь казахов с учетом их действительного расселения. Между тем необходимо иметь в виду, что для районов смежного проживания двух народов данные переписи дают общую цифру их численности, но для других районов края относительно казахов они весьма близки к истине.

[3] Без Омского уезда.

[4] Без Пишпекского и Пржевальского уездов.

[5] Без Ташкентского уезда и Амударьинского отдела.

308974

Таблица 2[1]

Малые народы на территории Казахстана (перепись 1897 г.)

Этнос	Численность[2], в числителе—число чел., в знаменателе—%	Места наибольшего расселения
Татары[3]	55 984 / 1,34	Уральская (17 805 чел.), Акмолинская (9 968 чел.), Семипалатинская (9 940 чел.), Семиреченская (6 907 чел.), Тургайская (3 197 чел.) области, Внутренняя орда (5 696 чел.)
Уйгуры	55 815 / 1,34	Джаркентский (30 108 чел.) и Верненский (25 701 чел.) уезды Семиреченской области
Узбеки	29 564 / 0,70	Сырдарьинская область (29 234 чел.)
Мордва[4]	11 911 / 0,28	Акмолинская (8 313 чел.) и Тургайская (2 132 чел.) области
Дунгане[5]	4 888 / 0,11	Джаркентский (2 564 чел.) и Верненский (1852 чел.) уезды Семиреченской области
Туркмены	2 883	Мангышлакский уезд (2 767 чел.)
Немцы	2 613	Акмолинская область (1 476 чел.)
Башкиры	2 528	Тургайская область (1 598 чел.)
Евреи	1 651	Акмолинская (481 чел.), Сырдарьинская (424 чел.) области
Поляки	1 254	Сырдарьинская (312 чел.), Уральская (250 чел.) области
Калмыки	997	Уральская область (968 чел.)
Таджики[6]	987	Сырдарьинская область (734 чел.)

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Уральская область, вып. LXXXVIII. Спб., 1904, с.48—49; Тургайская область, вып. LXXXVII. Спб., 1904, с. 38—39; Акмолинская область, вып. LXXXI. Спб., 1904, с. 50—51; Семипалатинская область, вып. LXXXIV. Спб., 1905, с. 54—55; Семиреченская область, вып. LXXXV. Спб., 1905, с. 52—53; Сырдарьинская область, вып. LXXXVI. Спб., 1905, с. 56—57; Закаспийская область, вып. LXXXII. Спб., 1904, с. 54—55. Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков, вып. VII. Спб., 1905, с. 10, 36—37; вып. II, Астраханская губерния, тетрадь 2. Спб., 1904, с. 42—43.

[2] Следует иметь в виду, что указанные цифры весьма условны, поскольку некоторые из этих этносов в отдельных областях и уездах попали в раздел «Прочие», тем не менее приведенные данные все же дают достаточно наглядную картину народонаселения Казахстана в конце XIX в.

[3] В Акмолинской области численность татар дана вместе с сартами, вследствие чего дифференцировать указанные этносы не представляется возможным.

[4] В Тургайской области мордовцы представлены вместе с марийцами.

[5] Дунгане вместе с китайцами.

[6] В Сырдарьинской области таджики представлены вместе с туркменами.

дарьи казахи совместно с каракалпаками занимались земледелием [6]. Отдельные компоненты уйгурского этноса также издавна проникали на территорию степи, однако переселение уйгуров в Казахстан относится ко второй половине XIX в. Тогда же в Казахстан переселяются и дунгане. Наглядное представление о численности указанных этносов дают таблицы 1 и 2.

Из приведенных в таблице 1 данных видно, что огромная территория Казахстана могла воспринять значительно бо́льшую массу населения. В среднем на 1 кв. версту приходилось 1,73 чел. Вместе с тем плотность населения по областям и уездам была неодинаковой, причем амплитуда колебаний была более чем значительной (от 0,36 в Мангышлакском уезде до 23,77 в Джаркентском уезде). Очевидно, это обстоятельство находилось в прямой зависимости от хозяйственно-культурной деятельности населения того или иного региона и природно-климатических условий.

Наиболее целесообразным представляется рассмотрение народонаселения Казахстана в разрезе областей и уездов с учетом динамики демографических процессов [7].

Уральская область

Уральская область включала 4 уезда: Уральский, Лбищенский (прежде Калмыковский), Гурьевский и Темирский. По данным переписи 1897 г., в области проживало 645 121 чел., в том числе казахов — 460 173 чел. (71,3%), русских — 160 894 чел. (24,9%), татар — 17 805 чел. (2,7%). Городских жителей было 55 482 чел. (8,6%): русские составляли абсолютное большинство — 45 526 чел., татары — 5716 чел., казахи — 3014 чел. [8]

Первыми русскими поселенцами в области были уральские казаки, занявшие лучшие земли в пределах «десятиверстной полосы» по р. Урал, где еще в 1620 г. был основан Яицкий городок, а в 1640 г. — Гурьевский городок. После присоединения Младшего жуза к России началось строительство военных укреплений по берегам Урала. Первые крестьяне-переселенцы в Уральской области появились в 70-х гг. XIX в. [9] Основная часть переселенцев осела в наиболее благоприятных в экологическом отношении Уральском и Лбищенском уездах.

На территории Уральского уезда, согласно данным всеобщей переписи 1897 г., проживало 293 619 чел., в том числе казахов — 150 901 (51,3%), русских — 124 072 (42,2%), татар — 14 436 чел. (4,9%). В дру-

---

[6] Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I. Л., 1932, с. 266.

[7] Территориально-административное деление дореволюционного Казахстана дано по положениям об управлении Туркестанским краем 1886 г. и Степными областями 1891 г. См.: Сборник узаконений о киргизах Степных областей/Сост. И. И. Крафт. — Оренбург, 1898, отд. II, с. 17—21.

[8] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г., вып. LXXXVIII. Уральская область. Спб., 1904, с. 1—3. См. также: Первая всеобщая перепись населения... Наличное население..., вып. VII, с. 9, 37. Подсчет наш. — *М. Н.*

[9] *Бекмаханов Е. Б.* Присоединение Казахстана к России. М., 1957, с. 168.

гих уездах области удельный вес казахского населения был значительно выше. В Гурьевском уезде казахов насчитывалось 70 921 из 86 758 чел., что составляло 81,7% всего населения уезда[10]. В Лбищенском уезде проживало 169 673 чел., в их числе казахов — 144 257 чел. (85%), а в Темирском уезде казахов насчитывалось 94 094 чел. из 95 071 чел., что составляло 98,9%. Русских проживало в Лбищенском уезде 21 796 чел., (12,8%), в Гурьевском — 14 667 чел. (16,9%), в Темирском же уезде всего 359 чел. (0,37%). Небольшую часть населения Лбищенского уезда составляли татары — 2252 чел., украинцы — 494 чел., в Уральском — украинцы — 1913 чел. (0,65%), в Темирском — украинцы — 454 чел. (0,37%)[11].

Население области неуклонно росло: с 645 121 чел. в 1897 г. оно увеличилось до 856 522 чел. в 1915 г.[12] Следует отметить, что в основном население возрастало за счет русского переселенческого крестьянства. Так, только за 1906—1907 гг. в Уральско-Тургайском переселенческом районе оно увеличилось на 52 209 семей[13]. Вместе с тем прослеживается неуклонное уменьшение доли казахского населения в общей массе народонаселения. К 1915 г. казахов насчитывалось 480 985 чел., что составляло уже 56,1% от всего населения области. В Уральском уезде казахи составляли 77 718 чел. из 312 535 (24,8%), в Лбищенском уезде — 133 124 чел. из 209 082 (63,6%), в Гурьевском уезде — 124 433 чел. из 161 332 (77,1%), в Темирском уезде — 145 710 чел. из 173 573 (83,8%)[14].

Тургайская область

С востока к Уральской области примыкала Тургайская, в территориально-административном отношении делившаяся на четыре уезда: Кустанайский, Актюбинский, Тургайский и Иргизский. По данным всеобщей переписи 1897 г., население области составляло 453 416 чел., в том числе казахов — 410 904 (90,6%), русских — 30 438 (6,71%), украинцев — 4588 (1,01%), татар — 3197 (0,7%), мордовцев — 2132 (0,47%), башкир — 1598 (0,35%). В городах проживало 19 530 чел. (4,3%), среди них русских — 13 151 чел., татар — 2063, украинцев — 1734, казахов — 1352, мордовцев и марийцев — 701 чел.[15]

Первые русские поселенцы появились в Тургайской области в 70-х гг. XIX в. К 1894 г. их насчитывалось уже 16 тыс. чел.[16], а за период с 1896 по 1905 г. здесь поселилось еще 60 018 крестьян-переселен-

---

[10] Первая всеобщая перепись..., вып. LXXXVIII, с. 2—3. Подсчет процентов наш. — *М. Н.*

[11] Там же, вып. LXXXVIII, с. 2—3; вып. VII, с. 9, 37. Подсчет наш. — *М. Н.*

[12] Обзор Уральской области за 1914 год. Уральск, 1915, с. 3.

[13] *Сулейменов Б. С.* Указ. соч., с. 123, табл. 1.

[14] Обзор Уральской области за 1914 год, с. 2—3. Подсчет процентов наш. — *М. Н.*

[15] Первая всеобщая перепись..., вып. LXXXVII. Тургайская область. Спб., 1904, с. 2—3; вып. VII, с 9, 37. Подсчет наш. — *М. Н.*

[16] *Бекмаханов Е. Б.* Указ. соч., с. 168.

цев[17]. Наибольшее число переселенцев обосновалось в самом благоприятном в экологическом отношении Кустанайском уезде, расположенном в северо-восточной части области. Здесь, согласно данным переписи 1897 г., проживало 152 556 чел., в том числе казахов — 118 022 чел. (77,3%), русских — 25 810 (16,9%), украинцев — 3537 (2,31%), мордовцев — 1976 (1,29%), татар —1735 (1,13%), башкир—1275 чел. (0,83%)[18]. Первые русско-украинские переселенцы появились в уезде в 70-х гг. XIX в. В последующие годы отмечался интенсивный приток переселенцев: только в 1881 г. здесь осело 1200 семей[19]. Столыпинская аграрная реформа коренным образом изменила этническую карту уезда. К 1915 г. число русских и украинцев в Кустанайском уезде составило 206 926 чел., что значительно превысило число казахов, которых было 154 760 чел.[20]

В Актюбинском уезде, по данным всеобщей переписи 1897 г., проживало 115 215 чел., среди которых казахов — 109 585 (95,1%), русских— 3248 чел. (2,81%)[21]. К началу XX в. в результате массового переселения картина резко изменилась: число казахов (126 911 чел.) лишь немного превышало число русских и украинцев (110 156 чел.)[22].

Несколько иначе обстояло дело в Тургайском и Иргизском уездах области, где в силу неблагоприятных для земледелия природно-климатических условий переселение крестьянства было незначительным. Абсолютное большинство населения Тургайского уезда составляли казахи — 86 154 чел. из 86 948 чел. жителей, или 99,08% от всего населения уезда. Русских здесь проживало лишь 505 чел. (0,58%). В Иргизском уезде казахов насчитывалось 97 143 чел. из 98 697 чел. всего населения, что составляло 98,42%. Русских в уезде было 875 чел. (0,88%)[23]. Отметим, что переселенческая кампания начала XX в. почти не затронула Иргизский и Тургайский уезды, в которых на 1915 г. насчитывалось соответственно 117 320 и 110 236 чел. казахов и 2339 и 1686 чел. русских[24].

К началу XX в., согласно данным на 1915 г., в Тургайской области проживало 854 616 чел., из них 509 227 казахов (59,5%), 321 107 русских и украинцев (37,5%), 10 372 татарина (1,21%), 8416 немцев (0,98%)[25].

---

[17] *Тресвятский В. А.* Материалы по земельному вопросу в Азиатской России, вып. I. Степной край. Пг., 1917, с. 37.

[18] Первая всеобщая перепись..., вып. LXXXVII, с. 2—3; вып. VII, с. 9, 37. Подсчет наш. — *М. Н.*

[19] *Сулейменов Б. С.* Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX — начала XX в. (1867—1907 гг.). Алма-Ата, 1963, с. 120.

[20] Обзор Тургайской области за 1915 год. Оренбург, 1916, с. 8, табл. 8. Подсчет наш. — *М. Н.*

[21] Первая всеобщая перепись..., вып. LXXXVII, с. 2—3; вып. VII, с. 9, 37. Подсчет наш. — *М. Н.*

[22] Обзор Тургайской области за 1915 год, с. 8, табл. 8. Подсчет наш — *М. Н.*

[23] Первая всеобщая перепись..., вып. LXXXVII, с. 2—3. Подсчет процентов наш. — *М. Н.*

[24] Обзор Тургайской области за 1915 год, с. 8, табл. 8. Подсчет наш. — *М. Н.*

[25] Там же. Подсчет наш. — *М. Н.*

Акмолинская область

Акмолинская область включала Акмолинский, Атбасарский, Кокчетавский, Петропавловский и Омский уезды[26]. По данным переписи 1897 г., в области проживало 582 069 чел., в том числе казахов — 389 204 (66,8%), русских — 123 517 (21,2%), украинцев — 46 785 (8,03%), татар — 9968 (1,71%), мордовцев — 8313 (1,42%), немцев — 1476 (0,25%), евреев — 481, поляков — 196 чел. и др. Городское население составляли 37 376 чел. (6,42%), в их числе русские и украинцы — 21 091, казахи — 6253, татары — 8061[27].

Колонизация области началась в 20-х гг. XIX в., когда казаки основали здесь первые станицы и поселения. К 1863 г. в области насчитывалось уже 19 селений и 23 610 чел. из казачьего сословия[28]. Приток переселенцев усилился в 80—90-е гг. XIX в., и их число к 1894 г. возросло на 75 тыс. чел.[29]

Вместе с тем наблюдаются диспропорции в расселении русского и казахского населения области. Так, если в Акмолинском, Атбасарском и Кокчетавском уездах, согласно переписи 1897 г., преобладало казахское население, то в Петропавловском — русско-украинское (49%). Северо-западную часть области занимал наиболее плотно заселенный Петропавловский уезд, в котором к концу XIX в. проживало 155 137 чел., в том числе 56 888 русских (36,6%), 69 092 казаха (44,5%), 20 351 украинец (13,1%), 6619 татар (4,26%)[30].

С юга к Петропавловскому уезду примыкали Атбасарский и Кокчетавский. В Атбасарском уезде, согласно переписи 1897 г., проживало 86 413 чел., в том числе 74 728 казахов (86,4%), 9174 русских (10,6%), 1899 украинцев (2,19%). В Кокчетавском уезде проживало 155 461 чел., среди которых 79 041 казах (50,8%), 48 157 русских (30,9%), 19 328 украинцев (12,4%), 6667 мордовцев (4,28%), 1575 татар (1,01%). В Акмолинском уезде было наибольшее число жителей — 185 058 чел., из них казахи составляли 166 343 чел. (89,8%), русские — 9298 (5,02%), украинцы — 5207 (2,81%), немцы — 1383 (0,74%), татары — 1315 чел. (0,71%)[31].

К началу XX в. этническая карта Акмолинской области претерпевает качественные изменения. В результате столыпинской аграрной реформы значительно возрастает число русского и украинского населения. В 1912 г. в области проживало 1 119 143 чел., из них казахов —

---

[26] Поскольку Омский уезд позднее вошел в состав РСФСР, то в данной работе он не рассматривается. Укажем лишь, что в уезде проживало 100 539 чел., в том числе казахов — 38 185 чел. См.: Первая всеобщая перепись..., вып. LXXXI. Акмолинская область. Спб., 1904, с. 2—3.

[27] Там же. См. также: вып. VII, с. 8, 36. Подсчет процентов наш. — *М. Н.*

[28] *Красовский Н.* Область сибирских киргизов, ч. I. Спб., 1868, с. 387—388.

[29] *Бекмаханов Е. Б.* Указ. соч., с 168.

[30] Первая всеобщая перепись..., вып. LXXXI, с. 2—3; вып. VII. с. 8, 36. Подсчет процентов наш. — *М. Н.*

[31] Там же. Подсчет процентов наш. — *М. Н.*

494 114 чел. (44,1%), русских — 284 513 (25,4%), украинцев — 279 417 (24,9%), мордовцев — 21 877 (1,95%), немцев— 19 561 (1,74%), татар — 17 303 чел. (1,54%)[32].

Семипалатинская область

Семипалатинская область состояла из 5 уездов: Семипалатинского, Усть-Каменогорского, Павлодарского, Зайсанского и Каркаралинского. По данным всеобщей переписи 1897 г., в области проживало 684 590 чел., в том числе казахов — 604 564 (88,3%), русских — 65 062 (9,5%), татар — 9940 (1,45%), украинцев — 3257 чел. (0,47%). Городское население составляли 54 488 чел. (7,95%), из них русские — 29 013 чел., казахи — 16 030, татары — 7983 чел. [33]

Колонизация области русско-украинским крестьянством началась еще в XVIII в.[34], но наибольшего размаха она достигла в начале XX в. Известно, в частности, что только с 1906 по 1916 г. русское население возросло здесь на 27 859 семей[35].

В Семипалатинском уезде, по данным всеобщей переписи 1897 г., проживало 156 801 чел., в том числе казахов — 122 296 (77,9%), русских — 26 036 (16,6%), татар — 6901 чел. (4,4%).

Павлодарский уезд занимал северную часть области по Иртышу. В конце XIX в., по переписи 1897 г., в уезде проживало 157 487 чел., из них казахи составляли 142 562 чел. (90,5%), русские — 13 844 чел. (8,79%).

Каркаралинский уезд граничил на западе с Акмолинской областью, а на юге его границы совпадали с оз. Балхаш. Согласно данным всеобщей переписи 1897 г., в уезде насчитывалось 171 655 чел., в том числе казахов — 169 656 (98,8%), русских — 1295 (0,75%). Преобладание казахского кочевого населения обусловило незначительную плотность населения, всего 0,92 чел. на 1 кв. версту[36]. В силу своей отдаленности уезд даже к началу XX в. не был охвачен переселенческим движением. Здесь существовали лишь отдельные казачьи станицы и русские поселения.

Наиболее плотно заселенным был Зайсанский уезд (2,72 чел. на 1 кв. версту), занимавший крайнюю восточную часть области. В конце XIX в. в уезде проживало 95 072 чел., из которых казахи составляли 88 865 чел. (93,4%), русские — 5149 чел. (5,41%), татары — 867 чел. (0,91%). Самый высокий процент русских крестьян-переселенцев от-

---

[32] Обзор Акмолинской области за 1912 год. Омск, 1913, ведомость № 1. Подсчет наш. — *М. Н.*

[33] Первая всеобщая перепись..., вып. LXXXIV. Семипалатинская область. Спб., 1905, с. 1—3; вып. VII, с 9, 37. Подсчет процентов наш. — *М. Н.*

[34] *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. М., 1976, с. 122—162 и др.

[35] *Турсунбаев А.* Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950, с. 41.

[36] Первая всеобщая перепись..., вып. LXXXIV, с. 1—3. Подсчет процентов наш. — *М. Н.*

носился к Усть-Каменогорскому уезду (18% — 18 738 чел.). Абсолютное большинство жителей уезда составляли казахи — 81 185 чел. (78,3%). Небольшой процент приходился на украинцев — 2,23% — 2316 чел., татар — 0,8% — 893 чел. и др.[37]

За период с 1897 по 1909 г. в Семипалатинской области общая численность населения увеличилась с 684 590 до 821 459 чел., в том числе казахов — с 604 564 до 650 122 чел. (79,1%), русских — с 65 062 до 146 025 чел. (17,7%). Иначе говоря, русское население возросло более чем в два раза. Кроме того, к 1910 г. в области проживали 18 741 татарин (2,28%), 3613 поляков и немцев (0,43%), 316 евреев и др.[38]

Семиреченская область

Семиреченская область делилась на 6 уездов: Верненский, Джаркентский, Капальский, Лепсинский, Пишпекский и Пржевальский[39]. По данным всеобщей переписи 1897 г., в области проживало 663 769 чел., в их числе казахи — 515 001 чел. (77,5%), русские — 59 815 (9,01%), уйгуры — 55 814 (8,40%), украинцы — 12 143 (1,82%), татары — 6907 (1,04%), дунгане — 4425 чел. (0,66%). Из них городское население составляли 48 251 чел. (7,26%), в том числе русские и украинцы — 22 904 чел., уйгуры — 10 694, казахи — 4611, татары — 3473, дунгане — 3463[40].

Центральным в Семиреченской области был Верненский уезд, в котором проживало 223 883 чел., в том числе казахов — 151 485 (67,6%), русских — 33 664 (15%), уйгуров — 25 701 (11,4%), татар — 2144 (0,95%), дунган — 1852 (0,82%), украинцев — 1833 чел. (0,81%)[41]. К 1 января 1914 г. население уезда возросло до 296 765 чел., казахов было 174 645 чел. (58,8%), русских и украинцев — 72 702 (24,4%), уйгуров — 38 154 (12,8%), дунган — 3052 (1,02%), татар — 2544 чел. (0,85%)[42].

Севернее Верненского располагался Капальский уезд, в котором, согласно переписи 1897 г., проживал 136 421 чел., из них казахов — 125 681 чел. (92,1%), русских — 6173 (4,52%), украинцев — 2395 (1,75%), татар — 1672 чел. (1,22%)[43]. К 1914 г. этническая карта уезда существенно изменилась и прежде всего за счет возрастания русско-украинско-

---

[37] Первая всеобщая перепись..., вып. LXXXIV, с. 1—3; вып. VII, с. 9. 37. Подсчет процентов наш. — *М. Н.*

[38] Обзор Семипалатинской области за 1909 год. Семипалатинск, 1910, с. 16—21. Подсчет процентов наш. — *М. Н.*

[39] Пишпекский и Пржевальский уезды входят в состав Киргизии, поэтому здесь не рассматриваются.

[40] Первая всеобщая перепись..., вып. LXXXV. Семиреченская область. Спб., 1905, с. 1—3; вып. VII, с. 9. Подсчет наш. — *М. Н.*

[41] Там же, вып. LXXXV, с. 2—3; вып. VII, с. 37. Подсчет наш. — *М. Н.*

[42] Обзор Семиреченской области за 1913 год. Верный, 1915, ведомость № 1. Подсчет наш. — *М. Н.*

[43] Первая всеобщая перепись..., вып. LXXXV, с. 2—3; вып. VII, с. 37. Подсчет наш. — *М. Н.*

го переселенческого населения. В уезде к этому времени проживало 203 770 чел., в том числе казахов — 168 619 чел. (82,5%), русских и украинцев — 30 531 (14,9%), татар — 3171 чел. (1,55%)[44].

На северо-востоке области находился Лепсинский уезд, в котором, по переписи 1897 г., было зарегистрировано 180 829 чел., в том числе казахов — 156 107 чел. (86,3%), русских — 14 292 (7,9%), украинцев — 7825 (4,32%), татар — 1908 (1,05%)[45]. В начале XX в. здесь уже проживало 205 650 чел., среди них казахов — 134 905 (65,5%), русских и украинцев — 67 091 (32,6%), татар — 3272 чел. (1,59%)[46].

Наиболее плотно заселенным был Джаркентский уезд. Здесь, по переписи 1897 г., проживало 122 636 чел., в том числе казахов — 81 728 чел (66,6%), уйгуров — 30 108 (24,55%), русских — 5686 (4,63%), дунган — 2564 (2,08%), татар — 1183 чел. (0,96%)[47]. К 1914 г. население уезда возросло до 159 563 чел., казахи составляли 102 807 чел. (64,4%), уйгуры — 40 035 (25%), русские — 10 664 (6,68%), дунгане — 4096 (2,56%), татары — 1426 чел. (0,89%)[48].

Таким образом, к началу XX в. происходит некоторое изменение соотношения основных этносов и увеличение населения области. К 1914 г. оно составляло 815 748 чел., казахов было 550 976 чел. (67,5%), русских и украинцев — 180 988 (22,1%), уйгуров — 78 212 (9,58%), татар — 10 413 (1,27%), дунган — 7148 чел. (0,87%)[49].

Сырдарьинская область

В Сырдарьинскую область, расположенную по среднему и нижнему течению р. Сырдарьи, входили Аулие-Атинский, Чимкентский, Перовский, Казалинский и Ташкентский уезды, а также Амударьинский отдел[50]. Согласно переписи 1897 г., в области проживало 835 432 чел., в том числе казахов — 741 811 (88,7%), русских — 11 234 (1,34%), узбеков — 29 234 (3,49%), украинцев — 9749 (1,16%), татар — 2452 (0,29%), таджиков — 734, каракалпаков — 51 чел. Городское население составляли 46 812 чел. (5,6%), из них казахов было 8066 чел., узбеков — 17 433, русских и украинцев — 5863, татар — 1960, таджиков — 661 чел.[51]

Самым значительным по площади и населению являлся Чимкентский уезд, в котором проживало на конец XIX в. 285 059 чел., в том числе казахов — 224 704 (78,8%), узбеков — 20 709 (7,61%), украинцев —

---

[44] Обзор Семиреченской области за 1913 год, ведомость № 1. Подсчет наш. — *М. Н.*

[45] Первая всеобщая перепись..., вып. LXXXV, с. 2—3; вып. VII, с. 37.

[46] Обзор Семиреченской области за 1913 год, ведомость № 1. Подсчет наш. — *М. Н.*

[47] Первая всеобщая перепись..., вып. VII, с. 37; вып. LXXXV, с. 2—3. Подсчет наш. — *М. Н.*

[48] Обзор Семиреченской области за 1913 год, ведомость № 1. Подсчет наш. — *М. Н.*

[49] Там же. Подсчет наш. — *М. Н.*

[50] Материалы по Ташкентскому уезду и Амударьинскому отделу здесь не рассматриваются.

[51] Первая всеобщая перепись..., вып. VII, с. 9, 37; вып. LXXXVI, с. 1—3. Подсчет наш. — *М. Н.*

4198 (1,47%), русских — 2236 чел. (0,78%). Наиболее плотно заселенным был Аулие-Атинский уезд. Общая численность населения в уезде равнялась 276 169 чел.: казахи — 250 988 чел. (90,8%), узбеки — 8474 (3,06%), украинцы — 5339 (1,93%), русские — 5129 чел. (1,85%) и др.

По нижнему течению Сырдарьи располагался Казалинский уезд, в котором проживал 140 541 чел., в том числе казахов — 135 850 (96,6%), русских — 2821 чел. (2%)[52].

По данным всеобщей переписи 1897 г., в Перовском уезде было 133 663 жителя, казахи составляли абсолютное большинство населения — 130 269 чел. (97,4%). Незначительный процент народонаселения приходился на русских — 1048 чел. (0,78%), украинцев — 117 чел. (0,08%) и др.[53]

В начале XX в. число русских и украинских переселенцев значительно возрастает, с 1897 г. по 1912 г.— с 44 834 до 157 654 чел., что составило 7,6% от всего населения[54]. В 1910 г. в области проживало 1 911 464 чел., в том числе казахов — 1 178 808 чел. (61,6%), русских и украинцев — 119 939 (6,27%), каракалпаков — 101 728 (5,32%), узбеков — 36 671 (1,91%)[55]. Основная масса русских переселенцев осела в Аулие-Атинском и Чимкентском уездах.

Мангышлакский уезд

В территориально-административном отношении Мангышлакский уезд являлся одним из уездов Закаспийской области. Согласно данным всеобщей переписи населения 1897 г., в уезде проживало 68 555 чел., в том числе казахов — 63 795 (93,05%), туркмен — 2767 (4,03%), русских — 1795 чел. (2,61%). Население форта Александровского составляло 895 чел. (1,3%), в их числе казахи — 327 чел., русские и украинцы — 204, туркмены — 186, армяне — 63, поляки — 37 чел.[56] Отметим, что русское население в основном проживало в слободе при форте Александровском, в поселке Николаевском и селениях Долгое и Заворот. Этническая карта уезда практически не претерпела в последующие годы существенных изменений. К 1911 г. в уезде насчитывалось 77 409 чел. жителей, в том числе казахов — 70 059 (90,5%), туркмен — 5211 (6,73%), русских — 1932 чел. (2,49%)[57].

---

[52] Первая всеобщая перепись..., вып. VII, с. 9. 37; вып. LXXXVI, с. 1—3. Подсчет наш. — *М. Н.*

[53] Там же. Подсчет наш. — *М. Н.*

[54] Обзор Сырдарьинской области за 1912 год. Ташкент, 1914, с. 2.

[55] Обзор Сырдарьинской области за 1910 год. Ташкент, 1912, с. 17. К сожалению, в обзорах отсутствуют данные по уездам, что не позволило вычленить Ташкентский уезд и Амударьинский отдел.

[56] Первая всеобщая перепись..., вып. LXXXII. Закаспийская область. Спб., 1904, с. 1—3. Подсчет наш. — *М. Н.*

[57] Обзор Закаспийской области за 1911 год. Ашхабад, 1913, приложение № 1.

Внутренняя орда

Внутренняя (Букеевская) орда по территориально-административному делению относилась к Астраханской губернии. Согласно всеобщей переписи 1897 г., во Внутренней орде проживало 214 796 чел., в том числе казахов — 207 299 (96,5%), татар — 5696 (2,65%), русских — 1647 чел. (0,76%) [58]. Этническая карта Внутренней орды, как и Мангышлакского уезда, к началу XX в. не претерпела существенных изменений.

* * *

Таким образом, уже к концу XIX в. Казахстан превратился в многонациональную окраину Российской империи, где, по данным всеобщей переписи 1897 г., проживало 4 147 748 чел., в том числе казахов — 3 392 751 (81,7%), русских — 454 402 (10,95%), украинцев — 79 573 (1,91%), татар — 55 984 (1,34%), уйгур — 55 815 (1,34%), узбеков — 29 564 (0,7%), мордовцев — 11 911 (0,28%) дунган — 4888 чел. (0,1%), туркмен — 2883 чел. (0,06%), немцев — 2613 (0,06%), башкир — 2528 (0,06%), евреев — 1651 (0,03%), поляков — 1254 (0,02%), калмыков — 997 (0,02%), таджиков — 987 чел. (0,02%) [59].

В начале XX в. в Казахстане происходит качественная трансформация этнических процессов, обусловленная интенсификацией переселенческого движения. Вследствие этого изменилось соотношение численности разных этносов, населявших территорию Казахстана. В частности, значительно увеличился удельный вес русско-украинского населения. К 1911 г. русских и украинцев было 1 543 138 чел., что составляло уже 28,5% от всего населения, которое определялось цифрой 5 408 513 чел. Несмотря на уменьшение удельного веса казахского населения, казахи в целом преобладали в составе населения. К 1911 г. их насчитывалось 3 639 748 чел. (67,2%) [60].

Несмотря на реакционную сущность аграрной политики самодержавия, переселенческое движение объективно привело к развитию хозяйственных, социальных и культурных контактов между казахскими трудящимися и русскими крестьянами-переселенцами. Основную массу крестьян-переселенцев составляли бедняки и середняки.

---

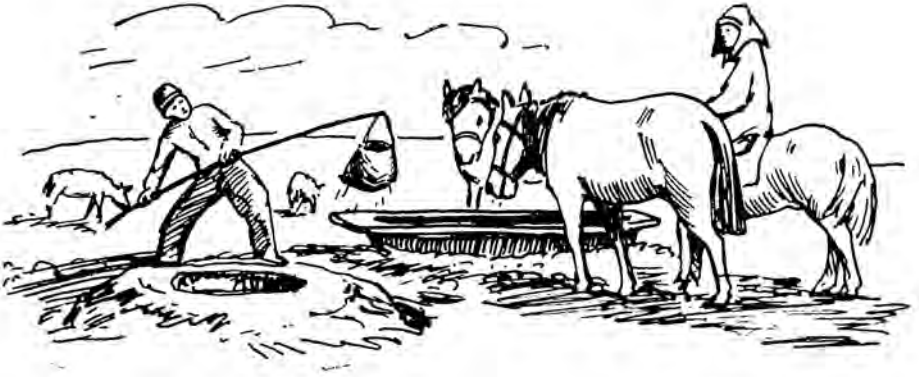
[58] Первая всеобщая перепись..., вып. VII, с. 10; вып. II. Астраханская губерния, тетрадь 2. Спб., 1904, с. 42—43. Подсчет процентов наш. — *М. Н.*

[59] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г., вып. VII. Наличное население обоего пола по уездам с указанием числа лиц преобладающих родных языков. Спб., 1905, с. 10, 36—37; вып. LXXXVIII, Уральская область. Спб., 1904, с. 1—3, 48—49; вып. LXXXVII, Тургайская область. Спб., 1904, с. 1—3, 38—39; вып. LXXXI, Акмолинская область. Спб., 1904, с. 1—3, 50—51; вып. LXXXIV, Семипалатинская область. Спб., 1905, с. 1—3, 54—55; вып. LXXXV, Семиреченская область. Спб., 1905, с. 1—3, 52—53; вып. LXXXVI, Сырдарьинская область. Спб., 1905, с. 1—3, 56—57; вып. LXXXII, Закаспийская область. Спб., 1904, с. 1—3, 54—55; вып. II, Астраханская губерния. Спб., 1904, тетрадь 2, с. IV, 42—43.

[60] Общая цифра населения дана по: *Турчанинов Н. В.* Население азиатской России. Статистический очерк. — Азиатская Россия, т. I. Спб., 1914, с. 82, 91, 92. Данные о численности казахского и русского населения приблизительны и вычислены авторами.

Распространение российского капитализма вширь и вглубь, процесс превращения Казахстана в многонациональный регион, этнокультурные контакты трудящихся масс Казахстана и русского населения реально сказывались в распространении земледелия, изменении форм ведения скотоводческого хозяйства у казахов, появлении новых орудий труда, развитии оседлости и торговых связей с Россией, ломке национальных перегородок, рождении новых социальных и бытовых институтов, складывании условий для совместной борьбы народов против социального и колониального гнета.

ЖИВОТНОВОДСТВО



1. СКОТОВОДСТВО

(историко-археологический очерк)

Территория Казахстана является одной из древнейших областей развития скотоводства. Первые достоверные сведения о скотоводстве относятся к эпохе неолита, когда в обширной степной полосе Евразии шел процесс формирования производящего хозяйства, сменявшего собирательство и охоту. Накопленный наукой материал свидетельствует о том, что первичная доместикация таких видов животных, как козы, овцы, произошла в субтропиках Ближнего Востока [1]. Здесь на открытых пространствах со слабо пересеченным рельефом и травянистой растительностью сложились благоприятные природно-климатические условия для обитания диких предков мелкого рогатого скота: муфлона, уриала [2].

В последние годы специалисты уточнили исходный вид домашней овцы. Им оказался муфлон, стойкая зона распространения которого, сохранившаяся до начала доместикации, охватывала районы Средиземноморья (Корсика, Сардиния, Сицилия, Кипр, Западный Иран) [3]. Сведения зоологов подтверждены археологическими данными из оседлых поселений Загроса (Джармо, Тепе-Гуран), датируемых VIII—VII тыс. до н. э. [4]

Менее ясен вопрос о месте одомашнивания крупного рогатого скота, поскольку его исходные виды существовали почти во всех районах Старого Света. Самые ранние костные остатки их найдены в поселении VII тыс. до н. э. Чатал-Гуюк в Южной Анатолии, а в VI—V тыс. до н. э. у населения аллювиальных долин Месопотамии широко распространяется оседлое мясо-молочное скотоводство [5].

Интересные данные получены в последнее время о домашней лоша-

---

[1] См.: *Боголюбский С. Н.* Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959, с. 168.

[2] *Цалкин В. И.* Горные бараны Европы и Азии. М., 1951, с. 283.

[3] *Воронцов Н. Н.* и др. Хромосомы диких баранов и происхождение домашних овец. — Природа, 1972, № 3, с. 77.

[4] *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976, с. 36—37.

[5] *Mellaart J.* Anatolian neolithic settlement Patterns. Man, settlement and Urbanism. London, 1972, p. 282—283; *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ, с. 37—38.

ди. Раскопки поселений среднестоговской культуры, племена которой с середины IV тыс. до н. э. заселяли лесостепные и степные районы Украины, показали, что в домашнем стаде преобладали лошади [6]. Зоологи полагают, что степная зона Юго-Восточной Европы и Заволжья являлась одним из основных районов доместикации лошади [7].

На территории Казахстана пока не обнаружено палеоостеологических материалов, синхронных среднестоговской культуре, однако довольно ранние находки костей домашней лошади в погребениях племен ямной культуры Поволжья [8] не исключают возможности отнесения западных районов Казахстана к зоне первичной доместикации лошади.

Судя по археологическим источникам, самые ранние костные находки домашних животных относятся к энеолитическим стоянкам и поселениям второй половины III тыс. до н. э.: Караганда XV, Зеленая Балка IV, Терсек-Карагай, Саксаульская I, Агиспе, Усть-Нарым [9]. В них найдены практически все виды домашнего скота: овцы, козы, крупный рогатый скот, лошади. Вместе с тем здесь велик и процент костей диких животных, что говорит о весьма значительной роли охоты в хозяйстве племен той поры. Причем большинство специалистов обращает внимание на близость домашнего скота к исходным диким видам (в ряде случаев вопрос о доместикации вообще остается открытым). Очевидно, именно в эпоху энеолита на территории Казахстана началось одомашнивание животных.

На новом историческом этапе, в раннеандроновском обществе первой половины II тыс. до н. э., сложилось комплексное хозяйство оседлых племен, включавшее придомное скотоводство, мотыжное земледелие, охоту и рыболовство.

Процесс одомашнивания крупного и мелкого рогатого скота нельзя рассматривать изолированно, в отрыве от земледелия [10]. Скотоводство и земледелие в таких поселениях, как Канай и ранний слой Усть-Нарыма, не являлись отраслями первобытной экономики, противостоящими друг

---

[6] *Гибикова В. И.* К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы. — Бюллетень МОИП, т. 77, вып. 3. М., 1967.

[7] *Цалкин В. И.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970, с. 203.

[8] См.: *Мерперт Н. Я.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт. ист. наук. М., 1968; *Шилов В. П.* Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы. — Археологические сообщения Государственного Эрмитажа, 1964, № 6.

[9] *Формозов А. А.* Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры (далее КСИИМК), 31.1950, с. 142—144; *он же.* К вопросу о происхождении андроновской культуры. — КСИИМК, 39.1959, с. 11; *Клапчук М. Н.* Неолитические стоянки Караганда XV и Зеленая Балка IV. — Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, 1969, № 36, с. 111; *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы. Автореф. дис. на соиск. учен. степени доктора ист. наук. М., 1970, с. 6.

[10] *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. Л., 1974, с. 290.

другу[11]. Обе эти формы представляли одну недифференцированную основу производящего хозяйства.

Археологически установлено, что с середины II тыс. до н. э. в погребальных памятниках и несколько позже в поселениях степной полосы территории Казахстана резко увеличивается объем костных остатков домашнего скота. Постепенно растет удельный вес овец и лошадей — животных, приспособленных к самодобыванию корма зимой и дальним перекочевкам. В результате падения в хозяйстве роли охоты сущест-

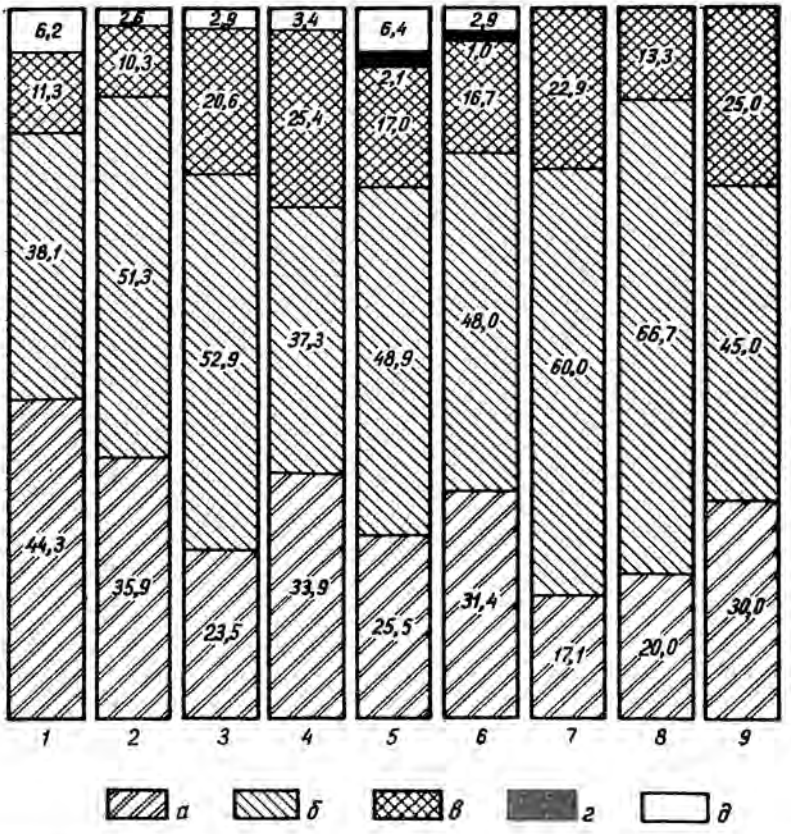


Рис. 1. Соотношение между видами домашних животных Казахстана на поселениях эпохи бронзы (%): *1* — Канай, *2* — Усть-Нарым, *3* — Мало-Красноярка, *4* — Трушниково, *5* — Алексеевка, *6* — Атасу, *7* — Шортанды-Булак, *8* — Бугулы, *9* — Каркаралинское; *а* — крупный рогатый скот, *б* — мелкий рогатый скот, *в* — лошади, *г* — верблюды, *д* — прочие

[11] *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.—Л., 1960, с. 88—89, 167.

венно уменьшается процент костных остатков диких животных [12]. К концу же II тыс. до н. э. в большинстве поселений Казахстана костные остатки мелкого рогатого скота доминируют. Возрастает и роль коневодства в хозяйстве. В таких поселениях, как Бугулы, Шортанды-Булак, число овец превышает число особей крупного рогатого скота более чем в три раза (рис. 1), в Мало-Красноярке — в два с лишним раза[13]. То же отмечено по поселениям Атасу, Каркаралы, Алексеевка и Усть-Нарым.

Процесс хозяйственной перестройки первобытной экономики не был однозначным, как не были одинаковы естественно-географические условия разных природных зон Казахстана, во многом определявшие характер хозяйственной специализации древних племен. Так, на поселениях Чаглинка и Саргары костей крупного рогатого скота оказалось значительно больше, чем костей других видов домашних животных, а на поселении Трушниково столько же, сколько костей овец [14]. Видимо, насельники крупных речных долин с богатым пойменным разнотравьем в отличие от степняков предпочитали более оседлые формы ведения скотоводческого хозяйства.

Ускорился процесс освоения открытых степей на территории Казахстана. Андроновские племена вступают в этнокультурные контакты с лесостепным населением Западной и Южной Сибири, с племенами Приуралья и Поволжья, с оседлыми земледельцами Средней Азии.

Быстрое развитие скотоводства привело к резкому перелому в хозяйственной жизни древнего общества: пастушеские племена выделяются из общей массы племен. Для большей части степных районов Казахстана, где тяжелые и слабооводненные почвы на том уровне развития производительных сил не позволяли заниматься земледелием, основным направлением первобытной экономики, способным обеспечить население средствами к существованию, был переход к кочевой и полукочевой формам скотоводческого хозяйства. Переход к кочевому и полукочевому скотоводству был ускорен постепенным изменением климата, приведшим к сильному усыханию степей к началу I тыс. до н. э. [15] Уже в начале I тыс. до н. э. в степях, полупустынях и горных районах Казахстана полукочевое и кочевое скотоводство стало основной, а затем и господствующей формой хозяйства.

Хозяйственное освоение обширных степных пространств во многом

---

[12] *Макарова Л. А.* Предварительное сообщение о животных эпохи бронзы поселения Чаглинка. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 276; *она же.* Кости животных из некоторых археологических раскопок в Казахстане. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 205; *Черников С. С.* Восточный Казахстан..., с. 167.

[13] *Макарова Л. А.* Кости животных..., с. 205; *Черников С. С.* Восточный Казахстан..., с. 167.

[14] *Макарова Л. А.* Предварительное сообщение о животных эпохи бронзы поселения Чаглинка, с. 275; *она же.* Характеристика костного материала из поселения Саргары. Алма-Ата, 1976, с. 212—213.

[15] *Гумилев Л. Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в древности (ландшафт и этнос). — Вестник Ленинградского университета. Серия геологии и географии, вып. 1, 1966, с. 67; *Марков Г. Е.* Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии. — Советская этнография, 1973, № 1, с. 111—112.

определялось развитием коневодства. Использование лошади в качестве верхового животного и распространение колесно-упряжного транспорта у племен урало-казахстанских степей относится к первой половине II тыс. до н. э.[16], но особенно широкий размах все это приобрело в начале I тыс. до н. э.

Переход к кочевому и полукочевому скотоводческому хозяйству был шагом вперед в развитии производительных сил общества; он означал первое крупное общественное разделение труда, содействовал росту из-

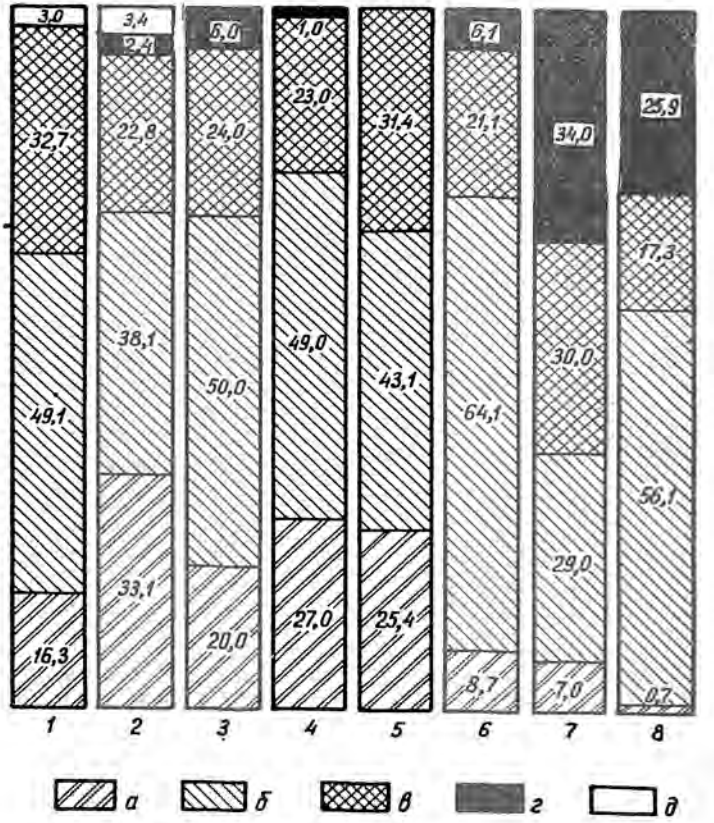


Рис. 2. Соотношение между видами домашних животных в средневековье и в хозяйстве казахов конца XIX в.: *1* — Актас II (Вост. Семиречье), I—VI вв.; *2* — Луговое — холм (Зап. Семиречье), I—V вв.; *3* — Отрар (Южн. Казахстан), XVI—XVII вв.; *4* — Куль-тобе (Южн. Казахстан), XVI—XVII вв.; *5* — Петропавловский уезд (Сев. Казахстан), XIX в.; *6* — Атбасарский уезд (Центр. Казахстан), XIX в.; *7* — Иргизский уезд (Приаралье), XIX в.; *8* — Адаевский уезд (Вост. Прикаспий), XIX в.

[16] *Генинг В. Ф.* Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен. — Советская археология, 1977, № 4, с. 55; *Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н.* Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата, 1977, с. 166—172.

быточного продукта в хозяйстве, а это в свою очередь обусловливало экономический и культурный обмен между скотоводами и земледельцами. В середине I тыс. до н. э. у населения разных зон обширной территории Казахстана сформировались различные типы скотоводческого хозяйства.

Несмотря на существенные расхождения в классификации типов скотоводческого хозяйства, абсолютное большинство исследователей справедливо отмечает относительную стабильность хозяйственных форм и традиций в разные исторические эпохи, причем не только для территории Казахстана [17]. Относительная стабильность хозяйственных форм «по вертикали» определялась однотипностью экологии, спецификой экстенсивного скотоводческого хозяйства, в котором первоначальное накопление прибавочного продукта не всегда развивалось по восходящей линии, а социальные процессы нередко имели обратимый характер[18]. Подтверждением устойчивости форм скотоводческого хозяйства может служить и сравнение видового состава стада у древних племен Казахстана и казахов конца XIX в. (рис. 2). Об этом же говорят реконструкции форм или типов хозяйства скотоводческих племен Евразии в разные исторические эпохи в книгах Л. Крадера, А. М. Хазанова и Г. Е. Маркова[19].

Одно из первых определений кочевого и полукочевого хозяйств казахов на материалах Переселенческого управления предложил А. Кауфман. Более развернутая характеристика типов скотоводческих хозяйств дана выдающимся знатоком этнографии казахов С. И. Руденко [20]. Выдвинутый этими исследователями критерий определения типов хозяйства — по характеру кочевания, обусловленному природно-климатическими факторами, — лег, по существу, в основу всех последующих работ, посвященных проблемам номадизма. С. И. Руденко сформулированы и основные черты кочевничества: скотоводство как основное занятие населения, круглогодичное содержание скота на подножном корму с уче-

---

[17] См.: *Зиманов С. З.* Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958, с. 25—31; *Хазанов А. М.* Сармато-калмыцкие параллели. — В кн.: Проблемы алтаистики и монголоведения. Сборник тезисов. Элиста, 1972; *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев. М., 1972, с. 22, 71; *Цалкин В. И.* Древнейшие домашние животные..., с. 154; *Гумилев Л. Н.* С. И. Руденко и современная этногеография аридной зоны Евразийского континента. — В кн.: Этнография народов СССР. Географическое общество СССР, отд. этнографии. Л., 1971, с. 9; *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура племен Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 198; *Акишев К. А.* К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 31—33.

[18] *Черников С. С.* К вопросу об особенностях исторического процесса кочевников. — В кн.: Проблемы археологии Средней Азии. Тезисы. Л., 1968, с. 70—72.

[19] См.: *Krader L.* Social Organization of the Mongol—Turkic pastoral nomads. The Hague, 1963; *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975; *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976.

[20] *Кауфман А.* К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907, с. 6; *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. — В кн.: Географическое общество СССР. Материалы по отделению этнографии, ч. I. Л., 1961, с. 3—5.

том разнородности пастбищ, подвижный образ жизни большинства населения, связанный с сезонными перекочевками [21]. А. М. Хазанов добавляет еще один признак (в свое время отмечавшийся С. З. Зимановым) — преобладание у кочевников натуральных форм хозяйства — и предлагает удачное, на наш взгляд, определение: кочевничество, или номадизм, — это «особый род производящего хозяйства, при котором преобладающим занятием является экстенсивное подвижное скотоводство, а бо́льшая часть населения вовлечена в периодические перекочевки»[22].

Археологический и этнографический материал позволяет выделить три основных типа скотоводческого хозяйства на территории Казахстана: кочевое, полукочевое и оседлое [23].

Кочевое скотоводство базировалось на передвижении населения вслед за скотом в сухих степях, пустынях и полупустынях Мангышлака, Западного и Центрального Казахстана. Оно, в свою очередь, представлено двумя вариантами: непрерывное кочевание и подвижное скотоводство с относительно стабильным характером зимних стоянок. Непрерывное кочевание у скотоводов Евразии широко отмечено в письменных источниках разных эпох начиная с античности (Геродот, Гиппократ, Страбон) и вплоть до позднего средневековья (П. Карпини, Ибн-Батута, Ибн-ал-Факих, Ш. Язди, Иовий, Дженкинсон). Однако сведения этих источников противоречивы, чрезмерно абстрактны и не дают правильного представления об удельном весе постоянного кочевания среди других форм ведения скотоводства. В действительности непрерывное кочевание во все эпохи было явлением исключительным, связанным главным образом с периодами стихийных бедствий, войн и переселений.

В древности, если судить по топографии курганных могильников, непрерывное кочевание имело место у племен Западного и Центрального Казахстана в первой половине I тыс. до н. э. В последующие периоды исторического развития здесь наблюдается тенденция к выбору кратковременных, но все же стабильных зимних стоянок. В конце XIX — начале XX в. такой способ кочевания отмечен только у части адаев Мангышлакского и Темирского уездов, баганалинцев Атбасарского уезда и у некоторых групп населения Казалинского, Иргизского, Тургайского, Капальского уездов [24].

Более распространенным в Центральном и Западном Казахстане был второй вариант кочевого скотоводства, с так называемым замкнутым циклом кочевания и устойчивым возвращением на зимние стоянки

---

[21] *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства..., с. 3—10.

[22] *Хазанов А. М.* Социальная история..., с. 6.

[23] *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVIII — начале XIX века. Алма-Ата, 1971, с. 466—482; История Казахской ССР, т. 1. Алма-Ата, 1977, с. 200.

[24] *Фиельструп Ф.* Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана. — В кн.: Казаки. Вып. 2. Л., 1927, с. 78—79; Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область, Атбасарский уезд, т. II. Воронеж, 1902, с. 6, 25—26; *Добросмыслов А. И.* Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, с. 339—340; Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования Семиреченской области, т. II, Капальский уезд. Спб., 1913, с. 195.

в отобранные для этой цели места. Именно у таких зимников с середины I тыс. до н. э. появились общинно-родовые могильники (Кара-оба, Тасмола, Сыпра-оба, Карабие). В хозяйствах с замкнутым циклом кочевания земледелия не знали, сенокошение было распространено в незначительных размерах. Стационарные жилища на зимних стоянках отсутствовали. Главными видами скота были овцы, лошади и верблюды Крупный рогатый скот разводился в крайне ограниченных размерах. Кочевание осуществлялось по определенным маршрутам в меридиональном, широтном или радиальном направлениях.

Меридиональные пути кочевок у скотоводов Евразии отмечены еще Страбоном: «Они следуют за своими стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами: зимою в болотах около Меотиды, а летом — и на равнинах». Средневековый путешественник В. Рубрук прямо указывал: «Зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются в более холодные». Позднее, уже в XVIII в., И. Г. Георги рассказывал: «Поелику они (казахи. — *М. К.*) в рассуждении перекочевок сообразуются своим стадам, то летом пребывают наибольше в лежащих ближе к северу, а зимою в склонившихся больше на юг степях»[25]. О радиальном и широтном путях перекочевок сообщается в сочинениях Рузбихана и П. И. Рычкова [26].

Характерной чертой полукочевого типа скотоводческого хозяйства было наличие постоянных зимних жилищ. Наибольшее распространение такой вид хозяйственной деятельности получил с сако-усуньского времени в зоне чередования степной, лесной или высокогорной растительности. К ней относятся районы Семиречья и Восточного Казахстана с горными системами Тянь-Шаня и Западного Алтая. Сезонные пастбища здесь находились на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга, радиус перекочевок был невелик. Распространение получил так называемый вертикальный способ кочевания; с зимовок в долинах рек через весенние пастбища в предгорьях на летовки в высокогорные альпийские луга [27]. С усуньского времени, видимо, существовало и другое направление перекочевок — с зимовок в горах на летовки в долины рек и обратно на зимовки в горные районы (поселение Актас)[28]. На такой вариант кочевок в других районах Казахстана указывал Ч. Ч. Валиханов [29].

Многие полукочевые хозяйства на призимовочной территории выращивали просо, ячмень, пшеницу, а овцеводство и коневодство дополняли разведением крупного рогатого скота.

---

[25] *Страбон.* География. VII, 3, 17; Прошлое Казахстана в источниках и материалах, сб. I. Алма-Ата—Москва, 1935, с. 52—153.

[26] *Рузбихан.* Михман-наме-йи-Бухара. М., 1976, с. 94; *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, с. 96—98.

[27] См.: *Руденко С. И.* Очерк быта северо-восточных казахов. — В кн.: Казаки. Л., 1930, с. 3; *Ахмедова К. Б.* География развития животноводства Алма-Атинской области. Алма-Ата, 1962, с. 92; *Акишев К. А.* К проблеме происхождения номадизма..., с. 46.

[28] *Акишев К. А.* Зимовки — поселения и жилища древних усуней. — Известия АН КазССР. Серия общественная, 1969, № 2.

[29] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. 1. Алма-Ата, 1961, с. 533—534.

Стабильность полукочевой системы скотоводства у племен Семиречья и Верхнего Прииртышья при всех ее особенностях подтверждается археологическими материалами. Находки больших бревенчатых срубов в Бесшатырском могильнике на р. Или и в Чиликтинских курганах говорят о длительной традиции возведения жилых помещений у сакских племен. Поселения-зимовки известны у усуней Западного и Восточного Семиречья, у родственных им племен Таласской, Чуйской долин и северных склонов Каратау [30].

В средневековье в районах зимовок полукочевников возникли городища и поселения с орошаемыми посевами. О их существовании в Прииртышье и Семиречье упоминают аноним «Худуд ал-алам» и В. Рубрук [31], однако скотоводство здесь оставалось ведущей формой хозяйства.

Оседлое скотоводство более всего было распространено в районах Южного Казахстана, на берегах рек Сырдарьи, Чу, Таласа, Арыси, южных склонах хребта Каратау — в местах, богатых естественными водоемами и обширными сенокосными угодьями. Природные условия и близость к древнеземледельческим центрам Согда и Ферганы обусловили преобладание в хозяйстве ирригационного и отчасти богарного земледелия [32].

Укрепленные городища Чирик-Рабат, Бабиш-Мулла, Баланды со следами развитой ирригации известны уже с сакского времени.

Особенно интенсивно процесс формирования хозяйства третьего типа — оседлого скотоводства — протекал в начале I тыс. н. э. в период, когда в южных районах Казахстана происходит массовое оседание (седентаризация) крупных скотоводческих общин. В последующее время здесь, как известно, возникли десятки крупных поселений и городов.

При оседлом скотоводстве весенне-летние и осенние пастбищные выпасы стад, среди которых крупный рогатый скот имел немалый удельный вес, велись специализировавшимися на этом семьями в рамках скотоводческо-земледельческой общины. В таких случаях постоянные жилища воздвигались в двух местах: на летовках и зимовках [33].

Рассмотренные три типа хозяйства — лишь общая схема классификации скотоводческой экономики Казахстана, и, как любая схема, она в значительной мере условна. Во всяком случае зоны хозяйственной специализации не были замкнутыми и обособленными, в действительности картина скотоводческого хозяйства Казахстана отличалась значительно большей пестротой.

Ныне ясно, что полукочевое скотоводство существовало не только

---

[30] Труды Семиреченской археологической экспедиции (1936—1939 гг.). Таласская долина. Рукопись. Алма-Ата, 1949; *Сенигова Т. Н.* Поселение Актобе. — Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 14. Алма-Ата, 1962; *Акишев К. А.* Зимовки-поселения...

[31] Прошлое Казахстана..., с. 29, 50.

[32] *Акишев К. А.* К проблеме происхождения номадизма..., с. 46; *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

[33] Практика «двойных поселков» известна у алтайцев, хакасов, тувинцев, а также у юрюков Анатолии (*Еремеев Д. Е.* Юрюки. М., 1969, с. 49; *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография, с. 73).

в Семиречье и Восточном Казахстане, но и в западных и северных районах Казахстана, по крайней мере с середины I тыс. до н. э. Это подтверждается результатами раскопок в верховьях р. Илек и в Приишимье. Так, савроматские племена Илекского левобережья возводили на местах постоянных зимовок крупные могильники и сложные культовые сооружения в виде деревянных срубов и шатров (Бесоба и Сынтас). Группа долговременных поселений VIII — II вв. до н. э. (Борки I, II, Карлуга, Кеноткель X) в Приишимье указывает на полуоседлый характер скотоводства части населения Северного Казахстана. Факт существования полукочевого скотоводства вплоть до средневековья отмечен и в Центральном Казахстане [34].

Полукочевое скотоводство у отдельных племен отмечено также в Южном Казахстане, где было распространено поливное земледелие. Полукочевыми сакскими племенами, например, оставлены большие курганные могильники Уйгарак и поздний Тагискен [35]. Даже у таких племен, как адаи, хозяйство которых считается эталоном кочевого скотоводства, часть населения, жившая по течению р. Эмбы, вела оседлый образ жизни и разводила крупный рогатый скот [36].

Таким образом, издревле на территории Казахстана существовали разные типы скотоводческого хозяйства.

В свете изложенного нельзя согласиться с мнением С. Е. Толыбекова о более позднем возникновении у казахов полукочевого и оседлого типов хозяйства в сравнении с кочевой его формой [37].

С. Жолдасбаев в своей работе, справедливо подвергнув критике гипотезу о поздней седентаризации кочевников, по существу солидаризуется с ней, когда определяет время перехода населения Южного Казахстана на оседлый образ жизни XV—XVI веками [38].

Археологические и этнографические данные убеждают в том, что становление кочевого, полукочевого и оседлого типов скотоводства в разных природно-климатических зонах территории Казахстана относится по крайней мере к середине I тыс. до н. э. и что развитие этих трех типов хозяйства происходило одновременно, хотя и различными темпами.

Весьма существенную роль в изменении структуры хозяйства и границ хозяйственно-культурных типов играли этнополитические события.

---

[34] См.: *Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К.* Захоронение воинов савроматского времени на левобережье р. Илек. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 138—141; *Зданович Г. Б.* Отчет об археологических исследованиях на территории Северо-Казахстанской области в 1968 г. Рукописный фонд отдела археологии ИИАЭ АН КазССР; *Зданович Г. Б.* и др. Исследования в Северном Казахстане. Археологические открытия 1973 г. М., 1974, с. 470; *Маргулан А. Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950, с. 92—106.

[35] *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973, с. 130.

[36] *Фиельструп Ф.* Скотоводство и кочевание..., с. 82.

[37] *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество..., с. 474, 490.

[38] *Жолдасбаев С.* Материальная культура казахов XV—XVIII вв. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Алма-Ата, 1975, с. 28.

В Южном Казахстане и Западном Семиречье полукочевой тип скотоводства, бытовавший у значительной части населения в сако-усуньское время, в средневековье уступает ведущее место земледелию, а скотоводство становится одной из отраслей хозяйства. Такие изменения проистекали, на наш взгляд, как из естественного процесса развития производительных сил, так и из постоянных контактов с земледельцами Средней Азии. В округах таких городов средневековья, как Тараз, Отрар, полукочевое скотоводство не являлось доминирующей отраслью хозяйства. Но после монгольского нашествия, подорвавшего экономику оседлоземледельческих оазисов, происходил обратный процесс — резко возросла роль полукочевого скотоводства [39]. Показателен в этом отношении видовой состав костных остатков из послемонгольских слоев на городище Отрар (рис. 2) — костных остатков овец и баранов оказалось в 2,5 раза больше, чем крупного рогатого скота [40]. К тому же несомненно большее число лошадей в сравнении с численностью крупного рогатого скота ясно говорит о качественной перестройке экономики Отрарской округи в послемонгольское время, в период феодальных усобиц и запустения городов на берегах Сырдарьи.

Резкое ухудшение внешнеполитического положения казахских ханств в XVII—XVIII вв. в результате непрерывных войн с Джунгарией на востоке и с Волжской Калмыкией на западе сильно отразилось на хозяйстве казахов. Захват джунгарскими и калмыцкими феодалами ценных зимовок и пастбищных угодий привел к массовому переселению казахов в новые места, к ломке традиционных путей кочевок, сокращению площади пастбищ.

В письменных и археологических источниках содержится большой материал, характеризующий приемы и способы ведения скотоводческого хозяйства, видовую структуру поголовья скота и древние традиции породообразования.

Как известно, общим свойством большинства вариантов скотоводства на территории Казахстана был пастбищно-экстенсивный характер хозяйства, нашедший свое выражение в круглогодичном или почти круглогодичном содержании большей части скота на подножном корму. Это свойство сохранялось на протяжении многих веков у кочевников Центрального и Западного Казахстана, у полукочевников Семиречья и Южного Казахстана.

Наиболее трудным периодом хозяйственного года для скотоводов была зима. В трудах ученых и путешественников XVIII—XIX вв. сохранились сведения о системе, приемах выпаса и сохранения скота у казахов в зимних условиях [41]. Лошадям, как наиболее приспособленным к те-

---

[39] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI века. Алма-Ата, 1977, с. 37, 151.

[40] *Макарова Л. А.* Кости животных..., с. 474, 490.

[41] *Броневский Г. М.* Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды. — Отечественные записки, 1830, № 122, с. 360; *Левшин А. И.* Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. III. Спб., 1832, с. 196—198; *Добросмыслов А. И.* Скотоводство в Тургайской области, с. 315—316 и др.

беневке животным, добывавшим себе корм из-под снега, отводили дальние пастбища, где они и паслись под присмотром табунщиков. Овец, крупный рогатый скот и верблюдов выпасали обычно в окрестностях зимовки. При этом для овец выбирались участки с тонким снежным покровом, на солонцовых почвах или оголенные ветром склоны холмов, а для крупного рогатого скота и верблюдов — луга с высокой травой и камышовые заросли, не занесенные снегом. На ночь скот сгоняли к зимовке. Овец размещали плотной массой в примитивных загонах. В качестве живой ограды иногда использовали верблюдов, которых укладывали попарно вокруг сбившихся овец. В суровые зимы с глубоким снегом вначале на пастбище выпускали табуны лошадей, они разгребали копытами снег и съедали верхушки трав. Вслед за ними шел крупный рогатый скот и верблюды, поедавшие среднюю часть растений, и, наконец, отары овец, которые кормились оставшейся у корней травой. В особенно трудные моменты, при гололеде, применялся *күрек-ашу* (курек-ашу) — способ очистки пастбищ при помощи лопат и других подсобных инструментов. Нередко в таких случаях для разрушения наста на пастбища выгонялись табуны лошадей, дробивших копытами лед, использовались массивные бревна, привязанные арканами к лошадям. Естественно, что скотоводы обращали особое внимание на выведение пород, приспособленных к большим перегонам и тебеневке.

Как уже говорилось, в скотоводческом хозяйстве начиная с эпохи поздней бронзы преобладающим видом стал мелкий рогатый скот. Он давал мясо, молоко, кожу, шерсть. Отсюда и рождение культа барана. Уже в погребениях андроновской культуры встречаются тазовые кости — *жамбас*, крестцы — *құйымшақ* (куйымшак), шейные позвонки — *мойын омыртқа* (моин омыртка), астрагалы — *асық* (асык), предплечья — *каржилик* и лопатки — *жаурын* овец. Такая традиция сохранилась вплоть до позднего средневековья и, как отмечено исследователями, смыкается с шаманским ритуалом и поверьями казахов недавнего прошлого, например, с таким обрядом, как *«калжа»* — праздник матери и ребенка [42].

Изучение костей овец сакского времени, проведенное В. Ф. Матвиенко, показало, что уже в то время это были весьма крупные животные, близкие к современным казахской курдючной и цигайской породам. Об этом говорят и материалы из могильника Тасмола в Центральном Казахстане (VII — V вв. до н. э.)[43]. Вместе с тем сравнение костных остатков тасмолинских особей и современных курдючных овец обнаружило элементы сходства первых с дикими формами, в частности, с архаром. В последующее время рудименты предковой линии постепенно вытеснялись.

В эпоху раннего железа, согласно археологическим данным, разво-

---

[42] *Маргулан А. Х.* Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 года. — Известия АН КазССР. Серия археологическая, вып. 2. 1950, с. 16.

[43] *Кадырбаев М. К.* Памятники тасмолинской культуры. — В кн.: Древняя культура Казахстана, с. 414—415.

дили не только грубошерстных овец (они преобладали), но и тонкорунных овец и коз. Об этом говорят найденные в курганных захоронениях Алтая и Семиречья тонкие сорта войлока и шерстяных тканей. Ценные сведения о мелком рогатом скоте у казахов, в особенности об овцах, имеются в трудах П. С. Палласа, И. Г. Георги, И. П. Фалька. Они рассказывают о разведении казахами крупных курдючных овец, которые «обыкновенно носят по два ягненка», и другой, более мелкой породы, о технологии изготовления мерлушки. Мелкий рогатый скот пользовался широким спросом на российском рынке: только через г. Оренбург в 1769 г. было сдано в обмен 140 000 овец [44].

Выдающееся место в скотоводческом хозяйстве издревле занимала лошадь. Примерно с середины II тыс. до н. э. ее используют в качестве верхового, вьючного животного и тягловой силы. На многочисленных наскальных изображениях древности (Койбагар, Арпаузен, Берикбай, Хантау) запечатлены лошади, запряженные в колесницы и грузовые повозки. Не случайно породообразованию лошадей у скотоводов всегда уделялось большое внимание — уже эпоха андроновской культуры дает об этом конкретные сведения. Исследование Ю. Н. Барминцевым конских скелетов из могильника Лосевка в Кокчетавской области показало, что лошади эпохи бронзы как по типу телосложения, так и по росту в холке были разнообразны. Крупные особи известны из ряда казахстанских памятников эпохи бронзы, например поселения Чаглинка. Разнообразие видов (крупных и мелких), по мнению специалистов, указывает на высокую степень одомашнивания лошадей в ту эпоху [45]. Таким образом, еще до перехода андроновских племен к кочевому скотоводству существовали навыки породообразования. Вместе с тем у лошадей андроновского времени отмечена близость к диким формам.

В период раннего железа, эпоху все большей подвижности населения, освоения отдаленных пастбищ, лошадь становится предметом особых забот и основным мерилом богатства скотовода. Ритуал погребения воина вместе со строевым конем, зафиксированный в десятках древних захоронений того времени, обряды и поверья ясно говорят о ведущей роли этого животного в хозяйстве и о распространении культа коня в верованиях и мифологии ранних кочевников [46].

В сакское время на территории Казахстана самой распространенной была порода табунных лошадей с массивной головой, относительно короткими ногами, длинным и широким туловищем, с пышным южным покровом, обладавшая высокой способностью к нажировке и зимней пастьбе. Эта порода близка к современной казахской лошади типа *жабы* (джабе). Типичные представители табунных лошадей — это лошади из Васильевского жертвенника Акмолинской области [47]. В погре-

---

[44] Прошлое Казахстана..., с. 157—159.

[45] *Барминцев Ю. Н.* Эволюция конских пород в Казахстане. Алма-Ата, 1958, с. 18—20; *Макарова Л. А.* Предварительное сообщение..., с. 271—272.

[46] *Кузьмина Е. Е.* Распространение коневодства, с. 42—46.

[47] *Барминцев Ю. Н.* Эволюция конских пород..., с. 21, 84.

бениях сакских воинов и знати встречается и другой, верховой, высокорослый тип лошади [48].

Помимо названных двух основных типов обнаружены экземпляры лошадей, занимающих промежуточное положение. К ним относятся скелеты коней из Мало-Красноярки (Восточный Казахстан) и могильника Тасмола (Павлодарская область). Тасмолинские лошади ростом в холке 142—144 см соединяли в себе два ценных качества: были приспособлены к пастбищному содержанию и в то же время использовались как верховые. Это был один из лучших центральноазиатских видов искусственно выведенных лошадей, уступавший лишь некоторым, наиболее крупным коням, остатки которых обнаружены в княжеских могилах Горного Алтая [49].

Опыт породообразования, накопленный в эпоху бронзы и сакское время, не исчез. Среди костных материалов гунно-сарматского и последующего тюркского времени встречаются те же породы лошадей. Улучшенный верховой тип лошади с высотой в холке около 144 см известен из тюркского могильника Егиз-Койтас (Центральный Казахстан), оригинальный тип низкорослой лошади обнаружен в погребении IV—V вв. н. э. могильника Канаттас [50].

Вопрос об истоках дифференциации пород все еще не ясен. Существуют две точки зрения. Одни исследователи (С. В. Афанасьев, В. И. Цалкин) полагают, что верховые лошади улучшенного степного типа являются продуктом скрещивания местных табунных лошадок с крупными лошадьми, ввезенными из Средней Азии [51]. В. О. Витт же на основе пазырыкских материалов предполагает, что исходным видом в породообразовании были лошади степного типа, среди которых в силу различных условий существования и в связи с присущей виду изменчивостью выделялись низкорослые и высокорослые типы. Появление высокорослых верховых лошадей, очевидно, объясняется лучшими условиями содержания, отбором самых крупных экземпляров из молодняка и кастрацией жеребцов в молодом возрасте, что увеличивало длину конечностей на 4—6 см. Это отмечено Страбоном [52].

В науке нет данных, позволяющих рассматривать индивидуальную изменчивость лошадей эпохи бронзы как результат скрещивания местных степных пород со среднеазиатскими. Такому объяснению противоречит также сравнительно оседлая жизнь андроновских племен, относительно замкнутый характер натурального хозяйства и слабость контактов с другими племенами. Иное дело эпоха раннего железа — время

---

[48] *Витт В. О.* Лошади Пазырыкских курганов. — Советская археология, 1952, № 16, с. 172—173.

[49] *Кадырбаев М. К.* Памятники тасмолинской культуры, с. 412.

[50] *Барминцев Ю. Н.* Эволюция конских пород..., с. 24—25.

[51] См.: *Афанасьев С. В.* К вопросу о происхождении типов лошадей.—Записки Детскосельской зоотехнической лаборатории, вып. 15, 1936; *Цалкин В. И.* Домашние и дикие животные..., с. 48.

[52] *Витт В. О.* Лошади Пазырыкских курганов, с. 177—178; *Страбон.* География. VII, фр. 4, 8.

широкого освоения пастбищных территорий, военных походов, расширения этнокультурных и хозяйственных связей. По-видимому, именно с этого времени можно говорить о возникновении новых приемов выведения верховых лошадей путем скрещивания местных пород с породистыми скаковыми конями Бактрии и Давани. Но так или иначе, в древности существовала традиция искусственного породообразования, истоки которой уходят в эпоху бронзы. Эта традиция сохранялась и совершенствовалась, вероятно, вплоть до монгольского нашествия — времени общего упадка хозяйства. Как показывают источники, она не исчезла и позднее. Ибн-Батута, посетивший Дашт-и-Кипчак в первой половине XIV в., отметил достоинства кипчакских лошадей, пользовавшихся большим спросом на рынках. Он подчеркивал, что в Индии «покупают дашт-и-кипчакских лошадей не для скачек, а для военных целей как крепких и шагистых, на войне на них надевают брони» [53].

Опыт выведения крупных лошадей, искусственного отбора табунных лошадей, скрещивания их с породами среднеазиатских групп фиксируется и в последующие века. Герберштейн, пользовавшийся не дошедшим до нас «Русским дорожником» начала XVI в., писал: «Лошадей они употребляют только холощеных, потому что таковые, по их мнению, более выносливы...» [54]. О редкой породе, вероятно, скаковых лошадей, составлявших гордость табунов Касым-хана, сообщает Мухамед-Хайдар [55]. Однако, как и в древности, во времена казахских ханств определяющим типом в табунах были лошади местных пород.

Пастбищное содержание и сезонные перекочевки укрепляли мускулатуру у казахской лошади, развивали подвижность и большую выносливость. Именно эти качества, отличающие ее, по словам Палласа, Фалька и Георги, от русских, башкирских и калмыцких пород, обеспечили спрос на казахскую лошадь на рынках Российского государства и Средней Азии [56].

Несмотря на сравнительно немногочисленные находки костей крупного рогатого скота в археологических памятниках, можно с уверенностью говорить о немалой роли этого вида животных в скотоводческом хозяйстве на территории древнего Казахстана. У племен эпохи бронзы это был один из основных видов скота. Материалы Алексеевского поселения в Кустанайской области говорят о существовании различных пород крупного рогатого скота еще в конце II тыс. до н. э. — там найдены кости малорослой и крупной пород, а также пород средней величины [57].

Распространено мнение, что начиная с эпохи раннего железа крупный рогатый скот не играл заметной роли в хозяйстве кочевников и практически не разводился. Мотивируется оно крайне ограниченными кормозаготовками на зиму, невозможностью содержания таких живот-

---

[53] Прошлое Казахстана..., с. 72.
[54] Там же, с. 123—124.
[55] Материалы по истории казахских ханств. Алма-Ата, 1969, с. 226.
[56] Прошлое Казахстана..., с. 156.
[57] *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник. — Труды ГИМ. М., 1947, с. 102.

ных на подножном корму круглый год. И. П. Фальк и И. Г. Георги утверждали, что крупным рогатым скотом казахи XVIII в. обзавелись недавно, похитив его у калмыков и башкир. То же отмечали А. И. Левшин и некоторые современные исследователи [58].

Однако подобное обобщение опровергается данными письменных источников и археологическим материалом. О разведении кимаками и другим населением, кочевавшим на территории Казахстана в XI—XIV вв., крупного рогатого скота сообщают Гардизи и П. Карпини, В. Рубрук и Ибн-Батута; для Дашт-и-Кипчака конца XV — начала XVI в. то же писал и Рузбихан [59].

Источники говорят о том, что в кочевых хозяйствах выводились особые породы крупного рогатого скота, приспособленные к пастбищному содержанию, не столько путем искусственного, сколько естественного отбора. Так, согласно источникам XIII в., в хозяйстве монголов, кочевавших круглый год, крупный рогатый скот, содержавшийся даже в зимнее время на подножном корму, занимал второе место после овец. Описания крупного рогатого скота того времени, по мнению С. И. Вайнштейна, соответствуют облику монгольской (калмыцкой) породы, широко распространенной в степях Тувы и Монголии в XIX — начале XX в. Эту породу отличала сравнительно низкая продуктивность, малый живой вес, неприхотливость в пище и густой шерстный покров, спасающий от холодов и сильных ветров, причем у коров шерстью было защищено даже вымя [60]. Те же особенности присущи и якутской породе крупного рогатого скота [61].

Есть основания полагать, что в скотоводческом хозяйстве на территории Казахстана складывалась аналогичная ситуация. Во всяком случае археологические материалы разных эпох — от периода ранних кочевников до кипчакского времени — показывают наличие крупного рогатого скота даже в таких районах кочевого хозяйства, как Центральный и Западный Казахстан, у полукочевых же племен Семиречья и Южного Казахстана этот вид скота занимал в хозяйстве значительное место (см. рис. 2).

Распространенным видом домашнего скота у скотоводов древнего и средневекового Казахстана являлся двугорбый верблюд. Средняя Азия и Казахстан были древнейшими районами одомашнивания бактриана. Специалисты считают, что часть территории Казахстана, вплоть до ее центральных районов, входила в зону распространения дикого верблю-

---

[58] *Левшин А. И.* Описание киргиз-кайсацких орд и степей..., с. 193; *Семенюк Г. И.* Опыт кочевого хозяйства в Казахстане в XVIII — начале XIX в. — В кн.: Из исторического опыта сельского хозяйства СССР. М., 1969, с. 128.

[59] Прошлое Казахстана..., с. 30—31, 52, 70; *Рузбихан.* Махма-наме-йи-Бухара, с. 93.

[60] Краткие сведения о черных татарах Пэн Да-я и Сюй Тина. — Проблемы востоковедения, 1960, № 5; *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография..., с. 35—36.

[61] *Новиков Ю. Н.* Беседы о животноводстве. М., 1975, с. 82.

да — хавтагая. Не случайно изображения хавтагая сохранились в некоторых наскальных рисунках Южного Казахстана [62].

Находки костей верблюда в Алексеевском и Усть-Нарымском поселениях и могильнике Аксу-Аюлы II указывают на то, что его доместикация в северных и центральных районах Казахстана происходила не позд-

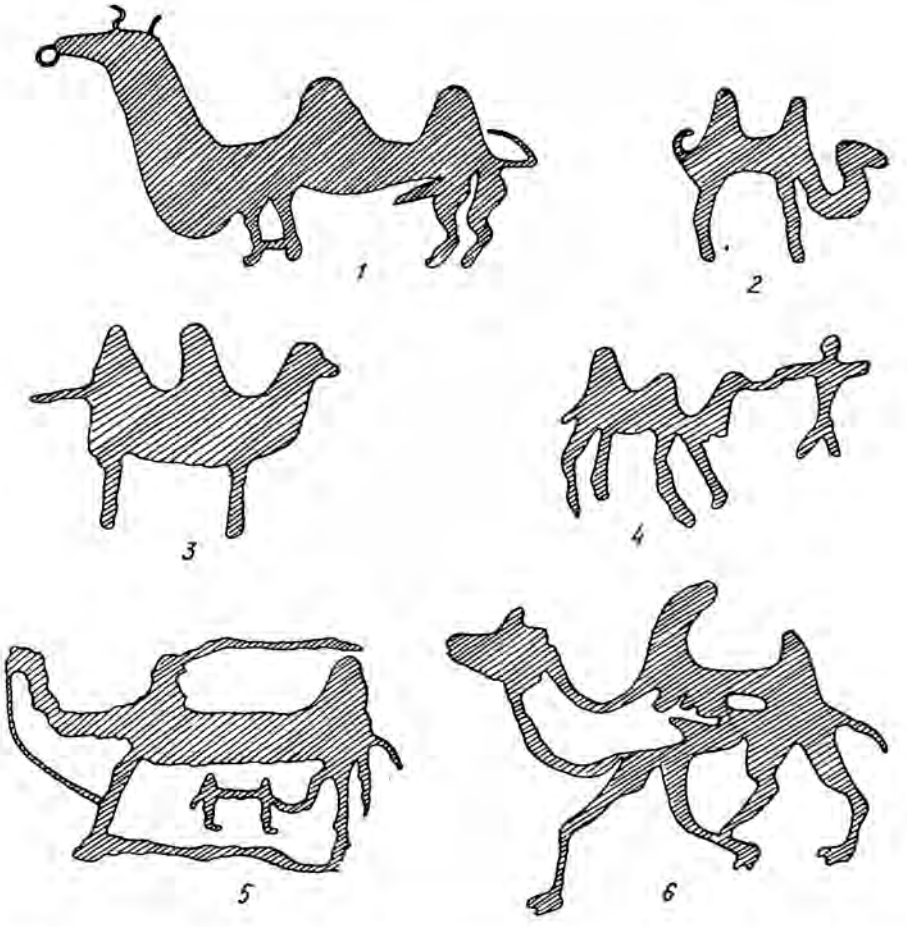


Рис. 3. Домашние и дикие верблюды в древнем наскальном искусстве Казахстана II—I тыс. до н. э.: *1, 6* — Арпаузен (Южн. Казахстан); *2* — Тамгалы (Семиречье); *3* — Калман-кырган (Центр. Казахстан); *4* — Остриково (Вост. Казахстан); *5* — Окей (Вост. Казахстан)

---

[62] *Банников А. Г.* Дикий верблюд-хавтагай. — Природа, 1975, № 2, с. 65; *Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н.* Наскальные изображения..., с. 177.

нее середины II тыс. до н. э. В южных же районах Казахстана и в Средней Азии, как свидетельствуют находки терракотовых статуэток в слоях позднего Намазга IV, использование верблюда относится к еще более раннему времени — концу III тыс. до н. э. [63].

Особенно большую роль верблюд играл в хозяйстве насельников степей и полупустынь Прикаспия и Приаралья. Он использовался и как средство передвижения, и как вьючное, молочное и мясное животное. Не случайно бактриан на протяжении многих столетий — излюбленный сюжет наскального искусства. Древние художники, как бы подчеркивая факт одомашнивания верблюда, зачастую изображали его с путами на передних ногах или с поводом, а иногда с тем и другим (рис. 3, *1*). Рисунки верблюда часто встречаются на скалах Каратау и Западного Прибалхашья [64]. Здесь они выбивались начиная с эпохи бронзы и вплоть до начала XX в.

У ираноязычных племен с глубокой древности был широко распространен культ двугорбого верблюда — главы всех верблюдов, что отмечено в ряде письменных памятников, например в «Авесте» [65]. В ранних пластах петроглифов он изображался в статичной позе и нередко занимал центральное место во многих сценах. Культовый характер таких сцен подчеркивался огромными размерами верблюда в противовес мелким изображениям других «действующих лиц». Те же культовые мотивы отразились в сако-савроматском прикладном искусстве, в сценах борьбы верблюда с тигром, противоборства самцов-бактрианов.

На скалах Южного Казахстана встречаются и рисунки верблюдов, запряженных в двух- и четырехколесные повозки. Самые ранние из таких изображений относятся к поздней бронзе и раннежелезному веку.

Одомашненный вид двугорбого верблюда за многотысячелетний период не претерпел существенных изменений [66]. Лишь некоторые сведения о приемах селекции верблюдов дают расшифрованные специалистами-биологами петроглифы. Так, верблюда, изображенного на обнаруженном в Нуратинских горах рисунке, Г. В. Шацкий трактует как гибрид между дромедаром и бактрианом. Косвенные сведения о коспаке XVIII в. сообщил И. П. Фальк, который отмечал: «Есть у них верблюды, говорят киргизы, правда, одногорбые, но самый горб у них несколько раздвоен, какой-то промежуточный тип» [67]. Такая гибридная форма отличалась, помимо всего прочего, молочностью, в 2—3 раза большей, чем двугорбый верблюд. Если на скалах Нуратинских гор

---

[63] *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение..., с. 120; *Маргулан А. Х.* и др. Древняя культура, с. 175—176; *Сарианиди В. И.* Статуэтка лошади с Алтын-депа. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 114—115.

[64] *Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н.* Наскальные изображения..., с. 176—178.

[65] *Кузьмина Е. Е.* Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов. — Советская археология, 1963, № 2, с. 43.

[66] *Боголюбский С. Н.* Происхождение верблюдов. — В кн.: Верблюдоводство. Алма-Ата, 1934; *он же.* Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1939.

[67] *Шацкий Г. В.* Рисунки на камне. Ташкент, 1973, с. 89—90; Прошлое Казахстана..., с. 154.

действительно изображен коспак, то приемы племенной работы с верблюдами были известны скотоводам уже в позднесакское время.

Однако пока ничего определенного о времени появления на территории Казахстана дромедара — одногорбого верблюда — сказать нельзя. Эта теплолюбивая порода, родина которой Египет и страны Двуречья, в письменных источниках для северных районов Евразии упоминается лишь с тюркского времени[68]. В позднесредневековый период и новое время казахи Приаралья и соседних районов разводили обе породы верблюдов: двугорбого — *айыр түйе* (айыр туйе) и одногорбого — *нар түйе* (нар туйе), но предпочтение отдавали двугорбому, как более выносливому и приспособленному к климатическим условиям южных районов Казахстана.

При кочевом и полукочевом хозяйстве верблюды круглый год оставались под открытым небом. В наиболее холодное время года туловища верблюдов, по словам П. С. Палласа, обшивали «войлоками и камышовыми рядинками», а во время зимней стужи для них делали прикрытия между кибитками[69].

Во все времена верблюд оставался важнейшим транспортным средством у скотоводов южных и западных районов Казахстана. Верблюжонка еще сосунка постепенно приучали к работе, при помощи пут заставляя припадать на колени и запоминать команду «тиок-тиок». Через год ему прокалывали нос и продергивали веревку, которую впоследствии заменяли палочкой или металлическим кольцом — *мұрындық* (мурындык). Объездкой молодых верблюдов занимались обычно мальчики. Трехлетний верблюд уже мог, по сведениям И. П. Фалька, везти пять—шесть пудов груза. В этом возрасте верблюдов-жеребцов обычно кастрировали так называемым кровавым способом, широко распространенным у всех кочевников с древности. И. П. Фальк и А. И. Добросмыслов описывают приемы народной ветеринарии, связанные с лечением верблюдов и уходом за этими ценными в хозяйстве кочевников животными[70]. В торговле с Россией и другими иностранными землями высоко ценилась верблюжья шерсть, которой начесывали с одногорбого верблюда до 10 фунтов, а с двугорбого — до 15[71].

Существенные научные данные накоплены по конструкции конской узды и сбруи, средствам и способам передвижения скотоводов. Выше отмечалось, что основным средством передвижения скотоводов-кочевников был конь. Археологические находки принадлежностей конского убора указывают на довольно раннее освоение коня под верх. Эти находки

---

[68] *Щербак А. М.* Енисейские рунические надписи. — В кн.: Тюркологический сборник. М., 1970, с. 118.

[69] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. 2, кн. 1. Спб., 1786, с. 581—582.

[70] Прошлое Казахстана..., с. 155; *Добросмыслов А. И.* Верблюдоводство в Тургайской области. — Сельское хозяйство и лесоводство. Спб., 1894, № 177, декабрь, с. 345—367.

[71] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям..., с. 346—353.

позволяют также наметить развитие основной конструкции управления верховым конем — конской узды.

В памятниках андроновской и срубной культур на территории Казахстана и Поволжья найдено множество костяных и роговых псалиев — приспособлений, связывающих удила с ремнями оголовья (на территории Казахтана — в поселениях Челкар, Тасты-булак, Атасу, Чаглинка

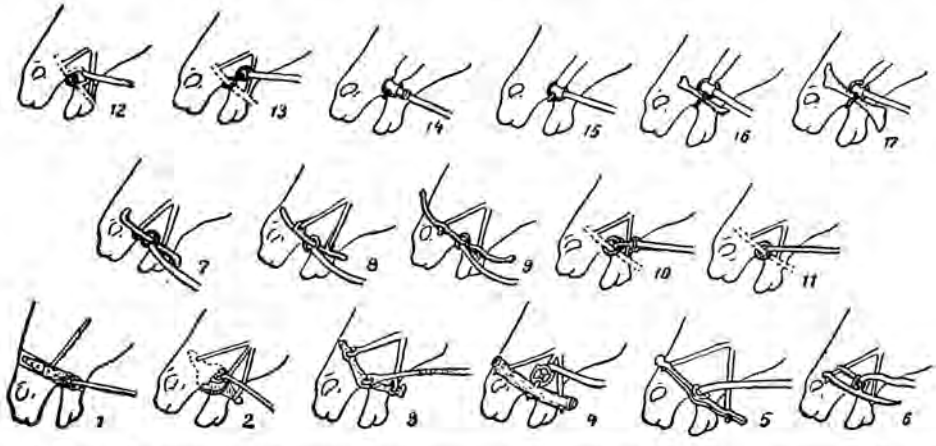


Рис. 4. Способы скрепления удил с оголовьем от древности до нового времени: *1* — Челкар (Сев. Казахстан), 2-я половина II тыс. до н. э.; *2* — Тасты-булак (Зап. Казахстан), 2-я половина II тыс. до н. э.; *3* — Курту (Вост. Казахстан), IX—VIII вв. до н. э.; *4* — Тасмола (Центр. Казахстан), VII—VI вв. до н. э.; *5* — Уйгарак (Вост. Приаралье), VII—VI вв. до н. э.; *6* — Солонечный белок (Вост. Казахстан), VII—VI вв. до н. э.; *7, 8* — Сынтас (Зап. Казахстан), VI—V вв. до н. э.; *9* — Боганаты (Сев. Казахстан), V в. до н. э.; *10* — Аксу (Центр. Казахстан), IV—VI вв.; *11* — Канаттас (Центр. Казахстан), IV—V вв.; *12* — Боброво (Павлодарское Прииртышье), VII—VIII вв.; *13* — Текели (Семиречье), VIII—IX вв.; *14* — Тасмола (Центр. Казахстан), XII—XIV вв.; *15—17* — конская узда XIX — начало XX в.

и могильнике Айдабуль). Самые ранние удила делались из мягкого материала: ремня или скрученных сухожилий. Они продевались через центральное отверстие псалия и снаружи скреплялись с поводьями. Псалий пришивался сухожильными нитками на капцуге — широком ремне, обтягивавшем морду лошади. К боковому отверстию псалия прикреплялся ремень оголовья (рис. 4, *1*). Существовали и более сложные конструкции архаической узды (рис. 4, *2, 3*) [72]. Время появления на территории Казахстана примитивного способа взнуздывания коня — середина II тыс. до н. э.

В начале I тыс. до н. э. возник новый тип узды. Удила стали делаться из бронзы двусоставными. В раннесакское время на территории Казахстана бытовали главным образом удила, концы которых оформлены в

[72] Подробно см.: *Смирнов К. Ф.* Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. — Советская археология, 1961, № 1.

виде стремечка. Псалии приобрели форму рога или длинного изогнутого стержня с тремя отверстиями для скрепления с ремнями оголовья и удилами. Если раньше удила продевались через центральные отверстия псалиев, то теперь псалии соединялись с удилами при помощи средней ленты разрезанного на три части суголовного ремня (рис. 4, *4*). К середине I тыс. до н. э. эта сложная и довольно громоздкая конструкция узды стала вытесняться более совершенной. На смену стремечковидным удилам пришли удила с кольчатыми окончаниями. Псалии стали двудырчатыми и скреплялись с удилами путем продевания в кольчатые концы (рис. 4, *7—9*) [73]. Изменился и материал: вместо бронзы и рога для изготовления узды стало употребляться железо. Такой тип узды просуществовал у кочевников и полукочевников Казахстана без существенных изменений вплоть до тюркского времени.

В тюркское время совершенствование узды продолжалось. Наряду с кольчатыми удилами в VII—VIII вв. н. э. применялись удила, концы которых оформлены в виде восьмерки, при этом повод соединялся с внешним отверстием удил при помощи подвижного кольца, а во внутреннее вставлялся псалий (рис. 4, *13*) [74]. Стержневидные псалии вытеснялись новыми формами — в виде крупного кольца или стержня со скобой, неразъемно соединенных с внешними кольцами удил (рис. 4, *12, 14*). Материалы раскопок могильников Аксу II и Коктала установили для IV—V вв. н. э. разъемный способ крепления повода с удилами при помощи железных крючков (рис. 4, *10*). Однако в конструктивных особенностях конской узды с древнейших времен сохранялся принцип раздельного крепления удил — *ауыздық* (ауздык) с ремнями оголовья — *ноқта* (нокта) и повода — *тізгін* (тизгин); ремни оголовья закреплялись на псалиях, а повод — непосредственно на удильных кольцах.

В начале II тыс. н. э. в конструкции узды произошли коренные изменения. Они были вызваны появлением взамен псалиев крупных одинарных подвижных колец — *сулық* (сулык), к которым теперь крепились и ремни оголовья и повод. Такой тип узды без каких-либо принципиальных изменений сохранился до сегодняшнего дня [75] (рис. 4, *14—17*). В уздечном наборе — *жүген* (жуген) позднейшего времени сохранились те же элементы оголовья: нащечные ремни — *желкелік* (желкелик), подчелюстной — *сағақ* (сагак), нахрапный — *кеңсірік* (кенсирик) ремни. Налобный ремень — *милық* (милык) употреблялся не всегда, вовсе не использовался подгубный ремень.

---

[73] *Кадырбаев М. К.* Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана. — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, рис. 2—1, 2—8.

[74] *Агеева Е. И., Джусупов А. Д.* Интересная находка. — Ученые записки КазГУ, т. 54, вып. 12, 1963, с. 177, рис. 2.

[75] Есть факты, свидетельствующие о сохранении в узде конца XIX — начала XX в. такого рудимента, как стержневидные псалии. Отлитые вместе с подвижными кольцами (сулык), они уже не несли прежних функций связи оголовья с удилами, а использовались для удобства управления лошадью в особых, жестких, конструкциях уздечки (см.: *Аргынбаев Х.* Қазақтың ер-турман жабдықтары. — В кн.: Казахстан в XV—XVIII веках. Алма-Ата, 1969, 198—199-бет).

Важнейшими элементами конской сбруи были также стремена — *үзеңгі* (узенги) и седла — *ер*. О седлах казахстанской древности нам мало что известно. В какой-то мере этот пробел восполняют находки в Пазырыкских курганах, оставленные родственными племенами Горного Алтая[76]. Сакское седло было мягким, состояло из двух кожаных подушек с деревянными дужками-луками по краям, подпруги, потника, надгрудного и подхвостного ремней.

С VI—VII вв. н. э. в курганах тюркского времени появились железные стремена. Наиболее ранние из них обнаружены в могильниках Нурманбет I и Егиз-Койтас Павлодарской и Карагандинской областей

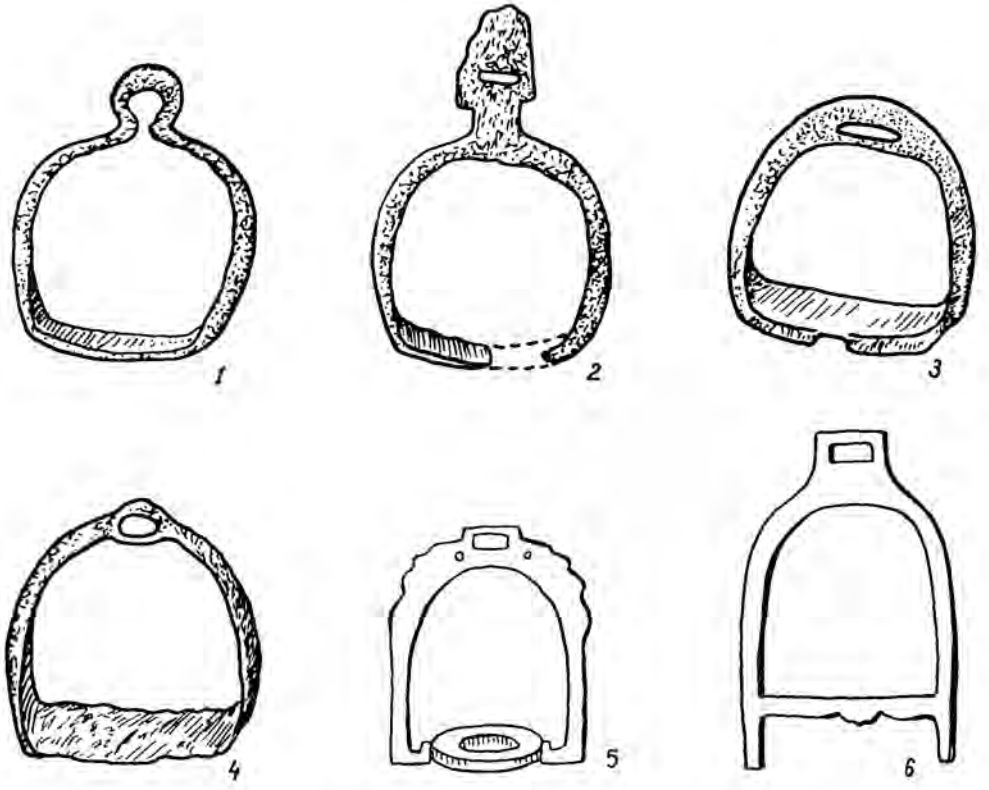


Рис. 5. Стремена тюркского, кипчакского и нового времени из Казахстана: *1* — Егиз-Койтас (Центр. Казахстан), VI—VII вв.; *2* — Нурманбет (Центр. Казахстан), VI—VII вв.; *3* — Тасмола (Центр. Казахстан), XII—XIV вв.; *4* — Ждановка (Павлодарское Прииртышье), XII—XIV вв.; *5, 6* — стремена начала XX в.

[76] *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953.

(рис. 5, *1, 2*). Первые же стремена, появившиеся на территории Казахстана в VI—VII вв., по форме ременных петель делились на два типа: кольчатые и прямоугольные.

Распространение железных стремян характерно именно для VI—VII вв., и это не случайно. Как известно, середина VI в. была временем расцвета Тюркского каганата, распространившего свое влияние на огромную территорию вплоть до Аральского моря на западе [77]. Контакты между племенами стали гораздо более широкими. Хозяйственно-культурная близость степных племен Казахстана и Южной Сибири способствовала довольно быстрому распространению на территории Казахстана и в других районах многих нововведений, в том числе и стремян. Предположительно можно указать и на прямой источник такой воспреемственности — раннекудыргинские памятники Алтая, где имеется такого рода массовый материал [78].

Появление двух ранних типов стремян — с кольчатой и прямоугольной петлями в верхней части дужки — обусловливалось изобретением седла с жестким деревянным остовом [79]. В кочевом мире такое изобретение, безусловно, — одно из крупнейших событий того времени.

Оба типа стремян продолжали бытовать до конца I тыс. н. э. На их основе одновременно с удобным вариантом седла возникла унифицированная форма стремян с широкой подножкой и отверстием в расплющенной верхней части дужки (рис. 5, *3, 4*). Такие стремена широко известны по погребениям кимаков и кипчаков [80].

В начале II тыс. н. э. были выработаны устойчивые типы конского снаряжения. Уже с кипчакского времени (в связи со специализацией ремесел) все эти типы приобрели стандартные формы, мало изменившиеся у скотоводов Евразии в последующие столетия. Железные стремена XVIII — начала XX в. чаще всего были коваными, но нередко встречались и литые. Парадные стремена отличались от стандартных образцов причудливым оформлением колец для путалища — *шығыршық* (шыгыршык), разнообразием форм подножек — *табан*. Они украшались различным орнаментом из серебра [81]. Известны также стремена из дерева. Для их изготовления использовались крупные ветви березы, для прочности часто скреплявшиеся железными скобами. Обычно считалось, что деревянные стремена — это принадлежность кочевника-бедняка. Казахстанские этнографы, однако, полагают, что дело не только в состоя-

---

[77] *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1967, с. 34—35.

[78] См.: *Гаврилова А. А.* Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965.

[79] *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография..., с. 131—132.

[80] См.: *Арсланова Ф. Х.* Памятники Павлодарского Прииртышья. — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968; *Маргулан А. Х.* Раскопки погребения воина XIV века в долине р. Нуры. — Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 1; *Максимова А. Г.* Погребение воина XIV века. — Вестник АН КазССР, 1965, № 6; *Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З.* Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.

[81] *Арғынбаев Х.* Қазақтың ер-турман жабдықтары. — В кн.: Казахстан в XV—XVIII веках. Алма-Ата, 1969, с. 196.

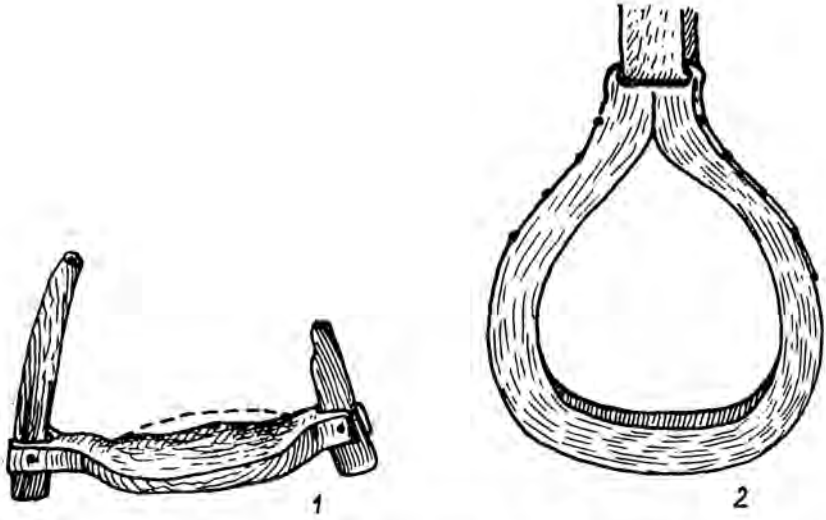


Рис. 6. Деревянные стремена: *1* — кипчаков XII—XIV вв.; *2* — казахов XIX в.

Древним скотоводам Казахстана был известен и колесный транспорт. В погребениях их западных соседей, племен срубной культуры Поволжья, многократно находили глиняные модели грузовых повозок. Не так давно в Южном Зауралье в могильнике XVI в. до н. э. Синташта обнаружена серия боевых колесниц [83]. Многочисленные наскальные изображения колесного транспорта найдены почти на всей территории Казахстана. Особенно много их на юге и в Семиречье (хребет Каратау и Чу-Илийские горы) [84].

Петроглифы Казахстана и археологические материалы по курганам Горного Алтая позволяют говорить о двух видах колесного транспорта: грузовых повозках и легких двухколесных экипажах. Грузовые повозки были двух- и трехосные. Гиппократ, описывая скифский быт, сообщал:

---

[82] *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография..., с. 132; *Аргынбаев Х.* Указ. работа, с. 195.

[83] *Генинг В. Ф.* Могильник Синташта...

[84] *Максимова А. Г.* Наскальные изображения урочища Тамгалы. — ВАН КазССР, 1958, № 9, рис. 38; *Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н.* Каратауские колесницы. — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 134—142.

«Повозки бывают самые малые, о четырех колесах. Другие — шестиколесные, обтянутые войлоком; устраиваются кибитки наподобие домов, двойные и тройные, и служат защитой от дождя и ветров... А в этих повозках живут женщины с детьми, а сами мужчины всегда верхом» [85].

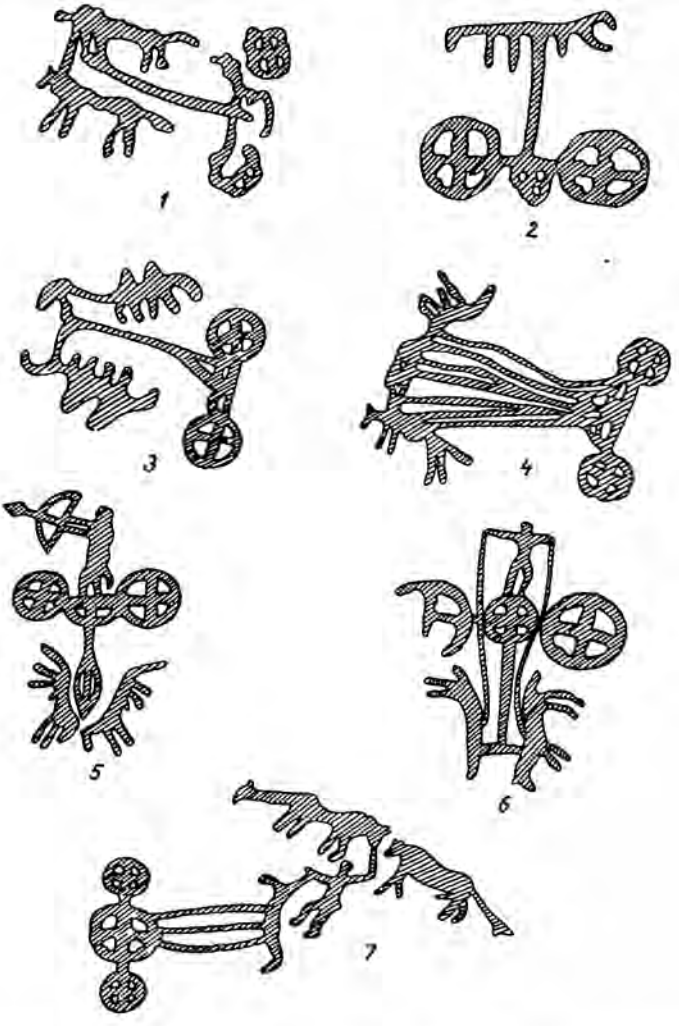


Рис. 7. Наскальные изображения боевых и охотничьих колесниц II—I тыс. до н. э. из Южного Казахстана: *1, 5, 6* — Арпаузен, *2—4, 7* — Койбагар

[85] *Гиппократ.* О воздухе, водах и местностях, 25—26.

В качестве тягловых животных на наскальных рисунках периода поздней бронзы и сакского времени изображены быки, лошади, верблюды.

Легкие экипажи, служившие охотничьими и боевыми колесницами, всегда одноосны. Конструкции колес отличались большим разнообразием. Самые ранние были с четырьмя спицами. Такая конструкция пришла на смену дисковидным колесам повозок раннеандроновского времени.

На хребте Каратау в петроглифах конца II — начала I тыс. до н. э. наиболее распространены три варианта изображений двухколесных экипажей (рис. 7). Первый — это колесницы с четким рисунком дышла, ярма и упряжных животных (рис. 7, *1*), второй — со схематически выбитым рисунком колесницы-эмблемы (рис. 7, *2*), третий объединяет

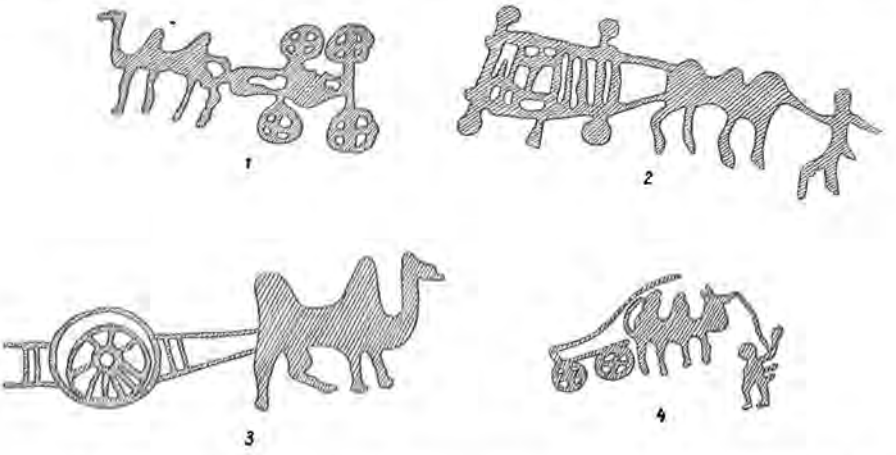


Рис. 8. Наскальные изображения грузовых повозок из Казахстана I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.: *1, 2* — Арпаузен, Каратау; *3* — низовья р. Тентек (Джунгарский Алатау); *4* — Койбагар (Каратау)

двухколесные повозки с гравированными линиями, которые, видимо, обозначают ременные вожжи (рис. 7, *4*).

Изображения колесниц в петроглифах не были простой зарисовкой с натуры. В запечатленных на скалах схематических рисунках нашел отражение широкоизвестный в среде индоиранских племен миф о небесной солнечной колеснице [86]. Вместе с тем есть все основания полагать, что солярный символ представлялся сознанию древнего художника в виде хорошо знакомой ему реально существовавшей двухколесной транспортной повозки.

В урочище Койбагар на северных склонах Каратау найден и такой уникальный сюжет, как запряжка человеком двух коней в легкую

[86] *Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н.* Наскальные изображения..., с. 164.

колесницу. На превосходно сохранившемся рисунке отчетливо видно, как колесничий левой рукой подтягивает за ярмо легкую одноосную повозку, а правой подводит к ней лошадей (рис. 7, *7*).

Конные колесницы известны из петроглифов Передней Азии, Кавказа, Восточной Европы, письменных источников Ригведа, Авеста, Махабхарата [87].

Наряду с такими традиционными изображениями, на территории Казахстана открыты интересные наскальные гравюры колесниц с верблюжьей запряжкой (Арпаузен, Койбагар), что свидетельствует об использовании верблюда в качестве боевого животного (рис. 7, *3*). Подобные случаи пока неизвестны в других районах Евразии, хотя сам по себе факт применения верблюдов как военных животных достаточно хорошо известен для Ирана и Парфии второй половины I тыс. до н. э. [88]

Для грузовых и боевых повозок ранних эпох характерен примитивный, дышловой, способ запряжки животных. Пара быков, лошадей или верблюдов впрягалась в рогатки или примитивные хомуты, расположенные по обеим сторонам ярма, закрепленного на конце дышла (рис. 7, *3*). Такой прием запряжки хорошо передан в наскальных рисунках на территории Казахстана, относящихся ко II — началу I тыс. до н. э. Замечательный образец дышловой запряжки парадной повозки сложной конструкции известен из пятого Пазырыкского кургана [89].

В V—IV вв. до н. э. дышловой способ вытесняется более удобным и практичным оглобельным способом запряжки, сохранившимся без существенных изменений вплоть до наших дней (рис. 8).

Источники свидетельствуют о существовании колесного транспорта у кочевников Казахстана, Южной Сибири и в последующие эпохи. В. Рубрук для середины XIII в. описывает дома на колесах, сделанные из плетеных прутьев и покрытые войлоком. Некоторые повозки достигали 30 футов в ширину, и в них впрягали до 22 быков. Ибн-Батута упоминает четырехколесные телеги, называемые в Дашт-и-Кипчаке «араба». Возница управлял ею, сидя верхом на лошади или верблюде. Многие кибитки на колесах имели вставленные окна [90].

Рашид-ад-Дин и Махмуд Кашгарский называют телеги для перевозки грузов тюркским термином «канли» (кангли), выводя из него этноним «канглы». По свидетельству В. В. Бартольда, этот термин встречает-

---

[87] *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969; *Кожин П. М.* Гобийская квадрига. — Советская археология, 1968, № 3; *Tarr L.* Karren Kutche, karosse. Budapest, 1970; Historiska, nyheter, N 3, Statens historiska museum 1976 Svenska institutet, rys. 22 a; Ригведа, I, 50 (8, 9), IV, 38—40; Авеста, Ардвисур—Яшт, II—III, X, 168; Махабхарата. Гимн Ашвинам, гимн Ушас.

[88] *Кузьмина Е. Е.* Древнейшая фигурка..., с. 42.

[89] *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960, табл. I—II.

[90] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Западной Орды, т. 1. Спб., 1884, с. 281; *Бартольд В. В.* Соч., т. IV, с. 406—408.

ся в «Codex Comanicus» и у Ибн-Батуты [91]. Интересны сведения Рузбихана о телегах-домах знатных казахов XV—XVI вв.: громадные кибитки на колесах, которые тянут множество верблюдов [92].

Сведения о жилищах на колесах имеются в записках английского путешественника А. Дженкинсона, побывавшего в степях Прикаспия в середине XVI в. [93] До наших дней дошли рисунки передвижных жилищ XVII — XVIII вв., например рисунок Олеария, изобразившего крытую войлоком двухколесную арбу с верблюжьей упряжкой [94].

Сведения письменных источников подтверждаются археологическим материалом: в двух курганах могильников Акмола и Тасмола в Павлодарской области нами были зафиксированы в 1960—1961 гг. остатки деревянных колес телеги на перекрытиях могил кипчакского времени. Погребение с покойником отдельных частей повозок нередко встречается в памятниках скотоводческих племен Поволжья и юга России в средневековье [95].

Существует мнение об исчезновении у казахов колесного транспорта в XVII—XVIII вв.[96], основанное на том, что повозки не упоминаются в русских источниках того времени. Но с этим мнением нельзя согласиться. Отмеченный обычай захоронения деталей повозки сохранился у казахов вплоть до XIX — начала XX в., о чем, например, сообщает И. А. Кастанье [97]. Кроме того, большой материал о распространении у казахов повозок (так называемых «кюйме») имеется в поэмах «Козы-Корпеш и Баян-Слу», «Кыз-Жибек», «Камбар». Описание в них дорожных жилищ удивительно точно соответствует старым сведениям В. Рубрука и Ибн-Батуты.

Нельзя не упомянуть еще об одном виде транспортных средств — волокушах — *сүйреткі* (суйретки). На территории Казахстана они известны с сакского времени. Так, деревянные волокуши найдены в шестом Бесшатырском кургане из Семиречья [98]. Они использовались для перевозки бревен к местам постройки царской деревянной усыпальницы на правобережье р. Или. Нет сомнения в том, что подобный тип

---

[91] *Бартольд В. В.* Соч., т. IV, с. 407; *Ибрагимова А. А.* Некоторые материалы к вопросу о колесном движении у кочевников Средней Азии. — ТИИАЭ АН КазССР, 1962, т. 15, с. 132.

[92] *Рузбихан.* Михман наме-йи-Бухара, с. 94.

[93] *Дженкинсон А.* Путешествие в Среднюю Азию в 1558—1560 годах. — В кн.: Английские путешественники в Московском государстве. Л., 1937, с. 169.

[94] *Олеарий.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию. Спб., 1906, с. 523.

[95] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 130.

[96] *Ибрагимова А. А.* Некоторые материалы..., с. 137.

[97] *Кастанье И. А.* Надгробные сооружения киргизских степей. Оренбург, 1911, с. 85. — Обряд погребения с использованием колесного транспорта культивировался, по сведениям Н. Ф. Катанова, и у хакасов. — См.: *Катанов Н. Ф.* О погребальных обрядах тюркских племен в древние времена до наших дней. — ИОАИЭ, 1892, т. XII, вып. 2, с. 118—132.

[98] *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, с. 81.

транспортных средств использовался древними скотоводами и в более раннее время. По-видимому, здесь, как и в других районах Евразии, волокуши являлись первой примитивной конструкцией, предшествовавшей колесному транспорту, и позже существовали параллельно с колесными повозками.

Таковы некоторые существенные стороны истории скотоводства на территории Казахстана. В процессе вхождения казахских земель в состав России и особенно после его завершения, в результате массового изъятия земли у казахского народа, переселения русско-украинского крестьянства, проникновения в аул многих элементов капиталистических отношений, развития торговых связей Казахстана с Россией, экстенсивное скотоводческое хозяйство казахов стало изменяться. Кочевое и полукочевое скотоводство на рубеже XIX—XX вв. вступило в полосу кризиса, но основные характерные черты его еще сохранялись.

2. ПАСТБИЩНЫЕ УГОДЬЯ И ИХ СЕЗОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ. ВОДОПОИ

В Казахстане были все условия для возникновения и развития кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства. Это прежде всего обширная территория и благоприятная географическая среда.

Климат края, расположенного в центре Евразии, в целом резко континентальный, однако здесь можно выделить четыре основные климатические зоны [1]: лесостепную, степную, пустынную и высокогорную. Умеренный климат лесостепи характерен для сравнительно небольшой лесной зоны Северного Казахстана, степной — для большинства районов северной половины территории Казахстана выше 50-й параллели, климат пустынной степи типичен для громадной площади южной половины края, наконец, высокогорный климат — для районов юго-восточных горных систем от Южного Алтая до северных склонов Тянь-Шаня.

В северной и южной частях Казахстана зима проходит в качественно различных условиях. Переходной зоной считается полоса 48—50° с. ш. К северу от нее зима длится до 5 месяцев. Вся поверхность земли находится под снежным покровом, часты бураны, температура воздуха иногда падает до 45—55°. Иная картина на юге. Зима длится здесь не более двух месяцев, снег лежит недолго и несплошным покровом, много теплых, даже дождливых дней. Весна наступает быстро. Лето на всей территории Казахстана большей частью жаркое, особенно в его южной половине, где температура часто доходит до плюс 46°. Осадки неравномерны и обычно небелики.

Богат растительный мир Казахстана. Он насчитывает более 5000 видов растений [2], но распределены они очень неравномерно: встречаются огромные совершенно бесплодные пространства песков, такыров, солон-

---

[1] Очерки по физической географии Казахстана. Алма-Ата, 1952, с. 194—195.
[2] Там же, с. 389.

цов, каменистых гор. Лесных массивов очень мало — они занимают лишь пятую часть территории. В поймах крупных рек растут тальник, тополь, торонга, в песчаных барханах — саксаул, на крайнем севере — сосны и березы, в горных районах Алтая, Джунгарского и Заилийского Алатау — множество различных пород деревьев.

На обширных равнинах, степных и песчаных просторах, занимающих 60% территории Казахстана, встречаются самые различные виды трав[3]. В степных равнинах — *бетеге* (типчак), *бидайық* (бидайык — пырей), *еркек* (эркек), *көде, қаудан* (коде, каудан — ковыль), *изен* (прутняк), *сыралжын* (сиральжин), *жусан* (полынь), *қыяқ* (кыяк — элимус); в пустынных — *жусан* (полынь), *ермен* (ермень), *ажырық* (ажырык — ажре), *түйе қарын* (туйе карын), *көкпек* (кокпек), *бұйырғын* (буюргун), *майқара* (майкара — колофака), *рақ* (ран — осока вздутая), *теріскен* (терискен), *жүзген* (жузген) и т. д.; в горных районах — *сарбас жоңышқа* (сарбас жонышка — дикая люцерна), *аюжүн* (аюжун), *күйік қара* (куйик кара), *теңге жапырақ* (тенге жапрак — клевер), *ебелек* (рогач песчаный, или устели-поле), различные виды полыни и т. д.

В соответствии с природно-климатическими зонами исторически сложились и сезонные пастбища. Северная лесостепная и юго-восточная горная части, где выпадает относительно большое количество осадков, использовались в основном под летние пастбища, восточная же и центральная части — под зимние.

Географы выделяют на территории Казахстана четыре ландшафтные зоны, которые в свою очередь делятся на подзоны[4]. 1. Лесостепная ландшафтная зона умеренного пояса: а) подзона южной лесостепи; б) подзона нетипичной (колочной) лесостепи. 2. Степная ландшафтная зона умеренного пояса: а) северная подзона разнотравно-злаковых степей; б) южная подзона сухих типчаково-ковыльных степей. 3. Полупустынная ландшафтная зона умеренного пояса. 4. Пустынная ландшафтная зона умеренного пояса: а) северная подзона полынно-солянковых пустынь; б) южная подзона эфемеро-полынных пустынь.

В пределах трех последних ландшафтных зон есть высокогорные районы, которые выделяются как высотная, или горная, ландшафтная зона.

В соответствии с ландшафтными зонами размещались в основном сезонные пастбищные угодья на рубеже XIX—XX вв.

Рассмотрим их с точки зрения административно-территориального деления Казахского края в то время, ибо все статистико-экономические выкладки строились тогда именно на этой основе.

Лесостепная зона охватывала северную часть Петропавловского и северо-западную часть Омского уездов. Актюбинский, Кустанайский, Кокчетавский, Павлодарский и Усть-Каменогорский уезды, юго-запад-

---

[3] Казахская ССР. Экономико-географическая характеристика. М., 1957, с. 30.
[4] *Чупахин В. М.* Физическая география Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 72—74.

ный угол Петропавловского, юго-восток Омского, северные районы Иргизского, Тургайского, Атбасарского, Акмолинского, Каркаралинского и Семипалатинского уездов размещались в степной зоне. В полупустынной зоне целиком находились территории Уральского, Лбищенского и Зайсанского уездов, северная часть Букеевской орды, Темирский, Лепсинский уезды, южная часть Семипалатинского уезда; эта зона включала также средние полосы Иргизского, Тургайского, Атбасарского, Акмолинского и Каркаралинского уездов. Таким образом, полупустынная ландшафтная зона от р. Узень на крайнем западе между 50-й и 48-й параллелями пересекала всю территорию Казахстана до долины Черного Иртыша на востоке. Весь же юг края от берегов Волги на западе до Алакульской котловины и р. Хоргос на востоке относится к самой большой по площади пустынной зоне. Это территория Гурьевского, Мангышлакского, Казалинского, Перовского, Чимкентского, Аулие-Атинского, Верненского, Джаркентского и Капальского уездов, южных частей Темирского, Иргизского, Тургайского, Атбасарского, Акмолинского и Лепсинского уездов.

Высотные пояса в пределах своих ландшафтных зон находились на территории разных уездов. Мугоджарские горы занимали самый центр Актюбинского уезда, Юго-Западный Алтай охватывал всю территорию Усть-Каменогорского и северную часть Зайсанского уезда, Сауыр-Тарбагатайские горы — юг Зайсанского и северо-восточный угол Лепсинского уездов; Джунгарский Алатау находился в юго-восточной части Лепсинского и Капальского уездов; Заилийский Алатау охватывал юг Джаркентского и Верненского уездов; Таласский Алатау — юг Аулие-Атинского уезда, Каратау и западные отроги Тянь-Шаня находились в пределах Чимкентского уезда.

Территории Иргизского, Тургайского, Атбасарского, Акмолинского и Каркаралинского уездов находились в пределах трех ландшафтных зон: степной, полупустынной и пустынной. Отсюда и различия в формах хозяйства и бытового уклада жизни коренного населения. В других уездах, расположенных в пределах одной или двух ландшафтных зон, подобных контрастов не наблюдалось.

Вся пастбищная территория распределялась на сезонные — зимние — *қыстау* (кстау), весенние — *көктеу* (коктеу), осенние — *күзеу* (кузеу) и летние — *жайляу* — пастбища. Оседлые казахи, полукочевники и кочевники имели определенные зимние стоянки, осенне-весенние угодья и летние пастбища. Причем зимние стоянки, как правило, были обособленными, а остальные виды сезонных пастбищ — в основном общими. Распределение сезонных пастбищ в разрезе уездов и областей отражено в таблице 3. По доле используемой казахами земельной площади Уральская область находилась на первом месте — 26,4%, затем шла Тургайская — 19,5, Акмолинская — 18,5, в остальных областях эта доля колеблется в пределах 10—13%.

Соотношение сезонных пастбищ в разрезе областей имело свои особенности. Так, если по Актюбинскому и Кустанайскому уездам Тургайской области площадь призимовочных территорий составляла 41% ко всей территории уездов, то летовок — лишь 19,2%. Существенно отли-

Таблица 3

Землепользование казахов в конце XIX — начале XX в.

Уезд	Год обследования	Число хозяйств	Общая площадь, дес.				
			призимовочные территории	весенние, осенние пастбища	зимние отгоны	летние пастбища	всего земельных угодий у казахов
1	2	3	4	5	6	7	8
Уральская область							
Букеевская орда	1891	46 002	св. нет	св. нет	св. нет	св. нет	7 106 000
Гурьевский	1900	22 780	»	»	»	»	5 385 521
Лбищенский	1912	17 939	»	»	»	»	3 240 522
Темирский	1908	16 616	»	»	»	»	12 274 476
Уральский	1904	12 620	»	»	»	»	2 528 864
Мангышлакский	1906	14 961	»	»	»	»	19 703 527
Итого		130 922					50 238 910
%							26,4
Тургайская область							
Актюбинский	1910	17 837	4 179 623	924	св. нет	1 004 000	5 184 547
Кустанайский	1909	18 210	6 700 253	106629	»	1 748 717	9 154 769
Иргизский	1911	17 328	св. нет	св. нет	»	св. нет	12 729 000
Тургайский	1909	15 344	»	»	»	»	10 520 000
Итого		68 719	10 879 876	107 633		2 752 717	37 588 316
%			41,0	0,4		19,2	19,5

Акмолинская область							
Атбасарский	1897	12 837	1 448 836	38 474	566 252	2 095 566	11 932 240
Акмолинский	1897	18 392	4 630 730	1 770 789	св. нет	4 043 044	10 533 949
Кокчетавский	1897	12 498	3 540 690	св. нет	»	1 811 735	5 342 680
Петропавловский	1901	11 329	2 669 871	107 280	321 095	1 163 945	4 287 340
Омский	1901	6 329	1 947 785	88 370	св. нет	1 489 868	3 533 728
Итого		61 636	14 237 912	2 004 913	887 447	11 664 155	35 629 936
%			39,8			32,8	18,5
Семипалатинская область							
Павлодарский	1897	21 837	3 431 309	247 185	св. нет	1 136 036	5 185 401
Семипалатинский	1900	21 522	2 942 541	952 057	»	2 231 783	6 126 381
Усть-Каменогорский	1900	14 600	1 822 339	св. нет	»	1 324 728	3 151 088
Зайсанский	1899	17 784	2 470 013	»	»	2 621 792	5 091 701
Каркаралинский	1898	19 016	4 865 536	437 642	»	1 596 108	6 900 400
Итого		94 759	15 531 738	1 276 884		8 910 447	26 454 971
%			58,7			33,7	13,7
Семиреченская область							
Лепсинский	1909	26 301	5 388 497[1]	652 411[2]	св. нет	719 426[3]	6 934 139
Капальский	1910	31 931	3 648 914	314 441	»	405 480	6 841 048
Джаркентский	1910	14 594	2 122 687	79 007	»	320 844	2 749 419
Верненский	1911	26 793	2 895 855	1 305 261	25 820	278 516	4 709 258
Итого		99 619	16 511 981	2 351 120	25 820	1 724 266	21 233 864
%			66,2	11,0		8,1	11,0

1	2	3	4	5	6	7	8
			Сырдарьинская область				
Аулие-Атинский	1907	43 294	1 724 081	св. нет	св. нет	2 444 140	2 679 676
Чимкентский	1907	31 179	243 424	»	»	131 590	406 965
Долины р. Таласа и Чу [4]	1913	св. нет	1 131 003	»	»	5 015 126	6 162 621
Перовский	1910	29 689	1 682 034	»	»	1 004 065	2 686 100
Казалинский	1910	24 223	1 375 895	»	»	4 314 230	9 064 521
Итого %		128 385	6 156 437 29,3			12 909 151 61,4	20 999 883 10,9
Всего по Казахстану [5] %		584 040	63 317 944 31,6	5 740 550	913 267	37 960 736 19,7	192 141 880 100

[1] Эти данные по Семиреченской области касаются лишь территории обособленного пользования на всех сезонных пастбищах. Кроме того, в Капальском уезде было 2 283 170 дес., а в Джаркентском — 172 868 дес. кстау общего пользования, которые также включены в итоговые цифры этой графы.

[2] Коктеу, кузеу общего пользования.

[3] Жайляу общего пользования.

[4] Долины нижнего течения р. Таласа и Чу являлись северной половиной Аулие-Атинского и Чимкентского уездов, но при обследовании этих уездов в 1907 г. они не были учтены.

[5] Таблица составлена на основе статистических данных, взятых из следующих источников: *Алекторов А. Е.* Очерки Внутренней киргизской орды. Оренбург, 1892, с. 31; Обзор Уральской области за 1900 г., с. 37; Обзор Закаспийской области за 1910 г., с. 6; Материалы по киргизскому землепользованию... Уральский уезд, с. 366; Темирский уезд, с. 33; Лбищенский уезд, с. 44; Актюбинский уезд, с. 60—61; Кустанайский уезд, с. 154; Иргизский уезд, с. 66; Тургайский уезд, с. 51; Акмолинский уезд, с. 7; Атбасарский уезд, с. 2—3; Кокчетавский уезд, с. 55; Петропавловский уезд, с. 202; Омский уезд, с. 57—58; Павлодарский уезд, с. 1—2; Семипалатинский уезд, с. 100; Усть-Каменогорский уезд, с. 57, 83; Зайсанский уезд, с. 174; Каркаралинский уезд, с. 66; Верненский уезд, с. 82—83; Аулие-Атинский уезд, с. 126; Чимкентский уезд, с. 150; Перовский уезд, с. 144; Казалинский уезд, с. 134.

чалось также соотношение зимних и летних пастбищ в Семипалатинской (58,7—33,7%) и Семиреченской (66,2—8,1%) областях. Оговорим при этом, что по Семиреченской области в графе призимовочных территорий даны общие сведения по всем сезонным пастбищам обособленного пользования. Надо полагать, преобладали именно призимовочные угодья, поскольку весенне-осенние (11,6%) и летние (8,1%) пастбища общего пользования по области занимали сравнительно небольшую площадь. Кроме того, в Капальском и Джаркентском уездах имелись еще 2 456 038 дес. призимовочных территорий общего пользования, что тоже свидетельствует в пользу преобладания зимних пастбищ. Примерно равное соотношение призимовочных территорий и летовок существовало только в Акмолинской области (39,8—32,8%). В Сырдарьинской же области площади летовок (61,4%) почти вдвое превышали призимовочные территории (29,3%).

В таблице 3 не представлены данные о весенне-осенних пастбищах и зимних отгонах по всем уездам, поскольку в конце XIX — начале XX в. во многих случаях весенне-осенние пастбища непосредственно примыкали к зимним и нередко включались в их состав как зимовки обособленного пользования. Выделенные же в графу весенне-осенние пастбища по 13 уездам находились вдали от призимовочных и являлись общими, как это, например, отмечено по четырем уездам Семиреченской области.

Зимние отгоны были во всех уездах, но данные об их площади имеются лишь по трем уездам: Петропавловскому, где площадь зимнего отгона составляла 7,4% общей площади земельных угодий, Атбасарскому — 4,8 и Верненскому — 0,5%. Эти данные ясно говорят о том, что с юга на север возрастала потребность в дополнительных пастбищах для зимнего отгона, главным образом лошадей.

Зимние и весенне-осенние пастбища имелись в каждом уезде, в каждой ландшафтной зоне, при этом немалую роль играл фактор населенности местности.

Иначе обстояло дело с летними пастбищами. Размеры летних пастбищ с севера на юг постепенно уменьшались, а в некоторых районах пустынной зоны были минимальны. В пустынной зоне (исключая Семиреченскую область, Чимкентский и Аулие-Атинский уезды, где высотные районы служили летовками) в результате нехватки удобных летних пастбищ многие хозяйства откочевывали на летовки далеко на север, за пределы своих уездов и даже областей. В особенно трудном положении находились казахи Гурьевского, Мангышлакского, Казалинского и Перовского уездов [5], имевшие очень мало удобных летних пастбищ. Не случайно именно из этих уездов летом откочевывало довольно значительное число хозяйств далеко за пределы своих уездов, в северные районы Казахстана.

---

[5] Полевые записи Гурьевской (1962 г.), Мангышлакской (1968, 1976 гг.) и Кзыл-Ординской (1971 г.) этнографических экспедиций. (Полевые материалы всех этнографических экспедиций хранятся в архиве отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР им Ч. Ч. Валиханова.)

В Букеевской орде, Уральском, Актюбинском, Кустанайском, Петропавловском, Кокчетавском, Омском, Павлодарском, Семипалатинском, Усть-Каменогорском и Зайсанском уездах, а также в Лепсинском, Капальском, Джаркентском и Верненском уездах сезонные пастбища (зимовки, весенне-осенние и летовки) располагались в основном компактно, в пределах своих уездов.

Казахи Семиречья и северных районов, за редким исключением, круглый год оставались в пределах своих уездов, имели наряду с юртой постоянные жилые помещения, часто скотные дворы, посевы и сенокосные участки на зимовках[6]. Но в суровые зимы казахи северных районов арендовали на зиму пастбищные участки и переходили со своими стадами в пределы казачьих и крестьянских земель. Это в первую очередь относится к районам по Уралу, десятиверстной полосе по Иртышу, а также районам Оренбургской, Тобольской, Томской губерний[7].

На территории Темирского, Иргизского, Тургайского, Атбасарского, Акмолинского и Каркаралинского уездов, как показывают источники, летовки преимущественно находились в северной части уездов (степная зона), а зимние пастбища — в южной (пустынная зона). Поэтому и здесь казахское население не откочевывало за пределы своих уездов, и лишь в исключительных случаях чрезвычайно суровой зимы крупные скотовладельцы перегоняли свои стада в пределы Мангышлака, Казалинского и Перовского уездов.

На призимовочной территории почти во всех уездах существовали охраняемые удобные участки для молодняка и слабых животных, так называемые *қорық* (корик), *қой бөлік* (кой болик). Кроме того, крупные скотовладельцы имели запасные зимовки — *келте қыстау, жалған қора* (келте кстау, жалган кора) и часть скота содержали в зимнее время в стойлах. На севере были распространены зимние отгоны лошадей, т. е. табунное содержание на далеких от зимовок пастбищах. Для этого аул или отдельные баи составляли табуны — *қос* (кос; в одном косе обычно было от 300—500 до 1000 лошадей), нанимали табунщиков и отправляли лошадей на тебеневку до весны. В южных уездах в зимний отгон отправляли не только лошадей, но и овец и верблюдов. Такие отгоны находились в песках Кзылкумов, Больших и Малых Барсуков, в Мойынкумах и пустынях Южного Прибалхашья.

Для зимних пастбищ, как правило, избирались камышовые берега озер, долины рек, горные ущелья, южные склоны сопок, невысокие горы, опушки леса или небольшие равнинные участки меж бугристых песчаных пустынь. Под весенние пастбища в первую очередь использовались близлежащие от зимовок угодья, ранней весной быстрее всего освобождавшиеся от снежного покрова. Осенние пастбища в большинстве случаев совпадали с весенними или примыкали к району зимовки.

---

[6] Полевые записи Павлодарской (1961 г.), Целиноградской (1966 г.), Карагандинской (1969 г.) и Талды-Курганской (1960—1964, 1974 гг.) этнографических экспедиций.

[7] Полевые записи Семипалатинской (1955—1956, 1967 гг.), Кокчетавской (1970 г.), Северо-Казахстанской (1970 г.), Уральской (1973 г.) и Актюбинской (1972 г.) этнографических экспедиций.

Очень серьезным делом был выбор летних пастбищ. Определяющими признаками летовок являлись хороший травостой, прохладный климат, наличие водопоя и отсутствие комаров и слепней. Летние пастбища были в основном сосредоточены на севере и в горных районах Казахстана. Далеко не все казахское население пустынных и даже полупустынных зон могло пользоваться ими. Маломощные хозяйства или обедневшее население оставались на зимних стоянках, не имея сил и средств для перекочевки на дальние летовки. Число таких хозяйств в начале XX в. было довольно велико даже в таких кочевых скотоводческих уездах, как Мангышлакский, Казалинский и Перовский. Так, в конце XIX в. на Мангышлакском полуострове и на Устюрте летом оставалось в пределах зимних пастбищ около половины казахского населения. В Перовском уезде не откочевывало на летовки около 60% хозяйств, хотя их зимовки находились главным образом в долине Сырдарьи, где комары, оводы и слепни в летнее время являлись страшным бичом скотоводства. Из откочевывавших на летовки хозяйств 29% не уходили за пределы своего уезда, остальные кочевали в пределы Тургайского, Атбасарского и даже Кустанайского уездов. Примерно в таком же положении находился Казалинский уезд, где не откочевывавшие с зимовок хозяйства составляли 57,1% от общего числа хозяйств, а 48% кочевавших оставались в пределах уезда [8].

Такие обедневшие «кочевники», фактически не могущие кочевать, были в любом уезде. Это говорит о том, что далеко не у всего населения была возможность передвижения по сезонным пастбищам.

По данным переселенческих управлений, в конце XIX — начале XX в. каждый хозяйственный аул, даже отдельные хозяйства, имели определенные зимние стоянки, исключая зимние пастбища Мангышлака, Устюрта, пустынь южных районов, где еще действовало право первого захвата — так называемый *көң* (кон) — зимних стоянок с толстым слоем овечьего помета [9]. Понятно, что и этим правом, как и вообще лучшими зимовками, пользовались баи.

Несколько иным был порядок пользования осенне-весенними пастбищами. Если эти пастбища непосредственно примыкали к призимовочным территориям, то они находились в обособленном пользовании отдельной семьи или небольшого аула, если же осенне-весенние пастбища располагались вдали от зимовок, то зачастую ими пользовались сообща несколько аулов или даже несколько общин. Но при этом крупные баи и влиятельные бии почти всегда первыми занимали самые удобные участки. Недаром у казахов сложилась поговорка: *«бай қонысы сақтаулы»* (стоянка бая неприкосновенна).

На летних пастбищах обычно сходилось несколько родственных аулов. Однако самые лучшие пастбища с богатым травостоем и водными

---

[8] *Кияшко А. Н.* Очерки Закаспийской области. Военный сборник, 1897, № 10, с. 384; Материалы по киргизскому землепользованию... Перовский уезд. Ташкент, 1912, с. 44; Казалинский уезд. Ташкент, 1913, с. 33.

[9] Полевые записи Чимкентской (1958 г.), Кзыл-Ординской (1971 г.) и Мангышлакской (1968, 1976 гг.) этнографических экспедиций.

источниками находились фактически в распоряжении богатых скотовладельцев.

Таким образом, пользование лучшими сезонными пастбищами во все времена года по сути являлось привилегией состоятельных кочевых или полукочевых хозяйств, хотя во многих случаях еще сохранялась видимость общего пользования землей.

В условиях экстенсивного скотоводства первостепенное значение имело водообеспечение. Зимние стоянки обычно выбирались в долинах рек, в зарослях у озер или в ущельях гор, где были естественные водопои, а на пастбищах лежал снег. Весной талые воды, собиравшиеся в различных впадинах, образовывали временные водоемы — *қақ* (как), которые использовались для водопоя стад. Лишь в части зимовок пользовались колодцами. Острее стояла проблема обеспечения скота водой летом.

В северной части территории Казахстана много озер, болот, рек, ключей, искусственных запруд и неглубоких колодцев. Подпочвенные воды здесь находятся сравнительно неглубоко от поверхности, и колодцы тут распространены повсеместно. В зоне лесостепи, где растут березы, иногда делались колодцы со спущенным березовым срубом. В некоторых районах стены многоводных колодцев обкладывались камнем, но без срубов. Неглубокие колодцы, не доходившие до водоносных горизонтов, как правило, были широки, что обеспечивало накопление воды и создавало удобства для ручного ее черпания при помощи кожаной бадьи — *қауға* (кауга). Встречались в северной зоне и глубокие колодцы, из которых доставали воду при помощи журавля,— пример влияния русских крестьян-переселенцев [10].

В полупустынной и пустынной зонах проблема водоснабжения скота летом решалась большей частью с помощью рытья колодцев, так как пресные озера тут были редки, реки терялись в песках, а талые воды, остававшиеся в небольших углублениях, быстро испарялись. Глубина колодцев колебалась от 10 до 100 м, и казахи мерили их числом обхватов — *құлаш* (кулаш), шагов — *қадам* (кадам), длиной аркана — *арқан бойы* [11]. В Бетпак-Дале встречались колодцы глубиной в 15 обхватов, в Кзылкумах — в 30—40 шагов, а на Мангышлаке и Устюрте — до 40—100 шагов [12]. Доставка воды из таких глубоких колодцев — *шыңрау*

---

[10] Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинская область, Кокчетавский уезд, т. I. Воронеж, 1898, с. 47; Семипалатинская область, Павлодарский уезд, т. IV. Спб., 1903, с. 88; Полевые записи Кокчетавской (1970 г.) этнографической экспедиции.

[11] Средняя длина арканов равняется 12 кулашам, а кулаш — примерно 1,5 м.

[12] Материалы по киргизскому землепользованию... Долины рек Чу и Таласа. Ташкент, 1915, с. 100; Полевые записи Чимкентской (1958 г.) и Мангышлакской (1968, 1976 гг.) этнографических экспедиций; *Аргынбаев Х.* Казақтың мал шаруашылығы жайында этнографиялық очерк. Алматы, 1969, с. 48, 49; *Карутц Р.* Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке. Спб., 1910, с. 44; *Бурова А.* Скотоводство в условиях кочевания и родового быта. — Человек и природа, № 12, 1929, с. 37; *Толыбеков С.* Указ. работа, с. 27; *Сулейменов Б.* Указ. соч., с. 71; Материалы по киргизскому землепользованию... Уральская область, Темирский уезд. Оренбург, 1910, с. 186; Уральский уезд. Оренбург, 1909, с. 4—5 и др.

(шынрау) была сопряжена с немалыми трудностями, особенно если приходилось поить из них много стад (рис. 9). Из колодцев, глубина которых превышала 7—8 м, доставали воду при помощи верблюдов, лошадей и быков. Для этого делался большой кожаный мешок из цельной шкуры годовалого бычка, так называемый *«долы»*, для подъема которо-

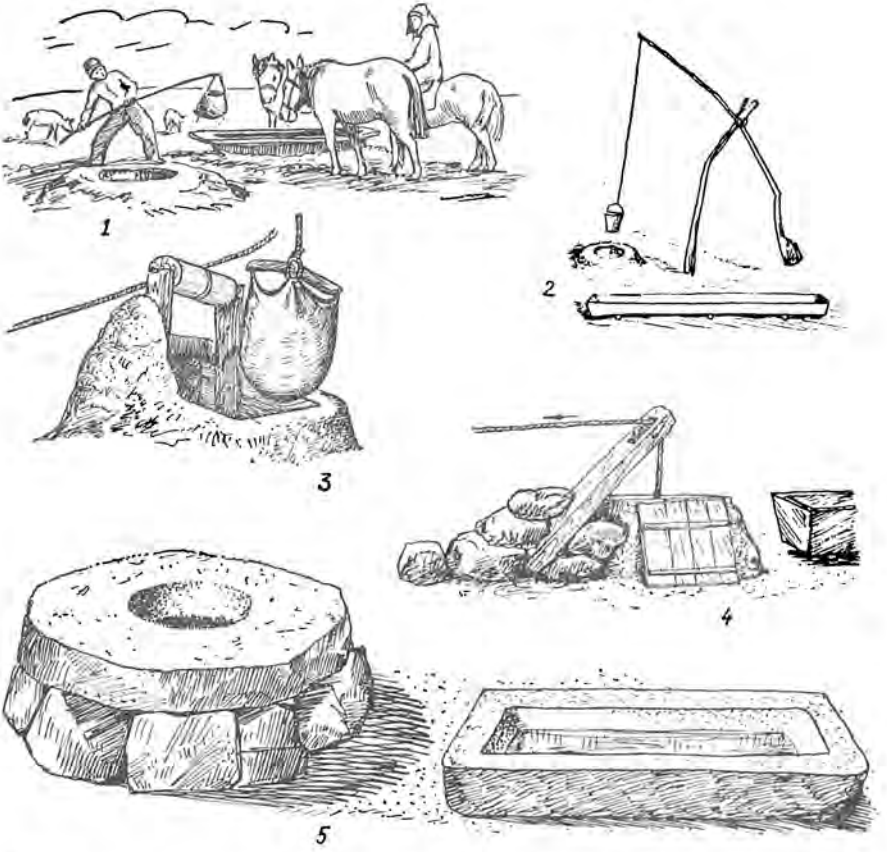


Рис. 9. Типы колодцев: *1* — мелкий колодец; *2* — колодец с журавлем; *3, 4* — глубокие колодцы (Бетпак-Дала); *5* — глубокий каменный колодец с айкелем (Мангышлак)

го использовали крепкий аркан из верблюжьей кожи-сыромятины — *көн* (кон), а над колодцем устанавливали блок (рис. 9, *3*). Наружный конец аркана прикреплялся к верблюду, которого отводили от колодца в стороны, вытягивая долы с водой, при этом обязательно трудились два человека и одно животное.

На Устюрте, Мангышлаке, в Кзылкумах и Бетпак-Дале нередко

встречались спаренные колодцы — *қос құдық* (кос кудык), расстояние между которыми определялось их глубиной. Это делалось для того, чтобы с наименьшей затратой сил и времени напоить как можно большее число скота. При этом наружные концы арканов из обоих колодцев прикреплялись к животному, а человек водил его между колодцами, вытягивая долы с водой из одного колодца и спуская в другой, а два других работника быстро опрокидывали их в корыто — *астау* [13].

Такие глубокие колодцы встречались через каждые 20—30 км по основным кочевым путям, например, адаевцев, табынцев, шектинцев, баганалинцев.

Колодцы на пастбищных участках были собственностью аула, отдельного рода или рывших их хозяев, колодцы же, расположенные на кочевых путях, являлись общественными, с пользованием на основе права первого захвата.

Мелкие колодцы рылись или ремонтировались и очищались ежегодно, но служили лишь в течение одного, в лучшем случае двух лет.

Намного сложнее и дороже было рытье глубоких колодцев в пустынной зоне. Для их строительства, например в Кзылкумах и Бетпак-Дале, нанимали работников, трудившихся в течение нескольких месяцев, чтобы сделать один добротный колодец с опущенным срубом из саксаула [14]. Особого умения и большого труда требовали глубокие колодцы Мангышлака и Устюрта, где после 1,5 — 2-метрового слоя грунта часто встречается сплошной, довольно толстый (от 20 до 100 м) слой ракушечника, под которым находится водоносный горизонт. Чтобы добраться до воды, нужно было пробить этот каменный слой. Для этого нанимали людей, специально занимавшихся этим делом, которые иногда годами трудились над одним колодцем, зато такие колодцы отличались долговечностью и обилием воды. По рассказам информаторов, в песках Сама, Мангышлака и Устюрта до сих пор действуют многие колодцы, вырытые 150—200 лет тому назад. Некоторые из них носят имена знаменитых мастеров, таких как Мамыртай и Мамыш. Обычно глубокая каменная скважина этих колодцев застраивалась сверху каменными плитами высотой в метр и закрывалась каменной крышкой (*айкел*) с отверстием посредине (рис. 9, *5*) [15].

Весьма интересны статистические данные о численности колодцев. Так, по данным 1873 г., на территории Мангышлакского уезда насчитывалось 1133 колодца, из них 698 являлись собственностью баев, 107— рядовых шаруа, 282 — отдельных родовых групп, лишь 46 колодцев были общественными.

По сведениям за 1911 г., в Акмолинской области насчитывалось 38 165 колодцев пресной и 7465 соленой воды, из них 1689 были государ-

---

[13] *Аргынбаев Х.* Указ. соч., с. 49—50; Полевые записи Чимкентской (1958 г.), Кзыл-Ординской (1971 г.) и Мангышлакской (1968, 1976 гг.) этнографических экспедиций.

[14] Полевые записи Чимкентской (1958 г.) этнографической экспедиции.

[15] *Аргынбаев Х.* Указ. соч., с. 49—50; Полевые записи Гурьевской (1962 г.) этнографической экспедиции.

ственными, 7553 — общественными, 36 385 находились во владении отдельных байских хозяйств [16].

Не менее интересны цифровые данные о наличии и других видов водопоя скота в разрезе ряда уездов. Материалы Переселенческого управления за 1897 г. говорят о том, что казахи Кокчетавского уезда в качестве водопоев использовали 65 рек и речушек, 115 озер, 721 болото, 2106 колодцев, 60 родников и 40 балок с запрудами; в Зайсанском уезде в 1899 г. на призимовочных территориях колодцами пользовались 891 зимовка, ключевыми источниками — 964, снеговой водой — 754, реками — 663, озерами — 8 и болотами — 5 зимовок [17], в Лепсинском уезде в 1909 г. для водопоя местному населению служили 106 рек и ключей, 216 арыков; в Капальском уезде в 1910 г. казахи пользовались 92 реками и родниками с 300 каналами (тоган), арыками и запрудами; в Джаркентском уезде в 1910 г. в распоряжении казахов находились 60 рек и ключей с 90 тоганами, арыками и запрудами; в Верненском уезде в 1911 г. казахи использовали 171 реку, ключ и родник, озеро и карасу (естественный водоем) с устроенными на них 392 арыками и запрудами [18].

Характерно, что в Семиреченской области не зафиксированы факты использования казахами колодцев. Разветвленная сеть горных рек, ключей и родников обеспечивала скот водой. В пределах же Южного Прибалхашья множество небольших впадин в твердой почве, где собиралась снежная вода, использовалось кочевниками для водопоя весной [19].

3. НАПРАВЛЕНИЕ И ПРОТЯЖЕННОСТЬ КОЧЕВЫХ ПУТЕЙ

Обширность территории Казахстана, разнообразие природно-климатических условий и ландшафтных зон, процесс формирования этнической территории, характер расселения при кочевом и полукочевом скотоводстве, а в ряде случаев и политические факторы (монгольское нашествие, набеги джунгар) обусловили сложение традиционных путей кочевок и использование сезонных пастбищ казахами. Со второй половины XIX в. и особенно в начале XX в. эти традиционные пути в силу изъятия царизмом казахских земель стали изменяться, но основные типы кочевания — меридиональное (основное), радиальное, вертикальное, иногда широтное — сохранились.

---

[16] ЦГА КазССР, ф. 393, оп. 1, д. 100, л. 98; Записки Кавказского отдела РГО, кн. 8. Тифлис, 1813, с. 32—34.

[17] Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинская область, Кокчетавский уезд, т. I. Воронеж, 1898, с. 50; Семипалатинская область, Зайсанский уезд, т. VIII. Спб., 1909, с. 47.

[18] Материалы по обследованию... Семиреченская область, Капальский уезд, т. II. Спб., 1913, с. 126; Джаркентский уезд, т. III. Спб., 1912, с. 171—174; Верненский уезд, т. IV. Спб., 1913, с. 107—117; Лепсинский уезд, т. I. Спб., 1911, с. 171—178.

[19] Полевые записи Алма-Атинской (1962 г.) этнографической экспедиции.

Как уже отмечалось, размеры летних пастбищ на территории Казахстана с севера на юг уменьшались, а в некоторых районах пустынной зоны практически отсутствовали. Кочевые пути находились в прямой зависимости от мест летовок, и длина кочевок была прямо пропорциональна расстоянию до летовок.

В Уральском, Актюбинском, Кустанайском, Петропавловском, Кок-

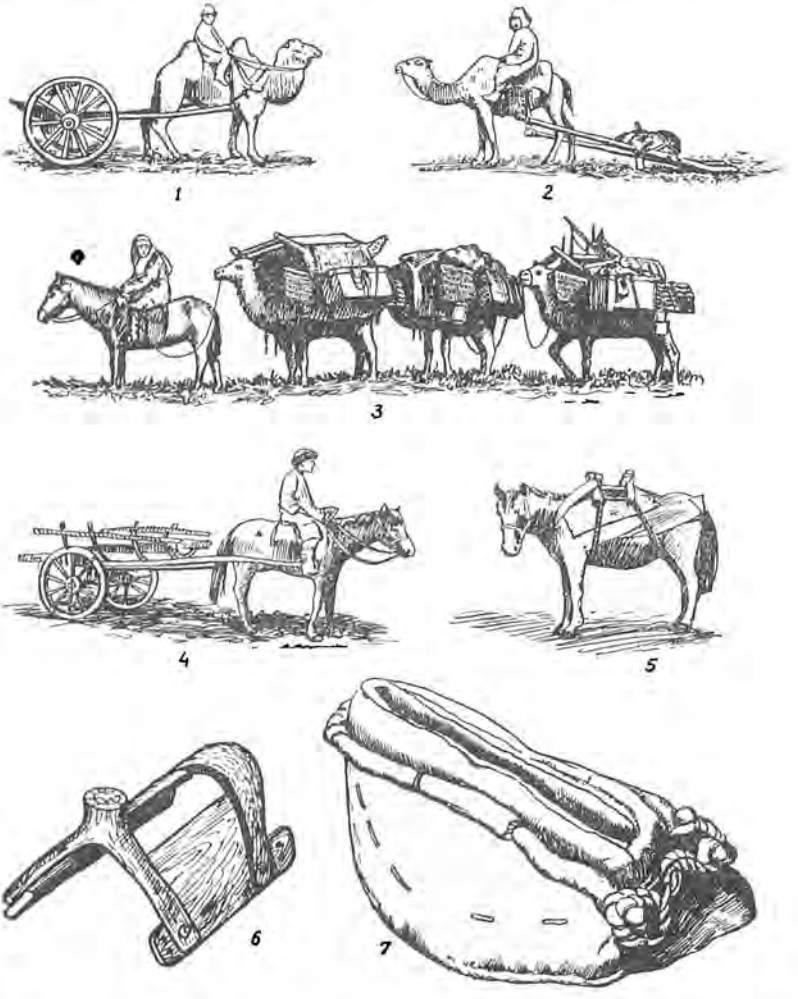


Рис. 10. Средства перевозки и вьючные седла: *1* — двухколесная арба; *2* — волокуша; *3* — кочевой караван; *4* — двухколесная арба; *5* — лошадь под вьючным седлом *ашамай*; *6* — вьючное седло *ашамай*; *7* — верблюжье вьючное седло *ғом* (ком)

четавском, Омском, Павлодарском и Семипалатинском уездах сезонные пастбища были расположены компактно, летние пастбища находились обычно в пределах уездов. Здесь длина кочевых путей в первых трех уездах колебалась от 5 до 50 с небольшим км, а в остальных — от 10 до 100, редко до 250 км. При этом в Уральском, Актюбинском, Петропавловском уездах летом кочевали скотоводы из других уездов и областей. Тут, как правило, кочевали отдельными хозяйствами, ранней весной — по одной-две юрты, так как нужно было сберечь каждый клочок прошлогодней травы *қаудан* (каудан). В аулы сходились лишь тогда, когда поднималась новая трава. Кочевание аулов происходило неодновременно. В Омском уезде переход на жайляу совершался в течение 2—3 дней и, в отличие от других уездов, с небольшими стадами и группами нагруженных верблюдов (рис. 10).

Длина кочевок во многом зависела от состоятельности скотоводов: только баи могли кочевать на дальние расстояния, а малоскотные хозяйства двигались с призимовочных пастбищ на очень небольшую дистанцию лишь в силу суровой необходимости сохранить стадо. Так, обедневшая часть казахов Петропавловского уезда считалась почти осевшей, ибо длина их кочевок равнялась в среднем 50—70 км.

В северных уездах направление кочевых путей меридионального характера выдерживалось не всегда, в Кустанайском, Петропавловском, Кокчетавском и Омском уездах встречались радиальные кочевки, в Актюбинском и Семипалатинском — вертикальные.

В уездах Северного Казахстана во время кочевок наряду с вьючными (лошади, быки, верблюды) использовался колесный транспорт, часто маломощные хозяйства устанавливали очередность на использование транспортных средств — *тасмал*.

Весенние кочевые караваны отличались праздничностью. В безлюдной степи тянется бесконечная цепь навьюченных верблюдов, привязанных один за другим; переднего верблюда обыкновенно ведет нарядная молодая женщина, обычно самая красивая в ауле, верхом на лошади; в стороне едут на иноходцах девушки в серебряных поясах, в шапках, отороченных бобром; сбруя иноходцев блестит серебряной насечкой. Впереди с гиком и песнями гарцуют на лучших скакунах джигиты; некоторые из них вооружены найзами (пиками) и даже клычами (род сабли). А там, дальше, тянутся бесчисленные табуны лошадей, овец...[1]. Так кочевали богатые аулы, бедные же казахи, например Петропавловского уезда, «...перекочевывали на десятках неимоверно скрипящих двухколесных арбах, на которых был сложен незатейливый... скарб... В каждую арбу была впряжена лошадь или бык, изредка верблюд...»[2].

Первые дни откочевки на жайляу являлись праздником (*мейрам*).

---

[1] *Гейер И. И.* Туркестан. Ташкент, 1908, с. 43; *Струве К., Потанин Г.* Поездка по Восточному Тарбагатаю летом 1864 г. — Записки РГО, т. 1, 1867, с. 491; *Аргынбаев Х.* Указ. работа, с. 64—65; *Толыбеков С. Е.* Указ. соч., с. 566—569.

[2] Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинская область, Петропавловский уезд, т. XII. Чернигов, 1908, с. 110.

Перед выездом с зимовки устраивался *наурыздама* — каждая семья старалась оставить от согума лакомые куски, чтобы угостить гостей [3].

День откочевки с зимовок назначал обычно уважаемый человек — аксакал, который совещался с другими аксакалами, он же возглавлял караван-кош. Выезжали обычно в середине мая в субботу или воскресенье. На первой остановке, где аул пребывал несколько дней, устраивались угощения свежей бараниной и кумысом [4].

В Лбищенском, Гурьевском, Темирском, Тургайском и Иргизском уездах, расположенных в основном в полупустынной зоне, не хватало летних пастбищ. Поэтому отсюда кочевники перекочевывали в пределы северных уездов — Уральского, Актюбинского и Кустанайского. Длина кочевых путей здесь достигала более 400 км.

В Мангышлакском, Казалинском и Перовском уездах (пустынная зона) летних пастбищ было еще меньше. Большие хозяйства из Мангышлака, Устюрта и Кзылкумов кочевали через Темирский, Иргизский и Тургайский уезды в пределы Актюбинского и Кустанайского уездов, преодолевая расстояние более 1000 км в одну сторону. Однако многие хозяйства вынужденно оставались на Эмбе, в Иргизе и Тургае. Жатаки и кункургиши (маломощные середняцкие хозяйства) передвигались в пределах своей волости и уездов.

Кочевники Мангышлака весной останавливались на Эмбе, в Кзылкумах — в основном в Каракумах и у озера Айнакуль, а после окота овец двигались дальше на север [5].

Кочевание с зимних пастбищ Мангышлака, Казалинского и Перовского уездов начиналось в первых числах марта, и поскольку ослабевший после зимы скот двигался медленно (кочевой аул проходил в день не более 15 км), то к весенним пастбищам приходили через 15—20 дней.

Конец марта — начало апреля на весенних пастбищах — чрезвычайно ответственный период для скотоводов. Именно в это время происходит массовый окот овец. Подножный корм, обильный водопой и тепло позволяли принять приплод, дать окрепнуть ему и скоту, истощенному за зиму. В это время все трудоспособные скотоводы были заняты, так как уход за молодняком требовал большого труда. В это же время производили стрижку лошадей и верблюдов, ставили метки молодняку, объезжали лошадей, формировали новые косяки лошадей.

Казахи Казалинского и отчасти Перовского уездов двигались на север по так называемой *«сатпай жолы»*, через Каракумы на Тургай, а остальные казахи Перовского уезда — по *«тау жолы»* — через оз. Айнакуль и Тургай. От Тургая и дальше до Кустанайского уезда движение становилось общим.

---

[3] Полевые записи Целиноградской (1966 г.) и Кокчетавской (1970 г.) этнографических экспедиций.

[4] Полевые записи Кокчетавской (1957 г.) этнографической экспедиции.

[5] Полевые записи Мангышлакской (1968, 1976 гг.) и Кзыл-Ординской (1971 г.) этнографических экспедиций.

По данным Переселенческого управления, в 1898—1899 гг. в Уральском уезде летовали из Лбищенского, Гурьевского и Темирского уездов всего лишь 360 хозяйств; в Актюбинском уезде из Гурьевского — 854, из Темирского — 544, из Казалинского — 14; в Кустанайском уезде из Перовского — 1204, из Казалинского — 152; в Иргизском уезде из Сырдарьинской области — 3043; в Тургайском уезде из Сырдарьинской области — 4541 хозяйство. Судя по этим данным, а также по длине кочевок, отдаленных и лучших пастбищ достигали лишь крупные байские хозяйства, менее же состоятельные останавливались на полпути, в пределах Иргизского и Тургайского уездов.

Так, 29,3% из общего числа хозяйств Перовского уезда оставались в Каракумах, 5,6 — на Калмаккырган в Тургайской области, 25 — в Атбасарском уезде и лишь 12,4% доходили до Кустанайского уезда. Следовательно, почти треть населения оставалась в пределах территории своего уезда. Дальнее кочевание, таким образом, было под силу лишь самым богатым скотовладельцам, которые имели в достаточном количестве не только скот, но и пастухов и табунщиков, в основном бедных родственников. В многотрудном кочевом процессе эти «сородичи» почти ежедневно разбирали и собирали юрты, навьючивали и развьючивали верблюдов, очищали места для загонов, устанавливали разборно-переносные ограды для скота, рыли новые или очищали старые колодцы, черпали из них воду, поили скот. Последнее требовало особенно большого труда, так как должно было производиться своевременно и с известной быстротой, что возможно только в том случае, когда на то или другое число голов имеется соответственное количество рабочей силы. У колодцев скот поят из корыт — *астау*. Каждое корыто имеет длину два аршина. На стадо овец в 200 голов надо иметь 2—3 корыта; из одного корыта в одно и то же время могут пить 30—40 баранов или 10 верблюдов при условии, если в каждое корыто будут черпать воду два человека [6]. Понятно, чтобы напоить стадо в тысячи овец, 100 и более верблюдов или лошадей, требовались значительные трудовые затраты многих людей.

При дальних перекочевках, например у казахов, зимовавших на р. Чу, и при отсутствии колесных дорог перевозка имущества производилась на верблюдах. В среднем в день кочевой караван проходил около 20 км с короткими остановками на 2—3 дня. Кочевали большими группами, но с таким расчетом, чтобы на стоянках хватило воды для скота. Лошади и гуленые верблюды шли поодаль, овцы и рогатый скот — вблизи каравана [7].

В Акмолинском, Атбасарском и Каркаралинском уездах направление кочевых путей было строго меридиональным. Летние пастбища в основном располагались в северных районах, и поэтому все кочующие

---

[6] Материалы по киргизскому землепользованию... Тургайская область, Кустанайский уезд, т. V. Воронеж, 1903, с. 2.

[7] Там же, Атбасарский уезд, т. II. Воронеж, 1902, с. XXVI; Полевые записи Джамбулской (1959 г.), Чимкентской (1958 г.) и Карагандинской (1965 г.) этнографических экспедиций.

хозяйства, за редким исключением, не переходили летом границ своих уездов. Но и здесь длина кочевых путей имела свои особенности. Так, в Каркаралинском уезде длина летних кочевок колебалась от 10 до 220 км. Лишь незначительное число байских хозяйств северных волостей переходило в южные районы Павлодарского уезда. Иначе выглядели летние кочевки казахов северной части Акмолинского и Атбасарского уездов, где длина кочевых путей колебалась от 200 до 500 км. Кочевники же южной части Акмолинского уезда, двигаясь на север, доходили до оз. Селеты-Тенгиз, р. Кундызды. Их кочевки были более длинными и продолжительными.

Казахов южной части Атбасарского уезда, начиная с водораздела, которым служат хребты Улутау, Арганатытау, относили к так называемым «чистым» кочевникам, которые не только летом, но и зимой вели кочевой образ жизни в низовьях р. Чу. Ранней весной они начинали движение на север и проходили в одном направлении громадные расстояния — не менее 1000 км — от р. Чу через Бетпак-Далу до Атбасара.

Осенними пастбищами для них служили просторы Жетыконура. («Жетыконыр» значит 7 прохладных урочищ: Добусын, Кент, Котан, Талды, Барча, Джидели, Жабагалы), которые отличались мягким климатом, прекрасным травостоем, имели множество глубоких колодцев[8]. Часть баганалинцев из низовьев р. Чу уходили на зиму в пределы Кзылкумов (на левом берегу р. Сырдарьи)[9].

На крайнем юге в пустынной зоне на территории Чимкентского и Аулие-Атинского уездов Сырдарьинской области горы Каратау, Александрийский хребет и Таласский Алатау, реки Сырдарья и Талас определили характер кочевых путей. Здесь меридиональное направление сочеталось с вертикальным.

В конце XIX — начале XX в. в Чимкентском уезде оседлые казахские хозяйства составляли 83,4%, а кочующие — лишь 16,6%. Исключая небольшую группу населения низовьев р. Чу, которая летом откочевывала на север до урочища Жетыконур в Атбасарском уезде, в целом в Чимкентском уезде самые дальние летовки находились в пределах 30—35 км. Абсолютное большинство казахов со всеми видами скота находилось летом в пределах призимовочных пастбищ, а летовки сосредоточивались в горных районах (Каратау), куда уходили состоятельные хозяйства. В первой половине июня кочевой караван прибывал на жайляу, где оставался до двух месяцев. Здесь доили кобылиц и приготавливали из их молока кумыс, проводили кастрацию ягнят, отбирали крепких с длинной шерстью и большим курдюком производителей обычно светло-серой и светло-рыжей масти; в это же время производилась стрижка

---

[8] Материалы по киргизскому землепользованию... Долины рек Чу и Таласа... Аулие-Атинский уезд. Ташкент, 1915, с. 100.

[9] Полевые записи Кзыл-Ординской (1971 г.) этнографической экспедиции.

овец, изготовление кошем, заготовка впрок продуктов из овечьего молока — масла, иримшика, курта, сузбе [10].

Зимние пастбища Аулие-Атинского уезда находились в основном в долинах рек Чу, Таласа, в песках Мойынкумов, на северных склонах Алатау и в отрогах Каратау. Бо́льшая часть летовок располагалась в пределах своего уезда по склонам Алатау, Александрийского хребта и на Каратау. Лишь 25% общего числа кочевавших уходили за пределы Сырдарьинской области на север в Атбасарский, Акмолинский и Каркаралинский уезды, пересекая Бетпак-Далу, часть же крупных баев откочевывала в Наманганский уезд Ферганской области.

Верненский, Джаркентский, Капальский и Лепсинский уезды Семиреченской области, Усть-Каменогорский и Зайсанский уезды Семипалатинской области по своим природно-климатическим условиям резко отличались от других: значительную их часть занимают обширные горные массивы (Южный Алтай, Тарбагатай, Джунгарский и Заилийский Алатау и их отроги), альпийские луга которых использовались в качестве летних пастбищ. Пустынные и полупустынные равнины, пески и солончаки, камышовые заросли вокруг озер Балхаш, Алаколь, Зайсан использовались, как и предгорья, в качестве зимних пастбищ.

Через Зайсанский, Усть-Каменогорский уезды проходит р. Иртыш с многочисленными притоками, в Семиреченской области — 7 крупных рек: Или, Каратал, Коксу, Аксу, Баскан, Лепсы и Аягуз, несущих свои воды в Балхаш. Такое сочетание природных условий предопределило в основном вертикальное направление летних кочевок.

Казахи всех этих уездов, исключая Зайсанский, где часть населения летом переходила границы Усть-Каменогорского и Семипалатинского уездов, круглый год находились в пределах своей территории, и длина кочевых путей во всем юго-восточном районе Казахстана колебалась от 10 до 150—360 км в одну сторону.

Летовками казахам Усть-Каменогорского уезда служили равнины р. Чар, горы Южного Алтая, Зайсанского уезда — окрестности оз. Маркаколь, гор Сартау, Сауыр и Тарбагатай. Казахи Лепсинского уезда на лето уходили к горам Тарбагатая и Джунгарского Алатау. Высокогорные альпийские луга Джунгарского и Заилийского Алатау служили летовками для казахов Капальского (урочища Сайынболек, Кызыл, Кора, Шажа, Толек-Тори, Сары-Тор, Сар-Нокай, Шаган и др.), Джаркентского и Верненского (урочища Асы, Каркара, Дегерес и др.) уездов Семиреченской области. Кочевые пути в Капальском и Верненском уездах имели направление строго с севера на юг, в Джаркентском — в основном с юга на северо-восток [11].

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. на обширной террито-

---

[10] Полевые записи Джезказганской (1963 г.), Кзыл-Ординской (1971 г.) этнографических экспедиций; *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество..., с. 557—558; *Аргынбаев Х.* Указ. соч., с. 83—88.

[11] Полевые записи Талды-Курганской (1960—1964, 1974 гг.) и Алма-Атинской (1975 г.) этнографических экспедиций.

рии Казахстана так называемые «чистые» кочевники, не имеющие постоянных зимних стоянок с постройками, обитали на полуострове Мангышлак, на Эмбе, в Кзылкумах и в низовьях р. Чу. Их летние кочевки с юга на север достигали 700—1000 км в одну сторону. Самые длинные вертикальные кочевки (до 380 км) совершались в Семиречье и Аулие-Атинском уезде, но здесь существовали почти повсеместно зимние стоянки с постройками. У казахов же северных уездов и полукочевников юга Казахстана летовки находились в пределах 20—200 км, а бедные казахи — жатаки — постоянно жили на зимовках.

Весенне-осенние пастбища повсюду были расположены недалеко от зимних стоянок. Здесь скот содержался обычно до марта — апреля, иногда до середины мая, на летних пастбищах он находился примерно с июня до сентября. В сентябре — октябре казахи-кочевники со скотом отправлялись в обратный путь и в ноябре достигали осенних пастбищ, а в декабре — зимовок. Этот годовой цикл характерен для большинства кочевых аулов. Одна из особенностей кочевания казахов Мангышлака, Кзылкумов и низовьев р. Чу, на пути которых встречались обширные безводные пространства, — ритмичное движение на север вслед за талой водой или же от колодца к колодцу.

Темп движения к летовкам был повсеместно медленнее, чем обратных кочевок на зимовку, что зависело от состояния скота и транспортных средств.

При движении к зимовкам в первые дни проходили небольшие расстояния, скот поили и пасли рано утром, кочевание проходило после обеда, ночью рабочий скот отдыхал без пастьбы и водопоя. А через 6—7 дней движения у скота пропадала излишняя потливость, постепенно вырабатывалась способность переносить холод и голод, длительные переходы.

Раньше откочевывали малоскотные хозяйства, позже — байские. В отличие от весны, осенью кочевали большими группами и быстрыми темпами. Кочующий караван являл собою красочную картину. Впереди ехала на коне девушка или молодка и вела за собой целый караван навьюченных верблюдов. За караваном шли отары овец и табуны лошадей. В отличие от таких кошей, караван бедняков был небольшим и отличался скромным убранством и небольшим количеством скота.

На осенних пастбищах проводилась случная кампания, хозяйственные работы по подготовке к зиме, убой скота на согум (заготовка впрок мяса и сала). Число и виды скота, шедшего на согум, зависели от состоятельности хозяина: крупные баи резали на согум до 10 лошадей, 2 верблюдов, 30 овец, а бедняк — 1—2 баранов, а то и ничего. Бедняки получали некоторое количество мяса за работу при убое скота для богатых. Они резали скот, снимали шкуры, разделывали туши, очищали внутренности, отделяли и растапливали внутреннее сало, засаливали мясо, приготовляли *қазы, шужық* и *керме* (казы, шужук и керме) — разновидности колбас [12].

---

[12] *Толыбеков С. Е.* Указ. соч., с. 569.

В северных уездах сезонные перекочевки в основном осуществлялись колесным транспортом, в южных — вьючными животными.

При меридиональной летней кочевке зачастую зимние пастбища казахов северных уездов служили летовками для скота казахов южных уездов. Но при этом сенокосные угодья и призимовочные территории не стравливались стадами пришельцев с юга. Эти неписаные законы обычного права, за редким исключением, всегда соблюдались.

Как известно, скот казахов в конце XIX — начале XX в. в основном проводил зиму под открытым небом, и чтобы как-то защитить его от холодов, буранов, места для зимовок выбирались среди песчаных бугров, в лощинах, в камышовых зарослях по берегам рек и озер, в горных лощинах и ущельях, в лесах.

Зимняя пастьба, так называемая тебеневка, производилась в определенном порядке: сначала выгоняли лошадей, которые копытами разрыхляли слежавшийся снег и поедали лучшую траву (пастбище, на котором табун пасся однократно, называлось *алатебін* — пестрое пастбище, на нем перевороченный снег перемешан с нетронутым), после лошадей на том же месте выпасали рогатый скот и верблюдов, которые еще больше разрыхляли снег и также поедали траву, оставшуюся после тебеневки. Затем, по повторной пастьбе, когда алатебинь превращался в *ақтебін* (актебинь — белое пастбище) и на нем уже не оставалось нетронутого снега, сюда выпускали овец, поедавших всю траву.

Казахи строго придерживались правил зимней пастьбы. Особенно ценились территории, наиболее удобные для тебеневки овец и рогатого скота и поэтому приберегаемые на самое трудное, зимнее время,— *қарамалжер*. При этом различалась площадь, которая могла быть вытравлена лошадью, привязанной на аркане,— *атарқан* (атаркан), так называемые телячьи пастбища — *бзаужері* и пастбища для дойных кобылиц — *биежері*. Существовало и зимнее овечье пастбище — *қойтебін* (койтебинь), обычно в логах, впадинах с кустами карагача [13].

Страшным бичом кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства казахов были джуты — массовый падеж скота в суровые зимы от бескормицы. Причиной джутов могли быть неблагоприятные для скотоводства метеорологические условия: засушливое лето и вследствие этого опустошительные степные пожары, снежные морозные зимы, сопровождающиеся многодневными буранами, внезапной кратковременной оттепелью или даже дождями. В подобных ситуациях и без того скудный травостой зимних пастбищ становился совершенно недоступным для тебеневки, земля покрывалась глубоким снегом или толстой коркой льда (гололедица). В результате этого происходил массовый падеж скота от бескормицы. Во время многодневных буранов нередко погибали целые табуны лошадей по 500—1000 голов, попадая в соленые озера

---

[13] *Мейер Л.* Материалы... Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865, с. 140; Материалы по киргизскому землепользованию... Омский уезд, т. XI. Омск, 1902, с. 55—56; Материалы по обследованию... Лепсинский уезд. Спб., 1911, с. 339.

(*сор*), покрытые снегом и не замерзающие даже в самые морозные зимы[14].

Джуты охватывали обширные регионы, иногда даже всю казахскую степь в целом. Обычно более или менее значительные джуты повторялись с определенной цикличностью — раз в 10—12 лет. Об этом свидетельствуют многовековой народный опыт и достоверные исторические сведения второй половины XIX — начала XX в. За это время джуты, охватывавшие обширные регионы или всю казахскую степь, были в 1855/56, 1867/68, 1879/80, 1891/92, 1902/03, 1911/12, 1915/16 годах. Согласно двенадцатилетнему животному циклу летосчисления (*тышқан* — мышь, *сиыр* — корова, *барыс* — барс, *қоян* — заяц, *ұлу* — улитка, *жылан* — змея, *жылқы* — лошадь, *қой* — овца, *мешін* — обезьяна, *тауық* — курица, *ит* — собака и *доңыз* — свинья), большинство из этих бедственных джутов совпадали с годом зайца — *қоян*. Поэтому казахи считали этот год самым неблагополучным, приносящим бедствия в виде засухи летом и джута зимой. В зависимости от характера и последствий годы джутов в народе назывались по-разному. Так, джут 1867/68 г. назывался *«жалпақ қоян жуты»* (сплошной всеобщий джут кояна), 1879/80 г.— *«ұлы қоян»* (великий коян), 1891/92 г. — *«кіші қоян»* (младший коян), 1915/16 г. — *«тақыр қоян»* или *«ақ қоян»* (белый коян) и т. д.[15] Судя по имеющимся данным, из всех этих джутов самым опустошительным был джут «великого кояна» 1879/80 г. В этот год особенно много скота погибло на территории Западного, Центрального и Южного Казахстана. Так, например, в Уральской области погибло 80%[16], в Иргизском и Тургайском уездах — 59, в четырех уездах Сырдарьинской области — 56% от всего количества скота[17].

Повсеместные и локальные джуты циклично повторялись не только в годы *«қоян»*, но и в другие годы. Так, например, почти повсеместный джут 1911/12 г. (*доңыз жуты* — джут года свиньи) или же локальный джут 1918 г. в Павлодарском уезде (*жылқы жуты* — джут года лошади) причинили значительный урон скотоводческому хозяйству казахов[18].

Джуты тормозили развитие животноводства казахов и способствовали его застою. Разумеется, от них больше всего страдали бедные и средние слои населения, которые, не имея возможности перегнать свои

---

[14] *Аргынбаев Х.* Қазақтың мал шаруашылығы жайында этнографиялық очерк. Алматы, 1969, с. 58—59.

[15] *Шахматов В. Ф.* О происхождении двенадцатилетнего животного цикла летосчисления у кочевников. — Вестник АН КазССР, 1955, № 1; *Искаков М.* Халық календары. Алматы, 1963, с. 183; *Захарова И. В.* Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии. ТИИАЭ, т. VIII. Алма-Ата, 1960, с. 32—65.

[16] Обзор Уральской области за 1880 г. Уральск, 1881; *Сулейменов Б.* Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX — начала XX в. Алма-Ата, 1963, с. 66.

[17] *Аничков И. В.* Упадок киргизского хозяйства и киргизской степи. — Русская мысль, кн. V. М., 1902, с. 62; *Сулейменов Б.* Указ. соч., с. 66; *Дияров К. Д.* Животноводство Казахстана. Алма-Ата, 1963, с. 30; *Аргынбаев Х.* Указ. соч., с. 57; *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX вв. Алма-Ата, 1971, с. 541—542.

[18] *Аргынбаев Х.* Указ. соч., с. 57.

стада на дальние, более благополучные пастбища, зачастую лишались всего скота. Но джуты не щадили и богатых скотоводов. Недаром сложилась в народе поговорка — *«бай бір жұттық, батыр бір оқтық»* (богачу достаточно одного джута, а богатырю одной стрелы). Во время локальных джутов байские стада при умелой организации перегонов на соседние благополучные пастбища гораздо меньше страдали, чем менее состоятельные хозяйства. В целом джуты оставляли глубокие следы на благосостоянии народа и резко ухудшали его экономическое положение. Об этом свидетельствуют данные об изменениях средней обеспеченности скотом. Так, в 1879 г. в Тургайской области на каждую кибитку приходилось 57 голов скота, а в 1881 г. после джута — 27 голов, т. е. средний показатель уменьшился больше чем вдвое [19].

После изнурительных джутов уровень развития скотоводства восстанавливался очень медленно. Во многих случаях прежнего уровня не достигали и до очередного джута, который недолго заставлял себя ждать.

Ухудшению экономического положения казахов способствовало также изъятие земельных участков самодержавием. В результате пастбищные угодья казахского населения значительно уменьшились, что также способствовало сокращению общего поголовья домашних животных по всей казахской степи в целом. Так, с 1890 по 1915 г., т. е. за 25 лет после начала массового переселения, численность скота у казахов Тургайской области сократилась более чем на 1 млн. голов, что составляло более 31% к исходному поголовью [20].

Таковы основные стороны казахского кочевого и полукочевого хозяйства, типичные для конца XIX — начала XX в.

4. ОБ ОСНОВНЫХ ТИПАХ СКОТОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА У КАЗАХОВ

Под типами скотоводства подразумеваются разные системы ведения скотоводческого хозяйства, обусловленные физико-географическими, социально-экономическими и историческими факторами.

Вопросы типологии скотоводческого хозяйства вообще, и у казахов в частности, разработаны недостаточно, но уже накоплен значительный историко-этнографический материал и много сделано для его обобщения.

Еще в дореволюционной литературе были попытки классификации типов казахского скотоводческого хозяйства, предпринятые непосредственными участниками экспедиций Переселенческого управления и специалистами на основе материалов, собранных этими экспедициями. Так, например, в материалах обследования Акмолинской области казахские хозяйства разделены на три основных типа: кочевые, полукочевые, оседа-

---

[19] *Дияров К. Д.* Указ. соч., с. 31.

[20] *Бенкевич В. Я.* Животноводство в Тургайской области, его экономическое и хозяйственное значение для населения. Кустанай, 1918, с. 107.

лые [1]. Критерием для разделения хозяйств по названным типам служил главным образом принцип использования различного вида пастбищ: к кочевым отнесены хозяйства, использующие для пастьбы скота четыре вида пастбищ (зимние, весенние, летние и осенние), к полукочевым — использующие зимние и весенне-осенние пастбища и не пользующиеся летними пастбищами (они, по мнению исследователей, составляли «коренную основу кочевого хозяйства»), к оседлым — хозяйства, которые круглый год содержали скот на зимних пастбищах [2]. При этом имелось в виду, что «общею, объединяющею все три типа, чертою является пребывание населения в постоянных жилищах в определенный период времени, в который общее кочевание со скотом по степи прекращается» [3]. При такой постановке вопроса из классификации исключались кочевые хозяйства, не имевшие постоянных жилищ и кочевавшие круглый год.

А. Кауфман, базируясь в основном на материалах экспедиций Переселенческого управления, полагал: «Чисто кочевой быт — это такой, где хозяйство зиждется исключительно на одном скотоводстве, где притом скот содержится круглый год на подножном корму, и следовательно — где не существует не только земледелия, но даже сенокошения, а отсюда с необходимостью вытекает кочевой образ жизни — правильные периодические передвижения кочевников и их скота, в зависимости от состояния кормов в разное время и в разных частях используемой кочевниками территории: отсюда вытекает и отсутствие постоянных жилищ — единственное обиталище типичного кочевника, идеально приспособленное к своей цели, — это передвижная, обыкновенно войлочная юрта... Полукочевые формы быта и хозяйства характеризуются появлением и более или менее значительным развитием земледелия и сенокошения, наличностью постоянных зимних жилищ и сокращением как времени, так и размаха кочевания» [4]. Близкую к этой характеристику скотоводства у казахов мы находим в работах Д. Клеменца. Помимо кочевого скотоводства, которое он называет «таборным», и полукочевого — «циклического», Д. Клеменц отмечает третий тип — «горно-вертикальное» скотоводческое хозяйство [5]. Заметим сразу, что это «горно-вертикальное» скотоводство являлось не типом, а формой кочевания, характерной для горных районов востока и юго-востока Казахского края. К тому же в предложенных до революции типологиях не учитывался социальный фактор.

---

[1] Киргизское хозяйство в Акмолинской области, т. I, Кокчетавский уезд. Повт. обсл. 1907 г. Спб., 1909, с. 44—45; там же, т. II, Омский уезд. Повт. обсл. 1908 г. Спб., 1910, с. 43; там же, т. III, Петропавловский уезд. Повт. обсл. 1908 г. Спб., 1910, с. 80; там же, т. IV, Атбасарский уезд. Повт. обсл. 1909 г. Спб., 1910, с. 38—39, 63; там же, т. V, Акмолинский уезд. Повт. обсл. 1909 г. Спб., 1910, с. 41—66.

[2] Там же, т. I, Кокчетавский уезд, с. 44—45.

[3] Там же, т. V, Акмолинский уезд, с. 41.

[4] *Кауфман А.* К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907, с. 6.

[5] *Клеменц Д.* Заметки о кочевом быте. — Сибирские вопросы, 1908, № 49—52, с. 10, 14.

Вопросы типологии скотоводческого хозяйства для Средней Азии и Казахстана разрабатывались советскими экономистами и экономгеографами. Однако эти разработки направлены в основном на оценку состояния сельского хозяйства с целью определения перспектив его развития, а материал рубежа XIX—XX вв. почти не учтен [6]. Исключение составляют работы С. Е. Толыбекова, посвященные кочевому обществу казахов в дореволюционное время, а также вопросам экономики и организации кочевого скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX — начале XX в. [7] По его мнению, у казахов до революции были кочевые — чисто скотоводческие, полукочевые — скотоводческие с зачатками земледелия и оседлые — скотоводческо-земледельческие типы хозяйства [8]. Но в такой типологии, как нам кажется, упущен важный момент: в одних и тех же зонах края могло сосуществовать несколько типов хозяйств.

Весьма интересны разработки типов скотоводческого хозяйства, принадлежащие историкам, археологам и этнографам. Так, например, В. Ф. Шахматов в исследовании о кочевой общине казахов высказывал мнение, что у них существовало пять основных типов хозяйства: первый — чисто кочевые хозяйства, не связанные с земледелием и сенокошением, второй — кочевые хозяйства, имевшие посевы и занимавшиеся сенокошением, третий — полуоседлые скотоводческие хозяйства, которые не имели посевов, но запасали сено на зиму, четвертый — оседлые земледельческо-скотоводческие хозяйства (содержали скот летом на выгоне или на ближайших пастбищах) и пятый — оседло-земледельческие хозяйства, для которых земледелие было основным источником существования [9]. Остается невыясненным вопрос, кочуют ли круглый год хозяйства казахов, которые автор относит ко второму типу: ведь хозяйства, занимавшиеся земледелием и сенокошением, как правило, зимой не кочевали и должны были быть отнесены к полукочевым, а не к кочевым хозяйствам.

В работе А. Турсунбаева о казахском ауле отмечены три типа скотоводства у казахов: кочевое, полукочевое и оседлое [10]. С. З. Зиманов в своей монографии об общественном строе казахов первой половины XIX в. довольно подробно разбирает особенности казахского кочевого хозяйства этого периода. То же следует сказать о работе А. Ере-

---

[6] См.: Среднеазиатский экономический район/Под ред. Ю. И. Пославского и Г. Н. Черданцева. — Ташкент, 1922, с. 35; Статистико-экономический обзор Киргизской Советской Социалистической Республики. Оренбург, 1923; Типы хозяйств Туркестана. Ташкент, 1924, с. 180; *Саушкин Ю. Г.* Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. М., 1947, с. 15—16.

[7] *Толыбеков С. Е.* Вопросы экономики и организации кочевого скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX и начале XX веков. — Труды Института экономики АН КазССР, т. II. Алма-Ата, 1957, с. 3—91; *он же.* Кочевое общество казахов...

[8] Там же, с. 495.

[9] *Шахматов В. Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964, с. 163.

[10] *Турсунбаев А.* Казахский аул в трех революциях. Алма-Ата, 1967, с. 15—16.

нова [11] и других авторов. Однако проблема типологии в них специально не рассмотрена.

Предложены классификации типов скотоводческих хозяйств в исследованиях советских археологов. Так, С. И. Руденко и С. С. Сорокин наметили ряд вариантов кочевого и полукочевого хозяйства [12]. К одному варианту они относят скотоводческие хозяйства, основанные на непрерывном кочевании, не имевшие постоянных жилищ и не занимавшиеся земледелием, ко второму — хозяйства «полукочевые с циклическим кочеванием...». Для последнего, полагает С. С. Сорокин, было характерно «постоянное занятие земледелием, заготовка сена».

С. И. Руденко выделял также особый тип отгонно-пастбищного скотоводства, при котором скотоводы имеют «постоянную оседлость, но часть семей более или менее продолжительное время года вместе со своими стадами переходит с места на место для их прокорма», причем подчеркивается, что отличие между отгонно-пастбищным и полукочевым скотоводством, несмотря на постоянную оседлость в том и другом типах, заключалось в том, что при отгонно-пастбищном со стадами кочевали только пастухи, а при полукочевом — целые семьи со всем движимым имуществом [13]. Хозяйства последнего типа С. С. Сорокин относит к полукочевым и выделяет как особый тип: «Специализированное скотоводческое хозяйство, основанное на сезонных перегонах скота летом в зону альпийских лугов, зимой — на сырты, расположенные выше зимних облаков. Высокогорное земледелие» [14]. Остается, однако, не вполне раскрытым, в чем заключается «специализированность» такого хозяйства и что понимается под высокогорным земледелием.

Полнее разработаны вопросы классификации скотоводческого хозяйства в трудах советских этнографов [15]. Общие вопросы взаимоотно-

---

[11] *Зиманов С. З.* Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958, с. 26—33; *Еренов А.* Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961.

[12] *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. — Материалы по этнографии, вып. 1. Л., 1961; *Сорокин С. С.* Древние скотоводы Ферганских предгорий. — Материалы по этнографии, вып. 1. Л., 1961.

[13] *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства, с. 3—4.

[14] *Сорокин С. С.* Древние скотоводы..., с. 29.

[15] *Жданко Т. А.* Патриархально-феодальные отношения у полуоседлого населения Средней Азии.— Материалы первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте. Ташкент, 1958; *она же.* Проблемы полуоседлого населения Средней Азии и Казахстана.— Советская этнография, 1961, № 2; *она же.* Номадизм в Средней Азии и Казахстане (некоторые исторические и этнографические проблемы). — История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968; *она же.* Картографирование в агро-этнографии (по материалам Средней Азии). — Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Тезисы докладов и сообщений 9—12 февраля 1971 г. Л., 1971; *Андрианов В. А.* Хозяйственно-культурные типы. Раздел главы «Географический очерк Средней Азии и Казахстана». — В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана, т. 1. М., 1962; *Абрамзон С. М.* Программа для сбора материалов по теме «Животноводство» к Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. — Региональное совещание по вопросам подготовки Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. Методические материалы. М., 1967; *он же.* Тезисы доклада «Вопросы классификации типов скотоводческого хозяйства народов Средней Азии и Казахстана» (рукопись); *Кармышева Б. Х.* Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX — начало XX века). — Советская этнография, 1969, № 3.

шений кочевого, полукочевого и оседло-земледельческого населения Средней Азии и Казахстана были поставлены в трудах Т. А. Жданко. Одной из первых она подчеркнула роль полукочевых хозяйств в развитии земледелия и оседлости, указала на значительное распространение этих хозяйств наряду с кочевыми и оседлыми у народов Средней Азии и Казахстана, в том числе у казахов. Согласно Т. А. Жданко, общими для различных групп оседлого населения Средней Азии и Казахстана можно считать: комплексный тип хозяйства — сочетание слаборазвитого экстенсивного поливного и богарного земледелия со скотоводством, а в некоторых районах и с рыболовством; натуральный характер хозяйства, неустойчивая оседлость [16].

Б. В. Андрианов выделяет на территории Средней Азии и Казахстана конца XIX — начала XX в. три главных хозяйственно-культурных типа [17]: оседлых жителей оазисов, ведущих интенсивное земледельческое хозяйство с применением искусственного орошения, полуоседлое население, сочетающее скотоводство с земледелием, и кочевников-скотоводов. Автор утверждает, что оседлые земледельцы как поливное, так и богарное земледелие сочетали с горно-пастбищным, стойловым и пустынным отгонным скотоводством. Для полуоседлого населения было характерно комплексное хозяйство, в котором сочетались скотоводство, земледелие, а иногда и рыболовство. Кочевое же скотоводство, согласно Б. В. Андрианову, различалось в зависимости от ландшафтных зон [18].

В статье о типах скотоводства в южных районах Узбекской и Таджикской ССР в конце XIX — начале XX в. Б. Х. Кармышева отметила четыре типа скотоводческого хозяйства. При отгонно-пастбищном, характерном в основном для полукочевых узбеков, основное поголовье скота круглый год содержалось на сезонных пастбищах под присмотром пастухов и скотоводству принадлежало ведущее или же равное с земледелием место. При кочевом скотоводстве скотоводы вместе с семьями передвигались по мере стравливания пастбищ (узбеки-кунграты и немногочисленные группы казахов). Выгонный тип скотоводства был характерен для оседлого населения равнин и предгорий, так называемых чагатаев (таджиков и узбеков), причем в хозяйстве по своему значению оно шло после земледелия, домашних промыслов и ремесел, а скот в основном играл роль тягловой и рабочей силы. Стойлово-выгонно-яйлажный тип скотоводства также был распространен среди оседлого населения (таджиков) преимущественно горной зоны и занимал второе место в хозяйстве после земледелия [19]. Эта классификация, основанная на результатах многолетних полевых исследований, не может не приниматься во внимание при разработке типологии скотоводческого хозяйства у казахов, в частности, в южных и юго-восточных районах края.

---

[16] *Жданко Т. А.* Проблема полуоседлого населения..., с. 56—58.

[17] О хозяйственно-культурных типах см.: *Левин М. Г.* и *Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса). — Советская этнография, 1955, № 4.

[18] *Андрианов Б. В.* Хозяйственно-культурные типы..., с. 32—37.

[19] *Кармышева Б. Х.* Типы скотоводства..., с. 44—49.

Много интересных наблюдений включает в себя схема классификации типов скотоводства у народов Средней Азии и Казахстана, предложенная С. М. Абрамзоном. У оседло-земледельческих народов он отмечает стойловую или стойлово-пастбищную систему содержания скота; у полуоседлых — отгонно-пастбищную; кочевой образ жизни исследователь связывает с пастбищной системой, круглогодичным содержанием скота на подножном корму. По его мнению, существовала также горно-пастбищная, как вариант отгонно-пастбищной, так называемая яйлажная система, при которой часть оседлого населения на лето уходила с семьями на пастбища в горах. Верно отмечено в схеме, что казахи, как и другие народы, занимавшиеся прежде всего и главным образом скотоводством, занимались и земледелием.

Обзор трудов по типологии скотоводства можно было бы продолжить, однако и приведенный материал может служить достаточным основанием для продолжения разработки классификации типов скотоводческого хозяйства казахов конца XIX — начала XX в.

Кочевое скотоводство у казахов имело экстенсивный характер и было связано с пастбищной системой, т. е. круглогодичным или почти круглогодичным содержанием основной массы скота на подножном корму. Круглогодичное содержание скота на подножном корму в конечном счете предопределяло состав стада: в него могли входить такие животные, которые были способны тебеневать, т. е. доставать на пастбище зимой корм из-под снега. Это в первую очередь лошади, овцы, составлявшие бо́льшую часть стада кочевников.

При кочевом скотоводстве использовались в течение года все виды сезонных пастбищ: зимние, весенние, летние и осенние. Последовательное передвижение по этим пастбищам являлось формой производственного процесса. В каждом сезоне года кочевка выступала как стадия процесса, в целом составлявшего замкнутый годовой цикл.

Круглогодичный выпас стада на пастбищах, перекочевки в течение всего года приводили к тому, что при кочевом скотоводстве большинство населения не имело возможности жить в постоянных жилищах, их основным жилищем была переносная разборная войлочная юрта[20]. В конце XIX — начале XX в. кочевое скотоводство и кочевой образ жизни вели казахи Мангышлакского, Темирского, Атбасарского, Казалинского, Иргизского, Тургайского, отчасти Капальского и некоторых других уездов[21], хотя степень распространения кочевого скотоводства в этих

---

[20] Более подробно об этом см.: *Потапов Л. П.* Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни. — Сб. МАЭ, т. XII. М.—Л., 1949; *Марсулан А. Х.* Казахская юрта и ее убранство. М., 1964.

[21] Статистико-экономический обзор Киргизской Советской Социалистической Республики. Оренбург, 1923, с. 180; *Фиельструп Ф.* Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана. — Казаки. Антропологические очерки. Сб. 2. Л., 1927, с. 78—79; Полевые материалы Гурьевской этнографической экспедиции (1972 г.); Архив Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР, ф. К—1, оп. 2, с. 964—968; *Руденко С. И.* Очерк быта казахов бассейна рек Уила и Сангыза. — Казаки. Антропологические очерки. Сб. 1. Л., 1927, с. 7—8; *Фиельструп Ф.* Скотоводство и кочевание..., с. 78—79; Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинская область, Атба-

уездах была различной. Так, если почти все казахи Мангышлака вели кочевой образ жизни, то в Атбасарском уезде к кочевникам относилось население только южной его части, а в Капальском уезде — лишь небольшая группа (до 3% населения).

Каждому сезону года соответствовал свой период кочевания, число перекочевок в течение одного сезона, расстояния, которые проходило кочевое хозяйство во время перекочевки за день в разные сезоны, отчасти хозяйственные задачи, которые решали скотоводы в каждом сезоне.

Таковы, как нам представляется, основные черты кочевого скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX — начале XX в.

Однако на рубеже XIX—XX вв. наиболее распространенным было не кочевое, а экстенсивное полукочевое скотоводство. Для него была характерна пастбищно-полустойловая система содержания скота, занятие земледелием, сенокошение, пребывание в зимний период на одном месте и в связи с этим наличие помимо переносной юрты стационарных зимних жилищ. Наряду с лошадьми, овцами и верблюдами часть, правда, небольшую, занимал крупный рогатый скот. Намного меньше, чем у кочевников, протяженность перекочевок у полукочевников.

В течение весны, лета, осени и частично зимы полукочевники содержали скот на подножном корму, в самое неблагоприятное, зимнее, время (сильные морозы, ветры, снега и гололед) домашних животных оставляли в загонах и кормили сеном (это и есть момент полустойлового содержания скота). При таком содержании сеном подкармливался не весь скот, а главным образом рабочие и ездовые лошади, слабый молодняк, незначительное количество маточного поголовья (овцы и крупный рогатый скот).

В условиях полукочевого скотоводства пастбища различались не только по сезонам — летние, зимние, весенне-осенние, но и по форме пользования ими. Летние пастбища степных северных районов Казахстана обычно находились в общем пользовании. «Летние пастбища, или летовки, — говорилось в материалах Переселенческого управления о казахах Семипалатинского уезда, — находятся в общем пользовании нескольких или многих общин, кочующих по этим пространствам в течение лета». Такие же сведения имеются по многим другим уездам

сарский уезд, т. II. Воронеж, 1902, с. VI, XXV—XXVI; Киргизское хозяйство в Акмолинской области, т. IV, Атбасарский уезд. Повт. обсл. 1909 г. Спб., 1910, с. 30; *Чермак Л. К.* Киргизское хозяйство в Степном крае. — Район железной дороги Петропавловск — Спасский завод в экономическом отношении. Спб., 1912, с. 228; Материалы по киргизскому землепользованию... Сырдарьинская область, Казалинский уезд. Ташкент, 1913, с. 41; *Радышева И.* Киргизское равнинно-кочевое хозяйство. — Типы хозяйств Туркестана, с. 14; Полевые материалы Кзыл-Ординской (1971 г.) этнографической экспедиции; Архив Ленинградского отделения... ф. К-1, оп. 2, с. 918—919; Материалы по киргизскому землепользованию... Тургайская область, Кустанайский уезд, т. V. Воронеж, 1903, с. 3; *Добросмыслов А. И.* Скотоводство в Тургайской области, с. 339—340; Материалы по обследованию... Семиреченская область, т. II, Капальский уезд. Спб., 1913, с. 195.

дореволюционного Казахстана[22]. Весенне-осенние пастбища также в основном находились в коллективном пользовании, однако круг хозяйств, которые сообща использовали эти угодья, значительно сужался. Если на летовках могли совместно пасти свой скот сразу много аулов разных групп, то на весенне-осенних пастбищах — только одной родовой группы, а зачастую и более мелких ее подразделений[23].

Иначе пользовались зимними пастбищами. Число удобных зимовок в это время было ограничено, а поэтому, как правило, они находились в обособленном пользовании небольшого числа казахских хозяйств обычно одного аула — *кстау*[24]. В некоторых районах Казахстана, где не хватало зимних пастбищ, но были богатые сенокосные луга, казахи использовали полустойловое содержание скота зимой. Так, казахи-скотоводы прииртышского района Павлодарского уезда, как писал Л. К. Чермак, имели возможность делать большие запасы сена и содержать скот зимой в стойлах, причем это обстоятельство позволяло им иметь своеобразное стадо, в котором видное место принадлежало крупному рогатому скоту, составляющему одну треть всего поголовья (33,6%)[25].

Одним из существенных отличительных признаков полукочевого скотоводческого хозяйства у казахов в конце XIX — начале XX в. являлось сенокошение, и именно в это время оно стало быстро распространяться. Так, у казахов Петропавловского уезда количество собираемого сена за семь лет (с 1901 по 1908 г.) увеличилось с 925 тыс. до 3263 тыс. копен в год. Этому содействовало то, что в ряде уездов Казахстана, особенно в степных районах, состоятельные казахи-скотоводы начали применять для косьбы сена не только косу-литовку, но и машины-сенокосилки[26]. Характерно, что сенокосы были одним из первых видов сельскохозяйственных угодий, которые казахи стремились закрепить за отдельными хозяйствами. Так, например, в публикациях Переселенческого управления о казахах Кокчетавского уезда говорится: «Вследствие сокращения пастбищ, постепенно отходящих переселенцам, богатые киргизы (казахи.— *В. К.*) почувствовали земельное стеснение и вынуждены были

---

[22] Материалы по киргизскому землепользованию... Семипалатинская область, Семипалатинский уезд, т. X. Спб., 1909, с. 70; Акмолинская область, Акмолинский уезд, т. III, ч. II. Спб., 1907, с. 105; Петропавловский уезд, т. XII. Чернигов, 1908, с. 89; Семипалатинская область, Павлодарский уезд, т. IV. Воронеж, 1903, с. 16; *Аргынбаев Х.* Некоторые особенности хозяйства казахов Капальского уезда Семиреченской области (в конце XIX — начале XX в.), с. 155; *Руденко С. И.* Очерк быта северо-восточных казахов. — Казаки. Сб. 3. Л., 1930, с. 3. 10.

[23] Материалы по киргизскому землепользованию... Семипалатинская область, Каркаралинский уезд, т. VI. Спб., 1905, с. 43—44; *Аргынбаев Х.* Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX — начале XX в. (по материалам Восточного Казахстана). — ТИИАЭ, с. 32.

[24] См.: Материалы по обследованию..., т. I, Лепсинский уезд. Спб., 1911, с. 152; Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинская область, Кокчетавский уезд, т. I. Воронеж, 1898, с. 91; Семипалатинская область, Усть-Каменогорский уезд, т. IX. Спб., 1905, с. 17.

[25] *Чермак Л. К.* Киргизское хозяйство в Степном крае..., с. 223.

[26] Киргизское хозяйство в Акмолинской области, т. III, Петропавловский уезд. Повт. обсл. 1908 г. Спб., 1910, с. VI.

озаботиться подготовкой зимнего корма. В качестве сильных и влиятельных хозяев они захватили постепенно значительные сенокосные площади и удерживают их в своем исключительном пользовании...»[27].

Существенным признаком полукочевого скотоводческого хозяйства, отличающим его от кочевого, было занятие земледелием [28]. Как свидетельствуют археологические, исторические и этнографические материалы, земледелие было известно казахам давно [29]. В конце XIX — начале XX в.

Таблица 4

Соотношение доли разных видов домашних животных с долей хозяйств, занимающихся земледелием и сенокошением

Уезд	На 100 голов скота приходится				Хозяйства с посевом, %	Посевы на одно х-во, дес.	Хозяйства, косившие сено, %
	лошадей	кр. рог. скота	верблюдов	овец и коз			
Каркаралинский	19,4	10,1	2,0	68,5	14,5	0,4	73,7
Семипалатинский	19,7	13,0	1,4	65,9	49,5	1,5	83,6
Зайсанский	12,0	6,1	1,3	80,6	72,6	0,7	44,6
Усть-Каменогорский	19,8	9,2	0,4	70,6	69,6	1,4	96,3
Акмолинский	27,9	20,3	1,9	49,9	61,6	2,3	94,4
Петропавловский	31,2	25,4	0,1	43,1	25,0	2,1	93,3

оно распространялось все быстрее и шире. В отличие от казахов-полукочевников северных областей Казахстана, а также Семиречья, сырдарьинские казахи, ведущие полукочевой образ жизни, занимались наряду со скотоводством земледелием и рыболовством, причем более всего беднота. В Казалинском уезде, например, рыболовством занималось около 6,2% всего мужского казахского населения, в Перовском — 4,8% [30].

С сенокошением и занятием земледелием полукочевых казахов самым тесным образом было связано увеличение в составе стада крупного рогатого скота. Иллюстрацией этого положения может служить таблица 4, показывающая долю разных видов домашних животных в ряде уездов Казахстана и ее связь с долей хозяйств, занимающихся земледелием и сенокошением.

У полукочевых казахов крупный рогатый скот приобрел новое качество — он стал основной тягловой силой в земледелии. Зимой при стой-

[27] Киргизское хозяйство в Акмолинской области, т. I, Кокчетавский уезд..., с. 57.
[28] См.: *Жданко Т. А.* Проблемы полуоседлого населения..., с. 57.
[29] Подробно см. раздел книги «Земледелие».
[30] Материалы по киргизскому землепользованию... Сырдарьинская область, Казалинский уезд. Ташкент, 1913, с. 67—71; Перовский уезд. Ташкент, 1912, с. 94—96.

ловом содержании его можно было кормить не только сеном, но соломой и мякиной.

Существовало еще одно обстоятельство, побуждавшее казахов заниматься разведением крупного рогатого скота, а именно появление рынков сбыта мяса.

Повышение доли крупного рогатого скота в общем поголовье у полукочевых казахов вело к сокращению длины летних перекочевок, во всяком случае для многих хозяйств.

Сокращение радиуса кочевания хозяйств полукочевников обусловливалось не только появлением в их стаде крупного рогатого скота, но также и тем, что эти хозяйства занимались земледелием, а посевы, как правило, были расположены в районе зимних стоянок или недалеко от них. Здесь же находились обычно и сенокосные угодья [31].

Для полукочевого скотоводческого хозяйства казахов конца XIX—начала XX в. характерно наличие как переносного летнего жилища — юрты, так и постоянного зимнего. «С изменением формы хозяйственной жизни,— сообщается в информации о казахах Казалинского уезда,— с переходом к земледелию изменился внешне и хозяйственный аул; вместо юрт появились постоянные жилые постройки, приспособленные для жилья в зимнее время (зимовки). Постройки эти пока очень примитивного характера — в большинстве случаев глинобитные мазанки, сделанные кое-как, темные и тесные внутри и очень неприглядные снаружи... Материал для построек иногда разнообразится: так, например, в некоторых аулах, расположенных по берегам озер и рек, можно встретить постройки из камыша. У некоторых хозяев... кроме жилых помещений... имеются еще и холодные постройки для вещей и скота, а сама усадьба иногда обносится дувалом». В уездах, где имелся в достаточном количестве лес, например в Кокчетавском уезде, кроме землянок было много постоянных жилых помещений, состоявших из «изб и домов»,— эти виды жилых помещений построены исключительно из дерева»[32]. Росло и число помещений для скота. В Павлодарском уезде, например, «каждая киргизская зимовка «кстау» имеет всегда по несколько отдельных хлевов — «кора», находящихся под одной крышей и предназначенных для различных видов, а иногда и для различных возрастов скота... у зажиточного киргиза (казаха.— *В. К.*) таких кора 8—10, у среднего — 5—6»[32].

Однако постоянные жилые помещения имелись не у всех полукочевых хозяйств: например, в Чимкентском уезде они были только у половины общин, в Казалинском — несколько больше — у 57,7%[34].

---

[31] *Руденко С. И.* Очерк быта северо-восточных казахов..., с. 3.

[32] Материалы по киргизскому землепользованию... Сырдарьинская область, Казалинский уезд, с. 16—17; Киргизское хозяйство в Акмолинской области, т. I, Кокчетавский уезд. Повт. обсл. 1907 г. Спб., 1909, с. 69.

[33] Материалы по обследованию... Семипалатинская область, т. I, Павлодарский уезд. Повт. обсл. Спб., 1912, с. 74.

[34] Материалы по киргизскому землепользованию... Сырдарьинская область, Казалинский уезд. Ташкент, 1912, с. 12.

Если зимой мелкий и крупный рогатый скот, а также верблюдов в полукочевых хозяйствах пасли на призимовочных пастбищах, то лошадей отправляли, как правило, на дальние пастбища. Это вызывалось необходимостью: площадь призимовочных пастбищ была ограничена, не всегда пастбища, расположенные около зимнего стойбища, были достаточно удобны для пастьбы лошадей, как, например, пастбища с редкой и низкой травой. В то же время на летних и осенних пастбищах оставалось обычно немало травы. Часть пастбищ, где не было воды, вообще не использовалась, зимой все эти места представляли собой прекрасные зимние пастбища, на которые пригоняли лошадей, несмотря на то, что иногда эти пастбища находились за несколько сот километров от зимних стоянок. Для отгона лошадей середняцкие хозяйства группировали их в табуны, как правило, в 500—600 голов под надзором 3—4 пастухов из членов своих семей или наемных. Байские хозяйства посылали свои табуны в отгон обычно отдельно.

В Восточном Казахстане в связи с нехваткой пастбищ, а также в связи с развитием земледелия часть хозяйств переходила от полукочевого скотоводства к отгонному. В ауле или семейно-родственной группе часть людей уходила со скотом на летние пастбища, а часть оставалась на пашне [35]. Такие факты отмечены в конце XIX в. в долине р. Чу [36]. Можно полагать, что в некоторых районах Казахстана (Восточный Казахстан, долина р. Чу и некоторые другие) бытовало отгонное скотоводство.

На рубеже XIX—XX вв. существовало казахское скотоводческое хозяйство оседлого типа со стойловым и отгонно-стойловым содержанием скота. Оно не знало перекочевок даже летом, а само скотоводство постепенно теряло свою ведущую роль. Такой тип хозяйства отмечен в материалах Переселенческого управления в Кокчетавском, Лепсинском, Казалинском, Перовском и многих других уездах. Существенное влияние на такой тип хозяйства оказывали социально-классовые факторы, прежде всего процесс пауперизации скотоводческого аула [37].

Оседлое скотоводческое население имело, по сравнению с кочевым и полукочевым, гораздо меньшее поголовье скота, и все большее место в нем занимал крупный рогатый скот. По словам А. И. Добросмыслова, «развитие оседлости дало возможность киргизам (казахам.— *В. К.*) южных уездов (Тургайской области.—*В. К.*) заводить крупный рогатый скот, а в северных — разводить его в бо́льших размерах, чем это делалось раньше».

---

[35] О семейно-родственной группе см.: *Курылев В. П.* К вопросу о семейно-родственных группах у казахов. — Краткое содержание докладов в годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 1971 г. Л., 1972, с. 39—40.

[36] *Чермак Л. К.* Оседлые киргизы-земледельцы по р. Чу. — Записки Западно-Сибирского отдела РГО, кн. XXVII. Омск, 1900, с. 18, 20, 200.

[37] *Чермак Л. К.* Киргизское хозяйство в Степном крае..., с. 226; Киргизское хозяйство в Акмолинской области, Кокчетавский уезд. Повт. обсл. 1907 г. Спб., 1909, с. 45; Материалы по обследованию... Семиреченская область, Лепсинский уезд, с. 160; Материалы по киргизскому землепользованию... Сырдарьинская область, Казалинский уезд, с. 57; Перовский уезд, с. 27.

Оседлых скотоводческих хозяйств даже в северных степных областях было сравнительно немного: в Петропавловском уезде — 4,6% от общего числа казахских хозяйств, в Усть-Каменогорском — 10, в Кокчетавском — менее 3, в Акмолинском — 1,5, в Атбасарском — менее 2% [38]. Однако эти данные нельзя считать вполне достоверными: очевидно, доля оседлого скотоводческого хозяйства возрастала и шел процесс оседания.

Таким образом, в конце XIX— начале XX в. у казахов существовали три основных типа скотоводческого хозяйства — кочевое, полукочевое, оседлое — с множеством частных вариантов и градаций в рамках отдельных уездов и даже волостей. Они сложились под влиянием ряда факторов: естественно-географических, социально-экономических и исторических.

При тогдашнем низком уровне развития производительных сил естественно-географические условия являлись одним из важных факторов, определявших существование того или иного типа хозяйства.

Все более существенное влияние на тип хозяйства оказывал социальный фактор. При всех особенностях скотоводства, проистекавших из природных условий, практически для всей территории Казахстана определилась зависимость между обеспеченностью скотом и типом хозяйства, разумеется, с отклонениями (например, не только беднота, но и баи в ряде мест занимались земледелием и вели оседлый образ жизни), однако в конечном счете эти отклонения подтверждали общую закономерность.

Немалое влияние на эволюцию типов скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX — начале XX в. оказало вхождение казахских земель в состав России. Установление нового административно-территориального устройства и управления, проникновение в докапиталистический аул буржуазных отношений, массовое изъятие царизмом земель с сокращением площади пастбищ, налоговая система сказались на типах скотоводческого хозяйства казахов и распространении среди них земледелия. Вместе с тем действовал фактор примера и передачи хозяйственного опыта переселенцами.

Как отмечено в материалах Переселенческого управления по Акмолинской области, «прилив переселенцев в степь, устройство в степи русских поселков с неизбежным изменением в пользовании старыми джайлявными дорогами, перемена мест кочевок и ограничение прежнего исключительно кочевого приволья изъятием лишних земель под переселенческие участки и казенные лесные дачи,— все это постепенно вводило киргизские (казахские.—*В. К.*) кочевые хозяйства в круг новых условий, при которых стало возникать и развиваться сенокошение и хлебопашество с одновременным сокращением прежде необходимой для пастбищ

[38] Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинская область, Петропавловский уезд, с. 4; Семипалатинская область, Усть-Каменогорский уезд, с. 34; Киргизское хозяйство в Акмолинской области, т. I, Кокчетавский уезд. Повт. обсл. 1907 г. Спб., 1909, с. 63; т. V, Акмолинский уезд. Повт. обсл. 1909 г. Спб., 1910, с. 67; т. IV, Атбасарский уезд. Повт. обсл. 1909 г. Спб., 1910, с. 63.

площади и с приурочением аульных поселений к таким местам, где находились лучшие для сенокошения и посевов земли»[39]. И это верно не только в отношении Акмолинской области.

К тому же на территории Казахстана в это время стали появляться новые города, росло городское население, что создавало рынки сбыта продукции не только скотоводства, но и земледелия.

Так совокупность социальных и исторических факторов на рубеже XIX—XX вв. влияла на изменение типов скотоводческого хозяйства казахов.

5. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ДОМАШНЕГО СКОТА И ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Кочевники, полукочевники и оседлые казахи разводили лошадей, овец, крупный рогатый скот, верблюдов и коз. Эти виды домашних животных, правда, в разной степени, были представлены на всей территории Казахстана (таблица 5). Разница в соотношении видов домашнего скота при экстенсивном хозяйствовании определялась главным образом природно-климатическими условиями, а в конце XIX— начале XX в. отчасти и рыночным спросом.

В Уральской области самым многочисленным видом домашних животных являлись овцы (64% всего поголовья), но распределялись они по уездам неравномерно. Так, в Мангышлакском уезде удельный вес овец во всем стаде составлял 84,6%, Гурьевском — 69,2, Лбищенском — 60%. В Букеевской же орде, Темирском и Уральском уездах доля овец равнялась примерно 52%.

Удельный вес крупного рогатого скота в области достигал 13,4% численности всех видов скота. Интересно, что если Мангышлакский и Гурьевский уезды ненамного опережали остальные уезды по количеству овец в стаде, то по численности крупного рогатого скота они занимали последнее место (на Мангышлаке — всего 0,1%, в Гурьевском уезде — 8,6%). В остальных четырех уездах Уральской области доля крупного рогатого скота колебалась от 17,9 до 24,9% (выше всего в Уральском и Темирском уездах).

Удельный вес лошадей в стаде по области в среднем составлял 8,9% поголовья скота, но по уездам он был неодинаков. К уездам с относительно высокими показателями численности конского поголовья относились Уральский, Букеевская орда и Темирский уезд — от 11— до 12,4%. В Лбищенском и Гурьевском уездах доля лошадей колебалась от 8,3 до 7,7%, в Мангышлакском уезде она составляла всего лишь 4,6%.

Численность коз в стаде в среднем по области достигала 8,3%, в Бу-

[39] Киргизское хозяйство в Акмолинской области, Омский уезд. Повт. обсл. 1908 г. Спб., 1910, с. 37.

Таблица 5

Распространение основных видов домашнего скота на конец XIX — начало XX века (в числителе — абсолютное число, в знаменателе — процент от общего числа по уезду)

Уезд	Год обследования	Число хозяйств	Лошади	Крупный рогатый скот	Верблюды	Овцы	Козы	Всего голов скота	
								абсолютное число	% к поголовью по обл.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Уральская область									
Букеевская орда	1891	46 002	230 799 / 12,0	378 876 / 19,7	122 243 / 6,3	1 014 361 / 52,7	190 680 / 9,3	1 936 759	30,2
Гурьевский	1900	22 784	52 606 / 7,7	58 372 / 8,6	78 178 / 11,5	464 583 / 69,2	20 673 / 3,0	674 412	10,5
Лбищенский	1912	17 939	63 619 / 8,8	135 793 / 17,9	18 815 / 2,5	463 952 / 60,0	86 719 / 11,3	768 928	10,0
Темирский	1908	16 616	68 767 / 11,0	128 421 / 20,3	42 367 / 6,7	332 814 / 52,6	59 518 / 9,4	631 887	9,9
Уральский	1904—1906	11 267	78 201 / 12,4	156 133 / 24,9	10 634 / 1,7	328 155 / 52,3	54 828 / 8,4	627 956	9,8
Мангышлакский	1906	14 961	80 110 / 4,6	1368 / 0,1	71 700 / 4,0	1 492 325 / 84,6	118 631 / 6,7	1 764 134	27,6
Итого		129 469	57 402 / 8,9	858 768 / 13,4	343 937 / 5,4	4 096 190 / 64,0	527 049 / 8,3	6 404 776	100
% к общей численности по Казахстану			13,9	23,0	29,3	22,4	16,5	21,0	

Тургайская область									
Актюбинский	1910	17 837	166 709 / 13,9	349 586 / 29,2	21 312 / 1,7	532 870 / 44,5	128 910 / 10,7	1 199 387	27,3
Иргизский	1911	17 328	143 161 / 15,0	98 493 / 10,3	88 548 / 9,2	553 397 / 58,1	70 827 / 7,4	924 425	21,3
Тургайский	1908	15 344	171 555 / 13,9	161 589 / 13,1	51 945 / 4,2	738 191 / 60,0	108 157 / 8,8	1 231 437	28,2
Кустанайский	1909	18 210	269 160 / 26,6	269 220 / 26,7	8873 / 0,9	368 626 / 36,5	94 295 / 9,3	1 010 174	23,2
Итого		68 719	750 585 / 17,0	878 888 / 20,0	170 677 / 3,9	2 193 084 / 50,0	402 189 / 9,1	4 395 423	100
% к общей численности по Казахстану			18,2	23,5	14,5	12,0	12,6	14,4	
Акмолинская область									
Атбасарский	1897	12 837	186 793 / 21,2	77 238 / 8,8	53 955 / 6,1	525 949 / 59,8	36 063 / 4,1	879 998	27,4
Акмолинский	1897	18 643	285 856 / 28,0	208 525 / 20,4	19 775 / 1,9	463 411 / 45,2	46 650 / 4,5	1 024 217	32,0
Кокчетавский	1897	12 498	185 527 / 31,0	105 532 / 17,6	646 / 0,2	239 064 / 40,0	66 977 / 11,2	597 736	18,6
Петропавловский	1901	11 329	113 981 / 31,4	91 857 / 25,4	326 / 0,1	129 979 / 35,8	26 239 / 7,2	362 382	11,3
Омский	1901	6329	123 468 / 36,1	90 158 / 26,3	902 / 0,3	113 866 / 33,4	13 207 / 3,9	341 601	10,7
Итого		61 636	895 625 / 28,0	573 310 / 18,0	75 604 / 2,0	1 472 269 / 46,0	189 126 / 6,0	3 205 934	100
% к общей численности по Казахстану			21,7	15,3	6,4	8,1	5,9	10,5	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
			Семипалатинская область						
Павлодарский	1897	21 837	303 586 / 23,8	310 545 / 24,0	16 003 / 1,2	598 621 / 46,4	59 361 / 4,6	1 293 126	28,6
Семипалатинский	1900	21 522	173 069 / 19,7	114 358 / 13,0	11 894 / 1,4	528 056 / 60,2	49 674 / 5,7	877 051	19,4
Усть-Каменогорский	1900	14 600	106 587 / 19,8	49 640 / 9,2	2190 / 0,4	331 420 / 61,3	48 180 / 9,3	538 010	11,9
Зайсанский	1899	17 784	105 389 / 12,1	53 186 / 6,1	11 421 / 1,3	656 178 / 75,0	48 642 / 5,5	874 816	19,3
Каркаралинский	1898	19 016	181 401 / 9,4	94 947 / 10,2	18 641 / 2,0	584 146 / 62,3	57 245 / 6,1	936 380	20,8
Итого		94 759	874 975 / 19,4	622 676 / 13,8	60 209 / 1,3	2 698 421 / 59,7	263 102 / 5,8	4 519 383	100
% к общей численности по Казахстану			21,5	16,7	5,1	15,0	8,3	14,8	
			Семиреченская область						
Лепсинский	1909	26 301	125 287 / 12,3	88 813 / 8,7	16 317 / 1,6	687 273 / 67,3	102 980 / 10,1	1 020 670	19,2
Капальский	1910	31 931	164 479 / 10,1	110 326 / 6,8	25 306 / 1,6	1 141 586 / 70,3	182 227 / 11,2	1 623 924	30,5
Джаркентский	1910	14 594	122 499 / 11,0	92 130 / 8,0	3829 / 0,3	836 508 / 73,2	86 039 / 7,5	1 141 005	21,4
Верненский	1911	26 793	156 541 / 10,2	91 147 / 5,9	24 840 / 1,6	1 118 663 / 72,7	148 302 / 9,6	1 539 493	28,9
Итого		99 619	568 806 / 10,7	382 416 / 7,1	71 292 / 1,4	3 784 030 / 71,1	519 548 / 9,7	5 325 092	100
% к общей численности по Казахстану			13,8	10,2	6,0	20,3	16,3	17,4	

Сырдарьинская область

Аулие-Атинский	1907—1913	43 294	230 412 / 10,3	154 792 / 7,0	74 338 / 3,3	1 476 627 / 65,7	308 367 / 13,7	2 244 536	33,6
Чимкентский	1907—1913	31 179	67 768 / 3,3	79 070 / 3,7	125 921 / 6,0	1 194 756 / 56,8	635 073 / 30,2	2 102 588	31,4
Перовский	1910	29 689	79 123 / 6,1	119 512 / 9,1	119 573 / 9,2	747 967 / 57,4	236 964 / 18,2	1 303 139	19,4
Казалинский	1911	24 223	72 963 / 7,0	82 005 / 8,0	132 940 / 12,9	634 019 / 61,5	109 629 / 10,6	1 031 556	15,4
Итого		128 385	450 266 / 6,8	425 379 / 6,4	452 772 / 6,8	4 053 369 / 60,7	1 290 033 / 19,3	6 818 196	100
% к общей численности по Казахстану			10,9	11,3	38,7	22,2	40,4	21,9	
Всего по Казахстану	1891—1913	582 587	4 124 359	3 741 437	1 174 491	18 297 363	3 191 047	30 531 727	
%			13,5	12,3	3,8	59,9	10,5	100	

Таблица 6

Распределение видов скота по хозяйствам (в числителе — абсолютное число, в знаменателе — процент к общему числу хозяйств)

Уезд	Год обследования	Общее число хозяйств	Хозяйства: без всякого скота	без лошадей	без крупного рогатого скота	без верблюдов	без овец	без коз	1 лошадь	2—5 лошадей	6—10 лошадей	11—25 лошадей	26—50 лошадей	51—100 лошадей	свыше 100 лошадей
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
*Уральская область**															
Лбищенский	1912	17 939	519	4239	2124	12 486	9237	10 249	8157	3585	1006	681	184	67	20
		100	2,9	23,6	11,9	69,7	51,5	57,2	45,6	20,0	5,6	3,8	1,0	0,3	0,1
Темирский	1904—1907	16 616	189	3310	2994	8660	8084	8084	8095	3183	849	804	271	79	25
		100	1,1	20,0	18,0	52,2	48,7	48,7	48,7	19,1	5,1	5,0	1,6	0,4	0,1
Уральский	1904—1906	11 267	153	1444	330	9936	6023	6023	4787	3361	971	189	346	125	44
		100	1,2	12,8	2,6	79,0	47,8	47,8	42,6	29,8	8,6	1,7	3,0	1,1	0,4
Итого		45 822	861	8993	5448	31 082	23 314	24 356	21 039	10 129	2826	1674	801	271	89
		100	1,8	19,0	11,5	66,2	51,0	53,2	45,6	22,9	6,4	3,5	1,8	0,6	0,2
Тургайская область															
Актюбинский	1910	17 837	130	819	224	12 267	10 066	11 823	6005	6494	1530	1878	703	288	120
		100	0,7	4,6	1,2	68,9	56,5	66,4	34,0	36,6	8,5	10,3	3,8	1,6	0,6
Иргизский	1911	17 328	107	2799	3800	4376	7565	10 805	5760	4761	1596	1544	506	243	119
		100	0,6	16,2	22,0	25,3	43,7	62,4	33,7	27,5	9,2	8,9	2,9	1,0	0,7
Тургайский	1908	15 344	15	332	775	5992	4267	4267	3314	6042	2404	2253	695	217	87
		100	0,1	2,1	5,0	39,1	27,9	27,9	21,7	39,4	15,7	14,7	4,5	1,4	0,5
Кустанайский	1909	18 210	41	229	136	16 019	8966	9955	2372	6627	3381	3691	1225	450	235
		100	0,2	1,2	1,3	89,0	49,8	55,3	13,0	36,4	18,6	20,3	6,7	2,5	1,3
Итого		68 719	293	4179	4935	38 654	30 864	36 850	17 451	23 924	8911	9366	3129	1198	561
		100	0,4	6,1	7,1	55,6	45,0	53,6	25,4	34,8	12,8	13,8	4,5	1,8	0,8

Акмолинская область															
Атбасарский	1897	12 837	19	602	2554	3184	4413	9487	2092	3949	2451	2494	818	307	124
		100	0,1	4,7	19,9	24,9	34,5	74,1	16,3	30,8	19,1	19,4	6,4	2,4	9,7
Акмолинский	1897	18 643	34	1034	386	12 546	8686	13 359	3356	5584	3547	3383	1022	454	263
		100	0,2	5,5	2,0	67,4	47,7	71,8	17,9	30,0	19,0	18,0	5,5	2,4	14,1
Кокчетавский	1897	12 498	85	387	281	12 326	5695	6291	1424	4491	3018	2210	596	220	152
		100	0,7	3,1	2,2	98,6	45,6	50,3	11,4	35,8	24,1	17,6	4,8	1,7	1,2
Петропавловский	1901	11 329	26	176	90	11 243	5336	7242	1690	5228	2253	1444	357	109	72
		100	0,2	1,5	0,7	99,5	47,2	64,0	14,9	46,0	19,8	12,7	3,1	0,9	0,6
Омский	1901	6329	9	65	29	4757	1721	3370	623	2171	1325	1361	467	184	108
		100	0,1	1,0	0,4	75,6	27,3	53,5	10,0	34,8	21,0	21,3	7,4	2,6	1,7
Итого		61 636	173	2258	3340	44 056	25 851	39 749	9185	21 423	12 594	10 892	3260	1274	719
		100	0,3	3,6	5,4	71,5	42,0	64,5	14,9	34,8	20,5	17,7	5,3	2,1	1,2
Семипалатинская область															
Павлодарский	1897	21 837	38	865	105	16 668	10 988	15 712	3548	7976	4195	3404	1053	468	324
		100	0,1	3,9	0,5	76,5	50,4	72,0	16,2	36,4	19,1	15,5	4,8	2,1	1,5
Семипалатинский	1900	21 522	141	1583	1897	16 197	10 628	15 932	7217	7984	2172	1607	568	228	163
		100	0,6	7,3	8,8	75,3	49,4	74,1	33,6	37,0	10,1	7,5	2,6	1,1	0,7
Усть-Каменогорский	1900	14 600	94	649	1536	13 716	5940	8505	2382	4940	1595	935	225	78	43
		100	0,6	4,3	10,0	91,0	39,06	56,0	16,3	34,0	11,0	6,4	0,5	0,5	0,3
Зайсанский	1899	17 784	—	2056	2584	12 126	6440	12 338	5556	6881	1813	991	310	105	56
		100		11,5	14,5	68,0	36,0	69,0	20,0	38,7	10,2	5,6	1,7	0,6	0,3
Каркаралинский	1898	19 016	—	1980	1605	10 245	6400	12 882	4084	6785	2962	2151	678	265	111
		100		5,2	8,4	53,9	33,6	67,8	21,5	35,5	15,6	11,3	3,5	1,4	0,6
Итого		94 759	273	7133	7727	68 952	40 369	65 369	22 787	34 566	12 737	9088	2834	1144	697
		100	0,4	7,5	8,0	72,0	42,3	68,6	23,8	36,5	13,4	9,7	3,0	1,2	0,7

* По Букеевской орде, Гурьевскому и Мангышлакскому уездам обследований не было.

Таблица 6а

Уезд	Год обследования	Общее число хозяйств	Хозяйства: без всякого скота	без лошадей	без крупного рогатого скота	без верблюдов	без овец	без коз	1 лошадь	2—3 лошади	4—5 лошадей	6—8 лошадей	9—13 лошадей	14—22 лошади	23—50 лошадей	свыше 50 лошадей
Сырдарьинская область																
Аулие-Атинский	1907—1909	35 283 / 100	1712 / 4,9	2738 / 12,8	св. нет	св. нет	св. нет	св. нет	11 892 / 33,7	8042 / 22,1	2994 / 7,8	2429 / 6,2	2536 / 6,5	2354 / 5,9	1583 / 3,8	665 / 1,2
Чимкентский	1906—1908	29 526 / 100	952 / 3,2	6263 / 21,2	16 419 / 55,6	9233 / 31,3	13 326 / 45,2	10 565 / 36,0	14 216 / 48,2	6110 / 20,7	1131 / 3,8	652 / 2,2	478 / 1,6	366 / 1,3	247 / 0,8	63 / 0,2
Долины р. Чу и Таласа	1913	9664 / 100	—	2365 / 24,4	св. нет	св. нет	св. нет	св. нет	4682 / 48,3	1351 / 14,0	229 / 2,4	170 / 1,8	291 / 3,0	266 / 2,8	228 / 2,4	82 / 0,9
Перовский	1910	23 689 / 100	648 / 2,7	4824 / 20,4	8656 / 36,5	11 456 / 48,3	15 237 / 64,3	14 869 / 62,7	11 437 / 48,2	4173 / 17,6	969 / 4,1	539 / 2,3	560 / 2,5	532 / 2,2	455 / 1,9	200 / 0,8
Казалинский	1911	24 223 / 100	606 / 2,5	5703 / 23,6	12 158 / 50,2	6600 / 27,4	12 917 / 53,4	17 599 / 72,7	10 124 / 41,8	4730 / 19,5	1109 / 4,6	525 / 2,2	819 / 3,4	645 / 2,6	459 / 1,9	99 / 0,4
Итого		112721 / 100	3918 / 3,8	19 588 / 17,3	37 233 / 55,0	27 319 / 40,3	41 480 / 61,2	43 033 / 63,24	52 351 / 44,0	24 406 / 18,6	6432 / 5,5	4315 / 3,7	4684 / 3,9	4163 / 3,5	2972 / 2,6	1109 / 0,9

Таблица 66

Уезд	Год обследования	Общее число хозяйств	Хозяйства: без лошадей	без крупного рогатого скота	без верблюдов	без овец	без коз	по числу единиц скота (в переводе на лошадь): без скота	1 ед.	2—3 ед.	4—8 ед.	9—15 ед.	16—25 ед.	26—50 ед.	51—100 ед.	100—200 ед.	свыше 200 ед.
Семиреченская область																	
Лепсинский	1909	26 301	2541	4015	18 948	9184	16 676	283	644	4626	9154	6125	2962	1769	539	160	39
		100	9,7	15,3	71,1	34,0	63,4	1,1	2,4	17,6	34,8	23,3	11,3	6,7	2,1	0,6	0,2
Капальский	1910	31 931	2906	8357	20 077	11 427	20 656	441	469	5355	9562	7415	4269	3026	1037	296	61
		100	7,6	24,8	61,5	34,4	63,3	1,4	1,5	17,8	29,9	23,2	13,4	9,4	3,2	0,9	0,2
Джаркентский	1910	14 594	1123	832	12 838	4571	9992	137	213	1725	3438	3153	2433	2243	887	292	73
		100	7,7	5,7	87,9	31,3	68,5	0,9	1,5	11,8	23,5	21,6	16,7	15,4	6,1	2,0	0,5
Верненский	1911	26 793	1483	8233	17 931	9445	17 959	337	252	4369	7084	6126	3999	3128	1160	292	47
		100	4,3	27,2	65,7	33,0	65,8	1,3	0,9	16,3	26,4	22,9	14,9	11,7	4,3	1,1	0,2
Итого		99 619	8051	21 437	69 794	34 622	65 283	1198	1578	16 075	29 238	22 819	13 663	10 166	3623	1040	220
		100	8,0	21,5	70,0	34,7	65,5	1,2	1,6	16,0	29,4	22,9	13,7	10,2	3,7	1,1	0,2

кеевской орде, Лбищенском, Темирском и Уральском уездах поднималась до 11,3%, а в Мангышлакском и Гурьевском уездах падала до 3%.

Верблюды составляли 5,4% общего числа всех видов скота, меньше всего их было в Уральском и Лбищенском уездах (1,7—2,5%), больше всего (11,5%) в Гурьевском уезде, остальные уезды занимали промежуточное положение (от 4 до 6,7%).

Несколько слов о степени распространения того или иного вида скота среди населения области в социально-хозяйственном плане (таблица 6). В Уральском, Лбищенском и Темирском уездах 11,5% хозяйств не имели крупного рогатого скота, 19 — лошадей, а в Темирском и Уральском уездах 29,8% хозяйств не имели овец и коз, в Лбищенском 51,5% хозяйств не имели овец, 57,2 — коз, по последним трем уездам 66,2% хозяйств не имели верблюдов.

По данным Переселенческого управления, экономическая обеспеченность казахских хозяйств большей частью определялась наличием лошадей. Если иметь в виду этот действительно важный фактор, то нельзя не отметить, что в Темирском, Уральском и Лбищенском уездах обследованные казахские хозяйства делятся на следующие группы: из 45 822 обследованных хозяйств хозяйства без всякого скота составляли 1,8%, безлошадные — 19, с одной лошадью — 45,6 (а это свыше двух третей всего населения), хозяйства, имеющие от 2 до 6 лошадей.— 22,9%, от 6 до 10 — 6,4, от 11 до 25 — 3,5, от 26 до 50 — 1,8 и, наконец, имеющие от 51 до 100 лошадей — 0,6, свыше 100—0,2% [1].

К сказанному следует добавить, что Букеевская орда и Мангышлакский уезд по абсолютной численности голов скота намного опережали все остальные уезды Уральской области.

В Тургайской области [2] половину всего скота составляли овцы, однако с севера на юг по территории области доля овец повышалась: в самом северном, Кустанайском, уезде она равнялась 36,5, в Актюбинском — 44,5, в Иргизском и Тургайском достигала 58,1 — 60%.

Крупный рогатый скот в области составлял 20% всего поголовья скота, но также с поуездными колебаниями: в Актюбинском и Кустанайском соответственно 29,2 и 26,7%, в Иргизском и Тургайском — всего 10,3—13,1%.

17% стада области — лошади. Самый высокий процент их — 26,6— в Кустанайском уезде, в остальных трех уездах только 13,9—15%. Козы составляли 9,1% всего поголовья скота области, и их удельный вес по уездам был почти одинаков. Зато резко контрастным было соотношение в численности верблюдов. В среднем по области доля верблюдов составляла 3,9%, но в южных уездах — Тургайском и Иргизском — она подни-

---

[1] Материалы по киргизскому землепользованию... Уральская область, Лбищенский уезд. Оренбург, 1914, с. 337—361; Темирский уезд. Оренбург, 1910, с. 216—232; Уральский уезд. Оренбург, 1909, с. 361.

[2] Там же, Тургайская область, Актюбинский уезд. Оренбург, 1912, с. 378—384; Кустанайский уезд. Оренбург, 1912, с. 392—394; Тургайский уезд. Оренбург, 1911, с. 16—118; Иргизский уезд. Оренбург, 1913, с. 260.

малась до 4,2 — 9,2, а в северных — Актюбинском и Кустанайском — падала до 1,7—0,9% от среднего уровня.

Такие различия проистекали главным образом из того, что в северных уездах было больше оседлого казахского населения, а в южных — гораздо больше кочевого.

Самыми распространенными видами домашних животных в области являлись лошади и крупный рогатый скот. Более половины всего скота было сосредоточено в Актюбинском (27,3%) и Тургайском (28,2%) уездах.

Распределение хозяйств по обеспеченности скотом в Тургайской области представляется следующим: удельный вес хозяйств без всякого скота — 0,4%, безлошадных — 6,1, с одной лошадью — 25,4, шаруа, имевшие от 2 до 5 лошадей, составляли 34,8%, от 6 до 10 голов — 12,8, зажиточные слои, имевшие от 11 до 25 голов,— 13,8, свыше 25 голов — 7,1%.

В Акмолинской области удельный вес овец в стаде в среднем достигал 46% общего поголовья, однако и здесь, как и в Тургайской области, доля овец с севера на юг постепенно росла: если в северных, Омском и Петропавловском, уездах она равнялась 33,4—35,8%, то в Кокчетавском — 40,8, в Акмолинском — 45,2 и в Атбасарском уезде — 59,8% общей численности всех видов скота.

Лошади в области составляли 28% поголовья. Но здесь отмечается обратная зависимость: в Атбасарском и Акмолинском уездах доля лошадей составляла 21,2—28%, в Кокчетавском и Петропавловском — до 31, в Омском уезде — 36,1%.

Крупный рогатый скот в Акмолинской области составлял 18% стада и распределялся по уездам примерно так же, как и лошади. Так, если в Атбасарском уезде с преобладающим кочевым бытом доля крупного рогатого скота — 8,8%, то в остальных уездах она составляла от 17,6 до 26,3%.

Коз в области было немного — 6% от общего поголовья с колебаниями от 3,9 до 4,5% в Акмолинском, Атбасарском и Омском уездах, в Кокчетавском и Петропавловском уездах — 11,2 и 7,2%. Еще ниже была доля верблюдов — всего 2% общей численности скота, в трех северных уездах она не достигала даже 0,5%, а в двух южных была несколько выше. Выделялся только Атбасарский уезд, где верблюды составляли 6,1% стада.

Все эти колебания в составе поголовья объясняются тем, что в северных уездах население вело в основном полуоседлый и оседлый образ жизни, а в южных — кочевой и полукочевой, что, в свою очередь, зависело от природно-климатических условий.

Самыми распространенными в Акмолинской области (исключая Атбасарский уезд) были лошади и крупный рогатый скот. Численность же поголовья повышалась по восходящей с севера на юг. В Омском и Петропавловском уездах все виды скота составляли 10,7 и 11,3% от поголовья области, в Кокчетавском — 18,6, в Атбасарском и Акмолинском уездах — соответственно 27,4 и 32%. Следовательно, около 60% всего

скота Акмолинской области было сосредоточено в южных уездах[3].

Представление об обеспеченности казахов Акмолинской области лошадьми дают следующие цифры: хозяйства, не имеющие лошадей или имеющие только одну лошадь, составляют соответственно 3,6 и 14,9%, имеющие от 2 до 5 лошадей — 34,8, от 6 до 10 — 20,5, от 11 до 25 голов — 17,7, свыше 25 голов — 8,6%.

Одним из важнейших скотоводческих районов Казахстана была Семипалатинская область[4]. В стаде области преобладали овцы (около 60%), но, как и везде, их удельный вес по уездам существенно различался. Так, в Павлодарском уезде доля овец выражалась цифрой 46,4%, в Зайсанском достигала 75, а в Семипалатинском, Каркаралинском и Усть-Каменогорском — 60,2—62,3%. Все это говорит о том, что в скотоводческом хозяйстве казахов области главное место занимало овцеводство.

Семипалатинская область являлась также районом с развитым коневодством, в особенности в северных уездах — Павлодарском, Семипалатинском и Усть-Каменогорском. Средний удельный вес лошадей в поголовье скота по области составлял 19,4%. Поуездно картина выглядит следующим образом: Павлодарский уезд — 23,8%, Семипалатинский и Усть-Каменогорский — 19,7—19,8, Зайсанский и Каркаралинский уезды — 12,1 — 9,4%.

Крупный рогатый скот, составлявший 13,8% общего числа голов скота в области, был распространен по уездам в отношении, обратном уровню распространения овец. Это наглядно видно по тем же Павлодарскому и Зайсанскому уездам: в Павлодарском уезде он намного выше среднего уровня по области (24%), а в Зайсанском вдвое ниже среднего областного уровня (6,1%). В остальных трех уездах доля крупного рогатого скота колеблется между 9,2—13%.

Небольшое количество коз (среднее по области — 5,8) мало разнится поуездно (от 4,6 до 9,3%).

Верблюдов в области было совсем немного — всего 1,3% общей численности скота, наименьшая доля — 0,4% — в Усть-Каменогорском, наибольшая — 2% — в Каркаралинском уезде.

Таким образом, в северных уездах Семипалатинской области преобладали лошади и крупный рогатый скот, в южных — овцы и верблюды. Как и в других районах Казахстана, здесь проявлялось влияние на тип хозяйства природных условий, а также близость или отдаленность торговых центров.

Наиболее распространенными среди казахов области видами домашних животных к этому времени были лошади и крупный

---

[3] Материалы по киргизскому землепользованию... Атбасарский уезд, с. 347; Акмолинский уезд, с. 368; Кокчетавский уезд, с. 396; Петропавловский уезд, с. 60; Омский уезд, с. 144.

[4] Там же, Семипалатинская область, Павлодарский уезд, с. 33, 340; Каркаралинский уезд, с. 811; Зайсанский уезд, т. VIII. Спб., 1909, с. 326; Усть-Каменогорский уезд, с. 330; Семипалатинский уезд, с. 22, 83.

рогатый скот, несмотря на высокий удельный вес овечьего стада. Об этом наглядно говорит то, что почти половина казахских хозяйств области (42,3%) [5] не имела овец. Самое большое поголовье скота было в Павлодарском уезде — 28,6%; наименьшее — 11,9 — в Усть-Каменогорском.

В социальном разрезе обеспеченность хозяйств скотом выражалась в следующих цифрах: не имеющие лошадей хозяйства — 7,5%, имеющие одну лошадь — 23,8, 2—5 лошадей — 36,5, 6—10 лошадей — 13,4, от 11 — до 25 голов лошадей — 9,7, свыше 25 голов — 4,9%.

Казахские районы Семиреченской области включали четыре уезда: Лепсинский, Капальский, Джаркентский и Верненский.

Доля овец в области составляла 71,1% общего числа поголовья скота. Она превышала поголовье всех остальных видов скота, вместе взятых. Численность овец по уездам мало отличалась. Колебания таковы: минимум — 67,3%, максимум — 73,2%. Это объяснялось специфичными природными условиями: прекрасные высокогорные летовки и пустынные зимние пастбища, удобные для содержания больших стад овец.

Удельный вес лошадей, коз и крупного рогатого скота с небольшими отклонениями примерно одинаков как в масштабе области, так и по уездам — от 7,1 до 10,7% общего поголовья [6].

Несколько иначе дело обстояло с верблюдоводством. Доля верблюдов составляла всего 1,4% общей численности скота: в Лепсинском, Капальском, Верненском — 1,6, в Джаркентском уезде — 0,3%.

Самым распространенным в казахских хозяйствах области животным была лошадь, наименее распространенным — верблюд. Безлошадных хозяйств насчитывалось 8%, а безверблюдных — 61,5—87,9% [7]. Наибольшим поголовьем скота обладали Капальский и Верненский уезды (28,9—30,5%).

Распределение хозяйств по социальным группам в Семиреченской области представляется следующим (в отличие от других областей здесь, согласно источникам, размер поголовья дан в переводе всех видов скота на взрослую лошадь): хозяйства без всякого скота составляли 1,2%, до 1 единицы — 1,6; 2—3 единицы — 16, от 4 до 8 — 29,4, от 9 до 15 — 22,9, от 16 до 25 — 13,7, от 26 до 50 — 3,7, свыше 100 единиц — 1,3%.

Природно-климатические условия края, кочевой и отчасти полуоседлый образ жизни населения в основном определили характер скотовод-

---

[5] Материалы по киргизскому землепользованию... Павлодарский уезд, с. 340; Семипалатинский уезд, с. 22; Усть-Каменогорский уезд, с. 330; Зайсанский уезд, с. 379; Каркаралинский уезд, с. 810.

[6] Материалы по обследованию... Семиреченская область, Лепсинский уезд, с. 629—630; Капальский уезд, с. 348—351; Джаркентский уезд, с. 190—193; Верненский уезд, с. 284—291.

[7] Там же, Семиреченская область, Лепсинский уезд, с. 626; Капальский уезд, с. 510; Джаркентский уезд, с. 372; Верненский уезд, с. 430; Материалы по киргизскому землепользованию... Сырдарьинская область, Аулие-Атинский уезд. Ташкент, 1911, с. 13—40, 65—67; Чимкентский уезд, т. II. Ташкент, 1910, с. 36, 47; Перовский уезд. Ташкент, 1912, с. 40—42; Казалинский уезд. Ташкент, 1913, с. 47, 216—218; Долина рек Чу и Таласа... Ташкент, 1915, с. 39—40.

ческого хозяйства и состав стада в Сырдарьинской области. Наибольший удельный вес в стаде приходился на долю овец. Он достигал 60,7% и в среднем по уездам был однозначным. Второе место по численности занимали козы, составлявшие 19,3% стада. В Чимкентском и Казалинском уездах их доля определялась соответственно цифрами 30,2 — 10,6%.

Почти одинаковым было соотношение в стаде Сырдарьинской области лошадей (6,8%), крупного рогатого скота (6,4%) и верблюдов (6,8%), однако с существенными различиями по уездам. Самый высокий удельный вес лошадей — 10,3% — был в Аулие-Атинском уезде, верблюдов — 12,9 — в Казалинском, самый низкий удельный вес лошадей — 3,3% — и крупного рогатого скота — 3,7 — в Чимкентском уезде, верблюдов — 3,3% — в Аулие-Атинском уезде.

Самый высокий показатель численности скота — 33,6% — отмечен в Аулие-Атинском уезде, самый низкий — 15,4 — в Казалинском. Это объяснялось тем, что территория Аулие-Атинского уезда в сравнении с другими уездами была особенно благоприятной для скотоводства. Не случайно здесь жило более трети всего казахского населения области.

В социальном разрезе обеспеченность хозяйств скотом в Сырдарьинской области такова: безлошадные хозяйства и хозяйства с 1 лошадью соответственно 17,3 и 44%, хозяйства, имеющие от 2 до 8 голов лошадей, — 27,8, от 9 до 22 лошадей — 7,4, свыше 23 лошадей — 3,5%.

Рассмотрим соотношение всех видов домашнего скота по Казахстану в целом [8].

Таблица 5 дает представление о численности отдельных видов скота по Казахстану в целом, а также о распределении их по областям.

Удельный вес овец в Казахстане в общем поголовье стада в начале XX в. составлял 59,9%: наибольшая доля в Семиречье (71,1), затем в Уральской (64), Сырдарьинской (60,7), Семипалатинской (59,7), Тургайской (50) и Акмолинской (46%) областях.

Доля лошадей в Казахстане равнялась 13,5% общей численности всех видов скота. Акмолинская область обладала наибольшей долей — 28% от общего поголовья скота области, потом шли Семипалатинская (19,4), Тургайская (17), Семиреченская (10,7), Уральская (8,9) и, наконец, Сырдарьинская (6,8%) области.

Процент крупного рогатого скота в Казахстане достигал примерно 12,3 общего поголовья, но в областном разрезе существовали довольно ощутимые различия. Более всего крупный рогатый скот был представлен в Тургайской области (20%), затем в Акмолинской (18), Семипалатинской (13,8), Уральской (13,4), Семиреченской (7,1), Сырдарьинской (6,4%).

Козы составляли 10,5% общего числа скота в крае. Особо в этом отношении выделялась Сырдарьинская область — 19,3%, а затем группа областей — Уральская, Тургайская и Семиреченская, — где числен-

---

[8] Статистические данные по уездам относятся к различным годам, поэтому сведения по Казахстану приблизительны, но в основном верно отражают реальное положение.

ность коз определялась цифрами от 8,3 до 9,7%. В Семипалатинской же и Акмолинской областях козы составляли лишь около 6% стада.

Доля верблюдов равнялась 3,8% общей численности всех видов скота. В этом отношении выделялись Сырдарьинская и Уральская области — 6,8 и 5,4% поголовья, затем шли Тургайская (3,9), Акмолинская (2), Семиреченская (0,4) и Семипалатинская (0,3%) области. Характерно, что в Сырдарьинской области насчитывалось полмиллиона верблюдов (38,7% общего числа верблюдов в Казахстане).

Самыми распространенными домашними животными в Казахстане в рассматриваемый период являлись лошадь, затем крупный рогатый скот, овцы, козы и верблюды. Причем у бедных и средних слоев населения преобладал крупный рогатый скот, отчасти верблюды, а в зажиточных и байских хозяйствах — лошади. Вообще крупный рогатый скот и козы заметно меньше были представлены в состоятельных хозяйствах, больше — в бедняцких. Овцы же преобладали в средних и зажиточных группах хозяйств. Такие отличия в составе стада объясняются главным образом неодинаковой ролью каждого вида скота в различных по социальному уровню типах хозяйства. Небольшие стада бедняцких слоев населения прежде всего удовлетворяли повседневные потребности семьи, в то время как состав стада в хозяйствах баев во многом предопределялся соображениями возможности сбыта скота.

Несколько слов о географии распределения скота по областям. Если поголовье домашних животных в крае взять за 100%, то доля Сырдарьинской и Уральской областей достигла 21—22%, доля Тургайской и Семипалатинской — в среднем 14,6, Акмолинской и Семиреченской областей — от 10,5 до 17,4%.

В районах Центрального, Северного, Северо-Западного и Северо-Восточного Казахстана преобладали лошади и крупный рогатый скот, что соответствовало большей оседлости казахского населения, близости рынков сбыта и суровости природно-климатических условий, особенно в зимнее время; в районах же Западного, Юго-Западного и Южного Казахстана преобладали овцы и верблюды, что отвечало кочевому характеру скотоводства и природным условиям района. В Семиречье и Зайсанской котловине преобладали овцы. Это объяснялось главным образом наличием здесь удобных для овец пустынных и высокогорных пастбищ. Такое положение вполне совпадало с представлениями казахского народа, определявшего в прошлом богатство скотоводческих хозяйств в Сары-Арке — числом лошадей, на западе и юге Казахстана — числом верблюдов и овец, в Семиречье — числом овец.

Домашний скот и продукты скотоводства удовлетворяли все основные потребности кочевника. Тягловой силой и транспортным средством служили лошади и верблюды.

Все виды скота, а также продукты скотоводства были предметом продажи на ярмарках. Кроме того, шел постоянный обмен товарами между казахами-кочевниками, полукочевниками и оседлым населением в городах, казачьих станицах и крестьянских поселках.

Казахи продавали и обменивали скот, мясо, сало, кожи, овчины и козлины, шерсть, конский волос, звериные шкуры, войлок, армячину и пр. и приобретали зерно, халаты, одеяла, ковры, бумажные и шелковые ткани, седельные приборы, сушеные плоды, рис, стеклянную и фарфоровую посуду, кожаные и металлические изделия и т. д.

Кратко скажем о породности домашних животных. В литературе не всегда учитывались местные особенности скота, все их виды именовались киргизскими, т. е. казахскими. В действительности, обладая многовековым опытом ведения скотоводческого хозяйства, казахи всегда заботились о совершенствовании пород скота и его приспособленности к местным условиям — выносливости при постоянных перекочевках, продуктивности, отвечающей потребностям хозяйства в мясе, молоке, шерсти, коже и др. Отбирались производители с необходимыми качествами и формировались местные породы овец, лошадей, верблюдов, крупного рогатого скота.

В результате многовекового отбора на территории Казахстана, например, сложилось множество разновидностей казахской грубошерстной курдючной овцы мясо-сального направления. Наиболее распространенные из них: баганалинские белоголовые серые — *көк қасқа* (кок каска), едильбаевские, зайсанские белые, жетысуйские курдючные бурые — *кетпен құйрық қоңыр* (кетпен куйрык коныр), сарысуйские красновато-рыжие — *кер қызыл* (кер кзыл), адаевские, каркаралинские, кустанайские, терисакканские, чуйские и др.[9] Установлено, что отличия между этими разновидностями состоят в степени их мясо-сальности и масти, в качестве же шерсти, крепости тела, выносливости, приспособленности к пастбищному содержанию они мало чем уступали друг другу. Почти все овцы были из грубошерстных, но такая шерсть вполне удовлетворяла потребности в основном натурального хозяйства казахов. Только на юге Казахстана встречались каракульские, а на севере сибирские тонкорунные овцы *мәліш* (малиш), однако их было очень мало, и вряд ли можно говорить о каком-либо влиянии их на породность местных овец[10].

В казахском хозяйстве крупный рогатый скот в основном был представлен местной казахской (преимущественно бурой и тигровой масти) и красной калмыцкой породами, не отличавшимися большой молочной продуктивностью. В конце XIX — начале XX в. переселенцами из России были завезены в Казахстан симментальская, голландская, краснонемецкая, швицкая и сероукраинская породы крупного рогатого скота. По данным К. Диарова, на юге Казахстана в результате скрещивания местного скота с голландской породой в начале XX в. была получена так называемая аулиеатинская порода с более высокой молочной продуктивностью[11].

---

[9] *Диаров К.* Животноводство Казахстана. Алма-Ата, 1963, с. 45; *Аргынбаев Х.* Указ. работа, Алма-Ата, 1969, с. 15.

[10] *Иванов М. Ф.* Овцеводство. М., 1940, с. 364.

[11] *Диаров К.* Указ. соч., с. 48.

Одногорбых верблюдов (*нар*) разводили в основном на юге, на юго-западе, а двугорбых (*айыр*) — повсеместно, преимущественно на севере и юго-востоке Казахстана. Такое районирование проистекало из приспособленности верблюдов к определенным природно-климатическим условиям: на юге предпочитали более выносливую, сильную и молочную породу одногорбых верблюдов, на севере — шерстистую породу двугорбых. В результате скрещивания разных видов верблюдов казахи получали новые породы. Так, первое потомство двугорбой верблюдицы от одногорбого самца называлось *«біртуған»* или *«бекпатшанар»*, *«қолтуманар»*, *«жампознар»*[12]. Оно сохраняло вид нара и имело лучшие качества обеих пород. В результате скрещивания бир туган с чистой породой нар и айыр туйе получали другую породу — так называемую *«қоспақ»* (коспак). По качествам он уступал нару и биртуган, но был лучше айыр туйе. Опыт показал, что потомки от коспака и айыр туйе имели признаки вырождения. Это отражено в их названиях *«күлге шөгер»* (любитель залеживаться на золе), *«қисық төс»* (кривогрудый), *«жарбай»* (без горбов). Поэтому казахи избегали скрещивания таких пород верблюдов[13].

У казахского народа сложилось особое отношение к лошадям, которые использовались не только в хозяйстве, но и во время войн. А поскольку усобицы были часты, нужны были боевые кони — *арғымақ* (аргамаки). По сведениям многих источников, во второй половине XIX в. аргамаки встречались почти во всех областях Казахстана[14].

Как уже говорилось, в породообразовании казахской лошади участвовали арабские, среднеазиатские, монгольские, джунгарские и русские породы лошадей. В результате на территории Казахстана сложились самые различные варианты казахской породы лошадей, приспособленной к условиям круглогодичного пастбищного содержания. Ю. Н. Барминцев выделяет западно-казахстанский, адайский, аулие-атинский, центрально-казахстанский, жетысуйский, найманский и южно-алтайский варианты казахской породы лошадей[15]. Внутри каждого варианта выделялись еще несколько разновидностей — *жабы* (самые обыкновенные животные без особых отличительных черт), *қазанат* (казанат; сильные, выносливые, быстроходные — бегуны), *жорға* (жорга; иноходцы) и др.

Казахи занимались иногда и разведением лошадей определенной масти: саврасых — *құла* (кула), пегих — *шұбар* (шубар) и др.

Для экстенсивного кочевого и полукочевого скотоводства не требовалось сложных орудий труда, они были крайне примитивны и не отли-

---

[12] *Добросмыслов А.* Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, с. 220.

[13] *Диваев А.* Несколько слов о киргизском хозяйстве. Туркестанский сборник, т. 519, с. 111; Полевые записи Мангышлакской (1969 г.) этнографической экспедиции.

[14] *Бабаджанов М. С.* Лошади и их испытание во Внутренней орде.— Журнал коннозаводства, 1871, № 5, с. 29—31; Коневодство у киргизов. — Оренбургский листок, 1876, № 48; Султан *Джантюрин.* Очерки киргизского коневодства. — Журнал коннозаводства, 1883, № 7, с. 9; Лучшие породы киргизской лошади — аргамак. — Киргизская степная газета, 1888, № 6; *Добросмыслов А. И.* Указ. соч., с. 80; *Барминцев Ю. Н.* Эволюция конских пород в Казахстане. Алма-Ата, 1958, с. 65.

[15] *Барминцев Ю. Н.* Указ. соч., с. 68.

чались большим разнообразием. Так, для ловли обученных лошадей и верблюдов пользовались 2,5—3-метровым березовым укрюком — *құрық* (курук) (рис. 11). Необученных лошадей ловили длинными (12—15 м) волосяными арканами — *тұзақ* (тузак), *бұғалық* (бугалык). Из кожи или конского волоса делали для рабочих лошадей путы — *тұсау* (тусау) и треножники — *шідер* (шидер), из железа ковали путы-кандалы — *кісен* (кисен) (рис. 12). Для привязи дойных овцематок пользовались длинными шерстяными арканами — *қосақ жіп* (косак жип), для жере-

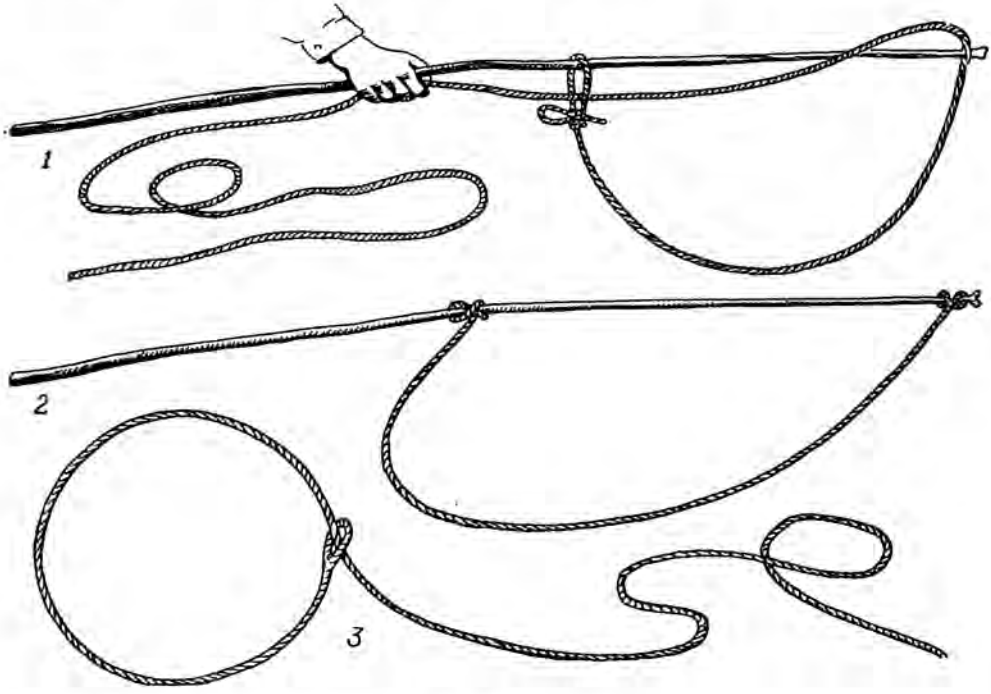


Рис. 11. Орудия для ловли лошадей: *1 — бұғалық* (бугалык); *2 — құрық* (курук); *3 — тұзақ* (тузак)

бят и верблюжат готовили специальные толстые арканы — *желі* (желі) и недоуздки — *ноқта* (ноқта), для ягнят и козлят — привязь — *көген* (коген) (рис. 13).

Для водопоя скота из колодцев делали ручную бадью из сыромятины — *қауға* (кауга), деревянные или каменные корыта — *астау*. Для стрижки овец и коз пользовались самодельными ножницами — *қырықтық* (кырыктык), стрижку лошадей и верблюдов осуществляли обыкновенным кухонным ножом — *лөкет пышақ* (локет пышак) (рис. 14). Подобные примитивные орудия труда изготовлялись зачастую самими ско-

товодами, и для всего Казахстана они были одинаковыми. В этом смысле некоторое исключение составляет казахская верховая конская сбруя.

Казахские седла (ленчики) как по форме, так и по технике изготовления имели свои местные и социальные особенности (рис. 15).

Самым распространенным видом седла являлось так называемое казахское седло — *қазақ ері* (казак ери) с широкой передней лопастью,

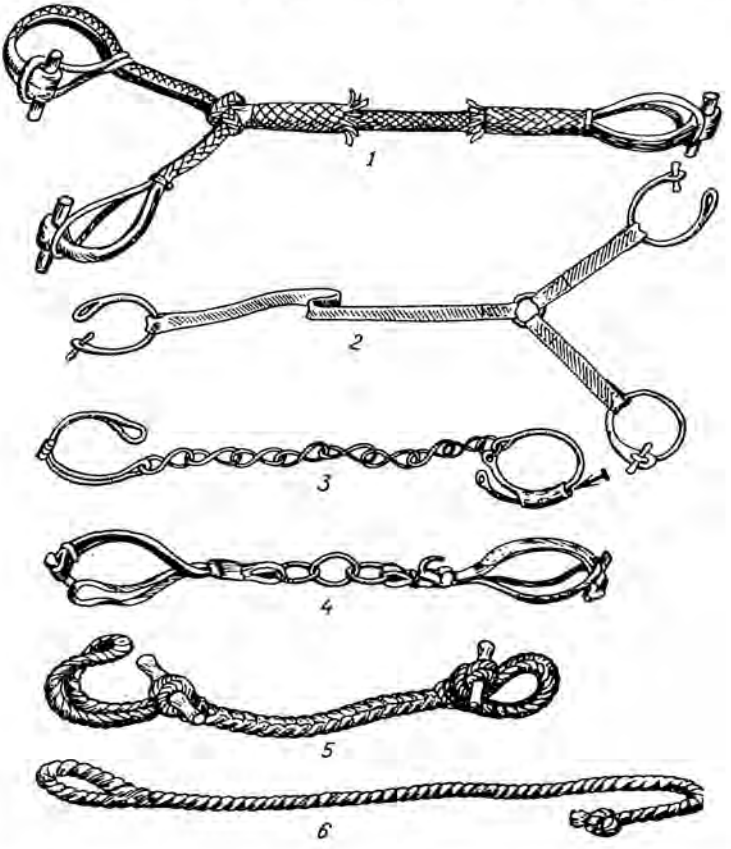


Рис. 12. Путы для лошадей: *1* — плетеный треножник — *өрме шідер* (орме шидер); *2* — треножник из сыромятины — *қайыс шідер* (кайис шидер); *3* — кандалы — *кісен* (кисен); *4* — комбинированные путы из кожи и железа — *шынжырлы қайыс тұсау* (чинжирлы кайыс тусау); *5* — плетеные путы из сыромятины — *өрме тұсау* (орме тусау); *6* — веревочные путы — *жіп тұсау* (жип тусау)

изготовляемое из корня березы. Такие ленчики состояли из пяти составных частей: передней и задней луки — *алдыңғы* и *артқы қас* (алдынги, артки кас), двух боковых планок — *екі қаптал* (еки каптал) и средней планки — *орта ағаш* (орта агаш). Все они соединялись при по-

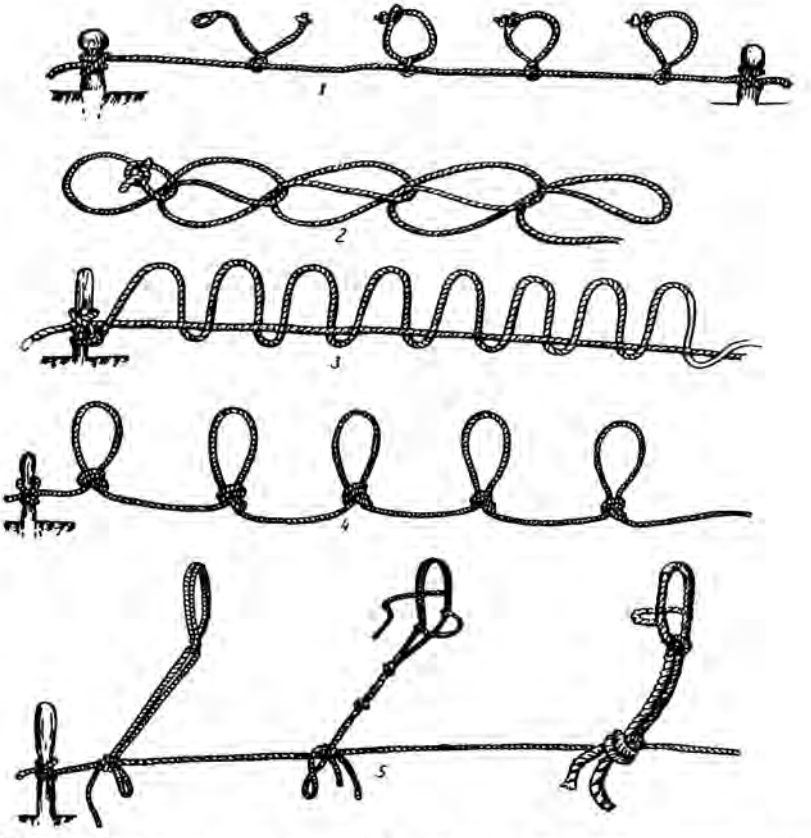


Рис. 13. Типы привязи молодняка и овец: *1* — привязь для ягнят и козлят — *көген* (коген); *2*, *3* — привязь для овец — *қосақ жіп* (косак жип); *4* — привязь для овец из одного аркана — *туйме көген* (туйме коген); *5* — привязь для жеребят и верблюжат с недоуздками — *желі* (желі)

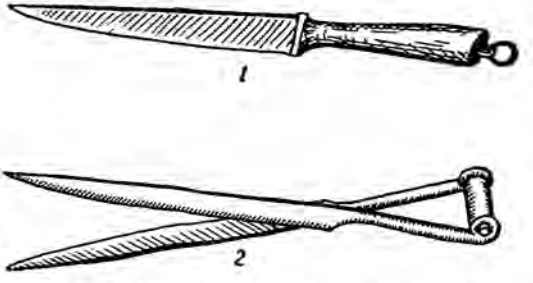


Рис. 14. Орудия для стрижки: *1* — нож для стрижки лошадей и верблюдов; *2* — ножницы для стрижки овец — *қырықтық* (кырыктык)

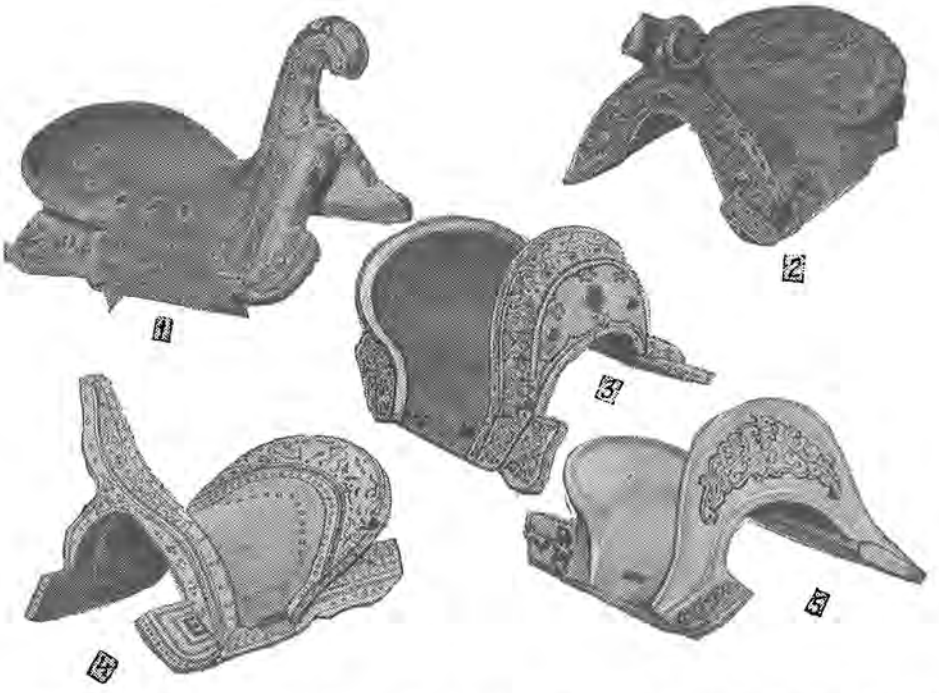


Рис. 15. Типы седел: *1* — утиноголовое — *үйрекбас ер* (уйрекбас ер), Сев.-Зап. Казахстан; *2* — составное — *құранды ер* (куранды ер), Южн. Казахстан; *3* — казахское — *қазақ ері* (казах ери), Вост. Казахстан; *4* — белоголовое составное — *қозықұйрық* или *ақбас ер* (козыкуйрык или акбас ер), Зап. Казахстан; *5* — казахское — *қазақ ері* (казах ери), Центр., Сев. Казахстан

мощи жестяных гвоздей. Деревянная основа таких ленчиков подвергалась тщательной обработке, а зажиточные казахи богато украшали их серебром, позолотой и цветными камнями. Особенно роскошно украшались женские седла у феодально-байской верхушки. Подобный тип седла с некоторыми вариациями встречался в северном, центральном, восточном и юго-восточном районах Казахстана. В Западном Казахстане было распространено седло с маленькой задней лопастью — *қозықұйрық ер* (козыкуйрык ер), которое изготовлялось из разного рода древесины, обтягивалось верблюжьей кожей, украшалось серебром, костью и т. д. Такие ленчики были очень легкими и прочными.

В Южном Казахстане использовалось составное седло — *құранды ер* (куранды ер), состоящее из 22 отдельных деревянных частей, каждая из которых имела свое название. Все эти части склеивались, обтягивались сверху верблюжьей кожей или волокнами сухожилий и берестой, украшались серебром и позолотой. Передняя лука седла напоминала по форме голову беркута.

В Тургайской степи была распространена разновидность куранды ер — так называемое утиноголовое седло — *үйрек бас ер* (уйрек бас ер). Деревянная основа его состояла из пяти частей, которые склеивались и обтягивались кожей. За исключением передней луки этот ленчик по форме напоминал южно-казахстанское составное седло, а передняя лука — утиную голову.

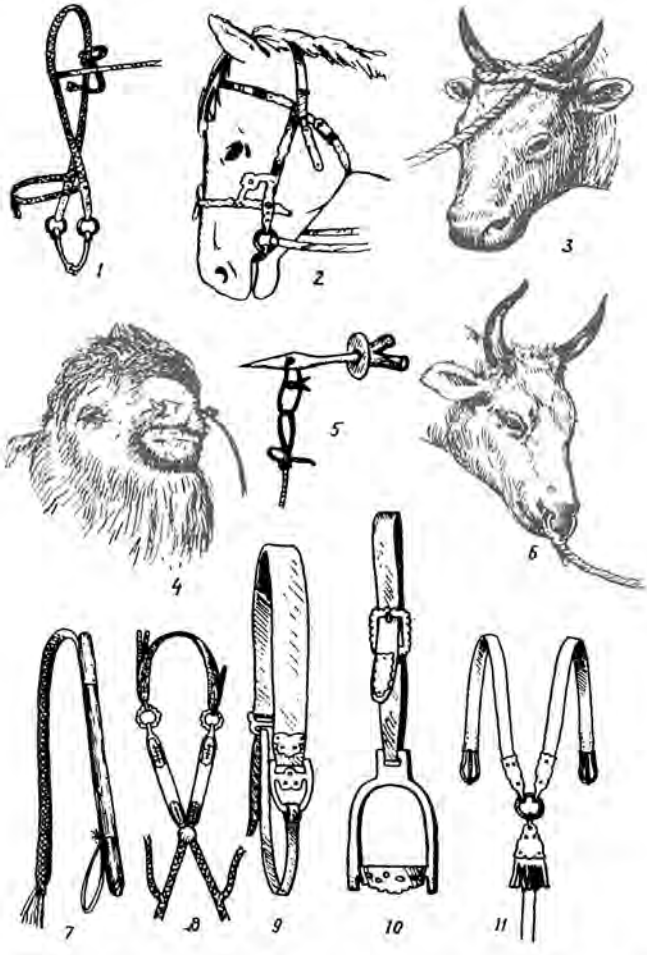


Рис. 16. Типы привязи крупных животных и элементы верховой сбруи: *1, 2* — узда — *жүген* (жуген); *3* — привязь для коров — *бас жіп* (бас жип); *4, 5* — повод для верблюдов — *мұрындық* (мурындык) и *бида* (повод); *6* — повод для быка — *мұрындық* (мурындык); *7* — плеть — *қамшы* (камши); *8* — подхвостник — *құйысқан* (куйыскан); *9* — подпруга — *айыл тартпа*; *10* — стремя — *үзеңгі* (узенги); *11* — нагрудник — *өмілдірік* (омилдирик)

В Семиречье наряду с казахским типом седла было распространено седло с коловидными лопастями — *қазық бас ер* (казык бас ер). Этот тип седла являлся разновидностью казачьего седла.

Изготовлением верховой конской сбруи занимались мастера седельники — *ерші* (ерши), которые работали как у себя дома, так и у заказчиков. Они делали не только ленчики, но и весь комплект конской сбруи: потник — *тоқым* (токым), подхвостник — *құйысқан* (куйискан), нагрудник — *өмілдірік* (омилдирик), узду — *жүген* (жуген), подпруги — *айыл, тартпа,* стремена — *үзеңгі, таралғы* (узенги, таралгы), плети — *қамшы* (камши) и т. д.,— которые богато украшали (рис. 16). Роскошные украшения сбруи были доступны только состоятельным людям, а основная масса народа обходилась без них.

Казахи всех областей широко пользовались также вьючными седлами — конскими и бычьими — *ашамай*, верблюжьими — *қом* (ком), *жазы* (рис. 10). Для навьючивания грузов использовались длинные и крепкие волосяные арканы.

Все описанные орудия труда казахов-скотоводов соответствовали уровню экстенсивного кочевого и полукочевого скотоводства. С развитием заготовки кормов на зиму казахи стали шире применять для сенокошения косу-литовку — *шалғы* (шалги), для уборки сена — самодельные деревянные и железные вилы — *аша*, грабли — *тырнауыш*. В конце XIX — начале XX в. в пограничных с Россией районах у скотоводов появились даже конные сенокосилки и грабли.

6. МОЛОЧНАЯ ПИЩА И УТВАРЬ

В прошлом у казахов, как и у всех кочевников, основной пищей были продукты скотоводства — мясо и молоко. Использовалось молоко всех видов домашних животных.

Молочная пища была разнообразной. Кобылье молоко шло для приготовления питательного и целебного кумыса — *қымыз* (кумыс), верблюжье — в основном для приготовления напитка, подобному кумысу,— *шұбат* (шубат) — в западных районах Казахстана, *қымыран* (кымыран) — в южных, *түйе қымыз* (туйе кымыз) — в Семиречье и Восточном Казахстане. Иногда верблюжье молоко применялось для забеливания чая и изготовления сыра. Тогда оно обычно смешивалось с коровьим, козьим, овечьим молоком. Молоко коров, коз, овец шло исключительно на приготовление квашеного молока, масла, различных сыров, а в кипяченом виде смешивалось с чаем. Часть горячего молока давали детям, иногда взрослым с толокном — *талқан* (талкан) или очищенным прожаренным просом (*тары*). Роженицам давали горячее молоко, смешанное с толокном из пшеницы и с добавлением сливочного масла — *қара быламық* (кара быламык). Сырое молоко, как правило, казахи не пили.

С ранней весны и до поздней осени, с начала доения домашних животных после окота и до окончания периода лактации, молочные продукты преобладали в пище казахов.

Мелкий скот (овец, коз) доили один раз — вечером, крупный рогатый скот — два-три раза — утром и вечером. Кобылиц начинали доить примерно через месяц после рождения жеребенка, когда тот приучался к подножному корму, и доили их от пяти до двенадцати раз в течение дня, верблюдиц — 3—4 раза.

Из молозива — *уыз* в первые 2—3 дня после появления молодняка (у коров, овец, коз) приготовлялось ритуальное блюдо — *уыз:* молозиво разбавляли молоком или водой, добавляли соль, затем вливали в бараний желудок — *қарын* (карын) или двенадцатиперстную кишку — *бүйен* (буйен) и, завязав, опускали в кипящий мясной бульон. Через 30—40 минут молозиво свертывалось и превращалось в белую массу. Иногда в молозиво при кипячении добавляли толокно и получали *уыз-көже* (уыз-коже).

Остуженный и нарезанный уыз подавали гостям вместе с мясом. Первыми его ели члены семьи, затем гости, высказывавшие при этом благопожелания: «Пусть в хозяйстве будет в изобилии молоко, матки и приплод — здоровы»[1].

В жаркие летние дни после доения коров, коз, овец процеженное молоко сразу кипятили. Топленые сливки *піскен қаймақ* (пискен каймак), снятые с кипяченого охлажденного молока, подавались как лакомство к чаю. Вместе с молоком их наливали в чай или смешивали с толокном. В прохладные дни свежее молоко оставляли на ночь в деревянной посуде или в котле — *қазан* (казан), а на утро снимали сливки — *қаймақ, кілегей* (каймак, килегей). Добавляя к сливкам сахар, кипятили их в котле на медленном огне, постоянно помешивая до сгущения, и получали *балқаймақ* (балкаймак). В других случаях собранные за неделю сливки сливали в бараний желудок, деревянную посуду или в сосуд из цельноснятой шкуры козла (*мес*) и, взбивая рукой, мутовкой, ложкой, приготовляли сливочное масло (*сары май*). Во время кочевки мес привязывали к седлу, и в результате долгого механического взбалтывания при движении в нем тоже сбивалось масло. Изготовленное из сливок масло считалось самым вкусным.

Масло готовили также из квашеного молока. Делалось это так: снятое, а иногда неснятое молоко (коров, овец, коз) подогревалось до такой температуры, чтобы не обжечь руку, и заквашивалось (на ведро молока клали примерно 200 г закваски — квашеного молока предшествующего приготовления — *үйтқы* (уйткы), затем сосуд наглухо закрывался, укутывался, чтобы брожение происходило в тепле. Вкусовые качества такого молока во многом зависели от температуры, при которой его заквашивали. Первичной закваской служили размельченный сыр — *құрт* (курт), сыворотка (*сары су*), кумыс, сычужина — *мәйек* (маек), похлебка — *ашыған көже* (ашыган коже), серебряные перстни и кольца, монеты, кусочек можжевельника (*арша*), семена дыни и т. д.

---

[1] *Аргынбаев Х.* Народные обычаи и поверья казахов, связанные со скотоводством. — Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975, с. 204.

Молоко заквашивалось в течение 3—4 часов, получался густой катык почти без сыворотки. Через некоторое время или после размешивания он становился более жидким и кислым — *айран*. В отличие от узбеков и уйгуров, у которых квашеное молоко в любом состоянии называется *қатық* (катык), у киргизов —«чалап»[2], у казахов смесь кислого молока с водой известна под названием *шалап*.

Готовое квашеное молоко ставили в прохладное место, чтобы оно не прокисло. Им заправляли похлебки — коже, ашыган коже, кожесу. Такие блюда готовились следующим образом: в котле кипятили воду, сыпали в нее дробленую пшеницу, просо, рис или муку, затем остужали, ставили на 10—15 часов в теплое место для брожения, потом добавляли квашеное молоко или обычное кипяченое молоко. В жаркие летние дни тем, у кого не было кумыса, коже служило и пищей, и прохладительным напитком. Таким же напитком для бедняков служил уже упоминавшийся шалап: не случайно его называли кумысом бедняков.

Остаток айрана сливали в полотняный мешок и подвешивали над какой-нибудь посудой. Когда вся сыворотка вытекала, оставшуюся густую массу — *сүзбе* (сузбе) — солили и употребляли как заправу к бульону и коже. В Семиречье из него делали сыр — *сүзбе құрт* (сузбе курт) [3].

Когда в хозяйстве за 10—15 дней накапливалось много айрана, его сливали в маслобойку (такая жидкость называлась *іркіт* (иркит), из него с помощью мутовки — *піспек* (писпек) сбивали масло. Иркит употребляли и как прохладительный напиток. Иногда часть иркита наливали в котел, добавляли почти столько же пресного молока и все это кипятили. Такой жидкостью — *желдірме* (желдирме) угощали детей, которые помогали сбивать масло.

Сливочное масло для длительного хранения промывали холодной водой, солили мелкой солью и заполняли им бараний желудок — *қарын* (карын). Для повседневного употребления масло клали в толстую кишку, а в летнее время для лучшей сохранности перетапливали. Масло подавалось к чаю.

Иногда делали так называемый *май сөк* (май сёк), для чего тары промывали кипятком для смягчения, затем добавляли в него масло, сахар и перемешивали [4]. Оставшуюся после сбивания масла пахту вливали в котел и долго кипятили на медленном огне, помешивая, а затем, остудив, вливали в мешок из армячины или полотна и держали там в течение 2—3 дней, чтобы вытекла сыворотка. Из полученной таким образом густой творожистой массы делали курт — колобки круглой или продолговатой формы, крупные и мелкие. Сушили курт на солнце на специальных помостах-подставках *өре, сөре* (оре, соре), на чие или на

---

[2] *Абрамзон С. М., Антипина К. И., Васильева Г. П., Махова Е. И., Сулайманов Д.* Быт колхозников киргизских поселений Дархан и Чичкан. М., 1958, с. 194.

[3] Полевые записи Талды-Курганской (1960—1964 гг.) этнографической экспедиции.

[4] Полевые записи Кзыл-Ординской (1958, 1967 гг.) этнографической экспедиции.

больших плоских блюдах *табақ* (табак). Когда курт подсыхал, его складывали в мешки и хранили на зиму.

Различалось несколько разновидностей такого сыра. Курт, изготовленный из айрана, накопленного за 10—15 дней,— *ащы құрт* (что значит «кислый курт») употребляли в пищу зимой, растворяя в горячей воде или бульоне. *Сықпа құрт* изготовляли из свежего айрана, его подавали к чаю. Лучшим считался курт из овечьего молока: он жирнее и мягче.

В Кокчетавском уезде при изготовлении некислого курта — *тұщы құрт* — во время кипячения добавлялось немного муки, при изготовлении ашты курта муки не добавляли [5].

Разновидностью курта являлся также *ежегей*. Его готовили из свежего айрана с добавлением пресного молока.

Изготовлялись и другие разновидности сыра: *сары ірімшік, ақ ірімшік* (сары иримшик, ак иримшик). Самым вкусным считался сары иримшик. Его готовили из топленого коровьего, овечьего, козьего молока, заквашенного с помощью сычуга. При этом использовался сычуг забитого двух-трехдневного ягненка, у которого в желудке еще хранилось затвердевшее молозиво. В желудок наливали 1—2 стакана овечьего молока, в течение недели оно квасилось и превращалось в полутвердую массу. Сычуг с заквашенным молозивом *мәйек* (маек), имевший один открытый конец, вкладывался в кожаный сосуд побольше размером, и туда через 2—3 дня понемногу вливали свежее овечье молоко [6].

Маек служил прекрасной закваской в течение всего лактационного периода не только для иримшика, но и для кислого молока. В Семиречье маек применяли высушенным: его опускали на некоторое время в теплое молоко для закваски, а затем вынимали и хранили для следующего употребления.

Если маека не было, его заменяли айраном. Айран вливали в котел в тот момент, когда пресное молоко кипело. Получался творог, приобретавший от долгого кипения желтый или красный цвет.

Лучшим по вкусовым качествам считался иримшик, заквашенный маеком. Загустевшую творожную массу вынимали из котла и сушили на солнце мелкими кусочками (но не формовали). Такой иримшик мог храниться долго. Он подавался к чаю.

В начале зимы готовили особую смесь — *қоспа* (коспа), для чего иримшик толкли в порошок и смешивали с топленым маслом. Такая смесь, как и сливочное масло, хранилась в брюшине барана — *қарын* (карын).

В Актюбинском уезде в заключительный момент изготовления иримшика в котел клали раскатанное тесто и вытаскивали вместе с частью иримшика, затем туда добавляли масло, ели иримшик с тестом сразу в горячем виде [7].

---

[5] Полевые материалы Кокчетавской (1957г.) этнографической экспедиции.

[6] *Чорманов М.* Заметки о киргизах Павлодарского уезда. Записи Западно-Сибирского отдела РГО, кн. 32, 1906, с. 16; *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов..., с. 551; *Сариев И.* Дастаркан. Алматы, 1974, с. 65.

[7] Полевые записи Актюбинской (1972 г.) этнографической экспедиции.

Ак иримшик отличался от сары иримшика тем, что при его приготовлении парное или снятое молоко нагревали, затем наливали закваску и кипятили 10—15 минут до свертывания молока. Потом творожную массу вынимали, смешивали с маслом, солили и ели в теплом виде. Это блюдо, называемое *ақ марқа* (ақ марка — белый ягненок), обычно предназначалось для вечерней трапезы в осеннее время. Бедноте оно заменяло горячую мясную пищу [8].

Одним из видов молочной пищи являлся *қою сүт* (кою сут — густое молоко). Для его приготовления в котел наливали овечье молоко. До того, как оно закипало, вливали айран или кумыс (на 10 литров — 50 г) и доводили до кипения, постоянно помешивая поварешкой *ожау*. Когда молоко закипало, его снимали с огня и употребляли в пищу в горячем виде. Оно получалось густым, как сметана. Қою сут был очень вкусен и питателен, ели его преимущественно осенью.

Сыворотка *сары су* после приготовления курта шла на очистку кожи и шерсти. Сыворотку же после иримшика долго кипятили, а когда она сгущалась, приобретая темно-коричневый цвет, ее разрезали на мелкие кусочки. Иногда в сыворотку добавляли немного квашеного молока и тоже кипятили до сгущения. Из такой массы делались лепешки с отверстием в середине. Они высушивались и нанизывались на шнурок.

Излюбленным напитком казахов был кумыс. Способ его приготовления следующий: молоко кобылицы наливали в кожаные мешки *саба* или в высокие деревянные сосуды *күбі* (куби), крышки которых имели отверстие для мутовки, добавляли закваску и долго взбивали, что способствовало активному брожению. Чтобы воздух не выходил из сосуда и не расплескивалось молоко, горловину завязывали. Сосуды привязывали к решеткам юрты.

Закваской для первого приготовления кумыса чаще всего служили крупинки от прошлогоднего кумыса — *ерібі, кор* (ериби, кор), хранившиеся в кожаных мешках. В качестве закваски использовались иногда вареная бедренная кость лошади (*ортан жіліктің үлкен басы*), домашняя колбаса из ребер конины — *қазы* (казы), гривное сало лошади (*жал*). Нередко закваской могло служить коже (закисшая похлебка).

В Аулие-Атинском уезде закваску приготовляли так: осенью очищенное просо заливали кумысом, затем высушивали и сохраняли в матерчатом мешочке до весны. Весной в полученное от первой дойки кобылиц молоко опускали мешочек с просом, и молоко скисало. Закваской для молодого кумыса мог служить также старый кумыс.

Закваска нужна была лишь для приготовления кумыса в первый раз. В дальнейшем в остатки старого кумыса только доливали кобылье молоко и при этом долго взбивали. Через сутки кумыс был готов к употреблению. Его переливали в другие сосуды или наливали в глубокую деревянную чашу — *тегене* (тегене), а отсюда уже разливали поварешкой — *ожау* (ожау) по чашкам — *аяқ, сапты аяқ* (аяқ, сапты аяк).

Вкусовые качества и крепость кумыса зависели от технологии при-

---

[8] *Аргынбаев Х.* Историко-культурные связи..., ТИИАЭ, т. 6, с. 78.

готовления и хранения: чем дольше его взбивали, тем кумыс был лучше,— уменьшалась кислотность, он становился гуще, меньше было творожистых осадков. Сказывались на качестве кумыса состав закваски и посуда, в которой он готовился. Вкуснее был кумыс, приготовленный в кожаной саба. Конечно, очень важно было и качество молока кобылиц, во многом зависевшее от травостоя пастбищ, на которых они паслись[9].

Различалось несколько видов кумыса: перводневный, еще не докисший, называли *«саумал»*, второго дня — средней крепости — *«қымыз»* (кумыс), третьего дня — *«түнемелі»* (тунемели — буквально «переночевавший»). Последняя разновидность кумыса — *«қораба»* (кораба — «перекисший»).

Церемония коллективного распития кумыса, уходящая истоками в древность, существовала и в конце XIX— начале XX в.[10] Зажиточные и богатые казахи устраивали коллективное распитие кумыса, угощая соседей.

Угощали кумысом и на всяких торжествах, но особенно на свадьбах и поминках. Все, кто могли, привозили с собой кумыс в саба, торсыке, месе.

Существовали у казахов и другие напитки, при изготовлении которых использовался кумыс. Это прежде всего *қойыртпақ* (койыртпак — буквально «загустевший»). Для его приготовления кипяченое пресное молоко (коровье, овечье, козье) смешивали с кумысом (на 1 л кумыса — 0,5 л молока), вливали в деревянную чашу и, набирая оттуда поварешкой (ожау), тонкой струей лили обратно (это называлось *«сапыру»*), чтобы образовалась обильная пена. Сапыру повторяли многократно. От этого напиток густел и на вкус был не очень кислым; им часто поили детей. Қойыртпак также был повседневным напитком пастухов. Утром, уходя из дома, они брали с собой кожаную фляжку — *торсық* (торсык) с кумысом, днем туда вливали надоенное овечье молоко, из которого через несколько часов получался густой вкусный напиток. Пастухи приготовляли также *қорықтық* (корыктык) — овечье молоко, вскипяченное в чашке посредством раскаленных на костре камушков.

Для детей, особенно маленьких, готовили еще *көбіршік* (кобиршик). Брали полчашки кумыса, затем в эту чашку доили корову так, чтобы струи молока расходились по всей поверхности чашки. Парное молоко, смешиваясь с кумысом, свертывалось — внизу оставалась сыворотка, приятно-кислая на вкус, сверху — немного загустевшая пенка. Когда чашка наполнялась до краев, ее сразу же давали детям.

Казахи Западного и Южного Казахстана, особенно в тех районах, где разводили верблюдов, приготовляли из верблюжьего молока *шұбат* (шубат), *қымыран* (кымыран), который, как и кумыс, служил и напитком и пищей. (Верблюжье молоко очень жирное — жирность 8—9%.)

---

[9] *Халиди К.* Таварих-и Хамса. Казань, 1910, с. 507. Перевод с татарско-турецкого Дж. Кармышевой.

[10] *Потапов Л. П.* Древний обычай, отражающий первобытно-общинный быт кочевников. Тюркологический сборник, т. I. М.—Л., 1951, с. 164—175.

Лактационный период верблюдиц дольше, чем у других животных (до 18 месяцев), и каждая из них давала много молока, особенно одногорбая порода аруана.

Технология приготовления шубата довольно проста. Шубат, как и

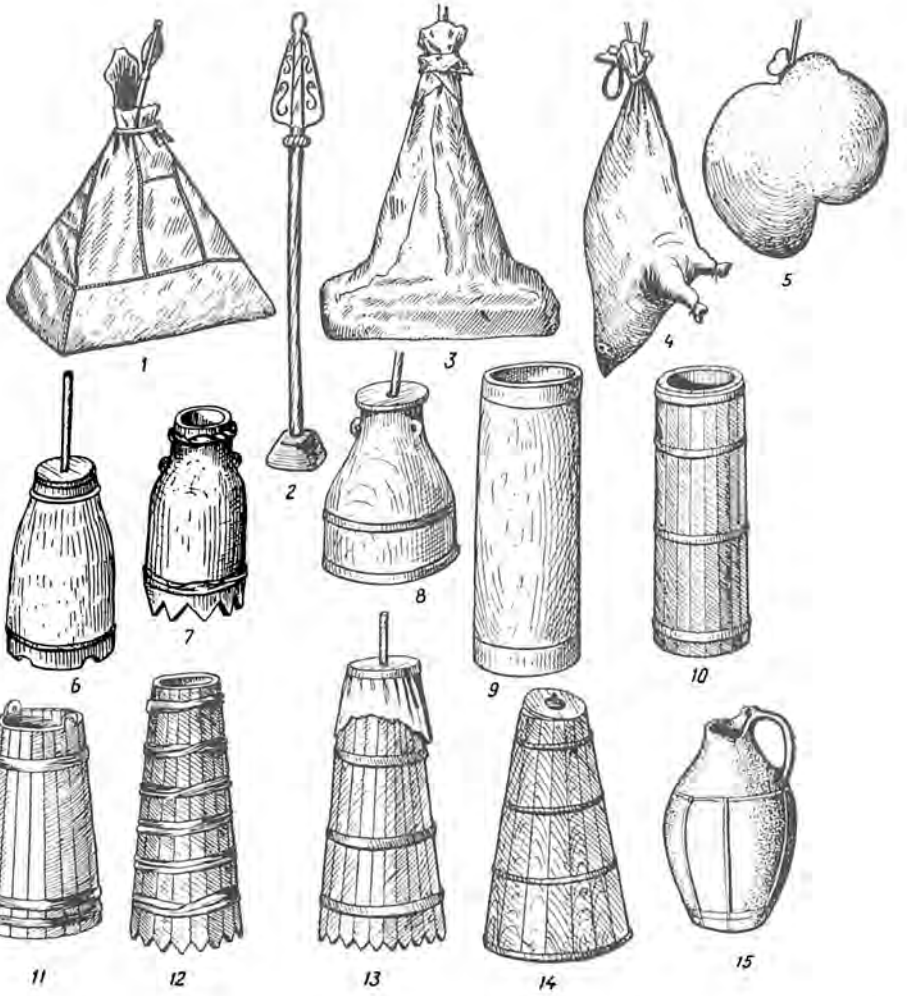


Рис. 17. Типы маслобоек: *1* — из кожи крупного скота — *саба*, Юго-Вост. Казахстан; *2* — деревянная мутовка — *піспек* (писпек); *3* — саба (Южн. Казахстан); *4* — из цельносшитой кожи козла — *мес*; *5* — овечья брюшина — *қарын* (карын); *6, 7, 8, 11, 14* — деревянные маслобойки — *кубі* (куби), Юго-Вост. Казахстан; *9, 13* — куби, Центр. Казахстан; *10, 12* — куби, Южн. Казахстан, *15* — глиняная маслобойка (Сев.-Зап. Казахстан)

кумыс, приготовляли путем закваски старым шубатом свежего молока и взбалтывания. Для первичной закваски было достаточно влить айрана или коже. Приготовление шубата не требует такого длительного взбалтывания, как приготовление кумыса. Шубат бывает готов через 15—20 часов. Шубат считали целебным напитком, в частности, при легочных заболеваниях.

Посуда и утварь казахов-скотоводов была приспособлена к подвижному образу жизни: легкая, небьющаяся, из кожи и дерева. Для перевозки бьющейся посуды изготовляли специальные чехлы *шыныкап* (шыныкап), например, для чашек — большей частью из войлока, реже деревянные и плетеные.

Самой разнообразной по форме, размерам и назначению была кожаная посуда — саба, суйретпе, торсык, мес, конек и др. (рис. 17).

Саба шили из специально обработанной лошадиной шкуры, иногда из шкур крупного рогатого скота. При согуме (заготовке мяса на зиму) для саба специально оставляли шкуры, предпочтительно с хорошо упитанных и здоровых животных. Шерсть с шкуры снимали, кожу размягчали квашеным молоком, сывороткой, куртом, затем мыли, сушили и, посолив, сохраняли до весны. С наступлением весны ее коптили в специальных коптильнях [11].

В северо-восточной части Казахстана, например, «рыли в земле печь, от которой шел зигзагообразный дымоход, длиною до 15 м. Над концом дымохода устраивают из веток шалаш, который сверху прикрывают кошмами. В этом шалаше развешивали шкуры и коптили в течение 2—3 недель, не прекращая поступление дыма ни днем, ни ночью». Были люди, специально занимавшиеся этим промыслом. Они имели специальные коптильни, выложенные из камней. При копчении сжигались свежие березовые ветки, пустынная акация — *қараған* (караган), можжевельник, таволга, сырой ковыль [12].

Из прокопченной шкуры сшивали крученными нитками из верблюжьего волоса — *шуда жіп* (шуда жип) — саба. В новой саба в течение лета готовили кумыс, шубат, а затем могли использовать ее для приготовления масла. Форма саба была конической: широкое основание с квадратным дном переходило (постепенно или резко) в узкую горловину вверху, в отверстие которой вставляли деревянную мутовку — *піспек* (писпек) для взбалтывания. Писпек — это палка примерно в метр длиной, на ее нижнем конце насажена крестовина или дощечка в виде круга или квадрата с четырьмя отверстиями. Верхняя часть писпека иногда украшалась резьбой, росписью, инкрустировалась костью и серебром. К верхней части горловины саба привязывали шнур (бечевку), другой ее конец прикрепляли к решеткам юрты с левой стороны или привязывали к натянутому поверху с правой стороны от входа в юрту шнуру.

Для саба делались специальные подставки — *сабаяқ* (сабаяк) —

---

[11] *Трофимук Н. А.* Санитарный очерк обследования водоснабжения, питания, жилища и одежды жителей Казахстана. — В сб.: Казахи, вып. 15. Л., 1930, с. 184.

[12] Там же, с. 185.

в виде ящика без дна. Изредка они украшались резьбой, росписью, инкрустацией из кости и серебра [13]. Когда подставки не было, саба ставили на прутья тальника, иногда в земле вырезали дерновой слой, размерами равный дну саба, и выкладывали яму сухой травой или песком [14]. Все эти подставки и приспособления были нужны, чтобы саба с кумысом не отсырела, не подвергалась перегреванию и обветриванию, так как от этого зависели вкусовые качества кумыса.

Для этой же цели, а также для того, чтобы саба прослужила дольше, ее раз в неделю тщательно промывали и коптили чаще всего над дымом от ивы, а чтобы она сохраняла свою форму, смазывали жиром или сливочным маслом.

Обычно саба вмещала примерно 100 л (8—10 ведер), гораздо большими были саба у богатых — до 35—40 ведер. Специально шили большие саба для перевозок кумыса на свадьбу или годовые поминки (*ас*).

Для перевозки кумыса служил суженный кверху кожаный резервуар — *сүйретпе* (суйретпе), вмещающий до 2 ведер. Его шили из шейной части шкур лошадей, крупного рогатого скота, верблюдов. Суйретпе был больше распространен в Северном Казахстане. В Семиречье и в Западном Казахстане вместо суйретпе использовали кожаный сосуд — *мес* из цельноснятой (чулком) шкуры холощеного козла (*серке*). Обрезы шеи и передних ног в нем сшивали шерстяной ниткой. Такой сосуд вмещал до 3—4 ведер. В Западном Казахстане в бедных хозяйствах мес служил для приготовления кумыса и масла, при этом могли обходиться без мутовки, взбивание производилось покачиванием сосуда [15].

Повсеместно употреблялись кожаные фляги — *жанторсық* (жанторсык), вмещавшие до 4 л кумыса, их часто украшали тиснением.

Для доения кобылиц использовали кожаные сосуды, по форме напоминающие чайник — *көнек* (конек). Они шились из кожи, снятой с шеи верблюда. Такой подойник был очень удобен: струя молока стекала в него без шума, а кобылицы обычно капризны и насторожены при доении. Конек также украшался тиснением. Подойниками служили и небольшие деревянные сосуды в виде ведерка, цельнодолбленые или из планок.

В Южном и Юго-Восточном Казахстане для доения и хранения молочных продуктов бедняки применяли сосуды из тыквы-горлянки — *қабақ* (кабак) [16].

Весьма разнообразны и красочны были деревянные ковши для разливки кумыса — *шөміш* (шомиш), *ожау*, нередко украшенные резьбой, инкрустацией из серебра и кости (рис. 18). Их вытачивали из дерева в виде двух полушарий, на границе которых находилась ручка. Каждое полушарие соединялось с ручкой тонким прутиком, сама ручка оканчива-

---

[13] ГМЭ, осн. ф., кол. 4532, предм. 25/Собиратели А. Н. Глухов и Ф. А. Фиельструп (урочище Каратас на р. Уил).

[14] *Фиельструп Ф. А.* Указ. соч., с. 268.

[15] Полевые записи Актюбинской (1972 г.) этнографической экспедиции.

[16] Полевые записи Мангышлакской, Кзыл-Ординской и Южно-Казахстанской (1957, 1958, 1967 гг.) этнографических экспедиций.

Рис. 18. Старинная утварь: *1* — кожаное ведро для доения кобылиц — *көнек* (конек); *2* — чаша для кумыса — *тегене*; *3* — черпак — *ожау*; *4* — кожаный мешок — *суйретпе* (суйретпе); *5*, *6*, *7* — разновидности кожаных фляжек — *торсық* (торсык)

лась острым концом. В Центральном Казахстане встречались ожау, сделанные целиком из рога [17].

Для хранения молочной пищи использовали бараний, бычий желудки — *қарын* (карын), брюшину лошади — *таз қарын* (таз карын). Карын сразу же после убоя тщательно очищали, оставляли на ночь в соленом растворе и после окончательной обработки надували и сушили несколько дней. В них чаще всего хранили продукты, особенно масло, жиры.

Для хранения молочных напитков (кумыса, айрана) служили большие по размеру и глубокие деревянные цельнодолбленые миски с крышками вместимостью до 15 л — *тегене, шара* (рис. 18). Сюда переливали из саба готовый к употреблению кумыс.

Чашки для питья кумыса, айрана у казахов тоже были цельнодолблеными, иногда с небольшой ручкой — *саптаяқ* (саптаяк), и самые маленькие — *тостаған* (тостаган).

Деревянные маслобойки у казахов — *күбі* (куби), *май шелек, метей* — использовались для сбивания масла, приготовления кумыса, а также для коже (рис. 17). Их делали сами или приобретали готовые на ярмарках.

Обычная форма деревянной маслобойки — усеченный конус с чуть суживающимися кверху стенками (рис. 17). В Западном, Центральном и Восточном Казахстане они появились во второй половине XIX в.[18], на юге, по всей вероятности, — раньше. В форме маслобоек существовали локальные различия: для Восточного и Центрального Казахстана характерны цельнодолбленые из ствола березы сосуды, дно которых сделано из планок, крышка с отверстием — также из планок; в Южном и Западном Казахстане — из отдельных неширокних планок сделаны большей частью и стенки. В Северном Казахстане встречались маслобойки, выполненные из ствола ивы: грубо выструганные и просушенные планки (26—28 штук) плотно скреплялись четырьмя железными обручами. В Южном Казахстане встречались маслобойки в форме узкого цилиндра. Материалом для маслобоек, кроме березы, служили дуб, лиственница, джида, ива, можжевельник.

Куби, как и саба, тоже коптили, обмазав внутри жиром или маслом. Для этого на небольшой лист железа или подставку на четырех ножках клали прутья ивы, поджигали и опрокидывали на них сосуд вверх дном. Повторяли этот процесс четыре раза. Затем изделие использовали для кумыса. В Северо-Западном Казахстане в качестве маслобойки применялись еще гончарные сосуды с широким горлом, приобретавшиеся на ярмарках. Их называли *«куршок»* (видимо, производное от русского «горшок»). Так же называли здесь и деревянные маслобойки [19].

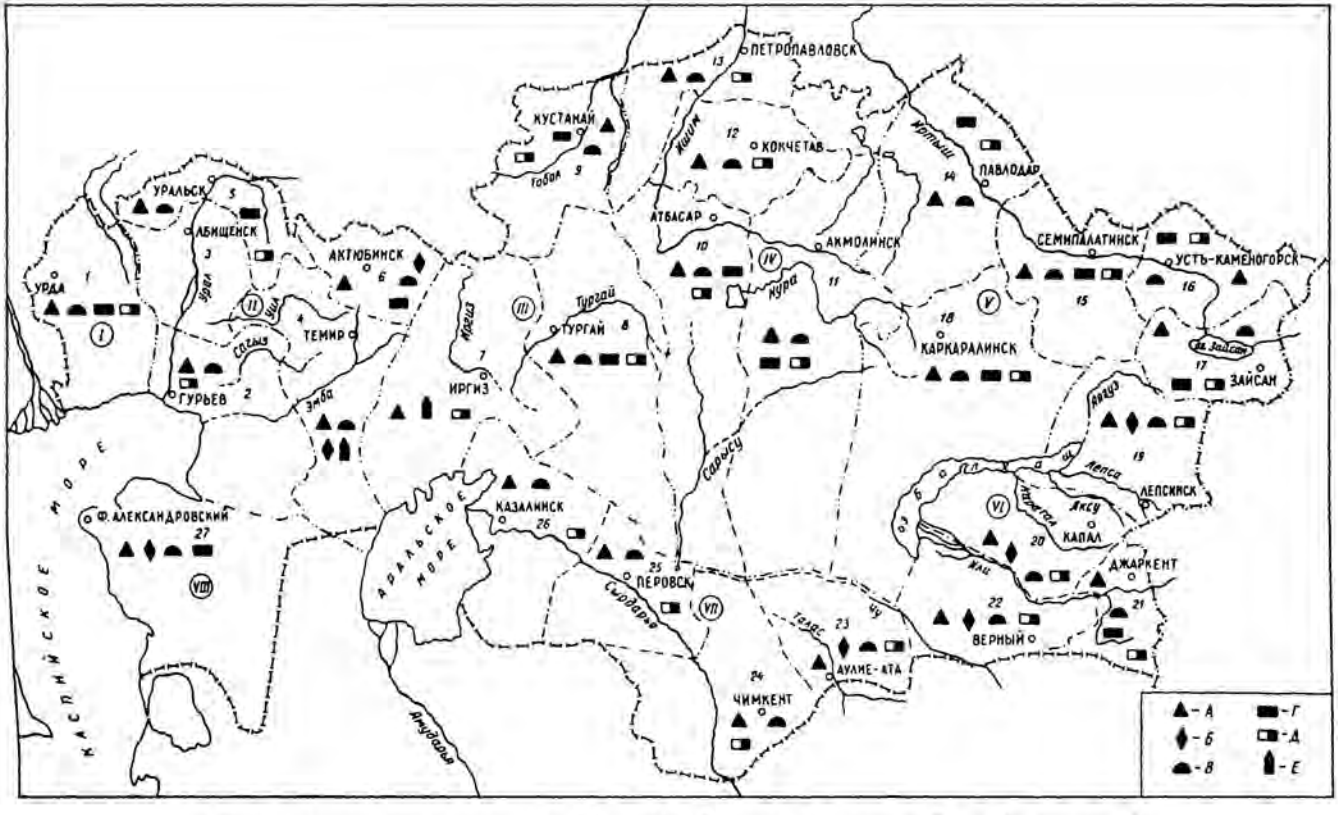
Металлическую посуду покупали. Обязательной принадлежностью

---

[17] Полевые записи Карагандинской (1965 г.) этнографической экспедиции.

[18] Р. Карутц, трижды посетивший Мангышлак (1903, 1904, 1909 гг.), не зафиксировал их наличие у адаевцев. В Восточном Казахстане это отмечал Х. Аргынбаев. — См.: ИИАЭ, т. 6. Алма-Ата, 1959, с. 83.

[19] Полевые записи Актюбинской (1972 г.) этнографической экспедиции.



Распространение типов маслобоек: *А* — саба, *Б* — мес, *В* — карын, *Г* — куби (цельные), *Д* — куби (из планок), *Е* — куршок (гончарные)

кухонной утвари был чугунный котел различных размеров. В котле готовили почти все виды пищи, в том числе и молочную. Казан ставили на железную треногу — *ошақ* (ошак) над костром, который раскладывался прямо на земле или в специально вырытой яме — *жерошақ* (жерошак — земляной очаг). Для снятия котла с очага каждая хозяйка имела своеобразные рукавички из серого войлока — *тұтқыш* (туткуш) в виде почти прямоугольного кошелька с пришитым к нему треугольным клапаном. Четыре пальца вкладывали в кошелек, большой палец ложился на клапан. Для мытья котла применялись специально сделанные из металла скребки — *қырғыш* (кыргыш), имевшие вид лопаточки с длинной ручкой [20].

Молоко процеживали через специальную цедилку — *сүзгі* (сузги). Ее делали из конского волоса, закрепленного в петле из прута переплетающейся бечевкой [21].

Преобладание скотоводческого хозяйства, кочевой и полукочевой образ жизни казахов в значительной мере определяли характер и особенности пищи и утвари. Как правило, казахи на рубеже XIX—XX вв. в основном обходились продуктами, производившимися в своем хозяйстве. В летние месяцы преобладала молочная пища, зимой — мясная, однако от весны до осени заготавливались и молочные продукты на зиму.

7. ОБЫЧАИ И ПОВЕРЬЯ КАЗАХОВ, СВЯЗАННЫЕ СО СКОТОВОДСТВОМ

Многовековой опыт ухода за скотом, способы его содержания в трудных природно-климатических условиях, традиционные навыки ведения хозяйства, обычаи и поверья, связанные со скотоводством, сохранялись и передавались из поколения в поколение.

У казахов, как и у других народов, ведущих скотоводческое хозяйство, существовали легенды об индивидуальных патронах — покровителях — *пір* (пир) — всех видов домашних животных. Покровителем лошадей считался Камбар-ата или Жылкышы-ата, овец — Шопан-ата, верблюдов — Ойсыл-кара, крупного рогатого скота — Зенги-баба [1], коз — Сексек-ата.

В этнографической литературе по поводу таких легенд есть немало предположений. Советский исследователь В. А. Шишкин еще в 1927 г., обследовав мазары Зенги-баба, писал, что Зенги-баба — это имя популярного в народе святого, считавшегося патроном пастухов. А. П. Хорошхин полагал, что он являлся патроном крупного скота. Известный

[20] ГИЭ, осн. ф., кол. 4532, предм. 32; МАЭ, кол. 1287, предм. 49; МАЭ, кол. 1287, предм. 50/Собиратель К. В. Щенников (1908 г., Петропавловский уезд).

[21] МАЭ, кол. 1760, предм. 3, 4; кол. 1287, предм. 62.

[1] *Потанин Г. Н.* Сказание о предке коров Зенги-баба, предке лошадей Джилкиши-ата, верблюдов — Ойсыл-кара и овец — Чопан-ата. Записки Зап.-Сиб. отд. РГО, кн. X. Омск, 1888, с. 32.

казахский этнограф А. Диваев указывал, что собственным именем Зенги-баба было Имин-баба. Ю. Казбеков в статье, посвященной описанию праздника в честь Зенги-ата, называет его Айкожа и считает покровителем коров [2].

Патрону овец Шопан-ата приписывают ряд памятников-мавзолеев. Вблизи Самарканда сохранился мазар под названием Чопан-ата [3]. На Мангышлаке есть целый некрополь Шопан-ата. С именем покровителя овец связана легенда, которая гласит, что он был одним из учеников Ахмеда Ясави. Однажды Ахмед Ясави решил испытать своих учеников. Он собрал их в своей юрте и, выбросив посох через верхнее отверстие, предложил отыскать его, сказав: «Первый нашедший посох станет его владельцем». После долгих скитаний посох нашел на Мангышлаке Шопан-ата. Здесь и возник некрополь, сохранивший его имя.

На Мангышлаке бытовала и другая легенда. В ней рассказывалось, что джигит, по имени Муса, встретил однажды двух девушек, которые тщетно пытались поднять каменную крышку (*айкел*) колодца. Джигит помог им и напоил овец. Тогда девушки пригласили его домой к слепому отцу. Отец оставил Мусу у себя пастухом овец. Через 9 лет Муса захотел уйти, но старик попросил его остаться еще на год, обещав отдать ему за труд всех белых ягнят будущего приплода отары. На следующий год все ягнята родились белыми. Старик оставил пастуха еще на год, обещав отдать ему всех пегих (*ала*) ягнят следующего приплода. На этот раз все ягнята родились пегими. Тогда старик женил пастуха на младшей дочери и нарек его патроном овец — Шопан-ата. Так Шопан-ата стал покровителем овец [4].

О покровителях других домашних животных сведений подобного рода нет. Однако, вероятно, и Камбар-ата и Ойсыл-кара — это имена покровителей животных.

Народная фантазия создала интересные предания о происхождении домашних животных, согласно которым быстроногая, как ветер, лошадь создана из ветра; не брезгающий даже застоявшимися талыми водами крупный рогатый скот — из воды; любитель солонцеватых пастбищ верблюд — из солончака; овца — из неба и огня; обитатель горных пастбищ козел — из камня [5]. Древность таких преданий свидетельствует о том, что культ животных был связан с доисламскими верованиями.

В древних верованиях казахов бараны и верблюды наделялись свойствами оберега. В качестве оберега выступали сами животные. Видимо,

---

[2] *Шишкин В. А.* Мазары в Зенг-ата. — В кн.: *Бартольд В. В.* Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927, с. 165; *Хорошихин А. П.* Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. Спб., 1876, с. 185; *Диваев А. А.* Легенда о Казыкуртском ковчеге. — Сб. материалов по статистике Сырдарьинской области. Ташкент, 1896, с. 7; *Казбеков Ю.* Праздник в честь Зенги-ата. — Туркестанские ведомости, 1875, № 34.

[3] Материалы по статистике Туркестанского края, вып. II, с. 281; *Диваев А. А.* Указ. соч., с. 9.

[4] Полевые записи Мангышлакской (1976 г.) этнографической экспедиции.

[5] *Потанин Г. Н.* Очерки северо-западной Монголии, вып. II. Спб., 1881, с. 152—153.

с этим связано то, что среди казахских надгробных памятников часто можно встретить так называемые *қойтас* (койтас) — стилизованные скульптурные изображения каменных баранов. Изображения верблюдов встречаются в орнаментации ковров и ковровых изделий *басқұр* (баскур)[6].

Широко распространенный не только у казахов, но и у многих народов Средней Азии орнамент в виде рогов барана *қошқар мүйіз, сыңар мүйіз* (кошкар муйиз, сынар муйиз), верблюжьих ступней и глаз — *түйе табан, түйе көз* (туйе табан, туйе коз) на коврах, кошмах и вышивках или же обычай нашивать верблюжью шерсть на детскую одежду в качестве амулета также имели некогда значение оберега. «Многое,— отмечает Г. П. Снесарев,— из того, что некогда оставалось от развития культа этого животного (барана.— *А. Х.*), уже давно было поглощено исламом... баран вошел в мусульманскую мифологию и обрядность, будучи узаконен в ней прежде всего как жертвенное животное»[7].

Во многих казахских легендах упоминается верблюд. В одной из них говорится, что по завещанию казахского батыра XVII в., выходца из Семиречья, Райымбека, его тело было навьючено на белого верблюда и похоронено там, где этот верблюд остановился и лег. Подобная легенда связана с именем скотовода Қасымбая с Мангышлака. Он умер во время летней кочевки. Тело его везли на верблюде, и там, где верблюд остановился и лег, Қасымбай и был похоронен. Впоследствии здесь возник некрополь Қасымбай с каменными надгробными сооружениями. Подобного рода легенды встречаются и у других народов [8].

Почитание верблюда имело отношение к культу плодородия. По поверьям, беременные женщины из боязни, что срок беременности затянется, избегали есть верблюжье мясо, а те, у кого роды запаздывали, чтобы их ускорить, перешагивали через шею лежащего верблюда, специально покрытую материей [9].

Особо почитались боевые кони. Конь Кобланды-батыра — Тайбурыл, Алпамыса — Шубар ат, Камбар-батыра — Кара каска ат, Ертостика — Шалкуйрык и другие скакуны-тулпары в трудных обстоятельствах помогали своим хозяевам, как верные друзья, подсказывали им смелые решения, спасали от беды [10].

Почитание лошадей, овец и верблюдов проявлялось в запрещении бить их по голове или пинать. В народных представлениях подобные поступки считались грехом, даже кости этих животных наделялись сверхъестественными свойствами: они тоже считались оберегами.

---

[6] Полевые записи Гурьевской (1968 г.) этнографической экспедиции; ТИИАЭ, т. 12. Алма-Ата, 1961, с. 112.

[7] *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 315—318.

[8] *Снесарев Г. П.* Указ. соч., с. 317.

[9] *Диваев А.* Приметы киргиз. — Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края, вып. 3. Оренбург, 1923, с. 133.

[10] Казахский эпос. Т. 1. Алма-Ата, 1963, с. 21, 222, 410; Казахские сказки. Алма-Ата, 1959, с. 5—34 (на каз. яз.).

Крупный рогатый скот и козы не пользовались таким почитанием. Каждый путник должен был стегнуть их плетью, чтобы отогнать «злые силы», находившиеся при них.

Прибытие аула на зимние и летние стоянки обычно сопровождалось жертвоприношением в честь духов умерших предков — аруахов. Во время этих церемоний казахи читали молитву и просили у аруахов счастья и покоя [11].

Казахи верили в очистительную силу огня, поэтому, оставляя зимовку, раскладывали костры и прогоняли между ними весь скот и кочевой караван, чтобы «нечистая сила» не преследовала их на летовках. При возвращении на зимовку также окуривали ее огнем и дымом, чтобы прогнать злых духов.

При обрядах жертвоприношения приносили в жертву разных животных. При этом имели значение возраст, масть, пол и вид животного. Самыми незначительными жертвенными животными считались козленок — *қара шұнақ лақ* (кара шунак лак) и ягненок — *қоңыр тоқты* (коныр токты). Наиболее распространенная жертва — 3—4-летний белый баран с отметиной на лбу — *боз қасқа* (боз каска) или с желтой головой — *ақ сарбас* (ак сарбас). В исключительных, особо важных случаях для общины жертвенным животным избиралась белая кобыла (*боз бие*).

В старину, например, при возвращении из военного похода близкого родственника или рождении долгожданного наследника в жертву приносили белого верблюда. Этот обычай бытовал частично еще в конце XIX в. Равноценной была жертва «пары серых баранов (*қошқар*) и пары серых самцов верблюда (*бура*), рожденных двойней»[12].

Вообще при жертвоприношении животных отдавалось предпочтение производителям серого цвета и по понятным причинам: производители, по народным представлениям, являлись воплощением счастья и богатства — *құт* (кут) хозяина, а серая масть жертвенного животного связана с культом безоблачно-прозрачного неба *көк* (кок).

Весьма интересны поверья, связанные с рождением у животных двойни. Казахи радовались двойне овец, что случалось довольно часто. Двойню верблюдиц, коров и кобыл встречали настороженно, так как, согласно поверьям, это могло служить предвестником несчастья для хозяина. Если корова, кобыла или верблюдица принесла двойню, то одного из двух родившихся животных обычно отдавали кому-либо из родственников. Старейший казахский поэт Кенен Азербаев в своих воспоминаниях свидетельствует, что в конце XIX в. среди семиреченских казахов одно животное из тройни коз отдавали посторонним или устраивали состязания в беге мальчиков и победителю отдавали козленка [13].

Вместе с тем считалось, что животные с особой приметой приносят счастье. Такое животное приносили в жертву лишь в исключительных

---

[11] Дневные записки путешествий капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкую степь в 1771 г. Спб., 1772, с. 43; *Валиханов Ч. Ч.* Следы шаманизма у киргизов. Собр. соч., т. I. Алма-Ата, 1961, с. 473.

[12] Казахский эпос. Т. 1. Алма-Ата, 1963, с. 67.

[13] *Азербаев К.* В устах народа. Алма-Ата, 1969, с. 5.

случаях, оно считалось символическим главой всего хозяйского стада *малбасы*.

Одна из важнейших сторон скотоводческого хозяйства — это получение и сохранение приплода. Хорошо зная природно-климатические условия края и особенности каждого вида домашних животных, скотоводы стремились регулировать время получения приплода, приурочивая его к наступлению теплой погоды. Чтобы предупредить раннее ягнение овец, баранам-производителям до конца октября подвязывали войлочный фартук — *күйек* (куйек), предохраняющий от преждевременного покрытия овец.

Начало случной кампании проводилось организованно и сопровождалось обрядами. Так, подвязывание и снятие куйеков было делом преимущественно женщин, причем предпочтение отдавалось многодетным женщинам, так как это якобы содействовало плодовитости овец и получению в приплоде большей части самок.

Для начала случной кампании —«снятие фартука»— *күйек алу* (куйек алу) выбирался один из «счастливых дней» — *сәтті күн* (сатти кун), как правило, среда *сәрсенбі* (сарсенби) или четверг *бейсенбі* (бейсенби). Обычно куйек снимали ночью и обязательно в ауле, ибо существовало поверье, будто там, где снимается куйек, в основном и ягнятся овцы.

В отаре был основной баран-производитель. Снятие куйека всегда начиналось с него. Хозяин держал барана, а его жена развязывала куйек, прося покровителя овец Шопан-ата о том, чтобы не было яловых овцематок, чтобы было много двоен и приплод в основном состоял из самок. Затем куйек снимали с оставшихся баранов собравшиеся для этой цели женщины и пастухи. Снятые фартуки складывали в кучу с правой стороны порога хозяйского жилища: тогда якобы богатство никогда не покинет дом.

После снятия куйеков хозяин отары ловил одну из овцематок и сыпал ей в рот горсть проса, «чтобы приплод был многочисленным, как зерна проса», а затем хозяйка угощала собравшихся женщин торжественным ужином — *шашыратқы* (шашраткы)[14]. Шашраткы устраивался и после оплодотворения ярок — *тұмса тоқты* (тумса токты).

Не менее ответственной считалась окотная кампания, также сопровождавшаяся различными обрядами. Не позволялось выносить из жилищ головешки (*шала*), пока все маточное поголовье не разрешится благополучно от бремени; по народным представлениям, нарушение этого запрета могло привести к учащению выкидышей в стаде. При рождении первого верблюжонка или жеребенка устраивалось торжество для табунщиков.

Во время отела хозяева внимательно следили за тем, чтобы корова не съела послед (*шу*), так как, согласно поверьям, тогда надой молока у этой коровы должен был пойти на убыль, и она могла заболеть.

---

[14] *Добросмыслов А. И.* Скотоводство в Тургайской области, с. 47; *Диваев А.* Этнографические материалы, вып. VII. Ташкент, 1901, с. 72.

Бытовало поверье, что домашних животных можно сглазить. Гибель молодняка часто приписывали дурному влиянию — «сглазу» — *тіл-көз* (тил-коз), поэтому новорожденного верблюжонка в течение двух недель прятали от посторонних, помещая в юртах, крытых загонах и т. д., а кроме того, к макушке животного прикрепляли перья филина — *үкі* (уки), вешали ему на шею на пестрой веревке различные амулеты — обереги (*тымар*) из круглого черного камня с отверстием. Если кто-либо из посторонних случайно увидит верблюжонка, его тут же заставляли трижды на него плюнуть, приговаривая при этом: «Язык и взор мой пусть разобьется о камень...» (*тіл-көзім тасқа...*). Известный ученый и путешественник Г. Н. Потанин рассказывал, что казахи навешивали на высокоудойных коров и упитанных верблюдов амулеты-обереги в виде треугольных войлочных мешочков с семью зашитыми в них черными камнями [15], что, вероятно, связано с представлением об оберегающих от сглаза качествах черных камней и с культом цифры семь.

Магическими свойствами наделялись некоторые орудия скотоводческого хозяйства, например, *көген* (коген — приспособление для привязи ягнят), *желі* (жели — такое же приспособление для жеребят и верблюжат), *ноқта* (нокта — недоуздок для жеребят и верблюжат), *бас жіп* (бас жип — привязь для телят и коров), *бида* (бида — повод для верблюда), *жүген* (жуген — узда), *құрық* (курык — укрюк для ловли лошадей) и т. д. Эти орудия скотовод никому не отдавал. Через жели, курык запрещалось перешагивать, особенно женщинам. Считалось, что нарушение таких запретов обрекало хозяина на бедность.

Как и другие народы, занимавшиеся скотоводством, казахи считали, что молоко нельзя проливать на землю; если кто-либо сделает это нечаянно, то должен смочить пальцы в пролитом молоке и поклониться духам, чтобы они не гневались [16]. Пролитое молоко обязательно засыпалось землей, тщательно убиралось, чтобы на него не наступили люди и им не полакомились собаки. Возникли своеобразные проклятья: пусть проклинаемого «ударит молоко» (*ақ ұрсын*) или «пусть он встретится со святостью молока» (*ақтың киесіне ұшырасын*) [17].

У казахов, как у многих народов Востока, издревле существовал запрет: жидкие молочные продукты нельзя было выносить из дома после захода солнца, и особенно при лунном свете и звездном небе. В случае, когда нужно было нарушить этот запрет, посуду с молоком тщательно прикрывали, чтобы в молоке не отражалась луна или звезды. Некоторые хозяйки опускали в молоко (при выносе из жилья) кусочек древесного угля, что связано, по-видимому, с представлением об оберегающей силе огня. Считалось, что если этого не сделать, то может начаться болезнь вымени у молочных животных.

Существовали поверья и легенды, связанные с якобы чудодействен-

---

[15] *Потанин Г. Н.* Очерк северо-западной Монголии. Вып. II, с. 100.

[16] *Вилиханов Ч. Ч.* Указ. соч., с. 114; *Потанин Г. Н.* Путешествие по Монголии. М., 1948, с. 398.

[17] *Толыбеков С. Е.* Указ. соч., с. 105.

ными свойствами некоторых костей домашних животных. Так, под крыши казахских зимовок, в других случаях — на шеи верблюдов подвешивали локтевую кость — *қаржілік* (каржилик) барана, которая, согласно поверью, оберегала животных от волков и воров [18]. В одной из легенд [19] рассказывается о том, как сноха, провожая свекра на базар, дала ему небольшой сверток и просила, не вскрывая, привезти домой. На обратном пути свекор вскрыл сверток и обнаружил в нем сорок локтевых костей барана. Оскорбившись шуткой, он тут же выбросил их, а вскоре его окружили разбойники и отняли все имущество. Главарь разбойников спросил, куда исчезла его охрана из сорока всадников. Только тогда свекор понял, что значили локтевые кости, служившие ему охраной.

В поверьях казахов, как и других тюркских народов, овечьи лопатки (*жаурын*) наделялись особым свойством: трещины, образующиеся на них при обжигании на огне, якобы позволяли предсказывать будущее.

Не зная причин многих болезней животных, объясняли их действием злых духов *пәле* (пале), которых нужно было изгнать из стада. Так, при вспышке сибирской язвы — *топалаң* (топалан) и оспы — *күл* (кул) у овец отару подгоняли к могилам предков или к мазарам святых, где приносили в жертву барана и оставляли отару на ночь без присмотра. Если ночью овцы чего-либо пугались, то это считалось средством их излечения. Нередко, чтобы напугать овец, на рассвете на отару нападали несколько всадников и гнали ее по направлению к аулу. Суеверие было иногда настолько сильным, что даже в случае нападения на отару волков для ее защиты не принималось никаких мер, потому что это также считалось средством изгнания злых духов, вызвавших болезнь.

Вера в очищающую силу огня породила обряд очищения кошары или тырла пламенем пылающей арчи (*аластау*). Бытовал и иной способ очищения огнем. Вечером забивали в землю два высоких кола на расстоянии 10—15 м друг от друга и между ними натягивали длинный пестрый аркан на высоте 1,5 м от земли. Возле кольев разводили большие костры, куда подсыпали мелкие куски соли; затем под натянутым пестрым арканом между пылающими кострами (соль на огне трещала) прогоняли всю отару [20].

Как известно, овцы, заболевшие сибирской язвой, имеют обычно опущенные и холодные уши. Это послужило основанием для поверья, что «злое начало» входит в овцу через уши. Поэтому, когда овца заболевала, у нее отрезали одно ухо и после трехкратного обведения им вокруг головы отбрасывали в сторону как жертву, приговаривая: «От обрушившегося на голову зла пусть будет ухо жертвой за голову» (*басқа келген пәледен, бастан құлақ садаға*).

---

[18] *Валиханов Ч. Ч.* Следы шаманизма у киргизов. Собр. соч., т. 1. Алма-Ата, 1961, с. 485; *Ильминский Н. И.* Древний обычай распределения кусков мяса, сохранившийся у киргизов. РГО, т. II. 1890, с. 1—19.

[19] *Ходырев П.* Из киргизских верований. Труды Оренб. учен. архив. комиссии, вып. 35. Оренбург, 1901, с. 1—16; *Бейсенов М.* Кара-жилик. — Тургайская газета, 1899, № 47; Другой вариант этой легенды сообщает Ч. Ч. Валиханов. — Указ. работа, с. 485.

[20] *Диваев А.* Этнографические материалы, вып. VII. Ташкент, 1901, с. 58.

Лошади и овцы очень часто болели скоротечными желудочно-кишечными заболеваниями — коликами — *өлі* (оли; у лошадей) и *қара түйнек* (кара туйнек; у овец). Многие предпринимавшиеся при таких заболеваниях меры тоже покоились на суевериях. Так, больную лошадь трижды перевертывали через спину, читая при этом молитву, обливали кислым молоком и т. д.[21] При коликах у овец первым делом брали пеструю веревку и делали петли так, чтобы веревка могла полностью распуститься, если потянуть за один конец. Этой веревкой трижды терли живот овцы и затем быстро распускали петлю в надежде избавить животное от болезни столь же быстро, как быстро развязывалась «волшебная» веревка.

Бытовал обряд окропления кровью верблюда, у которого больные легкие, или же хлопанья его по груди легкими козленка — *өкпемен қағу* (окпемен кагу), специально взятого у соседей. По свидетельству А. И. Добросмыслова, казахи Тургайской области в таких случаях кормили больных верблюдов свежими легкими зайца [22].

Не зная эффективных средств лечения мастита у овец — *желінсау* (желинсау), казахи применяли магические приемы. Так, при ягнении первой овцематки в отаре обязательно совершали обряд доения: пастух доил ее на волчий череп, после чего этот череп хранили под крышей кошары как средство защиты овцематок от сглаза и «злых языков», являвшихся, по народным представлениям, причиной мастита.

В летнее время на домашних животных нападали змеи, фаланги, скорпионы и каракурты. Скотоводы умели оказывать животным первую помощь и спасали их, но иногда прибегали к «помощи» разного рода заклинателей (*дарымшы*), чаще всего мулл, читавших тексты корана и заклинания, которые представляли собой набор непонятных, бессмысленных звуков. Дарымши, конечно, пользовались суеверными представлениями, бытовавшими в народе: предварительно осмотрев животное и убедившись, что оно не может противостоять воздействию яда, отказывались от обряда заклинания, а если видели, что животное может перебороть яд, совершали обряд и получали «за исцеление» подарки — *ақтық* (актык).

Суеверия, многие обряды и поверья, бытовавшие у казахов в прошлом, были порождены отсталостью кочевого и полукочевого аула, остатками доисламских культов, религиозными представлениями, незнанием действительных причин и сущности различных природных явлений. Коренные социально-экономические преобразования в жизни казахского народа в советскую эпоху на базе социализма, всеобщее образование и утверждение социалистической идеологии, общий социально-культурный прогресс, массовое распространение естественнонаучных знаний и другие социально-культурные факторы обеспечили полное исчезновение не только суеверий, но и какой бы то ни было почвы для их существования.

---

[21] *Влангали А.* Геогностические поездки в восточную часть Киргизской степи в 1849—1851 гг., ч. 1. Спб., с. 51.

[22] *Добросмыслов А. И.* Указ. соч., с. 261—262.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И ИРРИГАЦИЯ

1. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

(историко-археологический очерк)

Разнообразие природных зон Казахстана, сочетание плоских равнин с горами, песчаных пустынь с каменистыми мелкосопочными возвышенностями, аллювиальных долин рек и предгорий содействовали развитию двух основных форм хозяйства — скотоводства и земледелия.

Основным регионом, где издревле существовало земледелие, являлся Южный Казахстан. В нем выделялись такие крупные природные и хозяйственно-культурные центры, как долина Сырдарьи и предгорья Каратау, юго-западное Семиречье с реками Чу и Талас и северо-восточное Семиречье с долиной р. Или. В более мелких масштабах земледелие существовало и в других районах Казахстана. Оно восходит к эпохе неолита и энеолита. Наиболее ранние находки кремневых вкладышей земледельческих орудий — серпов — относятся к эпохе неолита (Восточный Казахстан, поселение Усть-Нарым)[1].

У андроновских племен эпохи ранней бронзы земледелие уже играло важную, хотя и вспомогательную роль в хозяйстве. Растительная пища служила дополнением к мясу и молоку — основным продуктам животноводства.

В период развитой бронзы значение земледелия усиливается. Об этом говорят археологические находки. Так, обугленные зерна пшеницы были обнаружены при раскопках жертвенного места вблизи Алексеевского поселения в Северном Казахстане[2]. В Центральном Казахстане найдены горшки с остатками растительной пищи (очевидно, из неочищенного проса, пшеницы или ячменя) на стенках и на дне.

Для южных районов Казахстана и Семиречья характерно существование двух локальных вариантов андроновской культуры — среднеазиатского и семиреченского. В первом (он охватил и междуречье

---

[1] История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1977, с. 87; *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы. Автореф. дис. на соиск. учен. степени доктора ист. наук. М., 1970, с. 14.

[2] *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник. ТГИМ, вып. XVII, 1947, с. 103; *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 260.

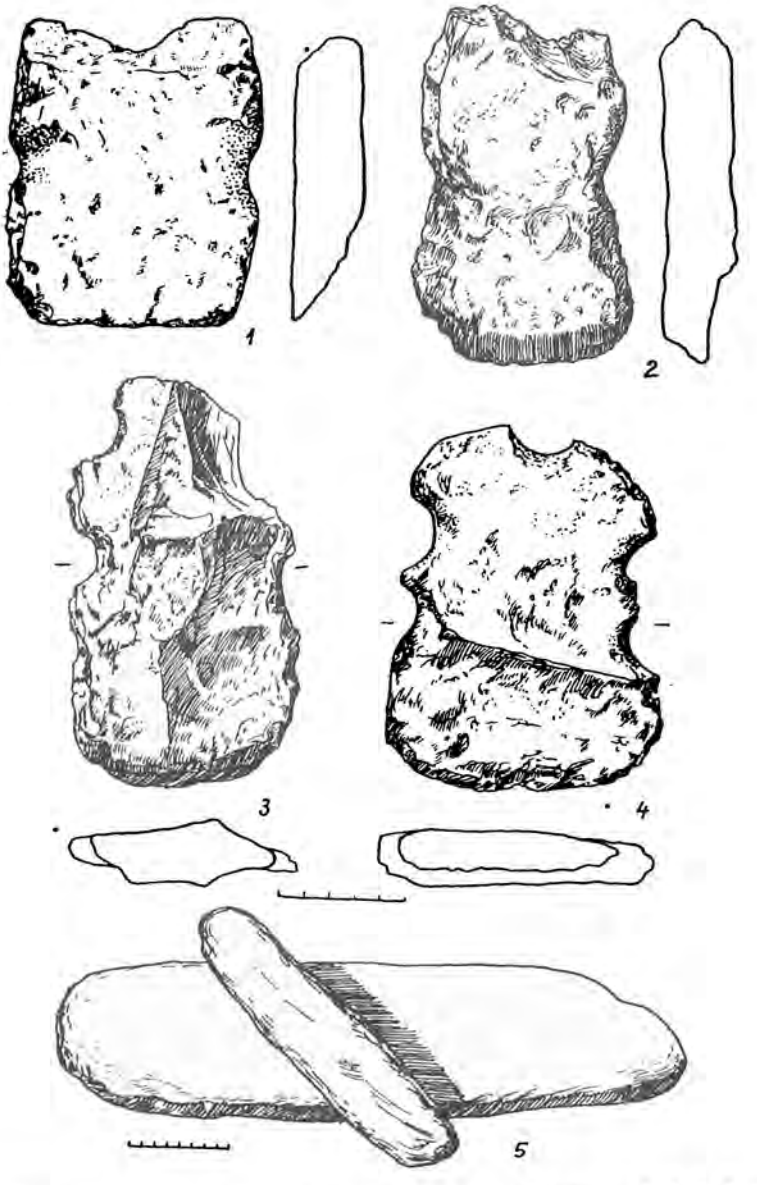


Рис. 19. Каменные мотыги и зернотерка эпохи бронзы: *1, 2, 3, 4* — каменные мотыги; *5* — зернотерка

Амударьи и Сырдарьи) уровень земледелия был выше, чем во втором [3].

Здесь земледельцы начинают использовать искусственное орошение. В это же время появились зачатки орошения в северных, центральных и западных районах Казахстана. В пользу этого свидетельствуют обнаруженные на Южном Урале на стыке с территорией Казахстана, у озера Бурунтал, мелкие каналы и валы, типичные для земледелия лиманного типа. Плотины для задержания вешних вод обнаружены и по южному склону Тоболо-Иргизского водораздела [4].

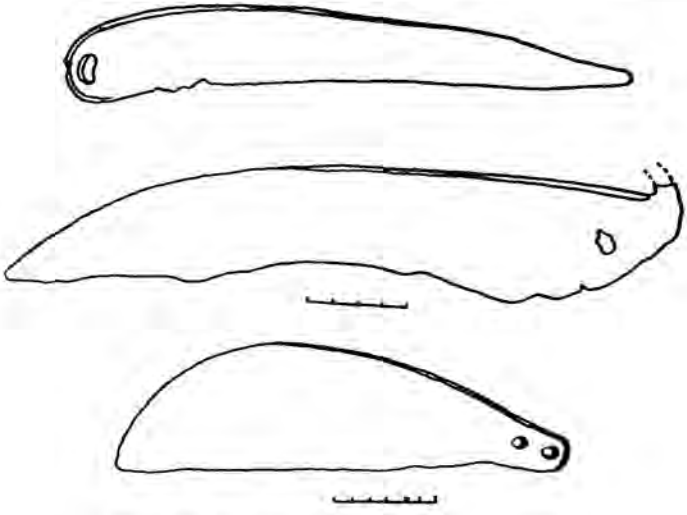


Рис. 20. Косари эпохи бронзы

Для обработки земли андроновцы применяли каменные мотыги (рис. 19). На Алексеевском поселении обнаружены две такие мотыги треугольной формы с боковыми выемками для крепления к рукояти и следами сработанности. Каменные мотыги найдены в Центральном и Восточном Казахстане [5].

В конце эпохи бронзы появились бронзовые и медные серпы со слабым изгибом лезвия и отверстием для крепления к рукояти (рис. 20). Серпы были распространены по всей территории Казахстана. На серпе

---

[3] Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М., 1966, с. 215—216; *Толстов С. П., Андрианов Б. В.* Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме. КСИЭ, вып. XXVI, 1957, с. 5—6.

[4] *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала, с. 333—334.

[5] *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник, с. 103; *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана, с. 260; *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88. М.—Л., 1960, с. 88.

из поселения Мало-Красноярка (Восточный Казахстан) сохранились даже отпечатки стеблей злаков [6].

С VIII—VII в. до н. э. древние насельники территории Казахстана вступили в эпоху раннего железа. Именно в это время относительно четко стала определяться хозяйственная специализация отдельных районов края. Если в Центральном Казахстане преобладание получило скотоводческое направление хозяйства, то на юге Казахстана и в Семиречье развивалось комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство [7].

Исследованиями Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Приаралье, в низовьях Сырдарьи открыта своеобразная сакская культура «полукочевых земледельцев», продолживших традиции культуры племен бронзового века.

Земледелие приаральских саков базировалось на ирригационных сооружениях, выведенных из мелких протоков дельты. Оно сочеталось со скотоводством, охотой и рыболовством. Обнаружены оседлые поселения Чирик-рабат и Бабиш-Мулла на Жанадарье. Орошение в окрестностях Бабиш-Муллы основывалось на использовании русел и стариц небольших протоков, заполнявшихся паводковыми водами Жанадарьи, и осуществлялось по схеме: река — старица — ороситель — поле. Мелкая арычная сеть имела «подпрямоугольные» разветвления. Уровень воды в каналах регулировался системой водохранилищ на протоках дельты. Самое большое водохранилище на углубленном русле имело длину 3 км, ширину 50—60 м и глубину до 2 м. От водохранилища отходили арыки, подводившие воду к полям. Обнаружены агроирригационные планировки в виде прямоугольных полей размерами 11×6 м, 10×4 м, начинавшиеся у береговых отвалов канала и ограничивавшиеся арыком, идущим параллельно каналу. Такая же система орошения отмечена для этого времени в окрестностях Чирик-рабата в урочище Баланды на ответвлении Инкардарьи [8].

В конце I тыс. до н. э. на юге Казахстана возникает новое племенное объединение, известное под названием Кангюй. Оно занимало территорию среднего течения Сырдарьи и прилегающие районы [9]. В него входили племена, близкие как в этническом, так и в культурном отношениях. Для племен кангюйского объединения характерно расположение поселений вблизи водных источников, общий тип хозяйства, сочетавший богарно-лиманное земледелие и оседлое скотоводство [10]. Исследования земле-

---

[6] *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы, с. 44.

[7] *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Указ. соч., с. 409—417; *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 136—204; *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, с. 3—4.

[8] *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, с. 188, 193—198.

[9] См.: *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, с. 181—183.

[10] *Левина Л. М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в первом тысячелетии н. э. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М., 1967, с. 16—19.

дельческих поселений в урочище Кок-Мардан в Отрарском оазисе дает представление о высоком уровне орошаемого земледелия. Найдены каменные мотыги для обработки почвы. В закромах и зерновых ямах, раскопанных на поселениях, обнаружены зерна пшеницы, проса, риса (рис. 21).

Ирригация того времени лучше всего изучена в низовьях Сырдарьи, в урочище Джеты-Асар, давшем название археологической культуре

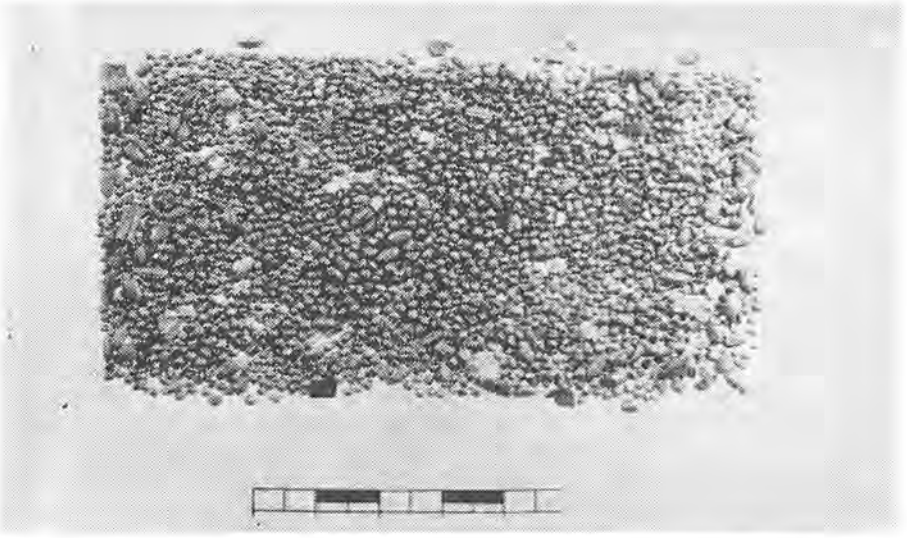


Рис. 21. Очищенные зерна риса и ячменя с городища Кок-Мардан, III—V вв. н. э.

нижней Сырдарьи. В окрестностях Джеты-Асара I выявлены арыки, отходящие от протоки под прямым углом. Протока же служила своеобразным бассейном-водохранилищем. Сохранились следы обваловки русла (ширина 20—25 м), которое по своим размерам близко к магистральным каналам Хорезма. В окрестностях городища Рабен-сай выявлены небольшие магистральные каналы, выведенные из протоки Кувандарьи с системой стариц-водохранилищ [11]. Сопоставление оросительных сооружений урочища Джеты-Асар с более ранними, обнаруженными в окрестностях Бабиш-Муллы и Чирик-рабата, свидетельствует о прогрессе в ирригационном строительстве. В урочище Джеты-Асар уже широко применяются дамбированные русла, соединение широтных русел каналами и использование углубленных участков проток и стариц в качестве своеобразных водохранилищ.

Иным было земледелие в предгорьях Каратау, где для орошения ис-

[11] *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы Приаралья, с. 202—205.

пользовались горные реки, ручьи и родники. Тут естественный напор воды позволял распределять ее на орошаемые участки без сложных ирригационных сооружений. Наряду с орошаемым земледелием развивалось и богарное, причем оно, скорее всего, преобладало.

Для обработки земли под посев, для строительства ирригационных сооружений пользовались каменными и костяными мотыгами.

Выращивали главным образом просо, ячмень, пшеницу, рис. Хранили зерно в специальных ямах и больших сосудах. При раскопках поселений найдены зерна ячменя, проса, пшеницы, отпечатки соломы на обмазке помещений, зернотерки и жернова [12].

Меньшую роль играло земледелие в жизни саков и сменивших их усуньских племен, населявших Семиречье. В жизни их доминировало скотоводство. Однако сакам Семиречья, судя по умению строить монументальные погребальные сооружения из дерева, видимо, была знакома и оседлая жизнь на зимовках [13], где они возводили жилые и хозяйственные постройки. Кроме того, имеются косвенные указания на наличие у них земледелия. Это находки зернотерок в сакских погребениях.

Археологические исследования памятников усуней, занимавших территорию Семиречья в III в. до н. э.— III в. н. э., установили возросшую роль земледелия у усуней.

Впервые данные о земледелии у усуней были получены при раскопках захоронений в Северной Киргизии, в которых были обнаружены обугленные зерна, шелуха проса и каменные зернотерки. Затем было найдено оседлое поселение усуней вблизи с. Луговое в Чуйской долине. Глинобитные помещения, очаги в поселении — доказательство постоянной оседлости их обитателей, а находки мотыг, зернотерок и отпечатков злаковых на донцах сосудов — существования земледелия [14]. Рядом с усуньским поселением Актас II в ущелье Курайлы археологами прослежены остатки усуньской ирригации: из горной речки были выведены арыки длиной от 40 до 800 м, проводившие воду к участкам площадью 60—150 кв. м на южных и юго-западных склонах гор, где выращивали огородно-бахчевые культуры. Зерновые же сеялись на равнинных местах без полива [15]. При раскопках поселения обнаружены каменные мотыги, зернотерки и обломок бронзового серпа. Существование земледелия у усуней подтверждается и письменными источниками [16].

---

[12] *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 63, 193; *Сенигова Т. Н.* Поселение Актобе. Археологические исследования на северных склонах Каратау.— ТИИАЭ АН КазССР, т. 14, 1962, с. 79—80.

[13] *Акишев К. А.* К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне Древнего Казахстана. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 36—38.

[14] *Воеводский М. В., Грязнов М. П.* Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. — ВДИ, 1938, № 3—4, с. 178; *Бернштам А. Н.* Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе, 1941, с. 37.

[15] *Акишев К. А.* О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 69—78.

[16] *Акишев К. А.* Зимовки-поселения и жилища древних усуней. — Известия АН КазССР. Серия общественная, 1969, № 1, с. 44—47; *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 74.

Становление и развитие феодальных отношений на территории Казахстана, несомненно, сказалось на прогрессе земледелия и ирригации.

Часть племен, входивших в феодальные объединения тюргешей, карлуков, в государства огузов, кимаков, караханидов, вела кочевой образ жизни, другая — полукочевой, полуоседлый, но были и оседлые группы. Постоянно шел процесс оседания части кочевого населения [17].

Формирование феодальных владений с центрами в Испиджабе, в Отраре и других городах не могло не отразиться на их сельской округе. Предварительные данные, полученные при изучении Отрарского оазиса, показали, что здесь в VII—VIII вв. существовала оросительная система, базировавшаяся на водах Арыси. К этому же времени относится создание ирригационных сооружений на левобережье Сырдарьи, в районе Оксуса-Весиджа [18].

На нижней Сырдарье вплоть до IX в. использовались оросительные системы, построенные в предшествующее время. Так, в урочище Джеты-Асар жители пользовались водохранилищами на старицах, откуда по магистральным каналам пускали воду через оросители на поля. Система сооружения бассейнов-водохранилищ получила наибольшее распространение в VII—XII вв., когда уменьшилось количество воды, поступавшей в основные протоки северной Кувандарьи [19].

В X—XII вв. наблюдается расцвет оседло-земледельческой культуры. Исследования на средней Сырдарье (авиационные и наземные) выявили остатки ирригационной сети в Отрарском оазисе, на левобережье Сырдарьи, в окрестностях Оксуса и Мейрам-тобе [20]. Именно в то время были сооружены магистральные каналы, берущие начало из Сырдарьи и снабжавшие города Сауран, Сыгнак — на правом берегу реки, Сюткент, Аркук, Аккурган, Узгент — на левом берегу. Зарегистрированы остатки магистральных каналов длиной до 20—30 км.

Сыгнак снабжался водой из канала Иски-Тюмень протяженностью свыше 20 км, который начинался вблизи современной железнодорожной станции Тюмень-Арык. Сюткент получал воду из канала, выведенного из Сырдарьи. В районе Оксуса и Мейрам-тобе обнаружены магистральные каналы, дамбы, чигирные ямы, агроирригационные планировки. Не случайно один из городов левобережья Сырдарьи назывался Зернук (скворец). Ведь именно так называли и вид чигиря, использовавшегося в поливном земледелии [21].

В Отрарском оазисе с его городами и многочисленными селениями оросительная сеть имела ветвистую конфигурацию. Магистральные ка-

---

[17] *Толстов С. П.* Тирания Абруя. — Исторические записки. Т. 3. 1938, с. 20.

[18] *Грошев В. А.* Работы ирригационного отряда. — Археологические открытия 1974 года. М., 1975, с. 483—484.

[19] *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы Приаралья, с. 205.

[20] *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар, с. 157—160; *Агеева Е. И., Пацевич Г. И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, с. 147—157.

[21] *Мец А.* Мусульманский ренессанс. М., 1966, с. 351.

налы отходили от Арыси, на них имелись распределители первого и второго порядка и водохранилища. При обследовании каналов обнаружены обломки чигирей, керамических труб, используемых для вывода воды из магистральных каналов в оросители [22].

Данные о земледелии содержат и письменные источники. Ибн-Хаукаль сообщает, что в X в. в Фарабе «солончаковая почва и есть бол , и посевы к западу от фарабской реки», про Испиджаб он сообщает, что «в рабаде (Испиджаб) ... сады и воды». В округе же Испиджаба была построена стена вокруг виноградников и пашен жителей [23].

Автор XI в. Махмуд Кашгарский в своем словаре приводит наименования возделываемых коренным населением сельскохозяйственных культур и используемых ими земледельческих терминов. Например, *эгин* — пашня, *тарыкчи* — пахарь, *эпмек* — хлеб в языке ягма, тухси и части гузов и кипчаков, гузы словом *ашлык* называют пшеницу, *тарыг* — пшеница у всех тюрок, *турма* — редька, морковь — *сарыг турма,* т. е. желтая редька, *туки* — зерно проса после очищения кожуры (пшено) [24]. Понятно, что такая терминология ясно говорит о том, что земледелие было далеко не чуждо местному населению.

Эти данные перекликаются с археологическими данными. При раскопках Отрара в слоях IX—XII вв. найдены с ки проса и пшеницы в ямах-хранилищах, косточки винограда, урюка; на Баба-Ате обнаружен кувшинообразный сосуд с обгоревшими арбузными семечками. Найдены также обломки железных мотыг типа кетменей и серпы [25]. Из уже упоминавшегося словаря Махмуда Кашгарского явствует, что для размола зерна применялась не только ручная мельница, но и мельница, приводимая в движение течением воды или животным.

В Таласской и Чуйской долинах процесс развития земледелия в VI—VIII вв. был ускорен так называемой «согдийской колонизацией»: проникновением по трассе «великого шелкового пути» населения из Согда. Здесь появились согдийские колонии — Невакет, Хамукат, Семекна. Согдийцы поселялись также в уже существовавших селениях и городах. Одновременно в Семиречье, так же как и на юге Казахстана, шел процесс оседания тюркоязычных кочевников — карлуков, чигилей, тухси, ягма. По мере освоения удобных земель предгорий происходило движение земледельческого населения в среднее и затем нижнее течение рек. В VIII—X вв. осваивалось среднее течение р. Чу, где возникают крупные

---

[22] *Грошев В. А.* Водохранилище средневекового Отрара. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 36—45; *он же.* Новые данные об оросительных системах Отрарского оазиса. — В кн.: Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977, с. 20—21.

[23] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия, с. 233, 270; *Волин С. Л.* Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. — ТИИАЭ АН КазССР, т. 8, 1961, с. 79.

[24] Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.—Л., 1939, с. 310—312.

[25] *Агеева Е. И.* Оборонительные сооружения и рабады. — В сб.: Археологические исследования на северных склонах Каратау. ТИИАЭ АН КазССР, т. 14, 1962, с. 170; *Агеева Е. И., Пацевич Г. И.* Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции. — ТИИАЭ АН КазССР, т. 1, 1956, рис. 8.

населенные пункты с обширной земледельческой округой [26]. Еще более многочисленны мелкие поселения [27].

Средневековая ирригация в юго-западном Семиречье специально не изучалась. Установлены лишь отдельные факты. Так, большой магистральный канал, известный под названием Калмак-арык, зафиксирован в верховьях Таласа. Головная часть его находилась в районе современного поселка Уюк [28]. Видимо, о нем и связанной с ним оросительной системе упоминал Рубрук: «На седьмой день к югу нам стали видны очень высокие горы, и мы выехали на равнину, которая орошалась как сад, и нашли возделанные земли... и с гор спускалась большая река, которая орошала всю страну, так как они проводили от нее воду, куда им было угодно; эта река не впадала в какое-то море, а поглощалась землею, образуя также много болот» [29].

Источники сообщают о занятиях населения Чуйской долины следующее: «Тех, кто возделывает поля, и тех, кто преследует выгоду, — поровну. Земли пригодны для возделывания красного проса и винограда». О Таласской долине в них говорится: «...с третьего до девятого месяца не бывает дождей, а для полива полей пользуются снеговой водой. Здесь произрастает ячмень, пшеница, рис, горох и бобы» [30].

Рассказывая о горе Атлах, расположенном в Таласской долине, ал-Максиди пишет так: «Большая часть его сады, а в рустаке преобладают виноградники». О культуре винограда и виноделии в долине Таласа упоминает Рубрук: «Я видел там лозы и дважды пил вино». Как сообщают археологические материалы по городищам Чуйской и Таласской долин, там сеяли пшеницу и просо, их запасы хранили в больших сосудах — хумах с отверстием у основания для вентиляции. В Таразе при раскопках собраны косточки плодов фруктовых деревьев: персика, абрикоса, сливы, вишни; семечки бахчевых культур: дыни, арбуза [31].

Изображение виноградной лозы, цветка и плода граната — один из наиболее распространенных сюжетов в орнаментации керамики, и есть все основания считать, что виноградарство получило здесь широкое распространение. Культивировались не только столовые сорта винограда, но и винные, из которых изготовляли вино.

---

[26] *Байпаков К. М.* Средневековые города и поселения Семиречья. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Алма-Ата, 1966, с. 19.

[27] См.: *Кожемяко П. Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959; *он же.* Оседлые поселения Таласской долины. — В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, с. 145—224.

[28] *Каллаур В. А.* Археологическая поездка по Алма-Атинскому уезду. — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (ПТКЛА), год. 2. 1897, с. 1—7; *Агеева Е. И., Пацевич Г. И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, с. 148.

[29] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов. — В кн.: *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. Введение, перевод и примечания А. П. Малеина. Спб., 1911, с. 103.

[30] *Зуев Ю. А.* Китайские известия о Суябе. — Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. 1960, № 3, с. 90—91, 93.

[31] *Сенигова Т. Н.* Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, с. 169.

Остатки винодельни VIII в., в которой производился также бекмес (уваренный до густоты виноградный сок), обнаружены при раскопках усадьбы в округе города Кулан (городище Луговое). Винодельня находилась в длинном узком помещении усадьбы, в западной части которого были три давильные площадки с бортиками. Пол их выложен галькой и обмазан слоем кыра (алебастра). Площадки соединялись гончарными трубами с колодцем-отстойником. В помещении имелась также разрушенная печь и фрагменты глиняных котлов, обломки хумов [32].

Рис. 22. Остатки винодельни на городище Актобе (Чуйская долина), X—XII вв.

Винодельни обнаружены при раскопках городищ Тортколь (датируется VII—IX вв.), Красная речка и Актобе (X—XII вв.) (рис. 22).

Наиболее ранние памятники средневековой оседло-земледельческой культуры в Илийской долине относятся к IX—X вв. [33] В это время в предгорной полосе, на конусах выносов горных рек возникают оседлые поселения, жители которых занимались земледелием.

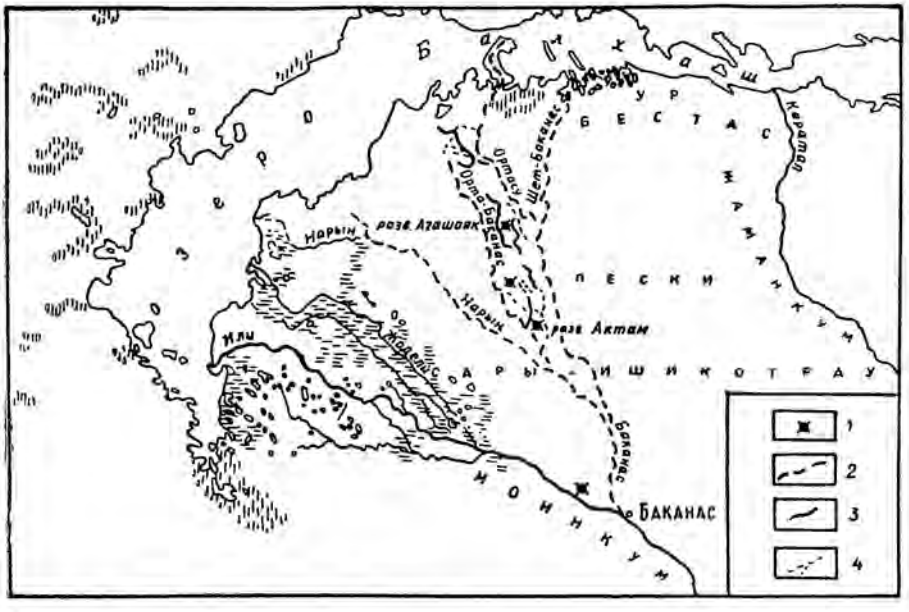
Переход к оседлости, постоянной или временной, и занятию земледелием был связан, как показал А. Ю. Якубовский, с процессом феодализации в среде скотоводческого населения. И письменные источники

[32] *Байпаков К. М.* Раскопки средневековой мастерской в Семиречье. — Вестник АН КазССР, 1964, № 7, с. 88—91.

[33] *Байпаков К. М.* Раннесредневековые города и поселения северо-восточного Семиречья. — В сб.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 82.

и археологические исследования подтверждают это[34]. В XI—XII вв. число поселений в Семиречье возросло в 5 раз[35].

Месторасположение городищ при выходе горных рек из ущелий не случайно. Именно здесь с наименьшими затратами труда можно было соорудить так называемую веерную систему орошения и отвод воды на поля самотеком. По мере освоения предгорной полосы появляются поселения в степном поясе, в среднем и нижнем течении рек Талгара, Иссыка, Баскана, Сарканда, Каратала, Лепсы, Или.



Древняя система орошения в низовьях р. Или: *1* — городища; *2* — сухие русла рек; *3* — крупные каналы; *4* — мелкая оросительная сеть

Древние каналы сохранились лишь в низовьях р. Или. Следы ирригации были обнаружены рядом со средневековыми городищами Актам, Агашаяк и Баяулы. Неподалеку от городища Актам на одной из проток сухого русла Нарына установлен факт существования плотины из саксаула и земли (длина 20 м, высота 3 м). Плотина служила для поднятия уровня воды до уровня стока по магистральному каналу с длиной не менее 2,5 км.

Оросительные отводы от канала и оросители подводили воду к полям. С западной стороны от Актама в полутора километрах тянется

[34] *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 19; *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967, с. 182—183.

[35] *Байпаков К. М.* О численности оседлого населения Илийской долины в средневековье. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 188—200.

русло магистрального канала, выведенного из Ортабаканаса с помощью струенаправляющей шпоры (длина канала 3,5 км, ширина 20 м). От него отведены оросители к массивам земель восточнее городища. Одно из ответвлений подходило к северо-восточной стене городища и обеспечивало водой население Актама. На берегах канала хорошо заметны кучи ила, выброшенного во время чистки русла.

Одной из основных зерновых культур в Илийской долине было просо, остатки которого обнаружены при раскопках городищ Сумбе, Талгара, Жаксылыка. Просо хранили в зерновых ямах и сосудах [36]. Муку приготовляли с помощью каменных жерновов и глиняных ступок.

Для обработки почвы под посев использовалось пахотное орудие с железным наральником. Такие наральники найдены при раскопках Талгара в слое XI—XII вв. Они имеют ярко выраженные симметричные плечики по сторонам трубицы. Общая длина их 20 см, длина рабочей части — 14 см, ширина трубицы — 10 см. Подобного типа наральники со слегка сплющенной трубицей, как полагают специалисты, предусматривали конструкцию пахотного орудия с горизонтальным полозом, на конец которого наколачивался наральник. Пахотные орудия такого типа были пригодны при переложной системе для обработки окультуренных старопахотных и «мягких» почв [37]. Можно предположить, что в северо-восточном Семиречье в средневековье существовала именно переложная система земледелия: наличие свободных плодородных земель позволяло забрасывать использованные под пашню участки и переходить на новые.

В средние века земледельческая культура распространяется в районах Восточного и Центрального Казахстана. Так, кимаки, населявшие долину Иртыша, имели оседлые поселения. Ал-Идриси отмечает, что они культивировали пшеницу и ячмень, выращивали рис и даже виноград [38].

В бассейнах рек Тургая, Джиланчика, Кенгира, Нуры, Сарысу сформировались земледельческие оазисы. По мнению А. Х. Маргулана, земледельческая культура здесь не была устойчивой, она то зарождалась и распространялась, то угасала. Наибольшего развития она достигла в XI—XII вв. В то время существовали такие поселения, как Ботогай и Мартук на р. Нура, Баскамыр на р. Джезды, поселения на р. Коктас.

Таким образом, скотоводы Центрального Казахстана, по крайней мере часть из них, сочетали скотоводство (при ведущей или даже определяющей его роли) с земледелием в речных долинах и оазисах. На развитие здесь оседлости и земледелия известное влияние оказывали центры древней металлургии. Рудокопы и медеплавильщики были основным населением средневекового поселения Милы-Кудук рядом с Джез-

---

[36] *Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Некоторые итоги раскопок городища Жаксылык. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 40.

[37] *Кирьянов В. А.* К вопросу о раннеболгарском земледелии. — Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. II. МИА, 61. М., 1958, с. 290—291.

[38] *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 88—95.

казганом, а вблизи него существовало и земледелие. На реке Джезды обнаружены следы древней ирригации: каналы, остатки дамб, чигирных ям, обломки чигирей.

Один из центров поливного земледелия находился в долине р. Коктас, где сохранились каналы длиной 3—5 км и глубиной 2 м. В среднем течении Сарысу выявлена оросительная система Каип-Тоган, у которой сосредоточивались оседлые поселения [39].

В начале XIII в. развитие оседло-земледельческой культуры Казахстана было прервано монгольским завоеванием. Были разрушены города Отрар, Сыгнак, Дженд, Асанас и другие, опустошены целые области, искусные ремесленники угнаны, очаги земледелия разорены [40].

Семиречье таких разрушений не знало, но и здесь хозяйственная жизнь оказалась серьезно подорванной. Феодальные усобицы ослабили экономические связи Семиречья, войны довели край до запустения, и земледельческая культура к середине XIII в. начинает приходить в упадок. По словам Рубрука, Илийская долина представляла собой следующее: «На вышеупомянутой равнине прежде находилось много городков, но по большей части они были разрушены татарами, чтобы иметь возможность пасти там свои стада, так как там были наилучшие пастбища» [41].

Серьезный урон земледельческой культуре Семиречья был нанесен походами сюда Тимура и тимуридов [42]. Однако в незначительных масштабах оседлая жизнь и земледелие все же сохранились на Аспаре, Кысмычи, Буране, Садыр-Кургане [43].

Иная ситуация сложилась на юге Казахстана в долине Сырдарьи и на склонах Каратау. Постепенно земледелие здесь стало возрождаться, что было связано с ростом городов, торговли, развитием ремесел. К этому времени относится оросительная система Каракунчук в Отрарском оазисе. Общая протяженность ее магистрального канала составила около 30 км, средняя ширина по основанию валов — 35 м, между валами — 10 м, высота валов магистрального канала сейчас равна 2,5 м.

Зафиксированы многочисленные остатки оседлых поселений в окрестностях Акмамбет-аулие, в низовьях Жанадарьи. Здесь длина каналов не превышала 1 км при ширине 2—3 м. На Инкардарье вблизи поселений у бугра Уйгарак обнаружено русло, перегороженное плотиной в 40 м, основной канал имел ширину до 12—15 м, на его берегах находились

---

[39] *Маргулан А. Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950, с. 85—106; *он же.* Джезказган — древний металлургический центр (городище Милы-Кудук). — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 3—42.

[40] *Петрушевский И. П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия. — В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970, с. 124—126.

[41] *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в Восточные страны, с. 112.

[42] *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI веков. Алма-Ата, 1977, с. 62—87.

[43] *Ерзакович Л. Б.* О позднесредневековом городище Аспара. — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 94—97.

ямы, где были установлены чигири. Здесь найдены железный серп и кувшин, заполненный дынными семечками [44].

Во второй половине XV в. формируется Казахское ханство, расширяются экономические связи города и степи. Земледелие получило новые стимулы для развития [45]. Медленно, но неуклонно росли площади обрабатываемых земель, строились новые или восстанавливались старые оросительные системы. Известное расширение оседлости показано источниками. В одном из них, например, население Сыгнакского вилайета четко подразделено на аймаков — кочевое смешанное население, переходящее к оседлости; дихнишин — людей, живущих в селениях постоянно; кишлакнишин — живущих в зимовках; сахранишин — продолжающих кочевать. Причем отмечено увеличение первых, как и городского населения, за счет осевших казахов [46].

Сведений о землепользовании в Казахстане в XV—XVII вв. в источниках мало. В этом плане любопытна, в частности, грамота, выданная мазару Ходжи Ахмеда Ясави, где сказано: «Названный хажиб должен получить два коша земли с водою, сеять там хлеб или сдавать под посев»[47]. В грамотах того времени назывались два типа земледельцев-арендаторов: «шарик» и «каранде». В грамоте, датированной 1617 г., было записано, что арендаторы не могут пользоваться водой из канала, пожалованного ишану Ассаулаху-ходже, без его ведома и за порчу арыка отвечают своим имуществом.

О существовании развитого земледелия свидетельствуют и налоговые термины, например, *«мардикар»*— налог, связанный с работами по устройству и поддержанию в порядке оросительной сети; *«тагар»* — продовольственный налог для войск в виде хлеба и фуража для верховых и вьючных животных и др.[48]

Отрар и Отрарский оазис в XV—XVIII вв. снабжались водой из системы Тимур-арык, голова которого находилась на Арыси в 10 км выше современного села Шаульдер. Общая протяженность магистрального канала свыше 40 км при длине холостой части 16 км, ширина между валами 20 м, глубина 6 м.

Центром обширного и богатого земледельческого округа был Туркестан. Судя по вакфным грамотам, земли вокруг города орошались каналами, выведенными из родников и горных речек. В грамоте пере-

---

[44] *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы Приаралья, с. 208, 211—212.

[45] *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Новое в средневековой археологии Казахстана. — В сб.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 42.

[46] Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв., с. 317—319; *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств XV—XVIII вв. — В кн.: Казахстан в XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1969, с. 47—48.

[47] *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVIII вв., с. 38.

[48] Там же, с. 38—41; Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1969, с. 457—459; 235, 315, 334, 317—319, 439, 478, 480.

числены арыки Йангича, Мир-Карасу, Сыгнак и Чорнак, Карабулак, Сарайбулак, Ак-тифа, Ур-Йар, Миш, Акзил-Кийя, Кийя-Джук, Бохарчук, Шаг, Дарваза, Ташанак, Чаа, Куш-Курган [49].

В окрестностях Саурана в XVI в. существовала и действовала кяризная система орошения. Согласно Васифи, известному средневековому автору, истоки кяризов находились на расстоянии фарсаха от города; над ними была построена крепость, внутри которой был прорыт колодец глубиной 200 гязов, тут же находилось водохранилище. На участке земли, орошаемой водой одного из кяризов, был устроен чарбаг — поместье с садами, виноградниками и хозяйственными постройками [50].

Остатки кяризов были обнаружены в 1969 г. Отрарской археологической экспедицией. На местности следы кяризов представлены цепочками оплывших вентиляционных колодцев. Исток одного из них обнаружен в районе городища Мыр-тобе, соответствующего крепости, названной Васифи. Кяриз от Мыр-тобе прослежен на расстоянии 0,5 км. К главному его руслу идут два притока с восточной и западной сторон (современные диаметры колодцев 5 м, расстояние между ними 15 м). Второй кяриз прослежен на участке в 1,5 км.

Кяриз, как известно, — сложное сооружение. Строительство и периодические его чистки очень трудоемки и нередко сопряжены с риском для жизни тех, кто этим занимался. У того же Васифи приведен факт, связанный с очисткой кяриза: «Случилось так, что воздух в колодце испортился и работать стало невозможно. Тогда с одной стороны колодца прокопали ход размером с небольшой арык до его глубины и пропустили через ход вроде рукава, сшитого из кожи. К голове рукава приставили кузнечные мехи и качали воздух, а мастера-землекопы работали. Землекопы работали, подвязав себе на бедра по две тыквы, чтобы не утонуть, если бы вода вдруг забила фонтанами»[51].

В Сыгнаке, сообщает Рузбихан, поля орошались выведенными из Сырдарьи арыками. Основным магистральным каналом, который подводил воду к городу и возделываемым землям, по-прежнему являлся Тюмень-арык. Другой арык — Бузгил-Узяк — начинался в одноименном озере, заполнявшемся паводковыми водами. Земли, прилегающие к городу с севера и северо-запада, орошались арыками, выведенными из горных речек, стекавших с Каратау. В грамотах из Сыгнака названы арыки Кызилтал, Чихилтугай, Ордакент, Калта-Джалгийа, Джулак, Мингбулак, Арсланды, а также источники Токтамыш, Хараш и Хисарчук [52].

Археологические исследования в районе позднесредневековых городов левого берега Сырдарьи — Куджана, Аркука, Узгента, Ак-Курга-

---

[49] *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города..., с. 20.

[50] *Болдырев А. Н.* Зайнаддин Васифи. Сталинабад, 1957, с. 161, 168; *Бартольд В. В.* История орошения Туркестана. Соч., т. III, 1963, с. 225—226.

[51] *Болдырев А. Н.* Зайнаддин Васифи, с. 335, примеч. 253.

[52] *Агеева Е. И., Пацевич Г. И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, с. 148—150, 180; Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв., с. 318—319.

на свидетельствуют о том, что орошение здесь базировалось на магистральных самотечных системах, начинающихся головными каналами в основном русле реки. В низовьях Сырдарьи по-прежнему сохраняли свое значение приемы однократной ирригации на паводковых разливах и лиманах. Крупный район позднесредневековой ирригации был обследован в окрестностях мазара XIV—XV вв. Сарлы-там. На Жанадарье в урочище Беш-Чонгуль в XV—XVII вв. была сооружена плотина и система дамб. Длина плотины 80—100 м, ширина в основании — 20—30 м, выше нее брали начало оросительные каналы [53].

В предгорных районах для орошения, как и ранее, использовались воды горных рек, практиковались посевы без полива.

Вблизи Сайрама находились массивы орошаемых земель. Вода на них поступала из Арыси, Аксу, Сайрамсу, Бугуни. Источники свидетельствуют о том, что здесь цвели сады и бахчи, земледельцы сеяли пшеницу, ячмень, просо, овес. Мухаммед Шейбани-хан в конце XVI в. посылал своих воинов в Сайрам за зерном для войска и, как писал Рузбихан: «...воины приводили караваны верблюдов и мулов и увозили зерно. Вновь и вновь приходило все больше людей, которые предлагали взять зерно» [54].

На левом берегу Сырдарьи центром производства зерна был Аркук и селения вокруг него. Тот же Рузбихан сообщает, что несмотря на зимний период и «дороговизну и скудость» хлеба, в Аркуке было заготовлено все необходимое продовольствие для войска [55].

Неоспоримые факты существования развитого земледелия в позднесредневековое время на юге Казахстана получены в результате масштабных раскопок Отрара, а также городищ Культобе и Рана на северных склонах Каратау [56], городища в ущелье Бургулюк неподалеку от Чимкента. Среди сельскохозяйственных орудий, найденных при раскопках, — серпы, садовые ножи (рис. 23). Хлеб мололи на каменных жерновах, выпекали в тандырах. В домах Отрара, Культобе и Рана имелись кладовые с закромами, в которых хранили зерно и фрукты. Для хранения зерна и муки использовали хумы и зерновые ямы. В некоторых закромах обнаружены остатки проса и пшеницы, в других — косточки винограда (видимо, в закромах хранили сушеный виноград), в других, очень небольших, возможно, держали различного рода пряности. О масштабах полеводства в Отрарском оазисе можно судить и по наличию в городе специального квартала хлебопеков, производивших хлеб на продажу.

Развитие получают садоводство и огородничество. Земледельцы знали культуру хлопчатника. Его семена и обуглившиеся коробочки найдены при раскопках отрарских жилищ.

---

[53] *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы Приаралья, с. 209, 216.
[54] Материалы по истории казахских ханств, с. 296.
[55] *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города..., с. 24—25.
[56] *Жолдасбаев С.* Раскопки городища Культобе. — АО, 1973, М., 1975, с. 468; *он же.* Позднесредневековое городище Ран (XII—XVIII вв.). — АО, 1974, М., 1975, с. 485—486.

В конце XVII — начале XVIII в. феодальные войны, набеги джунгар вновь подорвали экономику края. Приходит в упадок оросительная сеть, сокращаются площади посевов, пустеют селения [57].

Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. под воздейст-

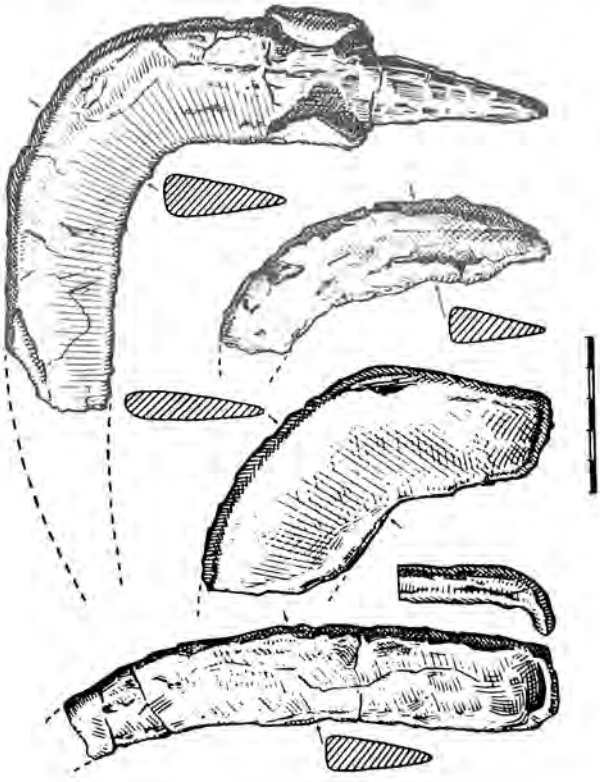


Рис. 23. Фрагменты серпов с городища Отрар, XVI—XVIII вв.

вием ряда взаимосвязанных экзогенных (нашествие джунгар, столкновения с кокандскими и хивинскими феодалами) и эндогенных (феодально-родовые усобицы и т. п.) факторов происходит нарастание и накопление кризисных явлений в развитии казахского общества. В свою очередь, это обстоятельство, наиболее рельефно выразившееся в постигшем казахов тяжелом народном бедствии «Актабан-шубырынды», обусловило интенсивное перемещение казахов с традиционных зимовок и оседло-земледельческих поселений и в конечном счете привело к упадку зем-

[57] *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города..., с. 48—49.

ледельческой и городской культуры казахского общества. Так, например, если в Отраре в XVI — первой половине XVII в. проживало свыше 5 тыс. чел., то в XVIII в. — всего лишь 200—250 чел. Сокращение численности населения в указанный период характерно и для Саурана, Сыгнака и других присырдарьинских городов [58].

Исторические источники XVIII и XIX вв. содержат многочисленные свидетельства очевидцев о наличии в степи массы заброшенных пашен и оросительных систем. По мнению А. В. Шнитникова, исследовавшего реки и озера Центрального и Южного Казахстана, эти пашни и ирригационные сооружения были заброшены в результате ухудшения природно-климатических условий лишь немногим ранее XVIII в. [59]

Тем не менее общий упадок казахского земледелия к концу XVII — началу XVIII в. не был повсеместным явлением, поскольку традиции земледельческой культуры были достаточно прочны среди казахов [60]. Правда, ограниченность имеющихся источников не позволяет проследить это с достаточной полнотой и восстановить целостную картину, однако даже немногочисленные свидетельства совершенно очевидно показывают важное хозяйственное значение земледелия в этот период. Так, посольство В. Кобякова к казахскому хану Тауке в 1692 г. сообщало, что «...хлеб у Тевки-хана родится многое число, пшеница и ячмень и проса, а хлебы сеют озимые и яровые...» [61]. А посольство Ф. Скибина и М. Трошина в 1695 г. свидетельствовало, что «...казаки де все живут для пашенных земель по кочевьям, а пахоти де их скудны...» [62]. Такая противоречивая оценка не отрицает, однако, факта наличия земледелия у казахов, отмеченного как тем, так и другим посольством. А в «Сыскном деле о пути в Хиву» 1697 г., составленном на основе данных посольства Скибина и Трошина, отмечено, что между гг. Туркестаном и Узгентом на побережье нижнего течения Сырдарьи казахи совместно с каракалпаками занимались земледелием [63]. Тем же источником пользовался и С. У. Ремезов при составлении одной из карт конца XVII в., обозначивший на ней места пашен казахов [64]. Хлебопашество на юге Казахстана, по мнению Ч. Ч. Валиханова, существовало еще в XVII в. [65]

---

[58] *Акишев К. А.* Некоторые итоги раскопок городища древнего Отрара (1971—1975 гг.). — Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977, с. 10—11.

[59] *Шнитников А. В.* Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария. М.—Л., 1957, с. 113—119, 124.

[60] Исследуя кочевое хозяйство более раннего периода (XIV—XV вв.), К. А. Пищулина пришла к аналогичным выводам. Земледельческие традиции, пишет она, не прерывались даже во время кризисов и общего упадка (*Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI веков. Алма-Ата, 1977, с. 145—147).

[61] Дополнения к актам историческим (далее ДАИ), т. X, 1867, с. 389—390.

[62] Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР (далее МИУТТ), ч. I. Л., 1932, с. 265.

[63] МИУТТ, ч. I, с. 266.

[64] *Фель С. Е.* Картография России XVIII в. М., 1960, с. 118.

[65] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., в 5-ти т., т. 3. Алма-Ата, 1964, с. 23.

В источниках первой половины XVIII в. мы встречаем лишь косвенные свидетельства значения хлебной пищи в жизни казахов [66].

Со второй половины XVIII в. вследствие ряда объективных политических и экономических причин, обусловивших серьезные изменения общественной структуры, дальнейшую эволюцию и трансформацию кочевого общества, происходит заметный подъем культуры земледелия на всей территории Казахстана. Это обстоятельство находит свое отражение в восстановлении ряда старых и постройке новых крупных ирригационных систем, в расширении площади орошаемых земель, в переходе значительной части населения к относительно устойчивому занятию земледелием и т. п. [67]

Вместе с тем источники отмечают значительно возросшую потребность казахов в земледельческой продукции и их стремление к занятию земледелием. Казахи, свидетельствуют М. Тевкелев и П. Рычков, «... к пище хлебной нарочито уже привыкли, и на каждую зиму оную запасать стали» [68]. При этом, уточняет П. Рычков, «... на зимнее время запасают... они уже просо, пшеничную муку и пшеницу, которую они для пищи своей варят и жарят на масле» [69]. Обращаясь за помощью к царской администрации, Аблай-хан в 60-х гг. XVIII в. писал, что у него люди «... несколько в хлебопашестве знающие есть ...» [70]. В исторических известиях того времени имеются многочисленные указания на то, что Аблай распространял в подвластных ему землях хлебопашество и сенокошение [71]. Так, башкирские послы, побывав в 1764 г. в Среднем жузе, сообщали: «А нынешнего лета он, Аблай-солтан, и просу сеел» [72]. А М. Бекчурин в 1780 г.

---

[66] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках, Алма-Ата, 1961, с. 110, 130—133, 186, 189, 240, 322, 411, 482, 484, 500, 522, 523, 525, 532; *Потанин Г. Н.* О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии. — В кн.: Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском университете (далее ЧОИДР), кн. II, 1868, с. 106, 107; *Витевский В. Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., т. III. Казань, 1897, с. 696, 719, 721, 728, 730, 739, 761, 764, 781, 790; Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края, т. II. Оренбург, 1900, с. 57—61 и др.

[67] *Шалашилин И. Е.* К вопросу о причинах отставания районов орошаемого земледелия Средней Азии к середине XIX в. — Вопросы истории, 1960, № 9, с. 34; *Маргулан А. Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950, с. 107, 109; *Макаров И. Ф.* Казахское земледелие в конце XIX — начале XX века. — В сб.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб. III. М., 1959, с. 394; *Шалекенов У.* Казахи низовьев Амударьи. Ташкент, 1966, с. 78; *Аполлова Н. Г.* Опыт поливного земледелия казахов и каракалпаков в районах Сырдарьи и Амударьи в XVII — первой половине XIX в. — В сб.: Из исторического опыта сельского хозяйства СССР, сб. VII. М., 1969, с. 103 и др.

[68] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках, с. 576.

[69] *Рычков П.* Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия, по разности провинций кратко и по возможности изъясняемые, в рассуждении Оренбургской губернии. — Труды вольного экономического общества, ч.VII. 1767, с. 204.

[70] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках, с. 662.

[71] *Аполлова Н Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960, с. 175—177.

[72] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках, с. 668.

доносил, что Аблай-хан расположился в шести днях пути от Ташкента «... и на том месте производит хлебопашество» [73].

В источниках имеются и другие сведения о развитии казахского земледелия. В частности, следующие: Абулфеиз-султан «ради производства хлебопашества в прежней зенгорской землице» селил и употреблял для работ пленных киргизов [74]. В 1770 г. Оренбургский генерал-губернатор Рейнсдорп отметил привычку «киргизцев» к хлебной пище [75], тогда же он доносил в Коллегию иностранных дел, что в низовьях Эмбы «киргиз-кайсаки сеяли и сеют ярицу пшеницу и просо» [76]. Интересно, что на реках Эмбе и Нуре в конце века занимался земледелием и батыр Срым, который, «сделав пруд и производя пашню, обогатил себя через продажу хлеба избыточно» [77]. О земледелии казахов Старшего жуза сообщает И. Г. Георги [78]. По сведениям И. П. Фалька, собранным ему Х. Барданесом, некоторые казахи в основном занимаются земледелием. «Поэтому они живут оседло, в селениях. Их пища — главным образом, хлеб, а стада у них маленькие» [79]. Далее он отметил, что «вместе с крупой мука входит у киргизов все в большее употребление», при этом он описал значительное число казахских хлебных изделий [80]. К сведениям Фалька тесно примыкают известия капитана И. Г. Андреева, который в 80-х гг. XVIII в. писал, что «киргиз-кайсаки ... обзавелись своими пашнями и урожаем разных хлебов, а особливо разных родов пшеницы ...» [81]. Он же сообщает, что около гор Чингистау при р. Аягуз в волости Акнайманской, в урочищах между речками Букан и Чегенак казахи «имеют хлебопашество, сеют пшеницу, ячмень, просу с достатком ...» [82]. И далее: все казахи, кочующие за Тарбагатаем, «сеют хлеб, пшеницу и просо ...» [83]. О земледелии казахов Младшего жуза сообща-

---

[73] Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 102.

[74] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках, с. 680.

[75] *Масанов Э. А.* Об этнографическом изучении Казахстана в России до 1845 г. — Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (далее ТИИАЭ АН КазССР), т. 6. Алма-Ата, 1959, с. 226.

[76] *Семенюк Г. И.* Земледелие казахов-кочевников в XVIII — начале XIX в. — В сб.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб. VIII. М., 1974, с. 185.

[77] *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи..., с. 196.

[78] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. 2. О народах татарского племени. Спб., 1799, с. 120.

[79] Прошлое Казахстана в источниках и материалах, сб. I. Алма-Ата — Москва, 1935, с. 145.

[80] Там же, с. 195.

[81] Домовая летопись Андреева, по роду их, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 году. — ЧОИДР, 1870, кн. 4, отд. V, с. 108.

[82] *Андреев И. Г.* Описание Средней Орды киргиз-кайсаков, с касающимися до сего народа, також и прилежащих к Российской границе, по части Колыванской и Тобольской губерний, крепостей дополнениями. — Новые ежемесячные сочинения, ч. CXII, 1795, § 35, с. 22; ч. CXVI, 1796, с. 75—76.

[83] Там же, ч. CXVI, с. 81.

ют оренбургский муфтий М. Хусаинов и старшина тархан Тленши Бокенбай [84].

Многочисленные литературные и архивные источники первой половины XIX в. содержат разнообразные свидетельства о земледелии казахов. В условиях аридной зоны степей оно не являлось столь эффективным и продуктивным, как занятие скотоводством, и это обусловило неравномерность казахского земледельческого хозяйства.

Как и прежде, средоточием казахского земледелия в первой половине XIX в. являлся Южный Казахстан, где оно локализовалось в бассейнах рек Сырдарьи, Или, Чу, Таласа, в горах Каратау. Здесь, сообщал М. Поспелов, казахи отличаются «нарочитым упражнением в хлебопашестве» [85]. В районе Туркестана, по свидетельству М. Фейзуллина, казахи сочетали занятие земледелием и садоводством со скотоводством [86]. О развитии казахского земледелия в Ташкентском оазисе говорят не только русские [87], но и кокандские источники, в частности «Мунтахаб-ат-Таварих», где сказано, что кокандцы в начале XIX в. даже обложили казахов налогом с посевов (харадж) [88].

По сведениям Я. Гавердовского, присырдарьинские казахи в начале XIX в. занимались не только кочевым скотоводством, но и в значительных размерах орошаемым земледелием [89]. Несколько позднее почти аналогичные сведения привели Е. Кайдалов, И. В. Виткевич и др. [90] Ф. Назаров сообщает, что в предместье г. Сузака и около Чимкента казахи издавна занимались земледелием, имели сады и поля хлеба [91]. А вот что пишет доктор Эверсман: «По берегам залива и самой реки Сырдарьи кочуют киргизы в большом количестве ... Они сеют просо и немного ячменя, и пашни свои, расположенные по самому берегу, наполняют посред-

---

[84] *Вяткин М.* Журнал оренбургского муфтия. — ИА, т. II. М.—Л., 1939, с. 169; Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.), т. IV. М. — Л., 1940, с. 150—151.

[85] Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году. — Вестник РГО (далее ВРГО), ч. 1, кн. 1, отд. VI. 1851, с. 42; Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, с. 198; Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 151.

[86] ВРГО, ч. 1, кн. 1, отд. IV, 1851, с. 48.

[87] *Вельяминов-Зернов В. В.* Сведения о Кокандском ханстве. — ВРГО, ч. 18, кн. V, отд. II, 1856, с. 112 и др.

[88] *Иванов П. П.* Казахи и Кокандское ханство (к истории их взаимоотношений в начале XIX в.) — Записки Института востоковедения АН СССР, т. VII. М.—Л., 1939, с. 119.

[89] *Гавердовский Я.* Обозрение киргиз-кайсакских степей. Рукопись Ленинградского отделения Института истории АН СССР, № 34329.

[90] *Кайдалов Е.* Караван-записки, во время похода в Бухарию Российского каравана, под воинским прикрытием, в 1824 и 1825 годах, ч. II. М., 1828, с. 130—131; *Иванин М. И.* Описание зимнего похода в Хиву в 1839—1840 годах. Приложение. Спб., 1874, с. 204; Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 331; *Галкин М. Н.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. Спб., 1868, с. 180 и др.

[91] *Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии. Спб., 1821, с. 31, 34.

ством проведенных каналов ... Скота имеют очень мало ...»[92]. Побывавший здесь вместе с Эверсманом в составе миссии Негри в 1820 г. барон Е. К. Мейендорф отметил, что к числу земледельческих районов казахской степи относится междуречье Жанадарьи и Кувандарьи, а также берега озер Камышлыбаш и Аралы[93]. При этом его удивило существование бахчей и мощной ирригационной системы у присырдарьинских казахов[94]. «Каналы для поливки пашен, устроенные около реки Сыра, — пишет А. Левшин, — замечательны как пространством своим, так и глубиною»[95].

На земледелие семиреченских казахов указывает лекарь Зибберштейн, побывавший здесь осенью 1825 г. В своих путевых записках он отметил, что долина реки Чилик «избыточествует хлебопашеством»[96]. В 1827 г. начальник Семипалатинского внутреннего округа доносил омскому областному начальству: «Большая киргизская орда занимается хлебопашеством на семи реках... с значительным количеством пшеницы, проса и ячменя»[97]. С. Броневский в своих записках также писал: «Большой орды киргизы, кочующие на урочищах семи рек, около оз. Балхаша, при реке Или ... с прилежанием занимаются земледелием»[98]. В 1811 г. казахские аулы посетил проездом переводчик Путимцев, который отметил, что казахи на всем протяжении его путешествия от Иртыша до Семиречья занимались поливным земледелием[99]. В частности, он писал: «Земля в окрестностях оз. Ала-Куль плодоносна, рачение киргизов в обработке ее удивительно: они... утучняют и удобряют пашни единственно трудами своими, проводя на оные из речек воду»[100].

Одним из земледельческих районов являлся Восточный Казахстан, где, по свидетельству А. Левшина, «есть много долин способных к хлебопашеству ... есть ключи чистой здоровой воды, прекрасные луговые травы и леса»[101]. В 1827 г. начальник Семипалатинского округа доносил, что казахи занимаются хлебопашеством при урочище Семейтаве[102]. Тогда же вблизи Семипалатинска и за Иртышом, по свидетельству оче-

---

[92] *Васильев А.* Путешествие доктора Эверсмана в Бухару. — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, кн. XIV. Оренбург, 1905, с. 204.

[93] *Мейендорф Е. К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975, с. 38, 45, 64, 65; Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, с. 373.

[94] *Мейендорф Е. К.* Указ. соч., с. 38—39.

[95] *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III. Спб., 1832, с. 202.

[96] Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна. — Исторический архив (далее ИА), т. I. М.—Л., 1936, с. 225.

[97] Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1827, д. 7, л. 2.

[98] Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды. — Отечественные записки, 1830, ч. 42, кн. 121, с. 193—194.

[99] Дневные записки переводчика Путимцева, в проезде его от Бухтарминской крепости до китайского города Кульджи и обратно в 1811 году. — Сибирский вестник, 1819, ч. VII, с. 6, 7, 41—44.

[100] Там же, с. 40—41.

[101] *Левшин А.* Указ. соч., ч. I, с. 35.

[102] Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1827 г., д. 7, л. 2.

видца, казахи сеяли пшеницу [103]. Эти сообщения подтверждаются и данными сотника Карбышева, лекаря Зибберштейна, писавшего, что казахи этого региона имеют «обильные хлебопашества» [104]. А по сведениям С. Броневского, «степь между рек Иртыша и Оби, на расстоянии 300—400 верст в ширину и около 600 в длину ... ими (казахами. — *М. Н.*) наполнена. Некоторые сверх скотоводства занимаются хлебопашеством ...» [105]. Он же сообщает, что «за крепостью Бухтарминскою, при подошве гор Нарымских ... довольно значительные пашни, искусно наполняемые водою ... посредством влаги ... изрядно родится просо ...» [106]. По данным же А. Янушкевича, в «Кокпектинском округе, где земля годится для обработки, большая часть киргизов занимается земледелием и собирает много пшеницы...» [107]. Казахи занимались земледелием в речных долинах Черного Иртыша, Курчума, Калджира, на Зайсанской равнине, у западного и северного подножий Тарбагатайских и в системе Калбинских гор, в долинах рек и у озер Восточного Казахстана [108].

С начала XIX в. земледелие стало развиваться в Центральном Казахстане, в бассейнах рек Тургая, Нуры, Токраупа, Терсакана, Сарысу, районе Мугоджарских гор и т. д. Это, по мнению И. Беленицына, обусловило уменьшение с 1808 г. продажи хлеба казахам [109].

«Начало введения хлебопашества между притургайскими киргизами, по рассказам старожилов, относится к началу нынешнего столетия», — пишет Сейдалин в своей классической статье «О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая» [110]. Семена пшеницы, проса, джугери, арбузов, дыни, лука, моркови, тыквы, урюка, винограда, сообщает он, были впервые засеяны около 1800 г. по рукаву Тургая — р. Кабырге на урочище Каракуге. Причем «все опыты сеяния удались отлично» [111]. Несколько позднее появляются и другие земледельческие поселения, в част-

---

[103] *Недорезов.* О разведении и посеве около крепости Семипалатной в местах 7-го козачьего полка английской ярицы и урожае оной в 1826 году. — Земледельческий журнал, 1827, № XIX, с. 30.

[104] *Карбышев Г.* О начале земледелия и пчеловодства в киргизской степи. — Земледельческий журнал, 1827, № XX, с. 171—172; *Зибберштейн.* Указ. соч., с. 230, 237.

[105] *Броневский С.* Указ. соч., ч. 42, кн. 121, с. 181.

[106] Там же, с. 193.

[107] *Янушкевич А.* Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Алма-Ата, 1966, с. 44, примеч. 22.

[108] *Шахматов Г.* Замечание о хлебопашестве киргиз-кайсаков Средней Орды. — Земледельческий журнал, 1832, № 8, с. 617, 620; *Броневский С.* О первой оседлости и хлебопашестве киргизцов во вновь образуемом Какбухтинском округе в киргизской степи. — Там же, с. 626—628; *Аргынбаев Х.* Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX и начале XX веков (По материалам Восточного Казахстана). — ТИИАЭ АН КазССР, т. 6, с. 39 и др.

[109] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 453, л. 76.

[110] Записки Оренбургского отдела РГО (далее ЗООРГО), вып. I, 1870, с. 238. Заметим, что статья Б. Каралдина и книга Я. Полферова (см.: Тургайская газета, 1902, № 6; *Полферов Я.* Земледелие в Тургайской области. Оренбург, 1896) представляют собой простую компиляцию труда Сейдалина.

[111] ЗООРГО, вып. I, 1870, с. 239.

ности, в урочище Сары-Копа при устье р. Теке, у Наурзумского бора по р. Наурзум-Карасу, в окрестностях озер Джаксыбай и Санкибай, по рекам Джалдам и Улькояк [112]. О поливном земледелии казахов на Тургае в первой трети XIX в. сообщает и есаул Швабский [113], а в 40-х гг. граф Толстой, который «при речке Кабырге открыл независимых киргиз, в значительном числе занимавшихся хлебопашеством» [114], а также генерал-губернатор В. А. Обручев [115].

Земледелие у казахов по берегам р. Нуры в начале века наблюдали М. Поспелов и Т. Бурнашев. «Места сии удобны и для земледелия, — сообщали они, — каковое по Нуре киргизы уже и производят, наводняя пашни проведенными из сей речки водопроводами» [116]. Я. Гавердовский полагает, что казахи начали возделывать землю в районе Нуры около 1795 г., однако, по его же сведениям, земледелие на Нуре существовало еще в 80-е гг. XVIII в. Некоторые аулы, писал в 1816 г. инженер И. П. Шангин, на очищенных от камыша берегах р. Нуры и озера Кургальджина «сеют на оной с хорошим успехом различную пшеницу» [117].

Наряду с этим имеются интересные известия о земледелии казахов в регионе Мугоджарских гор и смежных с ними районах. Так, барон Е. К. Мейендорф отмечает, что земледельческое хозяйство казахов имело место «в долинах Мугоджарских гор и Уркача, вдоль Ходжа-куля и Аксакала» [118]. По А. Левшину: «Вблизи озера Ходжа... по косогорам есть пашни, для поливки коих из озера проведены каналы» [119].

Издавна одним из центров казахского земледелия являлся и Илек. Еще в 1804 г. Оренбургский военный губернатор Г. С. Волконский сообщал министру внутренних дел В. П. Кочубею, что табынцы Младшего жуза занимаются земледелием по реке Илек и так называемым Мертвым озерам у урочища Мертвые соли [120]. А. Левшин же пишет об Илеке: «Здесь видны небольшие, но прекрасные пашни, поливаемые водою из каналов» [121]. Аналогичные сведения несколько позднее привел и доктор

---

[112] ЗООРГО, вып. I, 1870, с. 239. См. также: ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5068, л. 52, 57.

[113] *Швабский.* О семенах и посеве тургайской пшеницы и прос, называемых в Киргизской степи конак, акпикеч и копур-чулак. — Земледельческий журнал, 1832, № 5, с. 106—108.

[114] ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 594, л. 41 обр.

[115] Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. 1844, 1845 и 1846 года. Собрал полковник А. Г. Серебренников. Т. 5. Ташкент; 1914, с. 37, примеч.

[116] Путешествие от Сибирской линии до Ташкента и обратно в 1800 г. (Выбрано из бумаг гг. шихтмейстеров Бурнашева и Поспелова). — Сибирский вестник, 1818, ч. IV, с. 188; ВРГО, 1851, ч. I, кн. I, с. 7; Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 150.

[117] *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи..., с. 194; *Шангин И. П.* Извлечение из описания экспедиции, бывшей в Киргизскую степь в 1816 г. — Сибирский вестник, ч. IX, кн. 3, 1820, с. 145.

[118] *Мейендорф Е. К.* Указ. соч., с. 38.

[119] *Левшин А.* Указ. соч., ч. I, с. 85.

[120] Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, с. 224.

[121] *Левшин А.* Указ. соч., ч. I, с. 116.

Базинер [122]. В. А. Перовский в середине века с удивлением отметил: «Ныне же все окрестности этой реки усеяны киргизскими пашнями» [123]. «Обширные пашни киргизов по Илеку» отметил и А. Артемьев [124]. В отчетах Оренбургской пограничной комиссии также имеются свидетельства очевидцев о земледелии «табынцев и таминцев» на р. Илек [125].

Развитие земледельческого хозяйства в этот период характерно и для севера и северо-запада Казахстана. Я. Гавердовский, Е. Мейендорф, А. Артемьев и многие другие сообщают нам о земледелии по берегам Иргиза, Ори, Урала, Хобды, Эмбы и других рек [126]. Правители Оренбургского ведомства в середине XIX в. сообщали в пограничную комиссию о земледелии казахов по рекам Уралу, Ори, Кумаку, Большой и Малой Хобдам, Тоболу, Эмбе и др. [127] Есть даже свидетельства очевидцев об очагах земледельческого хозяйства казахов на Мангышлаке. Так, например, М. И. Иванин указывает на посевы зерновых культур и отмечает наличие бахчей на Мангышлаке в середине XIX в. [128] О поливном земледелии казахов на Мангышлаке сообщают войсковой старшина Матвеев, К. Спасский-Автономов и другие авторы XIX в. [129]

Тенденция к развитию земледелия у казахов определялась внутренними социально-экономическими изменениями казахского общества, в частности массовой пауперизацией зависимого населения, растущей диспропорцией в обеспечении скотом и пастбищами, скрытым аграрным перенаселением степи и т. д. Масса пауперизированного населения была вынуждена искать средства для элементарного воспроизводства, и занятие земледелием нередко являлось для нее единственным средством существования.

Однако о самостоятельном существовании земледелия только у беднейшей части населения, очевидно, не может быть речи. По свидетельству очевидцев, земледелие у аульной бедноты во многом было зависимо от господствующего класса казахского общества. Я. Гавердовский сообщает, что зажиточные считают для себя бесчестием приняться за земледелие и вместо себя употребляют бедных за малое пропитание или нахо-

---

[122] Путешествие через киргизские степи в Хиву в 1842—1843 годах доктора философии Базинера. — ТВ, 1873, № 46; Путешествие г. Базинера через киргизскую степь в Хиву. — Географические известия РГО (далее ГИРГО), 1849, вып. 4, с. 160.

[123] *Перовский В. А.* Донесение военному министру. — В кн.: *Веселовский Н.* Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. Спб., 1887, с. 132.

[124] *Артемьев А.* Несколько заметок о киргизской степи Оренбургского ведомства. — Журнал Министерства внутренних дел, 1859, кн. X, ч. XXXVIII, отд. III, с. 37.

[125] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5068, л. 57 обр.

[126] *Вяткин М. П.* Батыр Срым. М.—Л., 1947, с. 72; *Мейендорф Е. К.* Указ. соч., с. 38; *Артемьев А.* Указ. соч, с. 37; Топографическое описание реки Эмбы, составленное корпуса топографов подпоручиком Алексеевым в 1853 году. — ВРГО, 1855, ч. XV, кн. V, отд. V, с. 22 и др.

[127] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5068, л. 57 обр. — 58.

[128] *Иванин М. И.* Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 г. —ЗРГО, кн. I—II, 1849, с. 341, 349.

[129] Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания, т. 5, с. 61; *Спасский-Автономов К.* Путевые записки от Баку до устьев Урала. — ВРГО, ч. X, кн. II, 1854, с. 151.

дящихся у них пленных [130]. Пленных для производства земледельческих работ использовал и Абулфеиз-султан [131]. «Богатые киргизы хотя и не занимаются обрабатыванием полей сами, — свидетельствует А. Артемьев, — однако хорошо понимают выгоды земледелия и нанимают работников» [132]. «Богатые киргизы, — поясняет Ю. А. Гагемейстер, — нанимают работников для возделывания полей своих, а бедные для земледельческих работ нанимаются .. у них...» [133]. Причем, сообщает А. Влангали, бедные «все необходимое для сельского хозяйства получают от своих хозяев» [134]. Вот как, например, описывает социальную структуру казахского земледелия Н. Балкашин: байгуши занимаются хлебопашеством, «а зажиточные кочевые киргизы покупают им зерна для посева, пользуются вместе с ними урожаем по договору и не гоняют скот поблизости, остерегаясь потравы» [135]. Еще более определенно высказался такой компетентный автор, как Г. Н. Потанин: «Я только знаю, что земледелием занимается самый бедный класс киргизского народа, не на правах собственников, а кортомщиков, егинчей... Егинчи, если принадлежат к чужому поколению (роду. — *М. Н.*), снимают участки за арендную плату, если к своему, то вступают с богатыми скотоводами в союз исполу; в том и другом случае они являются только работниками богатых скотоводов» [136].

Вместе с тем необходимо указать, что источники нередко сообщают о распространении земледелия казахов во второй половине XVIII — первой половине XIX в. по инициативе верхушки казахского общества [137]. Зажиточные слои казахского общества стали заниматься земледелием в силу многих объективных и субъективных причин, как-то: дальность кочевий от земледельческих оазисов и торговых центров, борьба за пастбища, трудность получения зерна из оседлых районов Средней Азии, а также влияние хозяйственных связей с Россией.

Феодально-родовая верхушка по праву собственника основных средств производства присваивала себе бо́льшую долю общественного продукта. Путешествовавший по степи Услар сообщает, что богатые поступают с беднейшими так, «как мы с пчелами: оставляют им столько, сколько им необходимо, чтобы не умереть с голода зимою, а остальное

---

[130] Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 159.

[131] Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках, с. 680.

[132] *Артемьев А.* Указ. соч., с. 37.

[133] *Гагемейстер Ю. А.* Статистическое обозрение Сибири, ч. II. Спб., 1854, с. 334.

[134] Цит. по кн.: *Бекмаханов Е.* Присоединение Казахстана к России. М., 1957, с. 29.

[135] *Балкашин Н.* О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. Спб., 1867, с. 30—31.

[136] *Потанин Г.* Зимняя поездка на Зайсан (зимой 1863—1864 г.). — Записки РГО по общей географии, т. I. 1867, с. 446—447.

[137] Земледельческий журнал, 1832, № 8, с. 626—628; 1833, № 5, с. 757—760; ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 376, л. 44—55 обр. и др. Сторонником данной точки зрения является П. Г. Галузо. — Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг. Алма-Ата, 1965, с. 153—154.

берут себе по праву сильного»[138]. «Бедняк должен все лето, как негр, работать на земле богача... — говорит А. Янушкевич,— и что он имеет за это? Какой-нибудь старый потертый халат, несколько десятков курта (сыр) и горсть проса, чтобы посеять себе в будущем году»[139]. Такое же свидетельство имеется и у А. К. Гейнса[140]. Егинши, указывает Г. Н. Потанин, уступив богатому скотоводу половину урожая, чтобы не остаться голодными, должны у того же скотовода наняться зимой в пастухи или в работники[141]. Таким образом, развитие земледельческого хозяйства у казахов сопровождалось и усилением эксплуатации зависимого населения.

Нередко можно встретить суждения о связи развития земледелия с процессом седентаризации. В известной мере это верно, но источники не всегда подтверждают эту точку зрения. Часть казахского населения, занимавшегося земледелием, проживала в оседло-земледельческих поселениях[142]. Однако основная масса земледельцев сочетала земледелие с полукочевым и кочевым скотоводством. «Впрочем земледелие, — указывает А. Левшин, — не делает их оседлыми. Они кочуют около пашен своих...»[143]. Порядок был следующий, сообщает И. В. Виткевич: «обыкновенно богатые кочуют, а байгуши... обрабатывают землю...»[144]. «Егинчи живут при своих пашнях только летом, а на зиму расходятся по волостям»[145]. Несколько более подробное описание мы находим у Я. Гавердовского. По окончании сева, говорит он, «все земледельцы идут со своими аулами в дальнейшие кочевья и не прежде возвращаются к полям, чем через 60 дней. Тогда хлеб поспевает к жатве. Но между тем в продолжении сего срока караульщики или сами хозяева изредка посещают поля для наблюдения за целостью оных, а иногда и для наводнения». И далее: «По окончании молотьбы опять пускаются в кочевание. Одну часть полученных зерен и весь овощ берут с собой для употребления, а другую при известных местах тайно зарывают в песок до будущего посева; богатые к сохранению сих запасов оставляют стражу»[146]. Таким образом, существовал весьма своеобразный тип хо-

---

[138] *У-р барон.* Четыре месяца в Киргизской степи,— Отечественные записки, 1848. т. 60, № 10, с. 206.

[139] *Янушкевич А.* Указ. соч., с. 143.

[140] *Гейнс А. К.* Собрание литературных трудов, т. II. Спб., 1898, с. 76—77.

[141] *Потанин Г. Н.* Указ. соч., с. 447—448.

[142] ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 594, л. 41 обр. — 42; *Сейдалин Т.* Указ. соч.; *Ключарев С. Я.* Дневник осеннего пути из Троицка в Ташкент. — ВРГО, 1856, ч. XVIII, кн. 5, отд. II, с. 141 и др.

[143] *Левшин А.* Указ. соч., ч. III, с. 199.

[144] *Иванин М. И.* Описание зимнего похода в Хиву..., с. 204.

[145] *У-р барон.* Указ. соч., с. 207.

[146] *Гавердовский Я.* Указ. соч., л. 105 обр. См. также: Сибирский вестник, 1820, ч. IX, с. 143; *Левшин А.* Указ. соч., ч. III, с. 199—200; ВРГО, 1854, ч. X, кн. II, с. 151; *Ключарев С. Я.* Указ. соч., с. 144; *он же.* Дневник летняго пути из Ташкента в Троицк. — ВРГО, 1856, ч. XVIII, кн. 5, отд. II, с. 146. *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. I. Алма-Ата, 1961, с. 287; *Потанин Г.* Указ соч., с. 443, 447, 448; *Гейнс А. К.* Указ. соч., т. II, с. 76, 77, 375; *Северцов Н. А.* О русских поселениях. К югу и к западу от Иссык-Куля. — Материалы по статистике Туркестанского края, вып. 4. Спб., 1876, с. 104—105 и др.

зяйствования — синтез скотоводства и земледелия при доминирующей роли экстенсивного скотоводства, отличавшегося устойчивостью и крайним консерватизмом.

Переходя к вопросу о формах и способах ведения земледелия, необходимо указать на преобладание поливного земледелия. «Замечательно, — писал в 1827 г. редактор «Земледельческого журнала», — что в Киргизской степи пришла мысль употреблять во время засухи искусственное наводнение полей irrigation, о котором, без сомнения, и во многих местах Европы еще слабое имеют понятие» [147]. Казахскому хозяйству были известны разные виды орошаемого земледелия от самых примитивных до самых сложных его форм. В районах традиционного земледелия существовали сложные и разветвленные ирригационные системы с многообразием специфических приемов орошения [148]. Источники отмечают и специфику поливного земледелия в степи: здесь «должно быть более бережливым с землею, нежели с водою»[149]. Знали казахи и неполивное земледелие, которое не требовало больших затрат труда и коллективных усилий по созданию ирригационных сооружений [150].

Для казахского земледелия, особенно в оазисах, была характерна достаточно высокая для того времени культура землепользования. Землю берегли, сочетая паровую и переложную системы земледелия. Так, Я. Гавердовский свидетельствует о наличии у казахов трехпольной системы землепользования: «Киргизцы пшеницу и ячмень сеют всегда на таких местах, где за год произрастало просо или просянка. Потом сии загоны отправляют в залог до третьего лета, в которое опять их орют и засевают» [151].

Как видим, земледелие занимало достаточно важное место в хозяйственной жизни казахского народа. «Ни один из кочующих в Сибири народов, — писал Г. И. Спасский, — не может сравниться в успехах хлебопашества с киргизами. Трудолюбие их самую сухую песчаную землю обращает в плодородную ... одним словом землепашество киргизов заслуживает сколько внимания, столько же и подражания» [152].

Вторая треть XIX в. характеризуется распространением казахского земледелия вширь за счет освоения новых земель. Оно приобретает все более устойчивый характер с тенденцией сокращения района

---

[147] Земледельческий журнал, 1827, № XX, с. 172.

[148] Отечественные записки, 1848, т. 60, № 10, отд. II, с. 207; *Колмогоров Г.* О промышленности и торговле в Киргизских степях Сибирского ведомства. — ВРГО, 1855, ч. XIII, кн. 1, отд. II, с. 15; *Левшин А.* Указ. соч., ч. III, с. 200—204; *Нешель.* Замечания о киргизской степи между Орскою крепостью и Аральским морем. — ГИРГО, 1848, вып. 5, с. 126; *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865, с. 103—105.

[149] ГИРГО, 1848, вып. 5, с. 126.

[150] *Мейер Л.* Указ. соч., с. 98; *Гейнс А. К.* Указ. соч., т. II, с. 77, 151; Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 365; *Александров Н. Н.* Земледелие в Сырдарьинской области. Ташкент, 1916, с. 128 и др.

[151] *Гавердовский Я.* Указ. соч., л. 106. См. также: *Шахматов Г.* Указ. соч., с. 619; ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3588 а, л. 51; *Загряжский Г.* Очерки Перовского уезда. — ТВ, 1872, № 29.

[152] *Спасский Г.* Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой Орды. — Сибирский вестник, 1820, ч. X, кн. 6, с. 351—352.

и маршрутов кочевания и развития полуоседлого комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства. Оренбургский генерал-губернатор А. А. Катенин отмечал, что «стоило только углубиться в степь на несколько десятков верст, и по долинам всех рек, впадающих в Урал, по Эмбе, Иргизу, Тургаю, Тоболу и их притокам, по большинству теряющихся в песках степных речках — повсюду встретит глаз более или менее значительные пространства распаханных или засеянных полей» [152]. Свидетельства очевидцев подтверждают факт распространения земледелия в казахской степи [154].

Важной характерной чертой казахского земледелия второй трети XIX в. являлось то, что оно начинало приобретать все более товарный характер и служило уже не только для удовлетворения личных потребностей земледельца, но и для рынка. Так, Г. Ф. Генс писал генерал-губернатору В. А. Перовскому: «Иной киргиз выменивает на снятый с поля хлеб до 200 баранов» [155]. Аналогичные сведения сообщает и весьма осведомленный купец Д. У. Белов, а также другие авторы [156].

Казахи вели торговлю не только со своими соплеменниками, но и нередко продавали хлеб русскому населению в городах и на линиях. «Начатки хлебопашества в степи очень ощутительны... — писал еще в 30-х гг. XIX в. С. Броневский, — в города Усть-Каменогорск, Семипалатинск и линию Иртышскую... киргизы привозили на продажу в зерне китайскую пшеницу и просо: событие, удивляющее всякого старожила сибирского» [157]. А Л. Мейер отмечал, что «увеличивающийся привоз киргизского хлеба, особенно на Уральскую линию, указывает на значительное приращение хлебопашества» [158].

Известное влияние на казахское земледелие оказывало усиление налогового гнета царизма.

Возрастает доля пауперизированного населения, вынужденного заниматься земледелием и отходничеством. О значительных масштабах отходничества среди казахской бедноты свидетельствует возрастающий в этот период поток поступлений от билетных сборов, которые взимались с нанимавшихся в работники казахов [159]. Вместе с тем растет и роль земледельческой продукции в бюджете этой массы населения [160].

Особо важное значение во второй половине XIX в. имело влияние

---

[153] Цит. по кн.: *Бекмаханов Е. Б.* Присоединение Казахстана к России. М., 1957, с. 29.

[154] *Гагемейстер Ю. А.* Указ. соч., ч. II, с. 334; *Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках*, с. 455; *Мейер Л.* Указ. соч., с. 98.

[155] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 318, л. 17 обр.

[156] *Белов Д. У.* О киргизах на Сырдарье, 1868—1869 гг. Рукопись ЛГБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, F—IV, № 551, л. 441; *Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках*, с. 363; *Гагемейстер Ю. А.* Указ. соч., ч. I, с. 78.

[157] Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 266.

[158] *Мейер Л.* Указ. соч., с. 98.

[159] ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2511, л. 205; *Зиманов С. З.* Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата, 1960, с. 269.

[160] *Мейер Л.* Указ. соч., с. 119.

русского народа на традиционные формы хозяйствования казахов-кочевников и полукочевников и развитие этнокультурных связей русского и казахского народов [161].

Изучение истории казахского земледелия с древнейших времен до конца XIX в. свидетельствует о традиционности и преемственности культуры земледелия древних насельников степи с земледельческим хозяйством казахов и неуклонном его росте в XIX в. под воздействием совокупности экономических и политических факторов, обусловленных вхождением Казахстана в состав России.

2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОЛИВНОГО И НЕПОЛИВНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ. СПОСОБЫ ОРОШЕНИЯ И ТИПЫ ИРРИГАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ

Природно-климатические условия на территории Казахстана, ограниченность осадков — в северных районах в среднем около 250—300 мм в год, в центральных — 200—250 мм, южнее — до 150 мм, а в отдельных районах (Мангышлак, Кзылкумы) — 100 мм — их сезонная неравномерность (бо́льшая часть их выпадает зимой и весной) в конечном счете определили, что в Южном, большей части Восточного и в Центральном Казахстане развивалось в прошлом только поливное земледелие. Оно существовало даже в тех районах, где было возможно богарное. Объяснялось это отчасти силой традиции, а отчасти тем, что поливное земледелие давало гарантированные и более высокие урожаи по сравнению с богарным.

Неполивное земледелие также издавна было известно казахам, в частности, Южного Казахстана, Семиречья. Под посевы использовались возвышенные участки в горах Джунгарского, Заилийского Алатау, в системе гор Кунгей и Терскей Алатау, Каратау.

Развитие неполивного земледелия среди казахов ускорилось в связи с крестьянским переселенческим движением из России и Украины. Крестьяне-переселенцы оказали влияние на распространение неполивного земледелия даже в тех местностях, где оно существовало давно, например, в Аулие-Атинском и Чимкентском уездах [1]. В Центральном Казахстане, в Атбасарском и большей части Акмолинского уезда в начале XX в. оно вытесняло орошаемое, разумеется, там, где хватало осадков. Посевы без полива практиковались казахами по берегам рек на увлажненных во время половодий участках по среднему и нижнему течению р. Сырдарьи, в низовьях р. Или. Для посевов без полива использовались

---

[161] См.: *Ауэзова Л.* Развитие земледелия у казахов в последней трети XIX в. — Известия АН КазССР. Серия общественная, 1957, вып. 2(5).

[1] Полевые записи Чимкентской (1975 г.) и Джамбулской (1976 г.) этнографических экспедиций.

также лощины, куда стекала талая или дождевая вода. Такие посевы именовались *суалма-егін* (суалма-егин), посевы же богарные на юге называли *тәлмі* (тальми), в остальных районах — *шөл* или *шөлегін* (шоль, шольегин)[2].

Если в Семиречье и в южных районах Восточного Казахстана неполивные посевы имели место лишь на возвышенных местах, то в Северном Казахстане, северных уездах Уральской, Тургайской, Семипалатинской областей занимались богарным земледелием и в равнинных районах. Но и эти районы, несмотря на мощный снежный покров зимой и больший, чем на юге, объем осадков в весенне-летний период, периодически подвергались засухам. Развитие земледелия здесь тормозилось острой нехваткой у казахов плугов, традиционный же жерагаш (среднее между ралом и сохой) не мог поднять целинные и залежные земли. Отчасти это служит объяснением тому, что даже тут казахи предпочитали орошаемое земледелие богарному. Ведь полив перед вспашкой значительно смягчал почву и позволял вспахать ее примитивным жерагашем. Характерно, что, например, в Усть-Каменогорском уезде при вспашке поливных участков плуги составляли лишь 26,6% от общего числа пахотных орудий, а на богаре — 84%[3].

Если, как уже отмечалось, казахи помогали переселенцам овладевать навыками орошаемого земледелия, то крестьяне-переселенцы помогали казахам овладевать навыками подъема ковыльно-типчаковых и черноземных степей Северного и Центрального Казахстана. Так, в Акмолинской области в 1860 г. только 175 казахских хозяйств занимались земледелием[4], а в 1896—1901 гг.— уже 20 949 хозяйств на 42 582 дес. То же происходило и в Уральской области. В Уральском уезде в 70-х гг. XIX в. посевы казахов были очень невелики[6], в 1899 г. они засевали уже 41 082 дес.[7], а в 1906 — 71 724 дес. В Акмолинской области процент сеющих хозяйств составлял в 1896—1901 гг. 34,8%, а в 1907—1909 гг. — 41%, посевная площадь составляла 51 716 дес.[8]

Статистических сведений о размере посевов на поливе в Центральном Казахстане не имеется. Можно лишь констатировать факт существования поливного земледелия в южных районах Атбасарского и Ак-

---

[2] Полевые записи Алма-Атинской (1975 г.), Кзыл-Ординской (1970, 1977 гг.), Уральской и Гурьевской (1973 г.), Чимкентской (1977 г.), Целиноградской и Карагандинской (1973 г.), Джезказганской (1974 г.), Джамбулской (1976 г.), Актюбинской (1972 г.) этнографических экспедиций.

[3] Материалы по обследованию... Семипалатинской области, Усть-Каменогорский уезд, т. II, в. II. Спб., 1913, с. 151.

[4] Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргизов, ч. I, II, III. Спб., 1868, с. 82.

[5] Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинский уезд. с. 142.

[6] *Кранихфельд В. П.* Степное киргизское хозяйство в Уральском уезде. — В кн.: Памятная книжка Уральской области на 1898 г. Саратов, 1898, с. 92.

[7] Памятная книжка Уральской области на 1901 г. Уральск, 1902, с. 78.

[8] *Чермак Л. К.* Киргизское хозяйство в Степном крае. — В сб.: Район железной дороги Петропавловск—Спасский завод в экономическом отношении. Спб., 1912, с. 246—251.

Таблица 7

Сводная таблица числа хозяйств казахов, размеров посевной площади, степени развития земледелия и соотношения орошаемого и неполивного земледелия*

Уезд	Годы обследования	Число хозяйств	Из них сеющих	% сеющих от общего числа хозяйств	Посевная площадь, дес.	Число дес. посевов на 1 сеющее хозяйство	% орошаемых посевов
			Акмолинская область				
Петропавловский	1901	11 399	2 843	24,90	6 099,00	2,13	св. нет
	1908	13 148	5 812	44,20	15 419,00	2,70	»
Кокчетавский	1896	12 498	2 708	21,66	5 595,00	2,06	»
	1907	15 626	3 027	19,40	4 691,00	1,55	»
Акмолинский	1896—1900	18 621	11 460	61,50	25 099,00	2,19	»
	1909	16 361	9 743	59,60	24 198,00	2,49	»
Атбасарский	1897	12 837	3 938	31,30	5 789,00	1,47	»
	1909	6 943	3 785	54,50	7 070,00	1,87	»
Омский	1897—1898	6 593	206	3,30	390,00	1,90	»
	1908	8 207	2 257	27,00	5 315,00	2,35	»
			Семипалатинская область				
Семипалатинский	1900	21 522	10 665	49,50	80 741,90**	ок. 1 дес.	св. нет
Усть-Каменогорский	1911	17 573	12 590	71,90	15 607,40	1,28	45,20
Павлодарский	1909	23 413	7 664	32,70	14 788,68	1,93	св. нет
Зайсанский	1911	23 343	14 769	63,20	22 507,80	1,52	98,50
Каркаралинский	1898—1899	19 015	2 753	14,50	6 039,95**	2,19	70,00
			Семиреченская область				
Верненский	1911	27 764	21 210	79,30	74 014,28	3,49	90,71
Лепсинский	1909	26 301	20 148	76,60	36 251,80	1,74	60,50
Капальский	1909—1910	31 931	26 272	82,20	53 833,26	2,08	87,50
Джаркентский	1910	14 594	10 006	68,50	10 516,16	0,94	84,00

			Тургайская область				
Тургайский	1908	14 370	3 355	23,30	5 667,90	1,70	св. нет
Актюбинский	1910	17 837	17 127	96,00	190 811,00	11,10	»
Кустанайский	1909	18 010	15 951	88,50	107 440,00	6,70	»
			Сырдарьинская область				
Казалинский	1911	24 223	12 088	49,90	23 523,39	1,95	69,59
Перовский	1910	23 689	17 765	74,81	31 217,41	1,76	68,89
Чимкентский	1906	29 526	23 802	80,60	119 078,10	5,00	80,00
Аулие-Атинский	1907—1908	42 790	35 294	82,50	158 733,00	4,50	85,40
			Уральская область				
Уральский	1906	12 631	10 506	85,10	71 724,00	6,80	св. нет
Лбищенский	1912	23 968	8 534	35,50	30 877,50	3,62	»
Темирский	1908	13 392	10 434	77,91	39 336,00	3,70	»

* Таблица составлена по статистическим данным Переселенческого управления. Акмолинская область: Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинская область, Петропавловский уезд, т. XII. Чернигов, 1908; Кокчетавский уезд, т. I. Воронеж, 1898; Акмолинский уезд, т. III. Воронеж, 1902; Атбасарский уезд, т. II. Воронеж, 1902; Омский уезд, т. XI. М., 1902; Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Петропавловский уезд, т. III. Спб., 1910; Кокчетавский уезд, т. I. Спб., 1909; Акмолинский уезд, т. V. Спб., 1910; Атбасарский уезд, т. IV. Спб., 1910; Омский уезд, т. II. Спб., 1910. Семипалатинская область: Материалы по обследованию хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области, Семипалатинский уезд, т. X. Спб., 1909; Усть-Каменогорский уезд, т. II. Спб., 1913; Павлодарский уезд, т. I. Спб., 1913; Зайсанский уезд, т. VIII. Спб., 1913; Каркаралинский уезд, т. VI. Спб., 1905. Семиреченская область: Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, Верненский уезд. т. IV. Спб., 1913; Лепсинский уезд, т. I. Спб., 1911; Капальский уезд, т. II. Спб., 1913; Джаркентский уезд, т. III. Спб., 1912. Сырдарьинская область: Материалы по киргизскому землепользованию... Сырдарьинская область, Казалинский уезд. Ташкент, 1913; Перовский уезд. Ташкент, 1912; Чимкентский уезд, т. I. Ташкент, 1909, т. II. Ташкент, 1910; Аулие-Атинский уезд, т. IV. Ташкент, 1911. Тургайская и Уральская области: Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района, Тургайский уезд. Оренбург, 1911; Актюбинский уезд. Оренбург, 1912; Кустанайский уезд. Оренбург, 1912; Уральский уезд. Оренбург, 1907; Лбищенский уезд. Оренбург, 1913; Темирский уезд. Оренбург, 1910.

** Посевная площадь указана в пудах посеянных семян.

молинского уездов, по берегам рек Нуры с ее притоками, Каракенгира, Сарыкенгира, Терсаккана, Жезды, в устье р. Чу, а также в горах Улутау, Арганаты, Жельдыадыр и некоторых других местах [9].

Природные условия Гурьевского уезда не позволяли производить посевы без полива, водная артерия — р. Урал была недоступна для казахского населения в силу запретов царской администрации, небольшие посевы имели место только в устье р. Эмбы и вокруг мелких пресных озер на левобережье р. Урал. Иргизский и Гурьевский уезды были занесены в разряд «не представляющих интереса для колонизации». Однако на их территории, как и на территории Тургайского уезда, было распространено поливное земледелие по берегам рек Шет-Иргиз, Улы-Иргиз, Тургай, Каратургай, Сарытургай, Кабырга, Улыжиланчик. Для полива использовались талые воды и родники, прежде всего в Мугоджарских горах [10].

В Семипалатинской области, в частности в Усть-Каменогорском, Зайсанском и Каркаралинском уездах, поливное земледелие было относительно широко распространено: в Усть-Каменогорском оно занимало 45,2% посевной площади казахов [11], в Зайсанском — около 98,5 [12], в Каркаралинском — 70% [13]. В Усть-Каменогорском уезде для полива использовались притоки Иртыша, в Зайсанском уезде — бóльшая часть площадей под полив сосредоточивалась вокруг озера Зайсан и в предгорьях Алтая. Для орошения здесь, как и в других горных и предгорных районах, казахи брали воду из мелких горных речушек и родников, устраивая запруды — *бөгет* (бугут). В Каркаралинском уезде, в южной части которого протекала р. Чу, практически возможно было только поливное земледелие. Здесь в конце XIX в. 512 казахских хозяйств засевали всего 1088,17 дес.[14]

Своеобразными были ирригационные сооружения каркаралинских казахов-земледельцев, населявших берега р. Токрауын в Северном Прибалхашье. В среднем и нижнем течении реки находятся отложения из галечника и крупного песка, и бóльшая часть воды, несомой рекой, поглощалась отложениями русла, поэтому, чтобы вывести воду в арыки, казахи копали в русле реки большие ямы, быстро заполнявшиеся водой, и уже оттуда выводили арыки к посевам [15].

В Семиреченской области традиционно преобладало поливное земледелие. Несмотря на рост богарного земледелия среди казахов, в начале XX в. доминирующая роль все же принадлежала орошаемому земледелию. Например, в Верненском уезде в 1911 г. 90,7% пашен были по-

---

[9] Полевые записи Целиноградской и Карагандинской (1973 г.), Джезказганской (1974 г.) этнографических экспедиций.

[10] Полевые записи Актюбинской (1972 г.) этнографической экспедиции.

[11] Материалы по киргизскому землепользованию... Усть-Каменогорский уезд, с. 139.

[12] Там же, Зайсанский уезд, с. 550—556.

[13] Там же, Каркаралинский уезд, с. 67 (обследовано только две трети хозяйств).

[14] Там же, с. 822—825.

[15] Полевые записи Карагандинской (1973 г.) этнографической экспедиции.

ливными[16], причем только поливным земледелием занимались 16 710 хозяйств, только богарным — 1011, остальные сочетали богару и полив[17]. В уезде использовались для полива многочисленные речки, стекающие с Заилийского Алатау, такие как Большая и Малая Алматинки, Каскелен, Талгар, Тургень, Иссык, Чилик и другие притоки р. Или, а также многочисленные родники. В низовьях, в левобережье р. Или, казахи прибегали к посевам по каирам (дно усыхающих озер, речных проток) и искусственно создаваемым земледельцами после весенних разливов реки лиманам. Здесь, как правило, урожаи бывали высокие. В Семиречье в отличие от северных областей Казахстана казахи сеяли под полив также и люцерну (*жоңышка*), служившую серьезным подспорьем животноводству. В Лепсинском уезде поливные участки занимали 60,5% (с люцерной 62%)[18], так что посевов на богаре здесь было больше, чем в Верненском уезде.

Между Лепсинским и Верненским уездами был расположен Капальский уезд, где, по сведениям Переселенческого управления, в 1909—1910 гг. 87,5% сеющих казахских хозяйств имели орошаемые посевы и лишь 7,1% — на богаре, 5,4% — смешанные[19]. Это объяснялось тем, что многочисленные реки и речушки, стекавшие с отрогов Джунгарского Алатау, а также р. Или, давали казахскому населению воду для полива посевов.

Основным районом распространения поливного земледелия были берега р. Каратал, из которой выводились магистральные каналы — *тоган* (тоган). На правобережье р. Или население чаще прибегало к каирному и лиманному земледелию, оценивавшемуся дореволюционными статистиками обычно как богарное. Но и в этих местах казахи использовали для полива воду родников и искусственных водоемов. В устье р. Или использовались паводковые воды, которые отводили во впадины между барханами, а затем посредством арыков подводили к посевам[20]. Посевы на богаре стали практиковаться на возвышенных местах Джунгарского Алатау с 80-х гг. XIX в.

Наибольшее распространение земледелие получило в Сырдарьинской области, в частности, у казахов Чимкентского уезда. Во всех уездах этой области преобладало поливное земледелие: в Чимкентском уезде орошаемые посевы превышали 80%[21] площади всех посевов, в Аулие-Атинском — 85,4[22], в Перовском — 68,89[23], в Казалинском — 69,59%[24]. При этом неполивные посевы в Перовском и Казалинском уездах качест-

---

[16] Материалы по обследованию... Верненский уезд, с. 212.
[17] Там же.
[18] Там же, Лепсинский уезд, с. 464—467.
[19] Там же, Капальский уезд, с. 207—208.
[20] Полевые записи Алма-Атинской (1975 г.) этнографической экспедиции.
[21] Материалы по киргизскому землепользованию... Чимкентский уезд, т. II, с. 143.
[22] Там же, Аулие-Атинский уезд, групповые таблицы.
[23] Там же, Перовский уезд, с. 56.
[24] Там же, Казалинский уезд, с. 39.

венно отличались от большинства таковых в Чимкентском и Аулие-Атинском: в первых двух они были рассчитаны исключительно на паводковые и грунтовые воды р. Сырдарьи. Такие же посевы практиковались частью казахского населения Чимкентского и Аулие-Атинского уездов по берегам рек Сырдарьи, Чу, Таласа, Бугуни, Арыси, Келеса. Посевы производились как на естественно затопляемых участках, так и в местах, орошаемых с помощью ирригационных сооружений. Воду проводили к низинам по арыкам. По мере подсыхания низины засевались. В таких местах можно было сеять в течение 3—4 лет, лишь раз заполнив их водой.

В среднем и нижнем течении Сырдарьи в конце XIX— начале XX в. казахами были расчищены древние магистральные каналы Бауджиде, Бирказанды, Тюменьарык, а также проложены русла новых каналов — Асанжарма, Шенгелжарма, Шиелы и др. Из магистрального канала *жарма* или *беларық* (бельарык) каждый оседлый аул имел свой отвод.

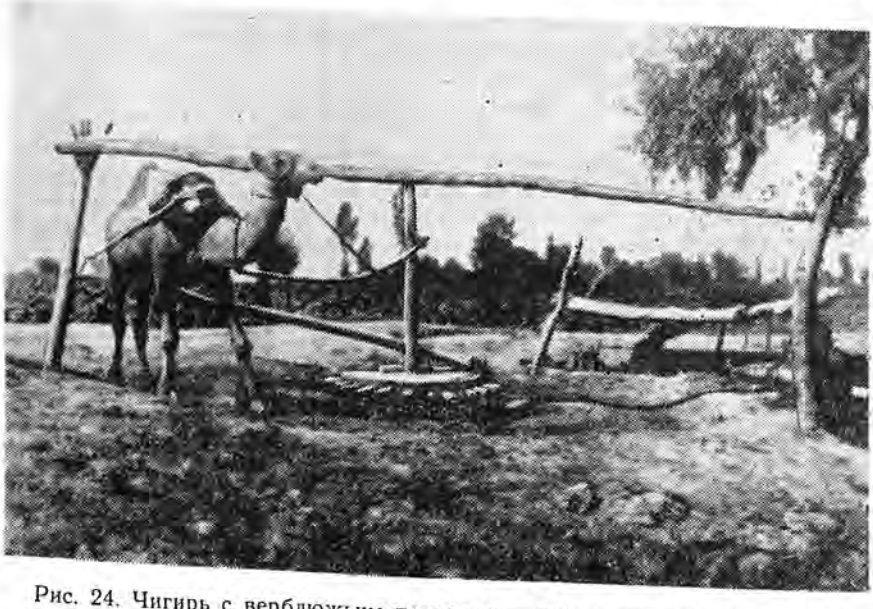
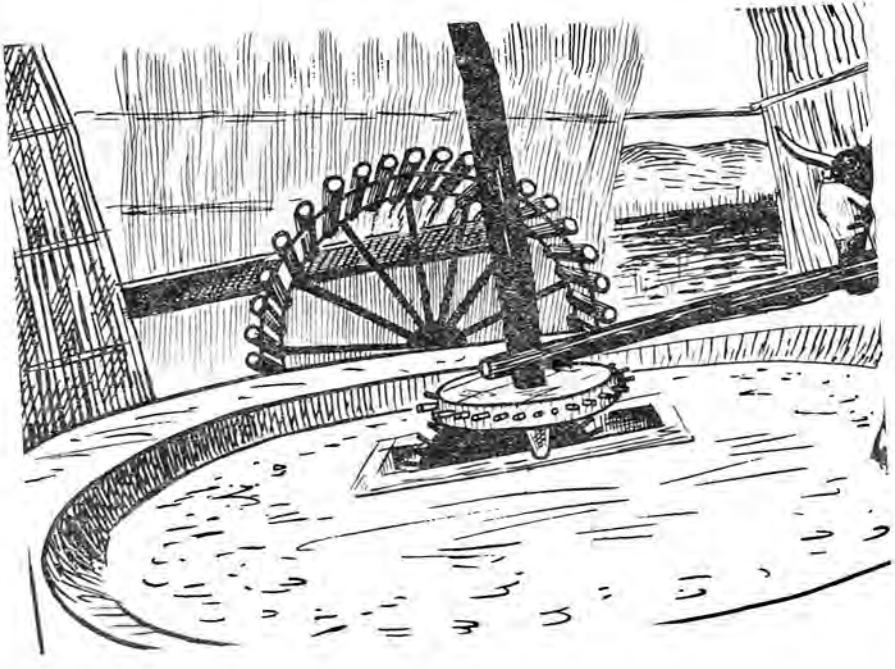


Рис. 24. Чигирь с верблюжьим приводом — *туйе шығыр* (туйе шыгыр)

Основой ирригационной сети Сырдарьинской области являлись мелкие арыки. Использовалась и вода озер, образовавшихся во время весенних паводков. Такие озера служили своеобразными водохранилищами, из которых летом поливали посевы, так как в это время уровень рек значительно понижался и это затрудняло вывод из них воды. В районе Каратау для полива широко применялись многочисленные горные речки, родники, воду которых казахи собирали в бассейны — *тоған* (тоган). В предгорьях Каратау для орошения посевов издавна сооружались водосборные галереи — *керіз* (кериз). Повсеместно в области для подъема



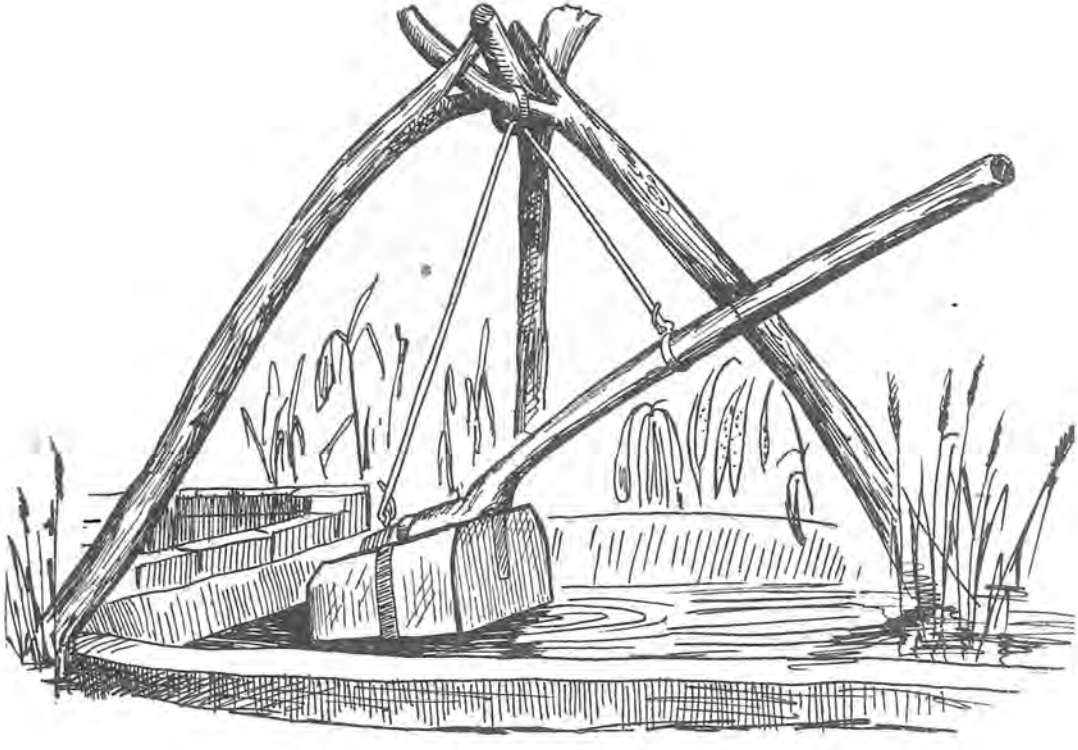


Рис. 26. Ручной черпак — *атпа* или *қолсамар* (колсамар)

воды на участки использовались чигири и ручные черпаки атпа или колсамар (рис. 24, 25, 26)[25].

Поскольку Переселенческое управление, обследуя хозяйство казахов Чимкентского и Аулие-Атинского уездов, объединило материалы, к уже приведенным статистическим сведениям необходимо добавить следующие цифры: в низовьях р. Талас и по берегам р. Чу насчитывалось 9664 хозяйства, из них земледелием занималось 5594 хозяйства, т. е. почти 58%[26].

Богарное земледелие было распространено в западной части Аулие-Атинского и Чимкентского уездов на обширных плато Киргизского и Таласского Алатау, Александровского хребта.

Как уже говорилось, для традиционного казахского земледелия характерно почти повсеместное применение искусственного орошения.

В уездах, где существовало бесполивное земледелие, казахи выбирали под посевы участки, орошаемые талой водой. В южной половине Семипалатинского уезда, северной части Каркаралинского, юго-западной Павлодарского часть посевов казахи производили в блюдцеобразных низинах, где зимой скапливался снег[27], а для лучшего увлажнения почвы делали иногда искусственное снегозадержание (Бельагачская степь Семипалатинского уезда).

Издавна использовались казахами участки речных долин, обильно орошаемые паводковыми водами. Такой тип земледелия встречался в низовьях и в среднем течении крупных рек — в долине р. Сырдарьи, особенно на левобережье, в низовьях рек Или, Чу, Таласа, Нуры, на территории Гурьевского уезда, по низовьям степных рек и на некоторых озерах на севере Тургайского и Иргизского уездов. В Прибалхашье засевали низины, которые заливала в паводок р. Или, на севере Аулие-Атинского и Чимкентского уездов, в низовьях р. Чу — котловины, где вода после разлива долго держалась. В Прибалхашье был и такой способ подготовки земли под посевы: заливаемые в половодье низины между барханами ограждали, закрывая сток воде. Собранная таким образом вода стояла все лето, а зимой замерзала. Весной этот участок распахивался[28].

Местами использовались каирные земли в усыхающих руслах степных рек или озер, например, на севере Чимкентского уезда — усыхающее русло нижнего течения р. Чу. В дельте Сырдарьи казахи-земледельцы использовали под посевы берега озер и болот, уровень воды в которых колебался в зависимости от высоты паводковых вод и обилия снегов. Иногда здесь делали искусственные запруды и протоки, спуская воду по

---

[25] Полевые записи Кзыл-Ординской (1970, 1977 гг.), Чимкентской (1975, 1977 гг.) этнографических экспедиций.

[26] Материалы по киргизскому землепользованию... Долины рек Чу и Таласа, с. 57, 74—75.

[27] Там же, Семипалатинский уезд, с. 2, 10, 24.

[28] Материалы по обследованию... Семиреченской области, Капальский уезд, с. 66.

мере надобности. Озеро постепенно мелело, по обнажившимся берегам кольцом располагались пашни. По мере усыхания озера пашни спускались ниже ко дну. Затем открывали протоку из другого озера и начинали сеять на его усыхающих берегах [29]. Посевы на усыхающих днищах озер — *көлтабан* (кольтабан) отмечены также в низовьях р. Талас [30].

Практиковались бесполивные посевы в прибрежной полосе р. Сырдарьи в пределах Чимкентского уезда, где земля увлажнялась, а грунтовые воды близки к поверхности (по левому берегу ширина такой увлажненной полосы достигала 2,5 км, по правому — меньше) [31]. К неполивному нерегулярному земледелию относились посевы «под глупую воду» (*«тентек су»*) на Сырдарье,— на площадях, орошенных вторичным разливом реки.

Лиманное орошение было распространено на территории Казахстана, хотя в большинстве случаев занимало очень скромное место в сравнении с другими способами орошения. Исключение составляли казахи Букеевской орды, у которых это был почти единственный способ орошения пашен. Небольшие пахотные участки располагались в долинах рек, заливаемых весной паводковыми водами. Эти участки ограждали земляными валами для удержания воды.

Лиманное орошение практиковалось казахами Тургайского уезда, на севере, в низовьях реки Карасу, вокруг озер Сары-камыш, Аксуаты и Сага, по р. Улыжиланчик [32]. В Иргизском уезде оно встречалось на севере по берегам пресноводных озер, в низовьях р. Тургай, на юго-западе и юге уезда по среднему течению р. Иргиз и на озерах. По течению Сырдарьи в Чимкентском, Перовском и Казалинском уездах казахи-земледельцы также использовали скапливающуюся в низинах талую воду, возводя ограждающие валики [33]. Лиманное орошение существовало в низовьях и по среднему течению рек Чу и Таласа, в Аулие-Атинском и Чимкентском уездах.

Однако размеры посевов на лиманном орошении были незначительны, «лиманные» пашни представляли отдельные небольшие клочки, их площадь зависела от паводка и была непостоянной. Переходной формой от лиманного, нерегулярного, к арычному, регулярному, орошению была система устройства водосбросов весенней воды. Водосбросные бассейны обычно устраивали в тех же местах, где было возможно лиманное орошение. Под них использовали естественные низины, котловины, участки старых русел, овраги и т. п. Выбранное для искусственного водосброса место ограждалось плотиной — *бөгет* (бугут). Оно имело небольшой запас воды, которой пользовались 1—2 хозяйства. Это еще нерегулярный тип

---

[29] *Александров Н. Н.* Земледелие в Сырдарьинской области. — Туркестанское сельское хозяйство 1916—1918 гг., оттиск. Ташкент, 1920, с. 36.

[30] Материалы по киргизскому землепользованию... Аулие-Атинский уезд, с. 68—69.

[31] *Гаврилов Н.* Переселенческое дело в Туркестанском крае. Спб., 1911, с. 226.

[32] Полевые записи Кокчетавской (1956 г.) этнографической экспедиции; *Караллин Б.* Земледелие в Тургайском уезде. — Тургайская газета, 1902, № 6.

[33] *Дингельштедт Н.* Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сырдарьинская область, т. I. Спб., 1899, с. 169.

ирригации, определявшийся размерами паводка или скопления снега.

В низовьях р. Или, в Прибалхашье водохранилища устраивали в котловинах между барханами. К ним подводили каналы от берега реки, а когда вода начинала спадать, каналы перекрывали[34]. Такие запруды были распространены в предгорьях (Джаркентский, Аулие-Атинский, Чимкентский и другие уезды), где в водохранилища превращали овраги, собирая в них снеговую и ливневую воду. Отмечены водосбросные сооружения в Иргизском, Тургайском, на севере Акмолинского уездов; здесь запруды делали для задержания воды мелких степных пересыхающих летом речек, например, на юге Тургайского уезда на речках Кайдагул, Буланты и Белеуты[35].

Наибольшее значение в казахском земледелии имело регулярное орошение с помощью арычных систем, по которым вода самотеком поступала на поля. Размеры и устройство арычных систем были весьма разнообразны. В конце XIX — начале XX в. преобладала мелкая арычная сеть. Крупные разветвленные системы, орошающие значительные площади, были сравнительно редки. В какой-то степени это определялось природными условиями: в Казахстане мало полноводных крупных рек, вывести же ирригационные каналы из крупных рек, в частности Сырдарьи, Или или Иртыша, было трудно при тогдашнем уровне технических средств. В пределах Чимкентского уезда Сырдарья течет в низких берегах, часто меняет русло после разливов, и это создавало трудности в использовании ее вод для земледелия. Однако в Перовском и Казалинском уездах посевы в основном орошались водой Сырдарьи. Нелегко было использовать для полива и воды р. Или, так как головы каналов быстро размывались.

Зато казахи искусно использовали самые мелкие источники орошения — ключи, горные ручьи, пересыхающие или сильно мелеющие летом степные речки. Большинство арычных систем выводили из горных или степных речек. Так, в Чимкентском уезде больше всего орошаемых пашен было на реках Арысь, Бугунь, Аксу, Чилик; в Аулие-Атинском — значительные посевы были расположены в долинах Чу и Таласа; в Верненском уезде воду выводили из многочисленных притоков Или, берущих начало в горах; в Тургайском уезде источником орошения служила р. Тургай с притоками; в Каркаралинском — р. Токрауын и ее приток Дженишке и т. д. В степных районах широко использовали также озера (например, оз. Кургальджинское в Акмолинском уезде и др.).

Вот некоторые данные, позволяющие составить представление о размерах оросительных систем у казахов.

В Чимкентском уезде средняя длина одного арыка (имеется в виду магистральный) — 3,6 версты, средние размеры орошаемой одним арыком

---

[34] Материалы по обследованию... Семиреченской области, Капальский уезд, с. 68—69.

[35] Полевые записи Кокчетавской (1956 г.) этнографической экспедиции; *Юдин П. А.* Киргизы. — Оренбургские губернские ведомости, 1890, № 58.

земли — 123 дес., в Аулие-Атинском — соответственно 9,8 версты и 212 дес. Такие размеры арыков объяснялись отчасти особенностями данной оросительной сети: выводные каналы из рек Чу и Таласа постоянно приходилось удлинять, так как через несколько лет пахотные участки засаливались и нужно было переносить пашни на другое место.

В Зайсанском уезде один арык орошал в среднем 80 дес., число арыков более крупных, орошавших 200—500 дес., составляло 11,4% от всего числа арыков, а орошавших свыше 500 дес. — 2,2% [36]. Одна из крупнейших систем в уезде — арык Кара-тоган из реки Кендерлик — орошал пашни 375 хозяйств [37], самыми же распространенными были системы, орошавшие посевы 10—15 хозяйств [38].

В соседнем Усть-Каменогорском уезде арычная сеть была еще мельче. В начале XX в. здесь учтено всего 18 арыков, орошавших более 100 дес.; из 280 арыков 125 было мелких, орошающих 1—2 дес., т. е. поля одного хозяйства.

Большой редкостью были системы, которые орошали тысячи десятин земли (арык Дальверзин в Перовском уезде, подававший воду на 6 тыс. дес., там же арык Чиили, орошавший свыше 7 тыс. дес., Уш-Тобе-тоган из р. Каратал в Капальском уезде, орошавший 7300 дес.) [39]. Это были сложные разветвленные системы. Протяженность каналов Дальверзинской системы достигала 138 верст, из них 111 приходилось на отводы [40].

Орошение из маловодных источников обычно шло по каналу, который вел воду от источника непосредственно к пашне, при этом канал был иногда как бы продолжением русла. Нередко на мелких источниках устраивался водонакопитель: ставилась плотина, запруда, образовывавшие искусственный бассейн — *тоспа, айдын*. По мере накопления воду пускали в арык, ведущий к полю. Запруды для полива встречались в большинстве уездов, где необходимо было искусственное орошение: в возвышенной части Атбасарского уезда, в Тургайском уезде на родниках и ручьях, текущих с Тургайского плато, на Мангышлаке, в Сырдарьинской области и Семиречье. В горном районе Усть-Каменогорского уезда чуть не каждое хозяйство имело возле зимовки свой арык из запруды, устроенной на ключе. Вода за ночь наполняла искусственный водоем, а днем ею поливали посевы [41]. Могли быть и бо́льшие сроки накопления воды, например в Павлодарском уезде.

На юге Чимкентского уезда отдельные хозяйства пользовались для пуска воды из запруды специальными глиняными трубами диаметром 2—4 вершка. Трубы закладывались внутрь плотины на уровне дна водое-

---

[36] Материалы по обследованию... Семипалатинской области, Зайсанский уезд, с. 135.

[37] Там же, с. 137.

[38] *Потанин Г. Н.* Зимняя поездка на озеро Зайсан. — Записки Русского географического общества по общей географии, т. I. Спб., 1865, с. 444.

[39] Материалы по обследованию... Семиреченской области, Капальский уезд, с. 74.

[40] *Дингельштедт Н.* Указ. соч., т. I, с. 237—238.

[41] Материалы по киргизскому землепользованию... Семипалатинская область, Усть-Каменогорский уезд, с. 14.

ма и выходили наружу к арыку, отводящему воду на поля [42]. Иногда маловодные источники соединяли вместе, чтобы получить достаточное количество воды. В Джаркентском уезде, например, несколько ключей выводили в одно искусственное русло, которое служило выводным арыком *тоған* (тоган), или проводили через несколько ключей или речек канал, который питался их водой на всем протяжении [43].

Оросительные системы, состоящие из одного канала, нередки были на речках, имеющих невысокие берега и достаточно быстрое течение. В Лепсинском уезде каждое хозяйство, занимавшееся земледелием, вело арык из р. Карасу на свое поле [44]. Так же пользовались водой рек Каратал, Тентек и Биже в Капальском уезде [45]. Но из источников с достаточным количеством воды обычно выводили оросительную сеть, состоявшую из магистрального арыка (тоган, бас-арык) с большими ответвлениями— *кол-арық* (кол-арык), подводящими воду непосредственно к пашням. Более сложные системы с боковыми разветвлениями арыков были редки. Например, в Зайсанском уезде уже упоминавшийся арык Кара-тоган, орошавший пашни 375 хозяйств, имел 12 ответвлений (их называли тоган), из которых 4 также имели отводы. Крупные оросительные системы имелись в долине Сырдарьи (Перовский и Казалинский уезды), а также в предгорных равнинах, богатых водой.

Основными орудиями строительства оросительной сети служили кетмень, лопата и ведра или мешки для оттаскивания грунта. В качестве строительного материала для различных водосборных и водорегулирующих сооружений казахи использовали подручный местный материал — землю, камень, хворост, камыш. Этим в основном определялись некоторые особенности устройства оросительных сооружений в разных областях.

Наиболее простое устройство имели каналы, отводившие воду от горных маловодных источников. Они были как бы продолжением русла. Если пашни располагались не в нижнем течении ручья, то русло немного выше пахотного участка перекрывали плотиной, и вся вода направлялась в головной канал. Так же поступали в низовьях рек, не имевших стока в более крупную реку или озеро. Например, в низовьях р. Бугунь (Чимкентский уезд) вся вода отводилась в головной арык, а продолжение русла реки служило для сброса излишних вод в годы высокого половодья и после окончания оросительного сезона [46]. В низовьях р. Или каналы выводили воду из отдельных рукавов реки, перекрывая их запрудой, множество рукавов в среднем течении р. Чу превращали в начало головных каналов [47].

---

[42] Материалы по киргизскому землепользованию... Сырдарьинская область, Чимкентский уезд, т. II, вып. II, с. 307—308.

[43] Материалы по обследованию... Семиреченской области, Джаркентский уезд, с. 56.

[44] Там же, Лепсинский уезд, с. 76.

[45] Там же, Капальский уезд, с. 38.

[46] Полевые записи Южно-Казахстанской (1968 г.) этнографической экспедиции.

[47] Об арычном земледелии. — Восточное обозрение. Спб., 1903, № 80.

Обычно канал отводился от реки открытым руслом. Это было удобно там, где много воды и уровень ее в реке меняется незначительно. Если в одном месте забирали из реки воду двумя или тремя каналами, то следили, чтобы эти каналы были одинакового сечения [48]. Для регулирования поступления воды в головной канал чаще всего делали плотины и заграждения в русле реки. В горных речках Верненского уезда устраивали каменные заграждения, пересекающие струю воды под острым углом. Такими же были устройства головных частей каналов в Аулие-Атинском и Чимкентском уездах.

Большого труда и профессиональных навыков требовало выведение арыков из некоторых крупных горных рек, проходивших через глубокие ущелья. Здесь в удобном для отвода месте сооружалась продольная дамба из камня и хвороста, отделяющая часть потока. Постепенно русло канала повышалось над уровнем потока воды в реке и в удобном месте отводилось к полям. Для защиты дамбы от размыва употребляли сипайные шпоры — деревянные треножники из бревен, заплетенные внизу хворостом и забитые камнем [49]. Такого рода сооружения имелись в южной части Чимкентского и Аулие-Атинского уездов. В других уездах Сырдарьинской области использовали для укрепления дамб и плотин фашины — *қарабура* (карабура) — связки хвороста и камыша, «начиненные» дерном, галькой, землей. Они достигали 1 сажени в диаметре и 3 сажен в длину. Фашины связывали жгутами из того же камыша или хвороста и спускали в воду у основания плотины [50].

Размеры плотины (ее высота) определялись потребностями в воде. Излишняя вода свободно утекала выше плотины.

Плотины в степных районах строили из земли и хвороста. Так, плотины на р. Токраун в Каркаралинском уезде, имевшей высокие обрывистые берега и поэтому требовавшей для отвода ее воды подпора водной струи, делались высотой до 1 сажени. Складывались они из двух ивовых плетней, поставленных параллельно, промежуток между ними забивали кладкой из камня и дерна [51].

Вывод воды из степных равнинных рек осложнялся тем, что летом уровень воды в них резко падал и приходилось проводить дополнительные работы, чтобы доставить воду к посевам. В той же реке Токраун русло в засушливое время мелело настолько, что вода переставала поступать в каналы. Тогда казахи-земледельцы чистили русло реки выше своих плотин или выкапывали канаву в 2—2,5 сажени глубиной, выводя наружу подземное течение реки. Длина канав в русле достигала двух верст [52].

---

[48] Материалы по киргизскому землепользованию... Семипалатинская область, Усть-Каменогорский уезд, с. 74.

[49] Полевые записи Чимкентской (1968 г.) этнографической экспедиции.

[50] *Дингельштедт Н. Н.* Указ. соч., т. I, с. 203—204.

[51] Об арычном земледелии в Каркаралинском уезде. — Восточное обозрение. Спб., 1903, № 80.

[52] Там же.

Строительство оросительных систем требовало значительных навыков. Трудности представляло не только устройство головных сооружений водозабора, но и выбор места для ложа канала, и преодоление препятствий, создаваемых рельефом местности (особенно в горных районах и на холмистых равнинах).

Работа по сооружению канала начиналась с определения мест отвода от магистральной линии. Отсюда начинали копать по направлению к избранному для головы канала месту. Это делалось для того, чтобы не мешали грунтовые воды, которые спускали по первому отводу. Затем находили удобные водоспуски для второго и третьего отводов и только тогда, когда ложе канала уходило далеко от реки, вели канал вниз по его будущему течению[53]. Такая последовательность работ была необходима, разумеется, лишь при сооружении крупных систем.

При определении пути канала для установления уклона проводили небольшую канавку и пускали по ней воду, а затем расширяли и углубляли ее. Иногда пользовались примитивным нивелиром в виде чашки с водой или деревянного желоба, также наполненного водой. Ложе будущего канала намечали кольями, между ними натягивали шнурок и прикладывали чашку или желоб с водой, определяя уклон[54].

В горных районах арыки часто проходили по пересеченной местности. При выходе из гор арык проводили по своеобразному акведуку из массивного камня, иногда приходилось пробивать туннель в горной породе (арык Карабура, Аулие-Атинский уезд)[55]. В Верненском, Аулие-Атинском, Чимкентском уездах арыки иногда переводились через другие каналы, лога, овраги. Для этого устраивали искусственные ложа — акведуки. Чаще всего их делали из досок или брали цельные выдолбленные колоды *тірнау* (тырнау). Иногда укладывали на перекинутые через овраг слеги или балки хворост, дерн и землю и устраивали корытообразное ложе для бегущей воды[56]. Если ущелье было широким, под акведуки ставили сваи или козлы. Один из крупных акведуков до сих пор действует в Ленгерском районе Чимкентской области (бывший Чимкентский уезд). Он ведет воду через глубокий лог, где течет р. Аксу. В начале XX в. этот акведук представлял собой деревянный желоб шириной в 1 аршин и длиной 218 аршин, проходящий над рекой на высоте 24 аршин. Для него был построен трехъярусный настил на сваях[57].

В низменных местах и на равнинах для ложа арыков нередко приходилось делать невысокие насыпные дамбы из грунта. Для закрепления берегов канала их обсаживали деревьями, которые к тому же сокращали испарение воды. Реже берега канала укрепляли хворостом или фа-

---

[53] *Дингельштедт Н. Н.* Указ. соч., т. I, с. 202.

[54] Там же, с. 201.

[55] *Гаврилов Н.* Переселенческое дело в Туркестанском крае. Спб., 1911, с. 261.

[56] *Дингельштедт Н. Н.* Указ. соч., т. I, с. 202; Материалы по обследованию... Семиреченской области, Верненский уезд, с. 251.

[57] Полевые записи Чимкентской (1968 г.) этнографической экспедиции; *Дингельштедт Н. Н.* Указ. соч., т. II, с. 317.

шинами, обкладывали дерном или камнем (Сырдарьинская область) [58].

Отвод воды из магистрального канала в боковые устраивался очень просто. Если воды было много, обходились без особых водоотводных сооружений. Следили лишь за тем, чтобы отводные каналы были одинакового сечения или площадь сечения была рассчитана на размер орошаемой площади. Поперек русла ставили плотины. Для небольших систем они нередко были временными, их насыпали из земли и подпирали кольями. В предгорьях использовали камень, по мере надобности запирая воду. Иногда водоотделителем служила доска, которая задерживала часть струи и направляла ее в боковой арык, излишняя вода переливалась дальше [59]. Водомерных сооружений казахи не знали, деревянные водомерные окна на отводах из магистрального канала встречались крайне редко, только в Семиречье. Количество воды, которое должно было поступать в тот или иной канал, а также на поля отдельных хозяев, обычно определяли по времени, прикидывали «на глазок», исходя из площади сечения канала. Воды из многоводных горных речек на полив, как правило, хватало, а в степных районах водные ресурсы колебались из года в год и в течение летнего сезона в зависимости от погоды. Поэтому здесь нередко весной казахи, определяя размеры своих пашен, прикидывали возможное поступление воды в данных погодных условиях.

Термин *«құлақ»* (кулак), который служил для обозначения количества воды, поступившей из канала, не определял меры, так как объем воды в кулаке в разных районах Казахстана оказывался разным. Чаще всего кулак понимали как количество воды, которое поступало на поле в течение одной очереди. Иногда кулак понимали как количество воды для полива определенной площади под какой-нибудь культурой, например, площади посева полпуда пшеницы [60], или для полива 1 десятины [61]. В Капальском уезде одно из значений кулак — нормальная поливная очередь. Чтобы определить количество кулак в арыке, возле него выкапывали яму определенной вместимости и заливали водой. Размер кулак оценивался и сечением канала, но при этом размеры не только в разных районах, но даже в общинах одного уезда оказывались разными. Так, в Майликентской волости Чимкентского уезда размеры сечения арыка, которые приравнивались к одному кулак, колебались от 0,5×0,25 до 1×0,5 аршина, в Зайсанском уезде — от 0,5×0,25 до 0,75×0,25 аршина [62]. В Верненском уезде за кулак принималось количество воды, с которым может управиться один человек при поливе. Число одновременно поливающих хозяев приравнивалось к числу кулак в данном арыке. Одним кулак могли поливать от 0,5 до 6 дес. в сутки [63].

---

[58] Полевые записи Чимкентской (1968 г.) этнографической экспедиции; *Дингельштедт Н. Н.* Указ. соч., т. I, с. 206—207.

[59] *Гинс А.* Современное водное хозяйство в Туркестанском крае. — Вопросы колонизации. Спб., 1910, кн. 6, с. 75.

[60] Материалы по обследованию... Семиреченской области, Лепсинский уезд, с. 365.

[61] Там же, Капальский уезд, с. 124.

[62] Там же, Зайсанский уезд, с. 140.

[63] Там же, Верненский уезд, с. 253.

В некоторых случаях применялся способ измерения воды по высоте лошади: пол-лошади, если вода в арыке по брюхо лошади, четверть лошади, если вода по колено лошади, и т. д. [64]

Помимо обычной самотечной системы регулярного орошения казахи местами пользовались особыми системами. По левому берегу Сырдарьи существовала бассейновая система водосбора: воду на поля вели из 2—3 полуискусственных озер, соединенных между собой искусственными протоками. Озера наполнялись водой в период половодья Сырдарьи. Их ограждали плотинами, предотвращающими прорыв весенней воды прямо на поля и поддерживавшими высокой уровень воды в озерах [65].

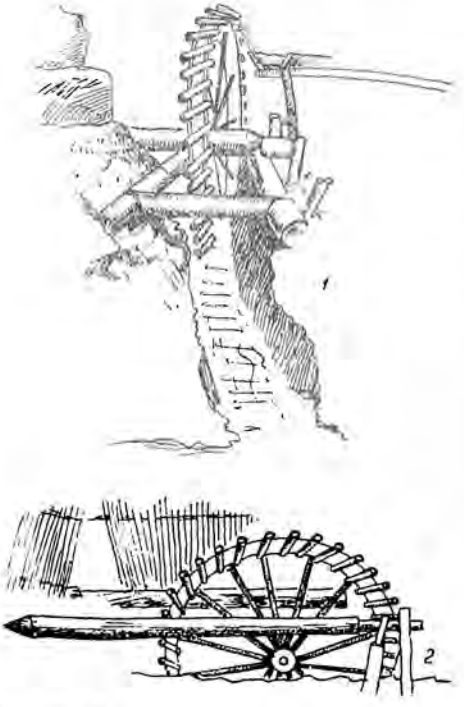


Рис. 27. Водочерпальное колесо чигиря — *тогын* (тогын): *1* — общий вид, *2* — вид сбоку

Кяризное орошение было весьма ограничено. Оно встречалось в северо-западной части Чимкентского уезда, у южного подножья Каратау (возле Туркестана и Саурана). К концу XIX в. здесь было около 80 кяризов. Одна из кяризных систем в местности Майдан-тал состояла из 16 больших колодцев, соединенных подземными галереями. Позднее кяризы превратили в открытые водосборные галереи [66]. Такая же система существовала в Таласской волости Аулие-Атинского уезда: подземный водосборный канал достигал здесь протяженности почти 3 км, и через каждые 20—30 м на его пути были вырыты колодцы до 6—7 м глубиной [67].

Во многих районах Казахстана наряду с самотечной арычной системой практиковалось орошение с помощью водоподъемных сооружений. Одним из самых древних и примитивных способов подъема воды были ручные черпаки *атпа*. Они представляли собой треножник из жердей, устанавливаемый над водоемом, к которому подвешивался деревянный

---

[64] Материалы по обследованию... Семиреченской области, Верненский уезд, с. 231.
[65] Полевые записи Чимкентской (1968 г.) этнографической экспедиции.
[66] Там же; *Дингельштедт Н. Н.* Указ. соч., т. II, ч. III, с. 288.
[67] Полевые записи Джамбулской (1959 г.) этнографической экспедиции.

черпак с длинной рукоятью. Им забирали воду и выплескивали в арык, ведущий в поле. В конце XIX в. атпа в очень незначительной степени использовалась беднейшими земледельцами в Тургайском, Иргизском, Темирском уездах, на Мангышлаке и в Прибалхашье.

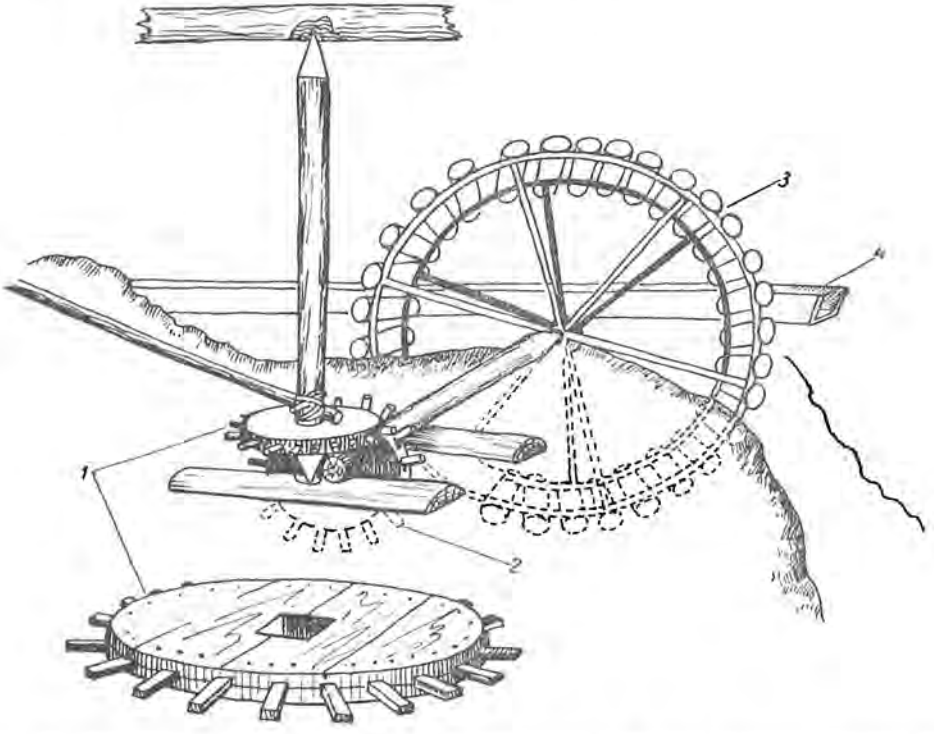


Рис. 28. Вертикальный разрез чигиря: *1* — ведущее зубчатое колесо — *үстіңгі тоғын* (устинги тогын); *2* — ведомое зубчатое колесо — *астыңғы тоғын* (астынгы тогын); *3* — водочерпальное колесо — *тоғын* (тогын); *4* — сливной желоб — *наша*

Обычным водоподъемным сооружением были чигири — *шығыр* (шыгыр) (на юге Чимкентского уезда — *шарқы палек* (шарки палек) — деревянные колеса до 5 и более метров в диаметре, по ободу которых с определенным наклоном прикреплялись ведра, чаще деревянные, иногда кожаные (рис. 27, 28). Колеса делали из древесины, которая поддавалась сгибанию. Обод связывали из двух и более кусков дерева. Колеса, которые составляли систему зубчатого сцепления для вращения вала, делали из джиды и других твердых пород дерева. Чигири приводили в движение силой животных — вола, верблюда или осла. Они поднимали воду степных рек с глубоким руслом, где для выведения воды на поля

пришлось бы вести очень длинные каналы из озер, искусственных водохранилищ, собирающих весеннюю снеговую и паводковую воду. Обычно, когда чигири ставили на большой реке или озере, для них возле берега выкапывали большую яму, соединенную каналом с рекой. Вода из ведер чигиря выливалась в наклонно установленный деревянный желоб, который направлял воду прямо в арык или в водосборный бассейн. Если воду приходилось поднимать на большую высоту, то ставили ярусами два и даже три чигиря.

Чигирное орошение было распространено в южной части Чимкентского уезда на Сырдарье. Здесь наряду с чигирями, которые приводились в действие животными, начали ставить и чигири, движимые силой водного потока (рис. 29, 30). Довольно распространенными были чигири в Перовском и Казалинском уездах. Их применяли для забора воды из Сырдарьи. В 1912 г. в Перовском уезде насчитывалось 190 чигирей, в Казалинском — 309 [68]. Но удельный вес чигирного орошения здесь невелик, производительность чигирей была низкой, с их помощью можно было орошать лишь небольшие участки. Значительную долю в ирригационном хозяйстве чигирное орошение составляло в Тургайском уезде — по всему течению р. Тургай и некоторым ее притокам [69], в Иргизском по низовьям Тургая и по р. Иргиз [70]. На Мангышлаке чигирями поднимали воду из искусственных колодцев и глубоких водосборных галерей, вскрывавших грунтовые воды. Чигири применялись также в Атбасарском уезде по рекам Терсинке, Кенгиру, Сарысу [71], в Акмолинском — на р. Нуре и оз. Кургальджинском [72]. Пользовались чигирями, хотя значительно меньше, в Капальском уезде — в низовьях р. Каратал и на озере Аккуль [73], в низовьях рек Или (Верненский уезд) и Чу (Аулие-Атинский уезд).

На казахских пашнях практиковалось в основном три способа полива: напуском (редко), затоплением и по бороздам. Орошение напуском, при котором поле заливалось струей воды из источника (арыка или просто ручья), требовало обилия воды и было нерациональным. Изредка его использовали в предгорьях на маленьких участках пашен, орошаемых горным ручьем или ключом, причем нередко просто заваливали землей сток ручья, и вода разливалась по пашне. Из подводящего арыка вода широкой струей заливала орошаемый участок поля. В горных районах на участок направлялся ток воды из ручья. Но обычно вдоль поля или через него проводилась распределительная канавка, которую наполняли водой из арыка, а из нее воду пускали на поле в нескольких местах одновременно. Если канавку проводили через поле по уклону,

---

[68] Обзор Сырдарьинской области за 1912 г. Ташкент, 1914, с. 38.

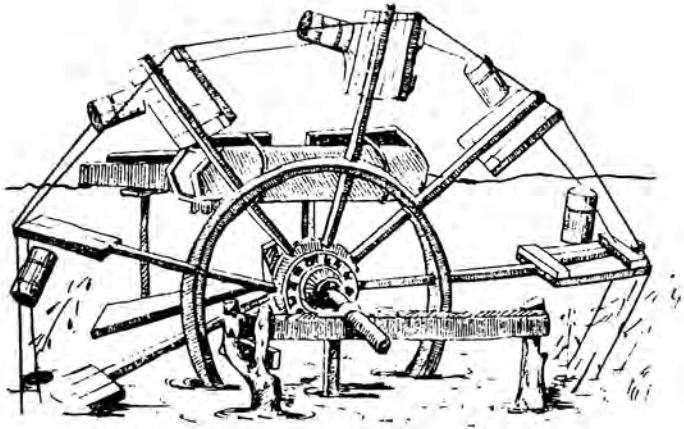
[69] Полевые записи Актюбинско-Кустанайской (1956 г.) этнографической экспедиции; *Юдин П. А.* Киргизы. — Оренбургские губернские ведомости, 1890, № 51; *Карилдин Б.* Земледелие в Тургайском уезде. — Тургайская газета, 1902, № 6.

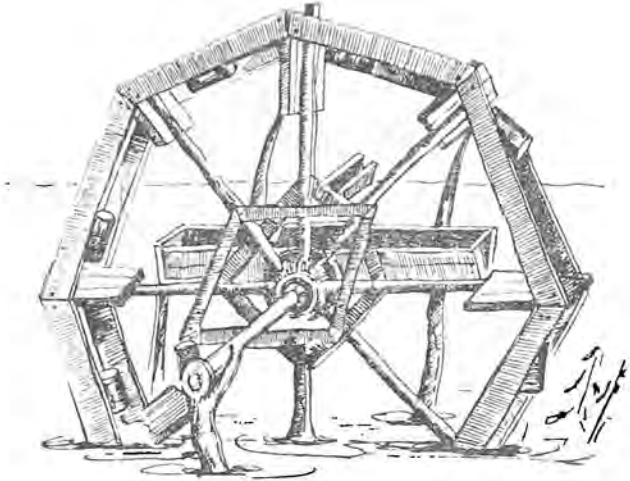
[70] Полевые записи Актюбинско-Кустанайской (1956 г.) этнографической экспедиции.

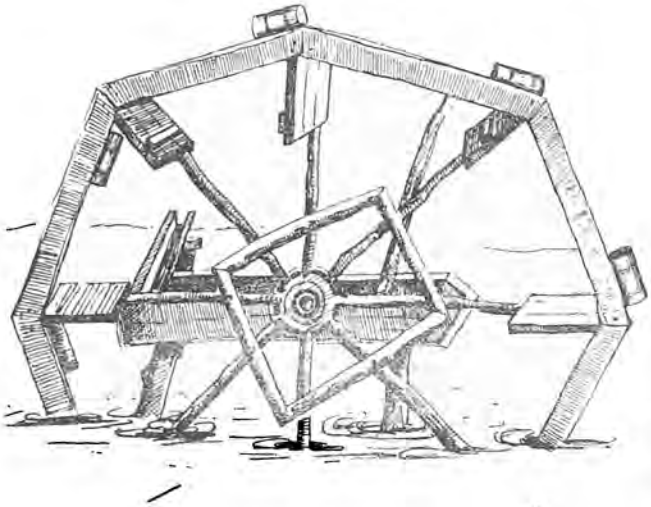
[71] Там же.

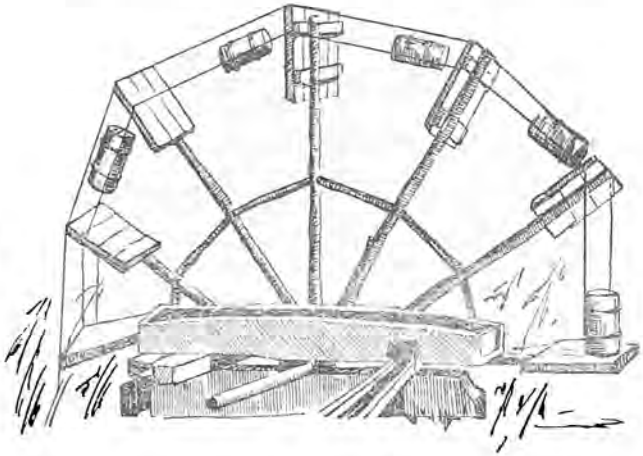
[72] Там же.

[73] Материалы по обследованию... Семиреченской области, Капальский уезд, с. 7.









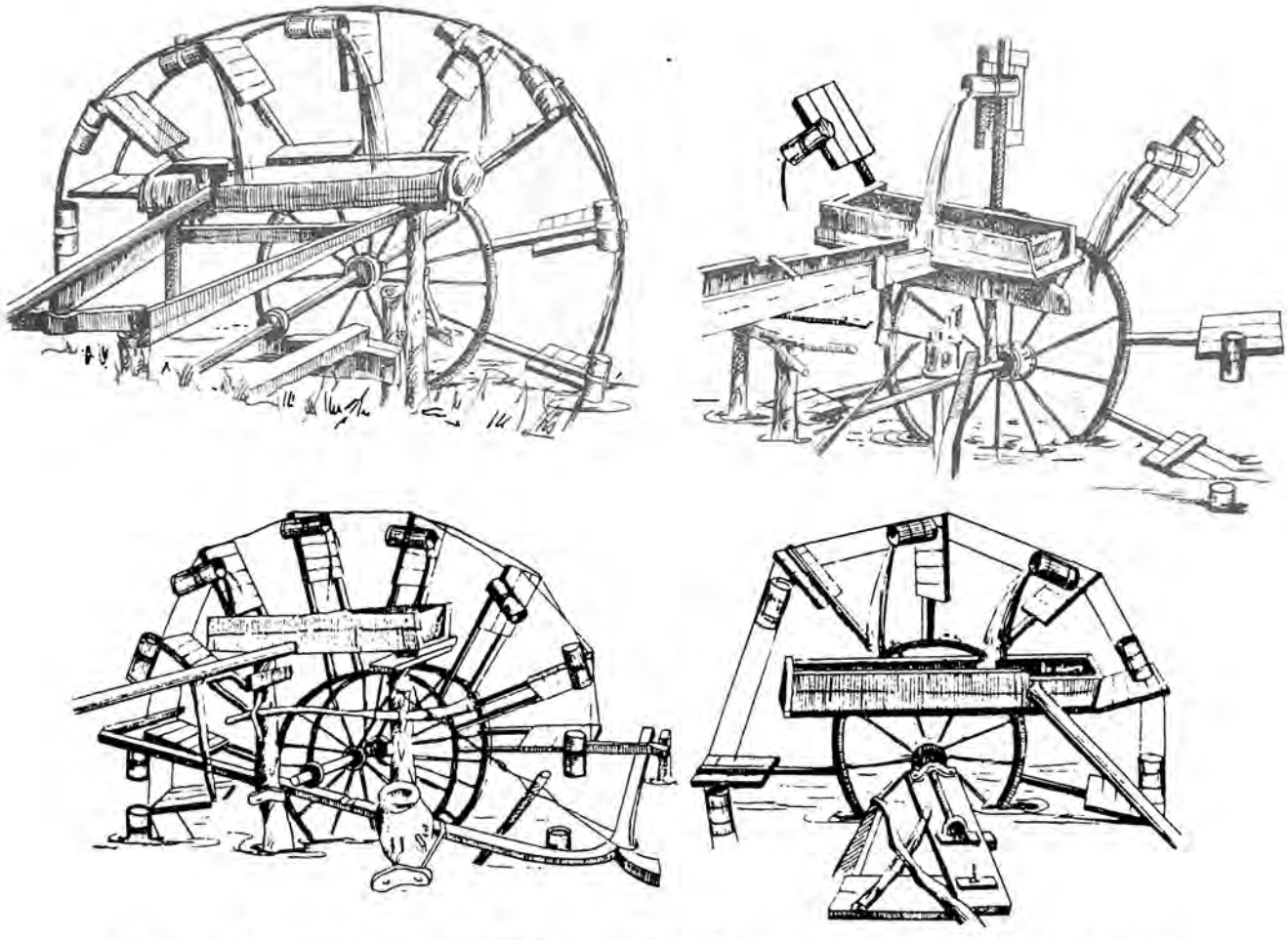


Рис. 29—30. Типы чигирей, приводимых в движение силой водного потока, — *су шыгыр* (су шыгыр)

ее постепенно запруживали, начиная с верхнего участка. Когда вода затопляла участок, запруду переносили ниже, на следующий [74].

Значительно шире было распространено затопление. Поле заранее разбивалось на небольшие участки — *атыз* (в Вост. Казахстане — *тілік*, тлик) [75], которые ограждали невысокими валиками. Вода, подведенная из арыка, затопляла ближайший участок, а когда поливающий определял, что участок достаточно напитался водой, пускали воду на второй участок и т. д. Затопление практиковали в Чимкентском, Аулие-Атинском, Зайсанском, Усть-Каменогорском, Каркаралинском уездах. Этот способ полива был здесь не единственным, но преобладающим.

В Семиречье — Верненском, Джаркентском, Капальском и Лепсинском уездах — преобладал полив бороздами. Борозды ежегодно перед началом полива проводили на участке плугом или сохой в направлении, перпендикулярном общему уклону местности. Иногда продольные борозды соединялись поперечными. При поливе нижние концы борозд запруживались, и вода, постепенно заполняя борозды, просачивалась в почву. Если воды было немного, ее пускали в борозды постепенно, сначала в верхнюю по арыку, затем в следующую и т. д.

3. КАЗАХСКОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР

Разнообразие природно-климатических и почвенных условий на обширной территории Казахстана обусловило значительные отличия в степени развития казахского земледелия. Его уровень на рубеже XIX—XX вв. существенно изменился: росло число хозяйств, занимавшихся хлебопашеством, размах посевов в целом, величина запашки на 1 сеющее хозяйство.

Усиление имущественного неравенства в казахском ауле, пауперизация массы общинников, лишавшихся скота, массовое изъятие земель самодержавием вынуждало полукочевых и кочевых скотоводов переходить к оседлости, полуоседлости и земледелию. Развитие товарно-денежных отношений в ауле, связи с рынком придали земледелию товарный характер, стимулировали развитие земледелия не только среди бедноты, но и среди состоятельных скотоводов, баев. Значительную роль в распространении земледелия сыграло влияние русско-украинского переселенческого крестьянства.

Земледелие на территории Казахстана распространялось в различных областях и уездах неодинаково.

---

[74] Материалы по обследованию... Семиреченской области, Капальский уезд, с. 23; Материалы по киргизскому землепользованию... Усть-Каменогорский уезд, с. 70, 160.

[75] Материалы по киргизскому землепользованию... Семипалатинская область, Усть-Каменогорский уезд, с. 160.

К 1882 г. под посевами у казахов Семиреченской области находилось 60 тыс. дес.[1], в 1898 г. — 153 713 дес.[2], а в 1908—1910 гг. уже 268 739 дес.[3] Таким образом, за четверть века размеры посевных площадей у казахов выросли почти в 4,5 раза. Не менее показательны данные, скажем, по Семипалатинской области: в 1885 г. казахами засевалось здесь 12 543 дес., а в 1906 г. — 106 867 дес.[4], т. е. в 8,8 раза больше. По Тургайской области в конце XIX в. размеры казахских посевов составляли 161 720 дес., в 1907—1909 гг. они достигли 319 106 дес., т. е. увеличились в 2 раза[5]. В Уральской области в конце 90-х гг. XIX в. казахи засевали 62 520 дес. земли, в 1908 г. — 171 159 дес.[6]

Несколько меньшими темпами развивалось земледелие в Акмолинской области, особенно в ее северных, наиболее благоприятных для хлебопашества уездах. За 10—12 лет посевы здесь увеличились с 45 825 до 69 078 дес.[7]

Такой слабый прирост посевных площадей у коренного населения объясняется прежде всего тем, что здесь особенно широко шло изъятие земель царской администрацией. По данным начала 1906 г., из землепользования казахских общин в области было изъято 3 183 350 дес. наиболее пригодной для возделывания земли[8]. Казахские аулы должны были передвинуться в южную часть области, в сухие степи, где было возможно лишь поливное земледелие на весьма ограниченных площадях. Сыграло свою роль и то, что земледелие у казахов на севере Акмолинской области не имело длительных традиций[9].

---

[1] *Шкапский О. А.* Переселенцы-самовольцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. Спб., 1906, с. 91.

[2] Обзор Семиреченской области за 1901 г. Верный, 1902, с. 9.

[3] Обзор Семиреченской области за 1908 г. Верный, 1910; Материалы по обследованию... Капальский уезд. Спб., 1913; Джаркентский уезд. Спб., 1912; Лепсинский уезд. Спб., 1911; Верненский уезд. Спб., 1913. (Подсчет наш. — *В. В.*)

[4] Обзор Семипалатинской области за 1906 г. Семипалатинск, 1907, с. 12.

[5] Материалы по киргизскому землепользованию... Тургайская область, Кустанайский уезд. Воронеж, 1903; Актюбинский уезд. Воронеж, 1903; Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района, Тургайский уезд. Оренбург, 1911; Кустанайский уезд. Оренбург, 1912; Иргизский уезд. Оренбург, 1913; Актюбинский уезд. Оренбург, 1912. (Подсчет наш. — *В. В.*)

[6] *Кранихфельд В. П.* Отрывки из путевого дневника. Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1892 г., с. 86; Материалы по киргизскому землепользованию... Уральский уезд. Оренбург, 1908, с. 80; Сборник статистических сведений о движении населения, скота и урожая с 1880 по 1922 г. Оренбург, 1925, с. 50—53.

[7] Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинская область, Атбасарский уезд. Воронеж, 1902; Материалы по земельному вопросу в Царской России, т. II. Спб., 1917, с. 217; Обзор Акмолинской области за 1914 год. Омск, 1915, табл. 5; Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинский уезд. Воронеж, 1902; Кокчетавский уезд. Воронеж, 1898; Киргизское хозяйство в Акмолинской области... Повторное обследование, т. I, Кокчетавский уезд. Спб., 1909; т. III, Петропавловский уезд. Спб., 1910; т. IV, Атбасарский уезд. Спб., 1910; т. V, Акмолинский уезд. Спб., 1910. (Подсчет наш. — *В. В.*)

[8] *Тресвятский В. А.* Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. II. Степной край. Пг., 1917, с. 98—99.

[9] Полевые записи Кокчетавско-Целиноградской (1966 г.) этнографической экспедиции.

Еще хуже обстояло дело в Букеевской орде. Из-за неблагоприятных почвенно-климатических условий на большей части территории Букеевской орды и из-за захвата лучших земель Уральским казачьим войском земледелие здесь в конце XIX в. находилось фактически в застойном состоянии: за период 1894—1900 гг. засевалось всего 3674 дес. [10]

В Мангышлакском уезде Закаспийской области в 1912 г. под посевами было занято всего 250 дес. [11]

В начале XX в. в Казахстане определились районы с развитым земледелием, носившим товарный характер и становившимся важной отраслью хозяйства, районы, где земледелие и скотоводство имели примерно одинаковое значение, и, наконец, районы, где земледелие носило подсобный характер к основному — скотоводческому хозяйству или вообще не имело места. Для их характеристики обратимся к данным статистики по уездам.

К первой группе могут быть отнесены Чимкентский и Аулие-Атинский уезды Сырдарьинской области. В Чимкентском уезде, при ограниченных свободных площадях, пригодных для поливного земледелия, с 1890 г. по1906—1908 гг. площадь посевов у казахов возросла более чем в 2,5 раза и достигла 216 000 дес., в соседнем Аулие-Атинском уезде — 158 733 дес. [12] В среднем на каждое сеющее хозяйство в Чимкентском уезде приходилось в 1906 г. 10,7 дес. посева.

Районом быстрого развития земледелия на юге являлся и Капальский уезд. В 1910 г. земледелием здесь занимались 81% казахских хозяйств. Только за два года (с 1908 по 1910) размер посевов увеличился в уезде в 4 раза и составил 126 909 дес., на одно сеющее хозяйство приходилось в среднем 2,3 дес. посева [13]. В Верненском же уезде земледелием занималось в 1911 г. 79,3% казахских хозяйств, а на одно сеющее хозяйство приходилось 4,4 дес. посева [14].

На северо-западе Казахстана очагами растущего земледелия, главным образом на богаре, стали Актюбинский и Кустанайский уезды Тургайской области. В Кустанайском уезде, например, еще в 1898—1899 гг. земледелием занималось 77,2% казахских хозяйств, засевавших 54 974 дес., на одно сеющее хозяйство здесь приходилось 3,6 дес. [15] А в 1910 г. земледелием в уезде было занято уже 88% казахских хозяйств, засевавших 107 440 дес., на одно сеющее хозяйство теперь приходилось

---

[10] ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 437, л. 39—40.

[11] *Ищенко М., Козыбеков И., Ларин И., Щелоков Б.* Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Исследование 1926 г., вып. VI. 1928, с. 182; ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 536, л. 136—185; Полевые материалы Мангышлакской (1957 г.) этнографической экспедиции.

[12] Материалы по киргизскому землепользованию... Сырдарьинская область, Чимкентский уезд. Ташкент, 1908; Аулие-Атинский уезд. Ташкент, 1911.

[13] Материалы по обследованию... Капальский уезд, с. 207.

[14] Там же, Верненский уезд, с. 113, 194, 208.

[15] Материалы по киргизскому землепользованию... Тургайская область, т. V, Кустанайский уезд. Воронеж, 1903, с. 113.

22,2 дес.[16] Это самый высокий средний показатель размеров посевов на одно казахское хозяйство во всем Казахстане. В Актюбинском уезде в 1898—1899 гг. земледелием занималось 95,4% казахских хозяйств, они обрабатывали 103 157 дес., на одно сеющее хозяйство приходилось 6,1 дес., к 1910 г. число сеющих хозяйств в уезде увеличилось незначительно, достигнув 96%, но площадь их посевов возросла до 190 811 дес., а на каждое сеющее хозяйство приходилось уже 11,1 дес. посева[17].

Около 75% казахских хозяйств занималось земледелием в Перовском уезде, хотя их посевы составляли в 1910 г. лишь 31 217 дес., а на одно сеющее хозяйство приходилось 2,15 дес. посева[18]. В условиях орошаемого земледелия и ограниченности в уезде земель, пригодных для полива, это достаточно высокий показатель. Близки по показателям к Перовскому уезду Лепсинский — 76,6% хозяйств, занятых земледелием, и Джаркентский — 78,5%[19].

Расширилось земледелие в Уральском и Темирском уездах Уральской области. Так, в Уральском уезде процент сеющих казахских хозяйств составлял в 1906 г. 85,1, на одно сеющее хозяйство приходилось в среднем 8,1 дес. посева, под посевами было занято 71 724 дес.[20] В Темирском уезде в 1908 г. сеяло 77,9% казахских хозяйств, на 1 сеющее хозяйство приходилось 3,9 дес. посева, всего в уезде было занято посевами 39 336 дес.[21]

Естественно, что в уездах в силу резких отличий в почвенно-климатических условиях процент казахов, занятых земледелием внутри уезда (в волостях тоже), резко разнился. В Верненском уезде, например, процент сеющих казахских хозяйств колебался по волостям от 9,4 до 97%, а размер посевов на одно сеющее хозяйство — от 1,4 до 4,4 дес.[22]

К группе районов, где земледелие играло в экономике примерно такую же роль, как скотоводство, можно отнести Павлодарский, Семипалатинский, Усть-Каменогорский, Зайсанский уезды. Хотя и здесь число хозяйств, занимавшихся в начале XX в. земледелием, превысило 60%, а в Зайсанском даже 70%, размеры посевов были сравнительно невелики, как и размеры посевов на одно сеющее хозяйство. Так, в Павлодарском уезде в 1910 г. под посевами было занято лишь 14 441 дес., а на одно сеющее хозяйство приходилось 2,1 дес. посева[23]. В условиях

---

[16] Материалы по киргизскому землепользованию... Тургайская область, Кустанайский уезд. Оренбург, 1912, с. 2.

[17] Там же (повт. обсл.), Актюбинский уезд. Оренбург, 1912, с. 2 и далее.

[18] Там же, Сырдарьинская область, Перовский уезд, с. 58.

[19] Материалы по обследованию... Лепсинский уезд, с. 352.

[20] Материалы по киргизскому землепользованию... Уральский уезд. Оренбург, 1909, с. 80.

[21] Сборник статистических сведений о движении населения, скота и урожая по КазАССР с 1880 по 1922 гг. Оренбург, 1925, с. 50—53.

[22] Материалы по обследованию... Верненский уезд, с. 226—229.

[23] Материалы по киргизскому землепользованию... Павлодарский уезд, с. 191—192.

обширной и удобной для богарного земледелия территории уезда это был низкий показатель.

В Зайсанском уезде в 1911 г. засевалось 22 507 дес., а на одно сеющее хозяйство приходилось 1,4 дес. посева [24]. Здесь были большие возможности для богарных посевов, но преобладало традиционное поливное земледелие, новых же поливных участков было немного.

Примерно таким же было положение в уездах Акмолинской области. Атбасарский уезд имел в 1897 г. 31% сеющих казахских хозяйств и 1,2 дес. посева на сеющее хозяйство, всего же посевов — 4892 дес. [25], а в 1907 г. доля сеющих хозяйств снизилась до 30,7% [26]. В Кокчетавском уезде в 1896 г. посевы имели 22,5% хозяйств с 2,1 дес. на одно сеющее хозяйство [27], а в 1907 г. размеры посевов в уезде тоже уменьшились [28].

Несколько лучше обстояло дело в Петропавловском уезде. Здесь в 1908 г. число сеющих хозяйств составляло 43,9% (в сравнении с 1901 г. их прирост увеличился более чем в 2 раза, прирост посевной площади — в 2,5 раза), но все посевы составляли лишь 15 419 дес. и 2,7 дес. посева на одно сеющее хозяйство [29].

Процент сеющих казахских хозяйств в Акмолинском уезде в 1896 г. составлял 61,5, на 1 сеющее хозяйство приходилось 2,5 дес., размер посевной площади достигал 29 036 дес., а к 1914 г. он сократился до 25 756 дес. [30] На близком с уездами Акмолинской области уровне находился Лбищенский уезд Уральской области, где в 1912 г. посевы имело 47% всех казахских хозяйств, засевавших 30 877 дес. Здесь на одно сеющее хозяйство приходилось 3,6 дес. [31]

К последней группе уездов, где земледелие хотя и получило развитие, но продолжало носить подсобный к скотоводческому хозяйству характер, относились Тургайский и Иргизский уезды Тургайской области, Букеевская орда, Мангышлакский уезд Закаспийской области, Гурьевский уезд Уральской области и Каркаралинский уезд Семипалатинской области.

В Букеевской орде и в Мангышлакском уезде казахское население занималось только скотоводством, участков земли, пригодных для земледелия, почти не было. То же следует сказать и о Гурьевском уезде.

В Каркаралинском уезде продолжали существовать очаги полив-

---

[24] Материалы по киргизскому землепользованию... Зайсанский уезд, с. 103.

[25] Там же, Акмолинская область, Атбасарский уезд, ст. XIII.

[26] *Румянцев П.* Киргизский народ в прошлом и настоящем. Спб., 1910, с. 37.

[27] Материалы по киргизскому землепользованию... Кокчетавский уезд. с. 140—142.

[28] Киргизское хозяйство в Акмолинской области, т. I, Кокчетавский уезд. Спб., 1909, с. 112.

[29] Там же, т. III, Петропавловский уезд. Спб., 1910, с. 104—105.

[30] Там же, т. V, Акмолинский уезд. Спб., 1907, с. 374—389. (Подсчет процентов наш. — *В. В.*); Обзор Акмолинской области за 1914 г. Омск, 1915, табл. 5.

[31] Материалы по киргизскому землепользованию... Лбищенский уезд, с. 6.

ного земледелия по речкам Чу, Токраун, Женишке, однако в очень небольших размерах. По данным 1901 г., в уезде у казахов было всего 908 дес. посевов, а в 1905 г. — 1315 дес. Число хозяйств, занимавшихся земледелием, в 1899 г. составляло 28,8%, в последующие годы оно несколько увеличилось, но в целом казахские хозяйства здесь оставались скотоводческими [32].

Таковы некоторые показатели развития казахского земледелия в конце XIX — начале XX в.

Развитие земледелия в казахском ауле шло не только по линии увеличения числа земледельцев, роста посевных площадей, но также и по пути изменения соотношения сельскохозяйственных культур в посевном клине.

Казахи-земледельцы возделывали разные зерновые и технические культуры — пшеницу, просо, рожь, ячмень, овес, рис, джугару, хлопок, коноплю и т. д. [33] Для выявления доли зерновых культур в посевах обратимся к конкретным материалам по уездам (см. таблицу 8).

В Аулие-Атинском уезде в 1879 г. было посеяно пшеницы — 165 697 четвертей (75% посевов), ячменя — 28 000, проса — 53 376 четвертей и снято соответственно 1 025 600, 225 200, 454 104 четвертей [34]. Кроме того, сеяли овес, лен, кукурузу, бахчевые, люцерну.

В 1907 г. на поливных землях [35] в уезде было засеяно пшеницей 84 550 дес., ячменем — 5980, просом — 40 990, овсом — 4480, бахчевыми — 690, кукурузой — 640, льном — 1050 дес. На богаре под пшеницей было занято 20 705 дес., под ячменем — 680, под просом — 130, под бахчевыми — 140 дес.

Хотя удельный вес пшеницы в посевах и снизился за счет проса, но она по-прежнему являлась здесь ведущей культурой, как и в Капальском уезде, где посевы ее в 1908 г. занимали 29 980 дес. Остальные же культуры составляли: рожь — 96 дес., ячмень — 100, овес — 2510, просо — 25, горох — 30, картофель — 133 дес. [36]

Несколько иной была картина в Верненском уезде. Здесь основной культурой являлось просо, затем — пшеница, овес и т. д. [37] Посевы на поливе и богаре в 1911 г. были таковы (в дес.) [38]: просо занимало 39,12% посевов (на поливе примерно в 10 раз больше, чем на богаре), пшеница — 28,68 (на поливе в 5 раз больше, чем на богаре), овес — 22,05%

---

[32] Памятная книжка Семипалатинской области за 1898 г. Семипалатинск, 1899, с. 18—19; Обзор Семипалатинской области за 1901 г. Семипалатинск, 1902; Материалы по киргизскому землепользованию... Семипалатинская область, Каркаралинский уезд. Таблицы.

[33] Полевые записи этнографических экспедиций 1955—1971 гг.

[34] Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Ташкент, 1892, с. 481—482; Полевые записи Южно-Казахстанской (1971 г.) этнографической экспедиции.

[35] Материалы по киргизскому землепользованию... Аулие-Атинский уезд. Таблицы.

[36] Обзор Семиреченской области за 1908 г. Ведомость № 4. Верный, 1910.

[37] Полевые записи Алма-Атинской и Талды-Курганской (1960—1964 гг.) этнографических экспедиций.

[38] Материалы по обследованию... Верненский уезд, с. 296—829.

Таблица 8

Распространение сельскохозяйственных культур *

Область, уезд	Год	На поливных землях, % к площади орошаемых посевов								% орошаемых посевов от общей площади	% посевов без полива от общей площади	На неполивных землях, % к площади посевов без полива						
		пшеница	просо	овес	ячмень	рожь	кукуруза	рис	бахчевые и прочие			пшеница	просо	овес	ячмень	рожь	кукуруза	бахчевые и прочие
Сырдарьинская																		
Аулие-Атинский	1907	61,0	30,7	3,2	4,30	—	0,3	—	0,5	87,0	13,0	95,7	0,4	0,3	3,1	—	—	0,5
Чимкентский	1908	75,0	21,0	1,0	2,00	—	0,8	—	0,2	75,0	25,0	86,0	7,0	4,0	3,0	—	—	—
Перовский	1910	30,2	41,6	—	—	—	—	23,6	4,6	76,0	24,0	72,0	3,1	—	10,2	—	4,0	10,7
Казалинский	1911	31,8	32,0	—	14,70	—	0,1	19,2	2,2	70,9	29,1	74,1	5,0	—	18,4	—	—	2,5
Семиреченская																		
Верненский	1911	27,7	41,1	23,0	5,00	0,05	—	—	3,2	90,7	9,3	52,4	23,3	19,4	1,1	1,1	2,7	—
Капальский	1900	31,9	45,6	19,4	0,20	0,20	—	—	2,7	88,3	11,7	40,4	33,4	13,0	12,8	—	0,4	—
Лепсинский	1909	41,9	45,1	12,9	0,10	—	—	—	—	61,0	39,0	40,1	42,0	10,5	7,4	—	—	—
Джаркентский	1910	39,5	16,2	14,4	29,90	—	—	—	—	83,8	16,2	69,7	2,3	1,8	25,9	0,3	—	—
Семипалатинская																		
Павлодарский	1910	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	73,3	13,6	12,8	—	—	—	0,3
Семипалатинский	1901	56,0	26,0	17,4	—	0,30	—	—	0,3	100,0	—	—	—	—	—	—	—	—
Каркаралинский	1905	93,5	2,0	3,0	1,00	—	—	—	0,5	100,0	—	—	—	—	—	—	—	—
Усть-Каменогорский	1911	31,8	37,4	27,9	2,90	—	—	—	—	45,0	55,0	56,4	7,2	30,4	6,0	—	—	—
Зайсанский	1911	40,2	30,3	26,1	2,80	—	—	—	0,9	96,6	3,4	71,8	7,3	20,1	0,8	—	—	—
Акмолинская																		
Атбасарский	1897	93,0	6,0	—	1,00	—	—	—	—	8,0	92,0	92,0	1,6	5,8	—	—	—	0,6
Акмолинский	1898	83,1	6,3	8,9	1,70	—	—	—	—	27,0	73,0	90,1	3,4	5,9	0,6	—	—	—
Петропавловский	1908	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	62,0	7,0	31,0	—	—	—	—
Кокчетавский	1907	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	64,0	—	35,0	1,0	—	—	—

Тургайская																		
Кустанайский	1910	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	60,0	17,6	21,9	0,5	—	—	—
Актюбинский	1910	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	23,5	69,0	5,3	2,2	—	—	—
Тургайский	1908	57,6	41,0	1,4	—	—	—	—	—	100,0	—	—	—	—	—	—	—	—
Иргизский	1911	10,5	88,3	1,2	—	—	—	—	—	100,0	—	—	—	—	—	—	—	—
Уральская																		
Уральский	1906	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	27,6	58,1	4,5	—	9,8	—	—
Лбищенский	1912	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	3,3	93,1	0,8	2,8	—	—	—
Темирский	1910	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	11,3	82,0	4,1	—	2,3	—	0,3
Гурьевский	1900	—	—	—	—	—	—	—	—	100,0	—	—	—	—	—	—	—	—
Букеевская орда	1899	79,7	4,0	3,0	—	13,00	0,3	—	—	100,0	—	—	—	—	—	—	—	—
Мангышлакский уезд	1912	64,0	44,0	—	10,0	—	4,0	—	—	100,0	—	—	—	—	—	—	—	—

* Таблица составлена по статистическим сведениям Переселенческого управления. Сырдарьинская область: Материалы по киргизскому землепользованию... Сырдарьинская область. Аулие-Атинский уезд, т. IV. Ташкент, 1911; Чимкентский уезд, т. II, Ташкент, 1910; Перовский уезд. Ташкент, 1911; Казалинский уезд. Ташкент, 1912. Семиреченская область: Материалы по обследованию хозяйства и землепользования киргиз Семиреченской области, Верненский уезд, т. IV. Спб., 1913; Капальский уезд, т. II. Спб., 1911; Лепсинский уезд, т. I. Спб., 1911; Джаркентский уезд, т. III. Спб., 1912. Семипалатинская область: Материалы по обследованию хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области, Павлодарский уезд, т. I, ч. II. Спб., 1913; Семипалатинский уезд, т. X. Спб., 1909; Каркаралинский уезд, т. VI. Спб., 1905; Усть-Каменогорский уезд, т. II. Спб., 1913; Зайсанский уезд, т. VIII. Спб., 1913. Акмолинская область: Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинская область, т. II. Атбасарский уезд. Воронеж. 1902; Акмолинский уезд, т. III. Воронеж, 1902; Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Петропавловский уезд, т. III. Спб., 1910; Кокчетавский уезд, т. I. Спб., 1909, Тургайская область. Кустанайский уезд. Оренбург, 1912; Актюбинский уезд. Оренбург, 1912; Тургайский уезд. Оренбург, 1911; Иргизский уезд. Оренбург, 1912. Уральская область: Материалы по киргизскому землепользованию... Уральская область. Уральский уезд. Оренбург, 1908; Лбищенский уезд. Оренбург, 1909; Темирский и Гурьевский уезды. Сборник статистических сведений о движении населения, скота, посевов, урожаев по Казахской АССР с 1880 по 1920 год. Оренбург, 1925. Букеевская орда. ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 9437. Мангышлакский уезд — *Ищенко М., Козыбеков И., Ларин И., Щелоков Б.* Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Вып. VI. М., 1928.

(почти целиком на богаре) (табл. 9). Все прочие зерновые (рожь, ячмень, кунак) сеяли в основном на поливе.

Таблица 9

Посевы	Пшеница	Рожь	Овес	Ячмень	Просо	Кунак	Прочие зерновые
На поливе	17 747,4	350,5	15 153,2	3 498,0	26 130,0	2 358,0	68,8
Без полива	3 427,3	42,7	1 119,1	1 087,3	2 806,3	34,2	17,2
Итого по уезду	21 174,7	393,2	16 272,3	4 586,8	28 936,0	2 393,0	68,1

Тенденция к росту посевов пшеницы, как основной культуры, совершенно очевидно обозначилась и в Кустанайском уезде. Здесь, по сведениям 1898—1899 гг., посевы пшеницы составляли 39 647 дес. (72,1%), овса — 7694 (14%), проса — 7204 (13%), огородных культур 429 дес. (0,9%). В 1910 г. посевы пшеницы занимали уже 64 465 дес. (60%), овса — 23 592 (21,9%), проса — 19 010 (1,76%) [39].

Хотя доля посевов пшеницы в 1910 г. снизилась, абсолютная площадь посевов возросла в 1,5 раза, снижение же это произошло за счет увеличения роли фуражной культуры — овса (с 14 до 21,9%) и проса (с 13,1 до 17,6%), сбыт которых в соседние уезды со слаборазвитым земледелием резко возрос.

В Актюбинском уезде в 1898—1899 гг. было засеяно пшеницей 13 315 дес. (12,9% посевной площади), просом — 83 750 (81,2%), овсом — 5888 дес. (5,7%). Под ячменем было занято 108 дес., под озимой рожью — 77, под подсолнухом и бахчевыми — 18 дес. [40] По данным повторного обследования (1910 г.), в уезде засевали пшеницей уже 44 965 дес. (23,5%), просом — 133 459 (69%) и овсом — 10 117 дес. (5,3%) [41]. Кроме того, 2270 дес. в уезде приходилось на ячмень, озимую рожь, подсолнухи и бахчевые. Здесь и в конце XIX в., и в начале XX в. преобладали посевы проса, но хотя пшеница занимала второе место, посевы ее возросли с 12,9 до 23,5%.

В Уральском уезде преобладающей культурой также являлось просо, что отражает таблица 10 [42].

Однако доля пшеницы в посевах Казахского края постепенно возрастала. Резко вырос удельный вес овса и ячменя, которые значатся в графе «прочие культуры». Сказались, очевидно, процесс перехода к

[39] Материалы по киргизскому землепользованию... Тургайская область, Кустанайский уезд. Воронеж, 1903, с. 113; Материалы по киргизскому землепользованию... Кустанайский уезд. Оренбург, 1912. (Подсчет процентов наш. — *В. В.*)

[40] Материалы по киргизскому землепользованию... Тургайская область, Актюбинский уезд. Воронеж, 1903, с. 28, 36 и др.

[41] Материалы по киргизскому землепользованию... Актюбинский уезд. Оренбург, 1912, с. 2 и далее.

[42] Сборник статистических сведений... Оренбург, 1925, с. 50—53.

оседлому и полуоседлому земледельческо-скотоводческому хозяйству и выросшие потребности рынка в фуражных культурах [43].

Таблица 10

Год	Площадь посева всех культур, дес.	Культуры							
		просо		пшеница		рожь озим.		проч.	
		дес.	%	дес.	%	дес.	%	дес	%
1880	400	—	—	310	77,5	—	—	90	22,5
1900	21 438	19 741	92,1	1 197	5,6	152	0,7	348	2,6
1910	68 558	56 209	82,0	7 722	11,2	1 615	2,3	2 808	4,1

По-своему характерна группа уездов, где земледелие и скотоводство занимали в экономике аула примерно равное место [44]. Статистических данных, например, по Казалинскому уезду на конец XIX в. нет, однако полевые материалы этнографических экспедиций свидетельствуют, что основной культурой здесь уже тогда была пшеница, затем шли просо, ячмень, рис, бахчевые, кукуруза, овес, кунак [45]. По сведениям же 1911 г., соотношение культур в посевах выглядело следующим образом [46]:

Посевы на поливе (в дес.) составляли: пшеница — 5982,6, ячмень — 2777,8, просо — 6149,6, кунак — 1,32, рис — 351,7, кукуруза — 25,9, джугара — 0,63, овес — 2,95, бахчевые — 382,7.

На неполивных землях пшеницей засевалось 6052,6 дес., ячменем — 1500,4, просом — 381,9, кунаком — 0,42, кукурузой — 1,11, овсом — 0,47, бахчевыми — 167,5 дес.

Любопытно, что посевы пшеницы на поливе и без него были почти одинаковыми, просо же — почти целиком на поливе, ячмень и бахчевые — в основном (две трети) на поливе [47].

В конце XIX и особенно в начале XX в. в уезде стали выращивать рис, в 1910—1911 гг. посевы риса уже достигли 351,7 дес. [48]

В Павлодарском уезде существовало лишь богарное земледелие. Здесь преобладали посевы яровой пшеницы (озимых культур не сеяли), затем шли просо и овес.

За 1901—1910 гг. движение посевов по уезду было таково [49]: пшеница яровая — 2435 дес. (66,6%) — 10 638 дес. (73,3%), овес — 543 (21,6) — 1848 (12,8); просо — 674 дес (18,4%) — 1950 дес. (13,6%).

Во всех остальных уездах Семипалатинской области в конце XIX —

---

[43] Полевые записи Западно-Казахстанской (1960 г.) этнографической экспедиции.
[44] Материалы по киргизскому землепользованию... Казалинский уезд, с. 60.
[45] Полевые записи Кзыл-Ординской (1958 г.) этнографической экспедиции.
[46] Материалы по киргизскому землепользованию... Казалинский уезд, с. 39.
[47] Там же, с. 214—215.
[48] Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края за 1915 г. Ташкент, 1916, с. 6—7.
[49] Обзор Семипалатинской области за 1901 г. Семипалатинск, 1902. Ведомость о посевах.

начале XX в. ведущей культурой являлась пшеница, в некоторых уездах просо, в других на смену ему пришел овес [50].

В Атбасарском уезде соседней Акмолинской области в конце XIX в. доля пшеницы в посевах составляла 92%, овса — 5,5, ячменя — 0,7% [51]. Это соотношение сохранялось и в начале XX в. [52] Примерно так же обстояло дело и в Акмолинском уезде: удельный вес пшеницы в посевах достигал 77%. Преобладала пшеница в Петропавловском и Кокчетавском уездах, в первом ее доля поднялась до 62% посевов в 1908 г., в Кокчетавском — до 64% в 1907 г. [53]

В Лбищенском уезде Уральской области основной культурой являлось просо. В 1912 г. под пшеницей здесь было занято 1024 дес., или 3,3%, под просом — 28 524, или 93,1%, под овсом — 269 или 0,8%, под другими зерновыми (рожь, ячмень) — 850 дес., или 2,7% [54]. Крайне неблагоприятные почвенно-климатические условия уезда, отсутствие водных источников, пригодных для орошения посевов, определили господствующее положение проса, как засухоустойчивой и неприхотливой культуры.

Несколько слов о группе уездов, где земледелие носило подсобный характер. Здесь ситуация была довольно своеобразной. В Каркаралинском уезде в 1901 г. из 908 дес. посевов под пшеницей было занято 823, под просом — 62, под овсом — 23 дес. [55], спустя 4 года из 1315 дес. посева под пшеницей было 1239 дес. (93,5%), под овсом — 38 дес. (3%), под просом — 23 дес. (2,0%), под ячменем — 11 дес. (1,0%) [56]. Таким образом, прирост шел за счет посевов пшеницы и уменьшения доли проса. В Тургайском же уезде положение существенно отличалось. В 1887 г. здесь было собрано проса 27 249 четвертей, пшеницы — 13 108, овса — 700, ячменя — 139 четвертей [57]. А по данным 1908 г., под пшеницей было занято 3323 дес. (57,6%), под просом — 2362 дес. (41%), под овсом и другими культурами — 76 дес. (1,4% посевной площади уезда) [58]. Следовательно, просо было оттеснено на второе место, а пшеница стала преобладающей культурой.

В Иргизском же уезде в 1882 г. посевов пшеницы вообще не было, в 1911 г. они составили 10,5%, но ведущей культурой оставалось просо

---

[50] Обзор Семипалатинской области за 1901 г. Семипалатинск, 1902. Ведомость о посевах.

[51] Материалы по киргизскому землепользованию... Атбасарский уезд, т. II. Воронеж, 1902, с. XIII. (Подсчет процентов наш. — *В. В.*)

[52] Обзор Акмолинской области за 1914 г. Омск, 1915, табл. 5.

[53] Киргизское хозяйство в Акмолинской области, т. I, Кокчетавский уезд. Спб., 1910, с. 112.

[54] Материалы по киргизскому землепользованию... Лбищенский уезд, с. 6. (Подсчет процентов наш. — *В. В.*)

[55] Обзор Семипалатинской области за 1902 г. Семипалатинск, 1902. Ведомость о посевах.

[56] Материалы по обследованию... Каркаралинский уезд. Таблицы.

[57] ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 2121, л. 28—29.

[58] Материалы по киргизскому землепользованию... Тургайский уезд. Оренбург, 1911, с. 16 и далее. (Подсчет наш. — *В. В.*)

— 88,3%, овес и другие культуры занимали 1,2% всей площади посевов[59].

В Букеевской орде в 1894 г. посевы пшеницы составляли 3385 дес. (92%), ржи — 220 дес. (6%), овса — 15 дес. (0,5%), проса — 54 дес. (1,5%), кроме того, 220 дес. озимой ржи[60]. В 1899 г. посевы пшеницы несколько уменьшились (80%), возросли посевы ржи (13%), проса (4%), овса (3%)[61].

Сведений на начало XX в. по уезду нет, но есть основания полагать, что соотношение культур, как и размеры посевов, почти не изменилось.

На Мангышлаке в 1912 г. посевы пшеницы, причем озимой, составили 110 дес., сеяли здесь также просо — 105, джугару — 10 и ячмень — 25 дес.[62]

Таким образом, на основе постепенного развития земледелия в казахском ауле в начале XX в. отчетливо определилась тенденция к изменению доли посевов разных зерновых культур.

Быстрое развитие земледелия среди казахского населения, в том числе на богаре, освоение новых сельскохозяйственных орудий и приемов обработки почвы содействовали тому, что все большее место в казахских посевах стала занимать пшеница, меньшее — просо. В первом десятилетии XX в. пшеница заняла ведущее место в посевах казахов-земледельцев в 20 из 26 уездов, просо же продолжало занимать основное место лишь в Актюбинском, Иргизском и Верненском уездах.

Изменилось значение таких культур, как ячмень и овес. Переход части казахских общин к полуоседлости и оседлости, спрос на фураж на рынке привели к тому, что во многих уездах в начале XX в. фуражные культуры стали занимать ведущее место в посевах земледельцев (в Перовском, Капальском, Лепсинском, Джаркентском, Павлодарском, Семипалатинском). Во всех уездах Акмолинской области они занимали второе — после пшеницы — место[63]. Начали расширяться посевы риса, бахчевых, огородных, некоторых технических культур.

Зерновые культуры, за редким исключением, сеяли только яровые. Использовалось несколько сортов пшеницы (*бидай*). Наиболее распространенными, особенно на юге и юго-востоке Казахстана, были так называемые «местные» сорта. Это — *«ақ бидай»* (ак бидай) — белая пшеница, затем — *«қызыл бидай»* (кызыл бидай) — красная пшеница (последняя отличалась длинным стеблем, зеленоватой верхушкой колоса, длинным и тонким зерном, сеялась как озимая — *«күздік»* (куздик) и как яровая). Известны были также сорта *«қара сұлы»* (кара сулы) — черноколоска с мелким темнобурым зерном (малоценный сорт, шедший нередко на корм лошадям); *«лизелик»*— сорт с коротким вегетационным пе-

---

[59] Материалы по киргизскому землепользованию... Иргизский уезд. Оренбург, 1912, с. 2—275. (Подсчет наш. — *В. В.*)

[60] ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 9437, л. 37, 40.

[61] Там же, л. 12.

[62] *Ищенко М., Козыбеков И.* и др. Указ. работа, с. 182.

[63] Полевые записи этнографических экспедиций 1955—1971 гг.

риодом, сеялась в горных районах и на севере Казахстана; *«тиечи бидай»*— сорт с трудно обмолачиваемым колосом, *«лючин бидай»*— пшеница с белой остью, легко обмолачивалась, давала белую муку [64].

В конце XIX — начале XX в. под влиянием русских крестьян-переселенцев появились новые, более продуктивные сорта пшеницы. В северных, а также в северо-восточных и горных районах с ранними заморозками получили распространение такие сорта, как «кубанка», «черноколоска», в степных районах зоны стали сеять «полтавку», «синеуску», «белотурку», т. е. сорта с твердым стекловидным зерном. Семена любых сортов пшеницы обновлялись внутри хозяйства каждые 3—5 лет. В противном случае они вырождались и урожаи резко падали.

В Сырдарьинской области были распространены «ак бидай» и «кызыл бидай», сеявшиеся и на поливных и на неполивных землях («ак бидай», высевавшаяся в горах (под дождь), называлась *«шөл бидай»* (чуль бидай), *«пәрле»* (парле) или *«тәлмі»* (тальме).

Пшеницу «кызыл бидай» сеяли и как озимую, и как яровую, «ак бидай» была только яровой. «Қызыл бидай»— более урожайный сорт, но с худшим качеством муки, чем у «ак бидай». Кроме того, «ак бидай» более засухоустойчива и поэтому преобладала на богарных посевах. В начале XX в. здесь стали сеять и «кубанку».

В Тургайской, Уральской областях, Букеевской орде наряду с названными сортами стали сеять «полтавку», «русскую белоколоску», «крымку» и «красную безостую»[65]. На Мангышлаке сеяли исключительно «лизелик», с коротким вегетационным периодом, и «ак бидай», как засухоустойчивый сорт [66].

Просо (*тары*) обладало в суровых климатических условиях Казахстана при экстенсивном земледелии рядом крупных достоинств. Прежде всего это крайне неприхотливая культура. Она давала и на поливе и на бóгаре устойчивые и высокие урожаи. Для посевов использовались *«ақ тары»* (ак тары) — белое просо, *«қызыл тары»* (кызыл тары) — красное просо и *«шоқай»* (шокай) — наиболее ранний и высокоурожайный сорт [67]. Кроме того, были известны тургайские сорта проса — *«ақбикеш»* (акбикеш), *«қоңыр шолақ»* (конур чулак), *«қонақ»* (кунак), «итальянское просо». Самое скороспелое из них — «кунак» — вызревало за 40 дней, «акбикеш» — за 60, «коныр чулак» — за 90 дней. Тургайское

---

[64] Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Ташкент, 1892, с. 472; Полевые записи Кокчетавской и Северо-Казахстанской (1969 г.) этнографических экспедиций.

[65] Материалы по киргизскому землепользованию... Кокчетавский, Атбасарский, Акмолинский, Петропавловский, Омский уезды Акмолинской области; Павлодарский, Каркаралинский, Зайсанский, Усть-Каменогорский уезды Семипалатинской области; Тургайский, Кустанайский, Актюбинский, Иргизский уезды Тургайской области; Материалы по обследованию... Семиреченской области; Материалы по киргизскому землепользованию... Чимкентский, Аулие-Атинский, Перовский и Казалинский уезды Сырдарьинской области; полевые записи этнографических экспедиций 1955—1971 гг.

[66] Полевые записи Мангышлакской (1957 г.) этнографической экспедиции.

[67] *Шахматов Г.* Замечания о хлебопашестве киргиз-кайсаков Средней орды, с. 618.

просо, по свидетельству специалистов, отличалось «особой полнотой и чистым цветом зерна»[68].

Во многих уездах третьей, а в Семипалатинской и Акмолинской областях второй по значимости культурой являлся овес — *сұлы* (сулы). Как и другие зерновые культуры (пшеница, просо), овес здесь долгое время был представлен местным мелкозернистым сортом. В конце XIX в. в северных и северо-восточных областях края появился на ярмарках более продуктивный, крупнозернистый сорт, в Джаркентском уезде и в некоторых других горных районах в начале XX в. сеяли также «финляндский» черный овес, не боящийся легких заморозков[69].

Наряду с овсом распространение получил ячмень (*арпа*), его сорта были местными[70].

Сеяли также рожь *«қара бидай»* (кара бидай), гречиху, коноплю, но в ничтожных размерах, в южной же зоне с начала XX в. стали увеличиваться посевы кукурузы, джугары (сорго) сорта «макка-джугара». В Верненском, Перовском и Казалинском уездах сеяли рис (*шалы*). В ряде волостей Перовского, Чимкентского и Аулие-Атинского уездов появились посевы бобовых — «маш», солома которых служила кормом для скота. Возделывали также «ніндау» и кунжут — масличные культуры, шедшие на продажу.

На юге Казахстана, а отчасти и в других районах ширились посевы огородных и бахчевых культур: картофеля, арбузов, дынь. Картофель казахи стали сажать под влиянием русско-украинского крестьянства, бахчевые же на юге (по р. Чу, Сырдарье) разводили издавна, прежде всего дыни, таких, например, сортов, как *«торлама», «аққуйрық»* (аккуйрук), *«көкше»* (кокше) и др.[71]

Сеяли в Перовском и Чимкентском уездах хлопок в основном среднеазиатского сорта «гуза», появились и посевы длинноволокнистого. Так, в 1911 г. в Чимкентском уезде под хлопком было занято 5027 дес., из которых 4304 — под длинноволокнистым и 723 дес. под сортом «гуза»[72]. Документы отмечают, что хлопок сеяли здесь в основном узбеки, но полевые материалы свидетельствуют, что хлопководством занимались и казахские хозяйства[73].

Нельзя не заметить, что распространение разных сельскохозяйственных культур зависело не только от почвенно-климатических условий и традиций, но и от социального фактора. Анализ данных о посевах при

---

[68] *Швабский М.* О семенах и посеве тургайской пшеницы и проса... — Земледельческий журнал... М., 1832, № 5, с. 106—108; Полевые записи Актюбинской (1956, 1971 гг.) этнографической экспедиции.

[69] Материалы по обследованию... Семиреченской области, Джаркентский уезд, с. 362; Материалы по киргизскому землепользованию... Соответствующие уезды.

[70] Полевые записи Уральской (1960 г.), Актюбинской (1956 г.), Кзыл-Ординской (1958 г.) этнографических экспедиций.

[71] Материалы по киргизскому землепользованию... Перовский уезд, с. 76—86; Полевые записи Южно-Казахстанской (1969 г.) этнографической экспедиции.

[72] Обзор Сырдарьинской области за 1911 г., с. 48.

[73] Полевые записи Кзыл-Ординской (1970 г.) этнографической экспедиции.

учете имущественного положения хозяйств казахов, занимавшихся земледелием, говорит о том, что посевы таких злаковых, как пшеница, овес; ячмень, преобладали в хозяйствах богатых, а таких, как просо,— в менее состоятельных и бедных.

Характерным примером в этом отношении может служить Кустанайский уезд (табл. 11)[74].

Таблица 11

Хозяйства	Пшеница, % дес. посева	Овес, % дес. посева	Просо, % дес. посева
Не имеющие лошадей	50,8	2,4	46,4
Имеющие 1 лошадь	64,5	2,8	32,2
11—25 лошадей	70,9	15,1	13,1
100 и более лошадей	74,4	21,6	2,6

Это сопоставление показывает, что по мере роста благосостояния (а число лошадей в хозяйстве — несомненно, показатель благосостояния) увеличивались посевы пшеницы и овса, как наиболее ценных культур, и падал процент посевов проса, в безлошадных и однолошадных хозяйствах наблюдалось обратное.

Существенно сказывался на размерах посевов той или иной культуры момент связей земледельческих хозяйств с рынком. Земледелие богатых хозяйств, засевавших по несколько сотен десятин, стало носить товарный характер. По свидетельству очевидцев, в Тургайском уезде в 90-х гг. только на реках Малысай и Женишке земледелием занималось 600 хозяйств, многие из которых продавали по 100—140 пудов излишков зерна[75]. И если «прежде просо сеяли только для собственного употребления, теперь же (90-е годы.— *В. В.*) сеют его много, везут на базар»[76].

По данным 1908 г., в том же Тургайском уезде казахскими хозяйствами было продано на рынке 5666 пудов пшеницы, 5590 пудов проса, в Кустанайском в 1909 г. продано 353 173 пуда пшеницы, 129 331 пуд проса, 56 642 пуда овса, 5469 пудов других зерновых[77].

На рынке продавались не только зерновые. Некоторые казахские хозяйства Кинаральской, Саройской и Мендыгаринской волостей Кустанайского уезда ежегодно сеяли арбузы и сбывали их в Кустанае, Орске и Челябинске[78].

В таких уездах, как Актюбинский, Кустанайский, и некоторых других производилось зерна значительно больше, чем требовалось в хозяйстве. Эти излишки и шли на рынок[79]. Однако были уезды, где зерна не

[74] Материалы по киргизскому землепользованию... Кустанайский уезд, с. 136.
[75] *Каралдин Б.* Земледелие в Тургайском уезде. — Тургайская газета, 1902, № 6.
[76] Киргизы-земледельцы Тургайской области. — Киргизская степная газета, 1895, № 80.
[77] Материалы по киргизскому землепользованию... Тургайский уезд, с. 268, 430.
[78] Там же, с. 138.
[79] Там же, Актюбинский уезд, с. 395.

хватало даже для собственного потребления и его приобретали в соседних уездах и волостях.

В некоторых уездах Семипалатинской области (Усть-Каменогорский, Зайсанский) в начале XX в. казахи сеяли овес специально на продажу окрестному русскому населению [80]. Казахи Перовского и Казалинского

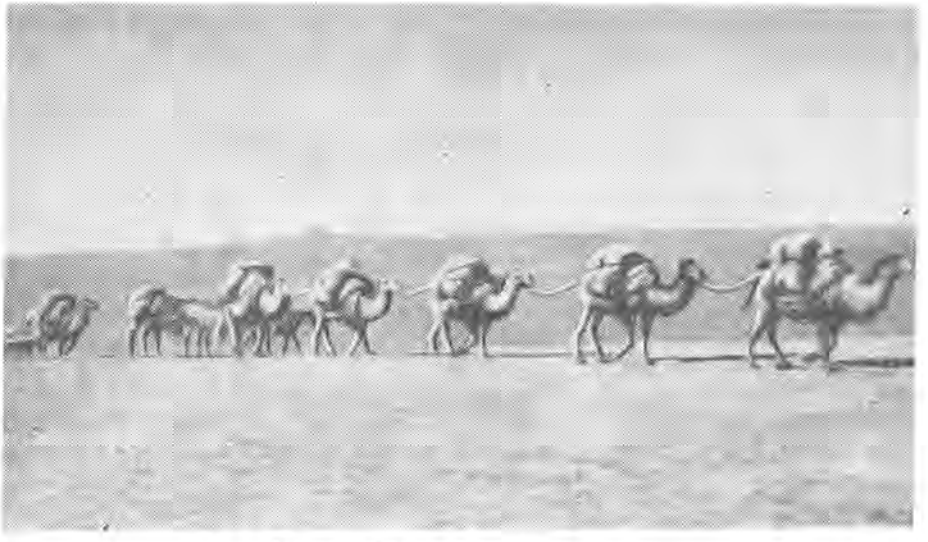


Рис. 31. Караван с зерном

уездов продавали на рынках часть продукции зерновых, технических и бахчевых культур. Ежегодно осенью сюда прибывали караваны из кочевых волостей Акмолинской области и южных волостей Тургайской области за пшеницей, просом, мукой, овсом (рис. 31). Основной продовольственной культурой в хозяйствах беднейшей части аула было просо и в меньшей степени — пшеница, рожь. Из проса казахи особым способом готовили пшено (тары), шедшее на приготовление пшенной похлебки — *тары көже* (тары коже), заправлявшейся кислым молоком, пшенной каши — *ботқа* (ботка). Жареное пшено ели с молоком, маслом, приготовляли из него толокно — *талқан* (талкан). Из пшена бедняки получали на ручных мельницах *қолдиірмен* (колдиирмен) муку и пекли из нее пресные просяные лепешки — *тары таба нан*. Из пшена готовили также особое праздничное блюдо — *жент*.

Разнообразие блюд, приготовлявшихся из проса на всей территории Казахстана, примерно одна технология получения пшена из проса и одинаковые способы приготовления блюд свидетельствуют, с одной стороны, о традиции использования проса в пище казахов, с другой — о его веду-

[80] Материалы по обследованию... Усть-Каменогорский уезд, с. 149.

щей роли в питании основной (беднейшей) части населения большинства уездов Казахстана [81].

С развитием земледелия и увеличением посевов пшеницы увеличилась и ее доля в пище прежде всего состоятельной части аула. Из пшеницы после обработки варили похлебку — бидай коже, приготовляли, как и из проса, талкан. Из пшеничной муки пекли пресные лепешки — *қазан жаппай, таба нан,* жаренные в сале комочки теста — *бауырсақ* (баурсак), приготовляли лапшу — *кеспе* [82]. В уездах и волостях, имевших тесные контакты с соседним русско-украинским населением, в казахских хозяйствах стали приготовлять кислое тесто, из которого выпекали хлеб и другие хлебные изделия.

Сколько-нибудь заметной роли в питании местного населения такие злаковые, как рожь, ячмень, не играли. Рожь, как и просо, у беднейшей части населения шла в пищу. После обработки из нее приготовляли похлебку — коже, пекли пресный хлеб. Так же поступали с ячменем (*арпа*).

Расширение посевов риса в Перовском и Казалинском уездах, отчасти в Семиречье привело к тому, что увеличилось употребление в пищу риса. Из риса казахи готовили плов (палау), кашу (ботка).

Огородные и бахчевые культуры шли не только на рынок, но и использовались самими хозяйствами. Картофель ели в виде пюре, разбавляя его молоком, вареную картошку использовали как прибавление к мясным блюдам, огурцы ели свежими, лук шел в качестве приправы к мясу [83]. Из дыни женщины умели приготовлять своеобразный курт — *қауын құрт* (каун курт). Для этого внутренность дыни вместе с семенами измельчали, вываривали в котле до густоты и в полученную массу добавляли муку из поджаренной пшеницы. Комочки такой массы сушили на солнце, на чистых циновках, и полученный таким образом каун курт употребляли зимой.

Бирок заготовляли также вяленую дыню — *қауыншек* (кауншек). Свежую дыню нарезали длинными тонкими ломтями и сушили на солнце на циновках, а затем хранили до зимы. Кауншек и каун курт употребляли как лакомство к чаю [84].

4. ВИДЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРУДИЙ

Неравномерность развития земледелия в разных почвенно-климатических зонах, его подчиненное значение в отношении к скотоводству, экономическая отсталость края определили виды сельскохозяйственных орудий казахов-земледельцев.

---

[81] Полевые записи этнографических экспедиций 1955—1971 гг.

[82] Там же.

[83] *Аргынбаев Х.* Историко-культурные связи русского и казахского населения... Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 6, с. 82; Полевые записи Кзыл-Ординской, Чимкентской и Джамбулской (1967, 1969 гг.) этнографических экспедиций.

[84] *Чермак Л.* Оседлые киргизы-земледельцы по р. Чу. — В кн.: Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО, кн. XXVII. Омск, 1900, с. 18.

Пахотными упряжными орудиями у казахов в конце XIX— начале XX в. были преимущественно соха и сабан — вид колесного плуга. Бороны имели деревянный каркас и отличались в основном по материалу, из которого изготовлялись зубья: в большинстве деревянные, в конце XIX в. они стали постепенно заменяться железными. Орудиями уборки служили серпы, изготовленные местными ремесленниками, и фабричного производства, а также косы. Для молотьбы использовались вилы, грабли, лопаты, главным образом деревянные.

В зависимости от почвенно-климатических условий пахотные орудия казахов несколько различались по своей конструкции. На богарных землях в равнинной местности применялись пахотные орудия с горизонтальным наклоном полоза к почве, низко расположенным креплением грядили и центром тяжести, что обеспечивало их устойчивый ход. Они были громоздкими, тяжелыми и требовали нескольких пар животных в качестве тягловой силы. Такие пахотные орудия имели наибольшее распространение в Северном и Центральном Казахстане.

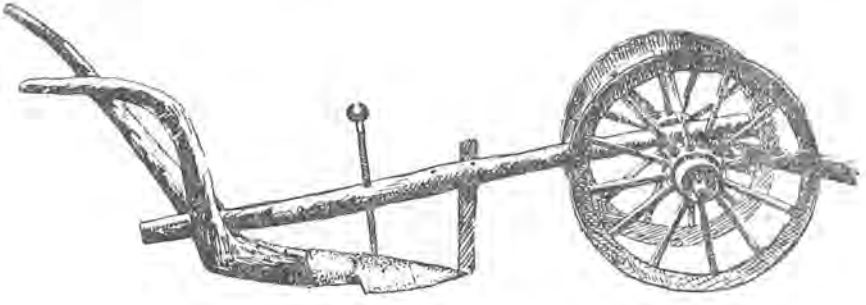


Рис. 32. Пахотное орудие *сабан*

На поливных супесчаных и песчаных участках (бассейны Сырдарьи, Тургая, Урала и других рек) по сравнению с неполивными землями почвы были более легкими, и для их обработки применялись легкие орудия, не требовавшие нескольких пар тягловых животных.

Большинство специалистов классифицируют пахотные орудия по двум признакам: по их агротехническому воздействию на почву и по конструкции [1]. Представляется, что функции пахотного орудия нужно рассматривать в единстве с особенностями его конструкции, которая является характерной чертой культурно-исторической традиции. Так, пахотные орудия, применявшиеся казахами на богарных землях в Казахстане, имели много общего в своей конструкции с орудиями, распространен-

---

[1] *Чебоксаров Н. Н., Чеснов Я. В.* Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии. — СЭ, 1967, № 3, с. 42; *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1976, с. 6—9.

ными на неполивных землях в России [2]. Легкие же пахотные орудия, применявшиеся на поливных, песчаных и супесчаных почвах Казахстана, имели много сходных черт с подобными орудиями у народов Средней Азии.

Упряжные пахотные орудия казахов делились на две группы: сохи простейшей конструкции, плуги типа «сабан» (рис. 32). Каждая из этих групп имела особенности в конструкции скелета орудия, различия в материале, из которого оно изготовлялось.

Самым распространенным пахотным орудием у казахов в XIX в. был *жерағаш* (жерагаш) — среднее между ралом и сохой (рис. 33). Ю. А. Краснов относит орудия, подобные казахскому жерагашу, к типу однорукоятных прямогрядильных рал. Зона их распространения охватывала в древности Среднюю Азию, Южную Сибирь, Афганистан, Пакистан, Индию, Монголию и простирался вплоть до Индонезии. Основываясь на археологических данных, Ю. А. Краснов относит время распространения таких орудий к эпохе бронзы и раннего железа [3].

Русская соха, получившая свое название от жерди с развилиной, в отличие от жерагаша имела полицу (отвал). Казахские сохи, подобно

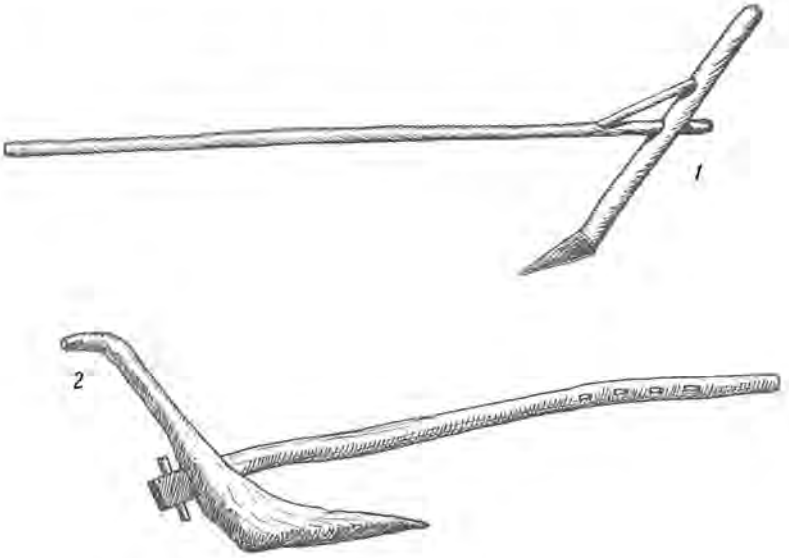
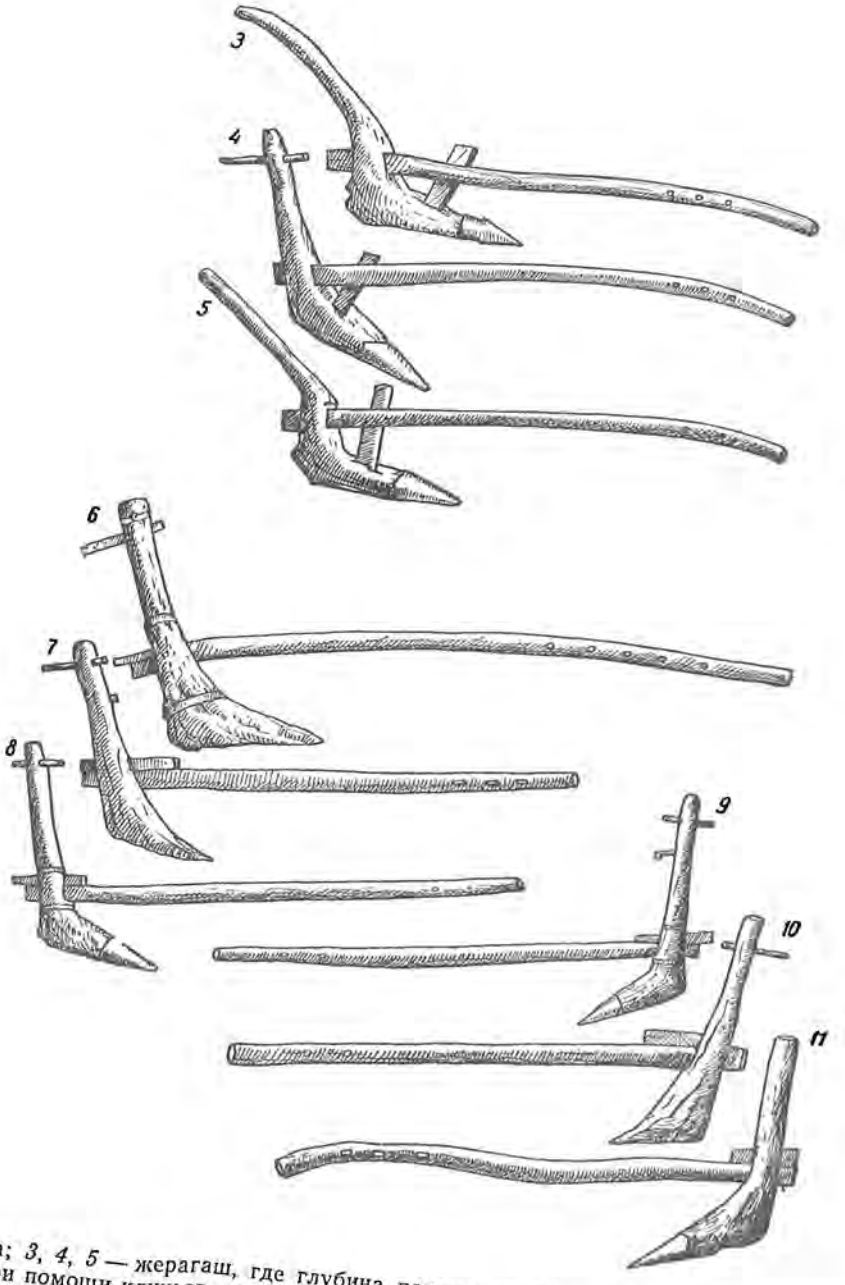


Рис. 33. Сохи — *жерагаш* (жерагаш): *1* — жерагаш типа коловой сохи; *2* — жерагаш, соединяющей грядиль с полозом; *6, 7, 8, 9, 10, 11* — жерагаш, где глубина пахоты регу-

[2] *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 11, рис. 1 (5—9).
[3] Там же, с. 62—89.



без сошника; *3, 4, 5* — жерагаш, где глубина пахоты регулируется скрепой (планкой), лируется при помощи клиньев, закрепляющих грядиль в рабочем корпусе

пахотным орудиям народов Средней Азии [4], по своей конструкции сходны с русским и украинским ралом, которое также не имело отвала и только «разрывало землю и раздвигало ее в обе стороны» [5]. Очевидно, жерагаш казахов-земледельцев можно отнести к разряду первичной формы сохи, для которой характерно отсутствие полицы.

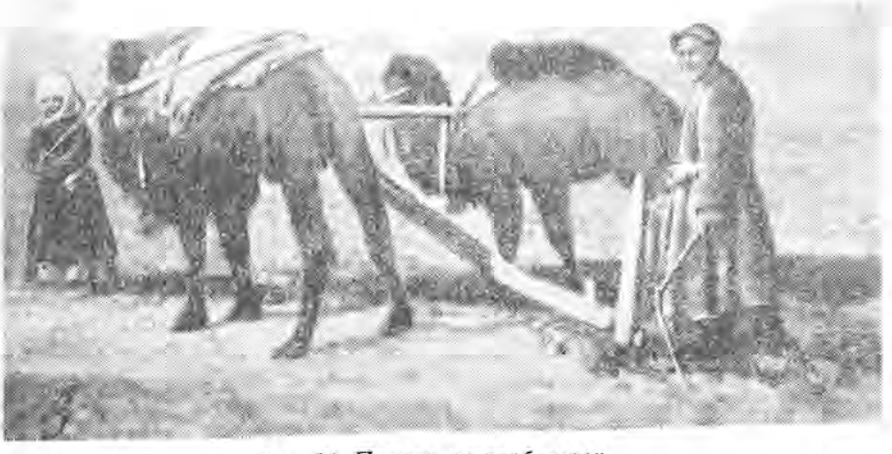


Рис. 34. Пахота на верблюдах

Наряду с распространенным названием «жерагаш» в большинстве районов Казахстана имелись также локальные термины для этого вида пахотного орудия: *тісағаш* (тисагаш) — в Семиречье, *қолтіс* (колтис) — в Семипалатинской области и в северных уездах Акмолинской области, *шоқайағаш* (шокайагаш) — на Мангышлаке, *шойынтіс* (шойынтис) — в Каркаралинском уезде, *тіс* (тис) — в Перовском и Казалинском уездах [6].

[4] *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф. Вып. II. Душанбе, 1958, с. 35—55; *Кисляков Н. А.* Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием у таджиков бассейна реки Хингоу. — СЭ, 1947, № 1, с. 108—125; *Бродовский М.* Заметки о земледелии в Самаркандском районе. — В сб.: Русский Туркестан, вып. 2. М., 1872, с. 233—261 и др.

[5] Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1950, с. 34.

[6] Полевые записи этнографических экспедиций: Кустанайской и Актюбинской (1956 г.), Акмолинской и Кокчетавской (1957 г.), Гурьевской (1957 г.), Южно-Казахстанской (1958 г.), Павлодарской и Восточно-Казахстанской (1959 г.), Алма-Атинской (1960—1963 гг.), Тургайской и Джамбулской (1962 г.), Кзыл-Ординской (1960, 1970 гг.), Северо-Казахстанской (1966 г.), Уральской (1973 г.), Джамбулской (1975 г.). Далее — полевые записи этнографических экспедиций 1956—1975 гг.; Киргизское хозяйство в Акмолинской области, т. III. Петропавловский уезд. Спб., 1910, с. 69; Материалы по киргизскому землепользованию... Семипалатинская область, Усть-Каменогорский уезд, с. 69; Материалы по киргизскому землепользованию... Долины рек Чу и Таласа. Ташкент, 1915, с. 58; Материалы по обследованию... Семиреченской области, Лепсинский уезд, с. 311 и др.

Казахский термин «жерағаш» имеет аналогии в названиях пахотного орудия среди хорезмийских узбеков[7], что свидетельствует об общих традициях бытования такого пахотного орудия среди народов Средней Азии.

Деревянные сохи делались казахскими мастерами из различных пород деревьев: в северных и центральных районах Казахстана на изготовление корпуса сохи шел карагач, в южных районах наряду с карагачом — джида, в Семиречье — арча. Предпочтение этим породам оказывалось из-за их твердости, что обеспечивало эффективность пахоты и долговечность орудия. Дышло изготовлялось из любых пород деревьев[8].

Встречались, хотя и редко, коловые сохи, подобные использовавшимся в части хозяйств русских земледельцев[9]. Казахская коловая соха представляла собой круглый брус с изогнутым под тупым углом рабочим концом (рис. 34). На носок рабочего конца сохи насаживался сошник-трубица без выступающих режущих концов. Дышло вставлялось в отверстие бруса в средней ее части и укреплялось наклонно к нему планкой. Корпус коловой сохи не имел ручки управления, глубина пахоты регулировалась нажатием руки на верхний конец корпуса коловой сохи[10]. К такому виду сохи больше всего подходит термин «*тіс*» — «соха-зуб». Такие орудия, где отсутствовал полоз и центр тяжести располагался высоко, применялись на каменистых грунтах и лесных участках с корнями деревьев: легкое поднятие пахотного бруса освобождало орудие от встречавшегося препятствия.

Конструкция жерагаша на всей территории Казахстана была одинаковой за исключением деталей.

Жерагаш состоял из четырех основных частей: корпуса, сошника, грядили, ярма[11]. Корпус, именовавшийся как и все пахотное орудие жерагаш (*шоқайағаш, тісағаш, қолтіс*), представлял собой естественно искривленный ствол дерева, состоящий из вертикально наклоненной части и согнутой к нему под тупым углом рабочей части — башмака (полоза, подошвы). Размер вертикальной наклонной части 70—80 см, подошвы — 40—50 см[12]. Величина жерагаша приблизительно соответствовала среднеазиатскому омачу[13]. Подошва сохи, т. е. его рабочая часть, представляла собой утолщенный брус с суживающимся носком, на который надевался сошник (*тіс, базна, түрен*) (рис. 35).

Немного выше подошвы, в корпусе сохи находилось сквозное отвер-

---

[7] *Фирштейн Л. А.* Земледельческие орудия таджиков и узбеков. — Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. XXIV. Л., 1970, с. 150.

[8] Полевые записи этнографических экспедиций 1956—1975 гг.

[9] Русские. Историко-этнографический атлас, с. 34.

[10] Полевые записи Кустанайской (1956 г.) этнографической экспедиции. Рис. 1.

[11] Полевые записи этнографических экспедиций 1956—1975 гг.

[12] Там же.

[13] *Фирштейн Л. А.* Земледельческие орудия..., с. 152; *Гамбург Б. С.* К характеристике орудий земледельцев Ферганской долины и Ташкентского оазиса конца XIX — первой четверти XX в. — В кн.: Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975, с. 108—112, рис. 1.

стие, где крепилось сошное дышло — грядиль. Крепление с низко расположенным центром тяжести орудия было необходимо для взрыхления почвы на неполивных землях и устойчивости пахотного упряжного орудия. Грядиль — *жетекағаш* (жетекагаш) тоже имела местные наименования: *оқтау* (октау), *оқтық* (октык), *тіркеу* (тиркеу), *тәрте* (тарте), *оқағаш* (окагаш) — в северных областях, тарте, окагаш — в южных областях Казахстана.

Обычно грядиль имела длину около 3 м. Она вставлялась в паз корпуса и закреплялась клином, вбивавшимся поверх грядили. В некоторых

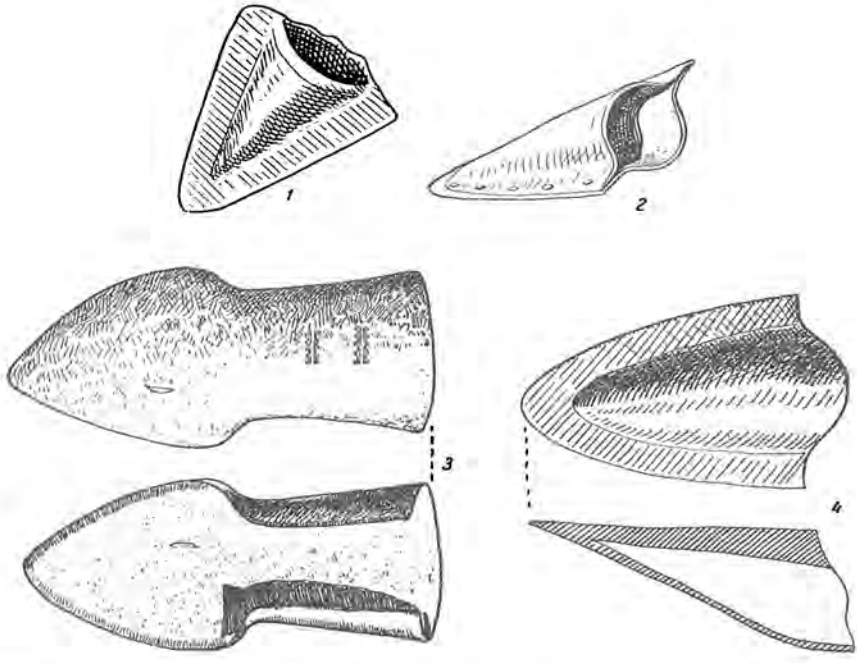


Рис. 35. Сошники (*тіс*): *1, 4* — сошники литые из чугуна — *шойынтіс* (шойинтис); *2* — сошник кованый, железный, из двух половин, скрепленных заклепками, — *теміртіс* (темиртис); *3* — сошник железный с трубицей — *теміртіс*

грядилях, в их выступающей за корпусом сохи части, имелось сквозное отверстие, куда вбивался клин, предохранявший грядиль от выпадания из корпуса. Бытовали также сохи, где грядиль и подошва соединялись планкой (скрепа),— *кергіш* (кергиш), *қылшек* (кылшек) — проходившей через отверстие в грядили и укреплявшейся в средней части подошвы сохи [14].

Клин в пазе корпуса и планка, соединяющая грядиль и подошву

[14] Полевые записи этнографических экспедиций 1956—1975 гг.

сохи, служили для регулирования глубины вспашки, достигавшейся изменением угла подошвы сохи путем вбивания или освобождения клина в пазе корпуса, в другом случае подъемом или опусканием планки, соединявшей грядиль с подошвой сохи.

Глубина вспашки регулировалась также креплением ярма через отверстия на переднем конце грядили [15]. Если при пахоте русскими сохами глубина борозды достигалась удлинением чересседельника [16], то при пахоте казахскими сохами — креплением ярма в отверстиях грядили: чем ближе к концу грядили крепилось ярмо, тем глубже была борозда.

Ярмо — *мойынтұрық, қамыт* (мойынтурык, камыт) [17] — упряжное приспособление для тягловых животных — имело два варианта и различалось креплением нижних концов рогуль — *самиян:* мягкое и жесткое (рис. 36). В одном случае свободные нижние концы рогуль под шеей животного связывались веревкой, в другом случае соединялись жестким креплением (деревянный брус), как в верхней части ярма. В средней части верхнего бруса ярма имелось углубление, где жестко крепился ободок со свободным кольцом. Кольцо привязывалось к грядили веревкой и ремешком, продернутым через его отверстие, или упиралось в железный стержень, вставленный в отверстие грядили.

Сошники (*тіс, базна, түрен*) были чугунными, литыми, и железными, кованными или литыми. Они очень похожи на сошники, употреблявшиеся в пахотных орудиях Средней Азии.

По конструкции сошники можно разделить на три типа: с трубицей, без трубицы и с режущими краями [18]. Сошник с трубицей был полулитым, его овальная часть посредством трубицы надевалась на верх носка полоза, а сошник, выступая перед носком полоза, не надевался на него и разрыхлял почву, находясь на весу [19]. Сошник без трубицы, литой или кованый, надевался на носок полоза, обтекал его и не имел режущих выступов. Своей формой он напоминал носок полоза [20]. Сошник с режущими краями, независимо от материала, имел форму, напоминающую треугольник с закругленной вершиной и плоскими режущими краями (рис. 35).

Чугунный литой сошник изнутри был полым, с глубоким отверстием, в которое вставлялся носок рабочей части сохи. Сошники железные кованые представляли собой две половины, соединенные заклепками по плоским режущим краям. Размеры сошников зависели от размеров сохи: наибольшая длина — 30 см, ширина плоских режущих краев — 4 см, диаметр отверстия, куда продевался носок сохи,— 24 см.

Рукоятка казахской сохи *тұтқа* (тутка) служила правилом. При помощи рукоятки пахарь давал направление движению сохи и в то же

---

[15] Полевые записи этнографических экспедиций 1956—1975 гг.

[16] *Фирштейн Л. А.* Земледельческие орудия..., с. 153.

[17] Полевые записи этнографических экспедиций 1956—1975 гг.

[18] Там же; *Гамбург Б. С.* К характеристике орудий земледельцев..., с. 112—113.

[19] Полевые материалы Сырдарьинского этнографического отряда Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР.

[20] Полевые записи этнографических экспедиций 1956—1975 гг.

время регулировал глубину борозды (рис. 37). Рукоятки, расположенные в верхней части корпуса, были трех видов: положение спереди, положение сзади, сквозное. Положение рукоятки выбиралось в зависимости от навыков пахаря. Существовали сохи и без рукояток, если верхний корпус сохи имел естественное искривление в форме ручки [21].

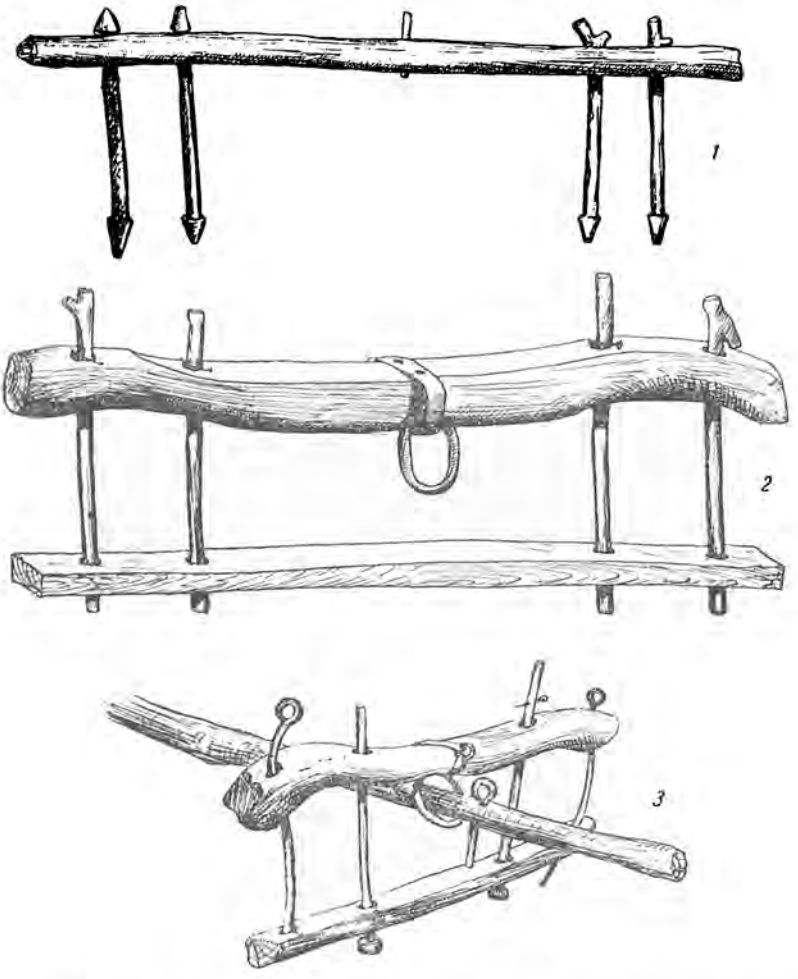


Рис. 36. Ярмо — *мойынтурык* (мойынтурык): *1* — мойынтурык с веревочным захватом снизу; *2* — мойынтурык с деревянными занозами; *3* — мойынтурык с железными занозами

[21] Полевые записи этнографических экспедиций 1956—1975 гг.

Таким образом, казахские сохи можно разделить на четыре основных типа: 1) сохи с жестким креплением грядили в корпусе (глубина пахоты регулировалась нажатием руки на верхний конец корпуса сохи); 2) сохи, где грядиль крепилась вертикальным стержнем в выступающей тыльной части корпуса сохи; 3) сохи с планкой-скрепой, соединяв-

Рис. 37. Пахота сохой с рукояткой

шей грядиль с полозом — башмаком (глубина пахоты регулировалась планкой — увеличением или уменьшением угла между грядилью и полозом); 4) сохи, где грядиль крепилась в корпусе сохи при помощи клиньев (глубина пахоты регулировалась этими клиньями). Наиболее распространенным был последний вид, так как при помощи клиньев достигалась лучшая регулировка глубины пахоты.

Сохи легкой конструкции чаще всего встречались в южных районах Казахстана, например, на поливных землях бассейна р. Сырдарьи. Корпус такой сохи состоял из двух соединенных частей: полоза и прикрепленного к нему вертикального бруса сохи [22].

На неполивных землях, особенно северных и восточных районов Казахстана, где почва дернистая и менее влажная, применялись сохи утяжеленной конструкции. Массивный полоз был необходим для прочности и устойчивости при пахоте. Здесь сошники, как правило, были цельными, полыми внутри, надеваемыми на носок полоза и с плоскими режущими краями.

---

[22] Полевые записи Кзыл-Ординской (1970 г.) этнографической экспедиции; Полевые материалы Сырдарьинского этнографического отряда Хорезмской экспедиции.

Изменения в социально-экономической жизни казахов и рост земледелия в конце XIX в. потребовали замены примитивных сох с их малой производительностью более совершенными пахотными орудиями. Поэтому в северных районах Казахстана все большее распространение получает сабан [23]. Первоначально сабан использовался в среде зажиточных хозяйств. Он был дорог, а пахота с его помощью требовала 3—4 пар быков. Такого тягла не имело большинство казахских хозяйств, поэтому бедняки часто объединялись в супрягу — два-три хозяйства. Как свидетельствуют источники, они «сообща покупают плуг и сообща пашут, при этом кто выставит большее количество быков, тот получает на свой пай и большее количество распаханной земли, причем выбор участка для распашки, посев, заделка семян, а равно и уборка каждым из участников в супряге производится самостоятельно, без вмешательства компаньонов по плугу» [24]. Нередко супряга вообще не имела тягла и нанимала его у самостоятельных хозяйств. Наем рабочего скота супряга оплачивала или отработкой — распашкой земли ссудившего скот хозяйства, или содержанием его скота в продолжение зимы [25].

Сабан, называвшийся в южных районах Казахстана ат-сабан, состоял из четырех основных частей: корпуса, колесного передка, бруса — *белағаш* (белагаш), соединяющего корпус сабана с передком грядили (*оқтық, тарте, тиркеу, жетекағаш*), закрепленной на колесном передке и служившей для упряжки тягловой силы [26]. Корпус сабана представлял собой массивный брус, утолщенный в основании полоза и суживавшийся к рукояткам сабана и к носку полоза, на который надевался сошник.

Рукоятки сабана (*сап*) были двух типов. В одном случае две рукоятки одинаковой величины шли наклонно к полозу параллельно друг другу и крепились поперечной планкой. В другом случае левая рукоятка была прямой и шла под тупым углом к полозу, правая же была изогнута и параллельна полозу сабана. Левая рукоятка служила правилом сабана, а глубина пахоты регулировалась нажатием на правую изогнутую рукоятку.

Сошник сабана — *түрен, тіс, базна* — отличался от сошника сохи тем, что обязательно имел трубицу, на которую насаживался носок полоза. Кроме того, сошник сабана был массивнее сошника сохи. Передок состоял из двух колес (*дөңгелек, доңғалақ* — донгелек, донгалак), на ось которых жестко крепился деревянный брус (*пәлек* — палек). В конце XIX в. еще была распространена деревянная ось, но с начала XX в. ее стала вытеснять железная.

Колеса сколачивались из крупных кусков дерева и стягивались железным ободом, спицы изготовлялись также из дерева.

---

[23] По данным этнографов, ранее он был распространен среди башкир, татар, чувашей. См.: *Руденко С. И.* Башкиры. М.—Л., 1955, с. 116—117; Русские. Историко-этнографический атлас, с. 54.

[24] Материалы по киргизскому землепользованию... Уральский уезд, с. 42.

[25] *Кранихфельд В. П.* Степное киргизское хозяйство в Уральском уезде. — Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1898 год. Саратов, 1898, с. 95.

[26] Полевые записи этнографических экспедиций 1956—1975 гг.

Колеса передка сабана были различных диаметров. Так как пахота сабаном шла по замкнутому прямоугольнику, от краев поля к центру, то правое колесо, идущее по борозде, было большего диаметра, чем левое, — этим достигалось равновесие передка и горизонтальное положение сошника.

Корпус сохи и передок соединялись горбылью или прямым брусом — *белағаш* (белагаш): один его конец прикреплялся к передку при помощи петли и деревянного гвоздя — чекушки, второй жестко крепился на поверхности пятки (полоза) или же проходил через сквозное отверстие в корпусе сабана немного выше полоза [27].

На правом конце планки, соединявшей рукоятки сабана, имелся зубец, на который накидывались вожжи — *делбе*. На белагаше было два отверстия: в переднее вставлялся резец — *қылыш* (кылыш), который находился перед сошником и разрезал для него почву, во второе, расположенное над плоскостью сошника, вкладывался винтовой железный стержень, регулировавший угол наклона сошника для глубины пахоты.

Грядиль жестко крепилась к колесному передку. Скот впрягался в ярмо — *мойынтұрық* (мойынтурык) такой же конструкции, что и ярмо сохи. Вспашка сабаном требовала запряжки нескольких пар тяглового скота (от двух до четырех), особенно по целине. Тягловый скот запрягался цугом, пара за парой. Грядиль второй пары укреплялась на ярме первой пары, грядиль третьей — на ярме второй и т. д. Нередко были смешанные пары: например, три пары волов и пара лошадей. В этом случае пара лошадей была ведущей и соединялась гужами, прикрепленными к ярму следующей за ней пары волов [28].

Пахота сабанами была распространена главным образом на неполивных землях, так как для вспашки дернистой почвы требовалась более массивная и устойчивая конструкция и в связи с этим несколько пар тягловых животных. Такие массивные конструкции сабана бытовали в северных и восточных уездах Казахстана, в Уральской области [29].

Сабаны легкой конструкции стали использоваться отчасти и на поливных землях — в Букеевской губернии (тягло — верблюд, лошадь), в Семиречье, в Сырдарьинской области, близ Казалинска и Перовска [30].

В начале XX в. на территории Семипалатинской области, а также в Кокчетавском, Петропавловском и Омском уездах Акмолинской области стало распространяться пахотное орудие, называемое в литературе «тюменьской сохой». Ее конструкция почти та же, что и у описанного сабана.

---

[27] Полевые записи этнографических экспедиций 1956—1975 гг.; Кол. Музея антропологии и этнографии АН СССР (МАЭ), № 1199—234.

[28] Государственный музей этнографии народов СССР. Кол. № Ф. 310—15.

[29] Материалы по киргизскому землепользованию... Уральский уезд, с. 51—52, 104—107; *Огановский Н.* Экономический быт киргиз № 1—4 аулов Джиренькупинской волости. — Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 г. Уральск, 1900, с. 248—269; *Кранихфельд В. П.* Степное киргизское хозяйство... — Памятная книжка... Уральской области на 1898 г., с. 95.

[30] ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 3488; Полевые записи Алма-Атинской (1954 г.), Кзыл-Ординской (1970 г.) этнографических экспедиций.

Единственным, но важным преимуществом «тюменьской сохи» был отвал, который переворачивал пласт земли, обрывал корни сорняков, а перевернутые пласты, прилегая друг к другу, сохраняли влагу. «Тюменьские сохи» наибольшее распространение получили в Павлодарском уезде и составляли 34,5% всех пахотных орудий казахов [31].

Вовлечение Казахстана в общероссийский рынок сказалось, в частности, в появлении среди казахских земледельцев фабричного сельскохозяйственного инвентаря. Казахские баи, занимавшиеся земледелием, стали приобретать однокорпусные и двухкорпусные плуги Брянского завода, плуги Гена, Сакка и др. Бедняцкие хозяйства сообща брали фабричные плуги в наем у русских кулаков и у богатых казахов.

В различных регионах Казахстана применение отдельных видов пахотных упряжных орудий имело свои особенности в силу географических условий и историко-культурных традиций. Приведем статистические данные о пахотных орудиях в соответствии с существовавшим в начале XX в. административно-территориальным делением. (Поскольку сведения по пахотным орудиям собирались различными статистическими партиями в разное время и по некоторым областям Казахстана нет сводных таблиц, это не позволяет свести их в единую таблицу.)

Таблица 12

Пахотные орудия в Уральской области [32]

Уезд	Кол-во хозяйств	Пахотные орудия	
		сохи и сабаны	плуги железные
Уральский	7763	3687	736
Темирский	8980	4622	214
Лбищенский	5388	1931	1614
Итого	22 131	10 240	2564

Таким образом, 81,5% пахотных орудий — это продукция казахских ремесленников, 18,5% — фабричные плуги.

Статистические сведения по Тургайской области не дают градации сельскохозяйственных орудий, в них содержатся общие сведения по деревянным и железным плугам. Так, по данным обследования 1898—1899 гг., в Актюбинском уезде насчитывалось 7410 «плугов железных» и «плугов деревянных», в Кустанайском уезде — 6629 «плугов деревянных». «Плуги деревянные» — это, очевидно, казахские сабаны и сохи. Повторные обследования казахских хозяйств Тургайской области

[31] Материалы по обследованию... Семипалатинской области, Павлодарский уезд, с. 296.

[32] Материалы по киргизскому землепользованию... Уральский уезд, с. 117—127; Темирский уезд, с. 135—191; Лбищенский уезд, с. 33—231. (Итоговые данные по уездам подсчитаны нами на основе сведений о количестве сельскохозяйственных орудий по волостям — *М. М.*)

(1910 — 1911 гг.) дают деление на «плуги простые» (иначе — сохи) и «плуги сабаны и железные» [33].

Материалы обзоров последующих лет дают возможность проследить увеличение сельскохозяйственных орудий у казахов-земледельцев Тургайской области.

Таблица 13

Пахотные орудия в Тургайской области [34]

Уезд	1913 г.		1915 г.	
	однолемешные плуги	многолемешные плуги	однолемешные плуги	многолемешные плуги
Актюбинский	19 352	8409	21 511	9581
Иргизский		1341	1 302	—
Кустанайский	29 038	16 828	29 360	19 019
Тургайский	1 490	144	1 870	109
Итого	51 221	25 221	54 043	28 600

Статистические сведения по другим областям Казахстана еще менее полны, чем по Тургайской области. Однако они тоже свидетельствуют об увеличении сельскохозяйственных орудий в казахских хозяйствах на основе роста земледелия.

По статистическим данным, в Атбасарском уезде Акмолинской области в 1897 г. было 574 сохи и плуга [35], а в конце первого десятилетия XX в. их число увеличилось до 944, из них плугов —845, сох —99 [36]. В Омском уезде в 1901 г. у казахов было всего 135 сох и плугов, а в 1910 г. — 126 сох и 404 плуга [37], или 530 пахотных орудий. Эти данные свидетельствуют о том, что плуги все больше вытесняли сохи.

Наиболее полные сведения о числе пахотных орудий содержатся в материалах обследования Акмолинской области за 1910 г.

Таблица 14 наглядно говорит о значительном преобладании плугов над сохами (в процентном отношении — 88,7% к 21,3%), при этом больший удельный вес плугов падает на те уезды, где сравнительно развитое земледелие, плодородные почвы и где сильно было влияние крестьян-переселенцев.

---

[33] Краткий статистический обзор Тургайско-Уральского переселенческого района за 1910—1911 годы. Оренбург, 1912, с. 30.

[34] Обзор Тургайской области за 1913 г. Оренбург, 1914, с. 13; Обзор Тургайской области за 1915 г. Оренбург, 1916, с. 13; По Иргизскому уезду в 1913 г. дано общее количество одно- и многолемешных плугов. По-видимому, оно относится к категории однолемешных. Поэтому в итоговых данных по области за 1913 г. указанное количество плугов будет отнесено к однолемешным плугам.

[35] Материалы по киргизскому землепользованию... Атбасарский уезд, с. 1—267. (Подсчитано нами по поаульным таблицам. — *М. М.*)

[36] Киргизское хозяйство в Акмолинской области, Атбасарский уезд, с. 63, 74.

[37] Материалы по киргизскому землепользованию... Омский уезд. Омск, 1902, с. 98; Киргизское хозяйство..., т. II. Омский уезд. Спб., 1910, с. 5, 87.

Таблица 14

Пахотные орудия в Акмолинской области [38]

Уезд	Число сеющих хозяйств	Пахотные орудия	
		сохи	плуги
Атбасарский	3695	99	845
Акмолинский	9772	143	3034
Кокчетавский	2886	421	2997
Петропавловский	5762	311	1481
Омский	2331	126	404
Итого	24 446	1100	8761

В материалах обследований Семипалатинской области конца XIX в. статистические данные о наличии сельскохозяйственных орудий по некоторым уездам отсутствуют. Но имеющиеся сведения в сопоставлении с материалами повторных обследований дают представление о росте числа сельскохозяйственных орудий в целом по области.

Таким образом, общее число пахотных орудий в период повторного обследования Семипалатинской области составило: в Павлодарском

Таблица 15

Пахотные орудия в Семипалатинской области [39]

Уезд	1897—1900 гг.	1910—1913 гг.			
		сохи	плуги		
	сохи, плуги		однолемешные	двухлемешные	многолемешные
Зайсанский	477	11 738	597	22	3
Павлодарский	2170	1130	2229	20	—
Усть-Каменогорский	4161	2219	2811	26	2
Итого	6778	15 087	5637	68	5

уезде — 3379 штук (увеличилось на 15,6%), в Усть-Каменогорском уезде — 5058 (увеличилось на 12,1%), в Зайсанском уезде — 12 360 штук (увеличилось более чем в 25 раз). Всего в трех уездах Семипалатинской

[38] Киргизское хозяйство..., т. IV, Атбасарский уезд. Спб., 1910, с. 63, 74; т. V, Акмолинский уезд. Спб., 1910, с. 171, 172; т. I, Кокчетавский уезд. Спб., 1909, с. 193—195; т. II, Омский уезд. Спб., 1910, с. 87. (Итоговые данные подсчитаны нами. — *М. М.*)

[39] Материалы по киргизскому землепользованию... Павлодарский уезд, с. 1—269, 273; Зайсанский уезд, с. 376—377; Усть-Каменогорский уезд, с. 232—233; Материалы по обследованию... Зайсанский уезд, с. 368, 370.

области в период повторного обследования имелось 20 797 пахотных орудий. Это выше уровня конца XIX в. более чем в 3 раза [40].

Отметим преобладание плугов над сохами. В Павлодарском уезде плугов было почти в два раза больше, чем сох, в Зайсанском уезде, где, по сведениям конца XIX в., имелись только сохи, в первом десятилетии XX в. появились плуги.

В Каркаралинском уезде Акмолинской области [41] земледелием занималось всего 14,5% общего числа казахских хозяйств области. Это следствие ограниченности земельных участков, пригодных для земледелия на том уровне хозяйственного развития. Переселение же крестьян из центральных губерний России в уезд было незначительным в силу тех же причин. Поэтому Каркаралинский уезд обследовался явно неполно и данные о числе земледельческих орудий отсутствуют, отмечается лишь, что казахи «пашут шоин тысом» [42]. В Семипалатинском уезде было учтено в конце XIX в. 3901 штука плугов и сох [43]. Слабое развитие земледелия в Каркаралинском и Семипалатинском уездах явилось причиной того, что и в начале XX в. здесь не проводилось повторных обследований хозяйств казахов, как по другим уездам Семипалатинской области.

Статистических сведений о количестве сельскохозяйственных орудий в Семиреченской области на конец XIX — начало XX в. тоже нет, однако косвенные данные позволяют судить о росте числа усовершенствованных видов пахотных орудий.

«Спрос на усовершенствованные орудия, — читаем в обзоре начала XX в., — настолько увеличился, что... спрос на плуги, предъявленный весной (1906 г. — *М. М.*), не был полностью удовлетворен» [44]. В течение 1906 г. Верненский склад сельскохозяйственных орудий и семян продал казахам-земледельцам помимо других орудий и сельскохозяйственных машин 426 плугов [45]. Кроме склада поставщиками сельскохозяйственного инвентаря были частные фирмы. Поэтому число пахотных орудий, приобретенных земледельцами-казахами, выше официальных цифр, имеющихся в «Обзорах Семиреченской области».

По Лепсинскому уезду Семиреченской области дано общее число сох и плугов — 13 036 штук [46], так что число сох и плугов в четырех уездах области в первом десятилетии XX в. исчислялось 50 219 единицами.

Таблица 16 показывает преобладание примитивных пахотных упряжных орудий — сох типа «тисагаш» — над плугами. И это не случайно. Здесь действовали как факторы естественногеографического порядка, так и традиция — тесные связи с культурно-хозяйственным типом

---

[40] Подсчет наш. — *М. М.*

[41] Материалы по киргизскому землепользованию... Семипалатинская область, Каркаралинский уезд, с. 66.

[42] Там же, с. 75.

[43] Там же, Семипалатинский уезд, с. 445.

[44] Обзор Семиреченской области за 1906 г. Верный, 1907, с. 51.

[45] Там же.

[46] Материалы по обследованию... Семиреченской области, Лепсинский уезд, с. 465.

народов Средней Азии, где земледелие базировалось на традиционных среднеазиатских орудиях обработки почвы. Именно поэтому долгие годы даже после присоединения к России основным пахотным упряжным орудием у семиреченских казахов был тис агаш, мало чем отличавшийся

Таблица 16

Пахотные орудия в Семиреченской области[47]

Уезд	Пахотные орудия	
	сохи	плуги
Верненский	11 567	3134
Джаркентский	6983	59
Капальский	14 124	1316
Итого	32 674	4509

Таблица 17

Пахотные орудия в Сырдарьинской области[48]

Уезд	Пахотные орудия	
	сохи	плуги
Казалинский	9477	113
Перовский	13 072	30
Чимкентский	8623	60
Итого	31 172	303

от среднеазиатского омача, а также принесенное уйгурами-переселенцами в 80-х годах их традиционное пахотное орудие бурсун.

Наибольшим числом сох и плугов располагали уезды с давним земледелием, близкие к торговым центрам, как Верненский и Капальский. Здесь, если судить по таблице 16, сох было почти в два раза больше, чем в Джаркентском уезде, а плугов больше в 53,1 раза в Верненском и в 22,1 раза — в Капальском.

В статистических материалах по Сырдарьинской области пахотные орудия (сохи и плуги) подразделяются на две категории: «железные» и «деревянные». Под «железными», очевидно, следует понимать плуги, а под «деревянными» — сохи и отчасти сабаны казахских ремесленников. Это подтверждает комментарий к статистическим сведениям, сообщающий, что в Аулие-Атинском и Казалинском уездах «земля пашется почти исключительно деревянным омачом...»[49]

Полевые материалы этнографических экспедиций говорят о том, что на поливных землях преобладающим пахотным орудием была соха (омач, жерагаш, колагаш), как наиболее легкое орудие вспашки по увлажненной почве, сабанов было меньше.

Данных о пахотных орудиях по Аулие-Атинскому уезду нет, однако отмечается, что «огромная роль земледелия в современном киргизском хозяйстве Аулие-Атинского уезда не подлежит никакому сомнению»[50] и у 82,9% хозяйств уезда имеется сельскохозяйственный инвентарь. Процент этот очень высок, ведь в Казалинском уезде, где тоже было

[47] Материалы по обследованию... Семиреченской области, Верненский уезд, с. 206, 208; Джаркентский уезд, с. 190, 192; Капальский уезд, с. 350—352.

[48] Материалы по киргизскому землепользованию... Сырдарьинская область, Казалинский уезд, с. 42—46; Перовский уезд, с. 42; Чимкентский уезд, с. 59.

[49] Там же, Аулие-Атинский уезд, с. 63; Казалинский уезд, с. 46.

[50] Там же.

развито земледелие, только 40,6% сеющих казахских хозяйств имели сельскохозяйственный инвентарь [51].

Повсеместно в области земля обрабатывалась в основном деревянным омачом, железные плуги начали появляться здесь лишь в первом десятилетии XX в. [52] Объясняется это теми же причинами, что и в Семиречье.

При характеристике обеспеченности казахских хозяйств сельскохозяйственными орудиями на юге, как и в других районах, необходимо иметь в виду социальный фактор: далеко не все сеющие хозяйства имели пахотный инвентарь. Пахотные орудия, особенно плуги, не под силу было приобрести беднякам из-за дороговизны, и тут на условиях отработки действовала супряга [53]. Процент казахских хозяйств без инвентаря в Семиреченской области составлял: в Джаркентском уезде — 51,3, в Лепсинском — 50,19, в Капальском — 48,48, в Верненском уезде — 44,26 [54].

Примерно так же обстояло дело на всей территории Казахстана. Например, из 12 889 сеющих хозяйств Зайсанского уезда Семипалатинской области 6099 хозяйств прибегали к супряге [55], в Петропавловском уезде Акмолинской области на 3—4 сеющих хозяйства приходился в среднем 1 плуг (соха) [56], в Казалинском уезде Сырдарьинской области в супрягу объединялись 41,1% всех сеющих хозяйств [57] и т. д.

Как свидетельствуют приведенные данные, с конца XIX в. в хозяйстве казахов-земледельцев появляются фабричные плуги, доля которых в общем количестве пахотных орудий постепенно увеличивалась и достигла значительных размеров в северных и северо-восточных областях Казахстана: в Акмолинской области плуги в общем количестве пахотных орудий составляли 88,84%, в Тургайской области — 83,56, в Семипалатинской — 27,47%. «Сохи, — писали обследователи Петропавловского уезда, — теперь употребляются только в бедных хозяйствах, в прочих же хозяйствах они находятся как остаток от прежнего времени, когда плугов в киргизских хозяйствах не было. Во всяком случае теперь главное пахотное орудие — плуг. Сох в уезде 331, плугов же 1481» [58].

Несколько медленнее распространялись фабричные плуги на западе и юге Казахстана: в Уральской области они составляли 10,87% общего числа пахотных орудий, в Семиреченской — 12,08, а в Сырдарьинской — всего 0,67%. В Уральской области плуги сосредоточены были в Уральском уезде, в северных частях Лбищенского и Темирского уездов, участки же под посевы здесь выбирались казахами-земледельцами на

---

[51] Материалы по киргизскому землепользованию... Сырдарьинская область, Казалинский уезд, с. 46.

[52] Там же, Аулие-Атинский уезд, с. 63.

[53] Там же, Акмолинская область, Кокчетавский уезд, с. 138.

[54] Материалы по обследованию... Верненский уезд. Спб., 1913, с. 262.

[55] Материалы по киргизскому землепользованию... Зайсанский уезд, т. III. Спб., 1913, с. 383.

[56] Киргизское хозяйство в Акмолинской области, т. II, Петропавловский уезд, с. 69.

[57] Материалы по киргизскому землепользованию... Сырдарьинская область, Казалинский уезд, с. 46.

[58] Киргизское хозяйство... т. II, Петропавловский уезд, с. 69.

песчаных и супесчаных почвах, обработка которых была возможна орудиями местного ремесленного производства — сохами и сабанами. В южных областях такой невысокий процент плугов объяснялся преобладанием посевов на поливных землях, легко поддающихся пахоте, тут также могли обходиться орудиями местного производства.

Число плугов в том или ином уезде зависело от площади распашки. Так, например, в Лепсинском уезде Семиреченской области железные плуги составляли всего 5,06% в общем числе пахотных орудий, однако в хозяйствах, засевавших более 3 десятин и имевших более 15 единиц скота, железные плуги составляли уже 30,99%[59].

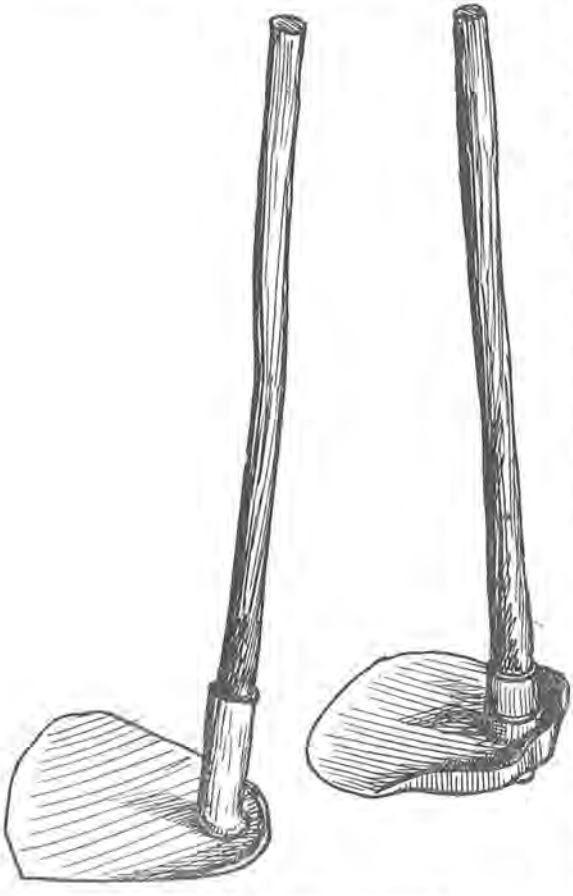


Рис. 38. *Кетпен* (кетмень)

На поливных землях юга и юго-востока Казахстана в земледелии широко применялись мотыга (*кетпен*) (рис. 38) и лопата — *күрек* (курек). Они изготовлялись местными кузнецами методом горячей ковки и имели форму, характерную для орудий подобного типа у народов Средней Азии. С помощью мотыги и лопаты копали головные арыки (тоган), водоемы (аудан) и канавки (кулак), иногда мотыга и лопата употреблялись на богарных землях для удаления сорняков.

При простейшем способе боронования применялось бревно аршина в 3—4 длиною, при 3—4-вершковой толщине[60]. На бревно (агаш-мала) накладывалась тяжесть или на него становился человек, который своим весом уплотнял вспаханное поле. Такой способ боронования встречался на востоке Казахстана[61], по шире всего на юге, в Сырдарьинской облас-

[59] Материалы по обследованию..., Лепсинский уезд, с. 311.
[60] Материалы по киргизскому землепользованию... Каркаралинский уезд, с. 75.
[61] Там же, Усть-Каменогорский уезд, с. 69.

ти [62]. Здесь боронование производилось также сохой (жерагаш-мала), для чего она перевертывалась на бок, выполняя роль бороны [63]. Нередко боронили «тяжелым валом, связанным из колючего кустарника (чингиль-мала)» [64]. Но самой распространенной во второй половине XIX в. среди казахов-земледельцев была деревянная борона местных ремесленников — *тырма* [65].

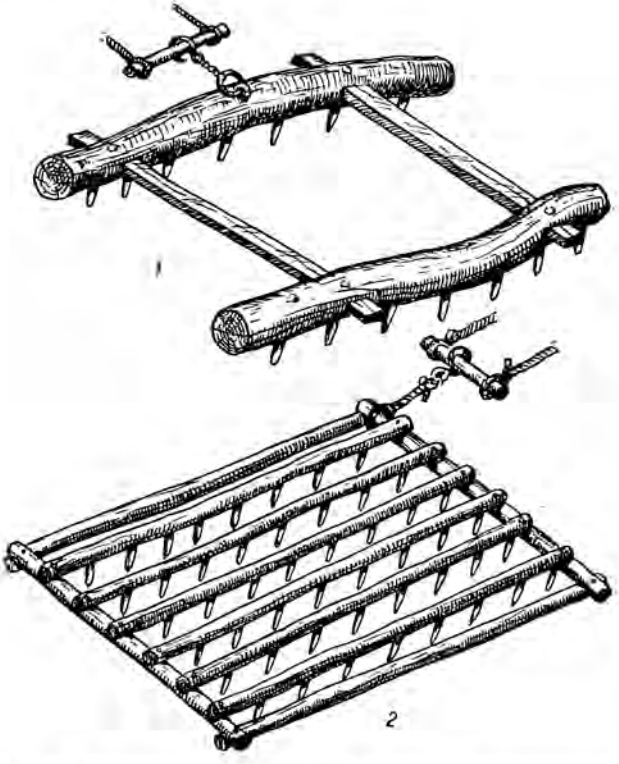


Рис. 39. Бороны (*тырма*): *1* — рамочная деревянная борона; *2* — рамочная деревянная борона с поперечными планками и зубьями

Простейший вид бороны представляет собой две массивные балки, на которые насажены деревянные зубья. Эти балки с зубьями соединены планками, образуя рамочную борону (рис. 39, *1*). Кольцо тяги на такой бороне находилось посередине одной балки с зубьями. Широко приме-

[62] Материалы по киргизскому землепользованию... Долины рек Чу и Таласа, с. 58.
[63] Там же, с. 63 и др.
[64] Там же, с. 58.
[65] Полевые записи этнографических экспедиций 1956—1975 гг.

нялась рамочная борона с поперечными планками и вставленными в них деревянными зубьями (рис. 39, 2). Размер бороны был произвольным, но сторона рамы не превышала 100 см, поперечные планки находились друг от друга на расстоянии 10—15 см, число зубьев на одной планке доходило до десяти. Кольцо тяги крепилось на один угол рамы и соединялось с постромкой приводом, а привод прикреплялся деревянной перекладиной постромок при помощи свободно перемещающегося по нему кольца, выполняя роль лучка. Встречая препятствие, кольцо, свободно перемещаясь по перекладине постромки, меняло положение зубьев бороны и тем самым освобождало ее от препятствия (камни, корни и т. д.).

С конца XIX в. в казахское хозяйство стали проникать железные бороны заводского производства [66]. В первом десятилетии XX в. число железных борон резко увеличилось, а в северных областях Казахстана они почти полностью вытеснили деревянные. Железные бороны преобладали также в Семипалатинской и Семиреченской областях, а на западе Казахстана — в Уральском уезде Уральской области, т. е. в районе, смежном с губерниями России. В остальных уездах Уральской области по-прежнему пользовались деревянными боронами. В Сырдарьинской области, в Аулие-Атинском уезде, появление железных борон отмечено только в конце первого десятилетия XX в. [67] Причину такого явления надо видеть в том, что поливные пашни небольших размеров легко обрабатывались деревянными боронами или омачом, применявшимся и как орудие боронования.

Таблица 18

Бороны в Уральской области [68]

Уезд	Бороны	
	железные	деревянные
Уральский	18 382	479
Темирский	346	4614
Итого	18 728	5093

В статистических материалах по Лбищенскому уезду бороны деревянные и железные показаны вместе — 2471 [69], по Гурьевскому уезду сведения отсутствуют. Общее количество деревянных и железных борон в Уральской области составляло 26 292 штуки.

Как видим, только за пять лет, с 1908 по 1913 г., число борон в хозяйстве казахов увеличилось здесь почти в три раза и к 1913 г. составляло 119 954 против 42 459 в 1908 г.

Железные бороны быстрее всего вытесняли деревянные в местах массового переселения крестьян из центральных губерний России и близких к городам. Так, на территории Кустанайского уезда наличествовали только железные бороны. В Актюбинском уезде число железных борон превысило число деревянных за первые 8 лет XX в. почти в два раза, а

---

[66] Материалы по киргизскому землепользованию... Павлодарский уезд, с. 46.

[67] Там же, Сырдарьинская область, Аулие-Атинский уезд, с. 59.

[68] Там же, Уральская область, Уральский уезд, с. 127; Темирский уезд, с. 135, 149, 177.

[69] Там же, Лбищенский уезд, с. 33—231.

к 1913 г. — вчетверо. Даже в отдаленном Тургайском уезде в 1913 г. отмечено наличие только железных борон. Конечно, деревянные бороны здесь использовались, но их доля была настолько низка, что не играла существенной роли.

Таблица 19

Бороны в Тургайской области[70]

Уезд	1900—1908 гг.		1913 г.
	Бороны		Бороны
	деревянные	железные	железные
Кустанайский	—	23 655	71 269
Актюбинский	9 625	18 803	47 309
Тургайский	1 210	—	1 376
Иргизский	1 523	—	св. нет
Итого	12 358	42 458	119 954

В материалах обследований конца XIX — начала XX в. по Акмолинской области данные о количестве борон имеются только по Омскому и Атбасарскому уездам: 244 и 1572 штуки соответственно[71]. По-видимому, это были деревянные бороны — изделия местных ремесленников. Однако к концу первого десятилетия XX в. железные бороны постепенно вытесняли деревянные и стали преобладающими: в Акмолинском уезде их стало 6277 единиц, в Петропавловском — 4443, в Омском — 1143, в Ат-

Таблица 20

Бороны в Семипалатинской области[72]

Уезд	1897—1900 гг.	1910—1913 гг.	
		Бороны	
	Бороны	деревянные	железные
Зайсанский	св. нет	217	535
Павлодарский	2 836	51	3 267
Усть-Каменогорский	2 991	710	2 818
Итого	5 927	978	6 620

[70] Краткий статистический обзор Тургайско-Уральского переселенческого района за 1908 г. Оренбург, 1909, с. 30 (сведения о казахах и переселенцах за 1913 г.).

[71] Материалы по киргизскому землепользованию... Атбасарский уезд, с. 1—265 (Подсчитано нами по поаульным таблицам. — *М. М.*); Омский уезд, с. 98.

[72] Материалы по обследованию... Семипалатинской области, Павлодарский уезд, с. 296, Усть-Каменогорский уезд, с. 216; Зайсанский уезд, с. 369.

басарском — 1709 единиц[73]. По Кокчетавскому уезду сведения отсутствуют, но если исходить из общепринятого расчета, что на одно сеющее хозяйство в среднем приходится две бороны, то тогда число борон будет около 5500[74]. Всего в Акмолинской области насчитывалось 19 000 борон.

Резкое увеличение числа борон особенно заметно на примере Атбасарского уезда: здесь оно увеличилось в семь раз, и главным образом за счет заводских борон.

По Семипалатинскому уезду есть сведения только об общем количестве борон — 2342 единицы, бо́льшую их часть составляли, несомненно, железные бороны[75]. По Каркаралинскому уезду сведений о боронах нет. Но принимая во внимание неразвитость земледелия в уезде (14,5% сеющих из общего числа хозяйств), количество борон было незначительным, и они были в основном местного ремесленного производства.

Общее число борон в казахских хозяйствах Семипалатинской области (без Каркаралинского уезда) к концу первого десятилетия XX в. достигло 9940 штук.

Таблица 21

Бороны в Семиреченской области[76]

Уезд	Бороны	
	железные	деревянные
Капальский	1 356	1 461
Джаркентский	100	561
Верненский	2 892	11 043
Итого	4 348	13 065

По Лепсинскому уезду есть только сводки данных о деревянных и железных боронах — 4373 штуки[77]. Общее же количество борон в Семиреченской области достигало 17 413 штук. Более всего распространены были железные бороны, как и плуги, в традиционно земледельческих районах и районах, близких к рынкам (Верненский, Капальский уезды).

По Аулие-Атинскому уезду сведений о количестве борон нет, но отмечается, что 82,9% сеющих хозяйств имеют сельскохозяйственный инвентарь, очевидно, большинство имело и бороны[78].

В трех уездах, по которым есть сведения, насчитывалось 30 438 борон, из которых железные бороны составляли всего 0,33%. Если же учесть, что в Аулие-Атинском уезде тоже применялись почти одни деревянные бороны (*мала*), то процент железных борон будет еще меньшим. И здесь это определялось, с одной стороны, характером поливного земледелия, с другой — традициями и связями с народами Средней Азии. Железные бороны имели только богатые хозяйства.

---

[73] Киргизское хозяйство в Акмолинской области, т. II. Петропавловский уезд, с. 53; т. IV, Атбасарский уезд, с. 74; т. V, Акмолинский уезд, с. 172; Материалы по киргизскому землепользованию... Омский уезд, с. 195.

[74] Материалы по киргизскому землепользованию... Кокчетавский уезд, с. 401.

[75] Там же, Семипалатинский уезд, с. 445.

[76] Материалы по обследованию... Семиреченской области, Капальский уезд, с. 350; Джаркентский уезд, с. 192; Верненский уезд, с. 206.

[77] Там же, Лепсинский уезд, с. 465.

[78] Материалы по киргизскому землепользованию... Аулие-Атинский уезд, с. 63.

Рис. 40. Серпы — *орақ* (орак) с жестким сквозным креплением в черешке или без него

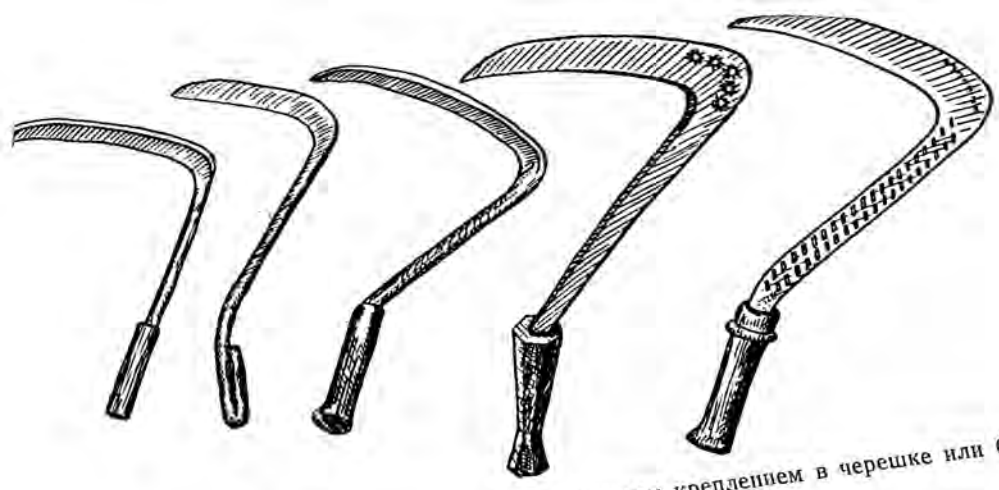


Рис. 41. Серпы — *орақ* (орак) с жестким сквозным креплением в черешке или без него

Рис. 42. Серпы с креплением лезвия на черешке при помощи захватов или с насаживающимся на черешок лезвием

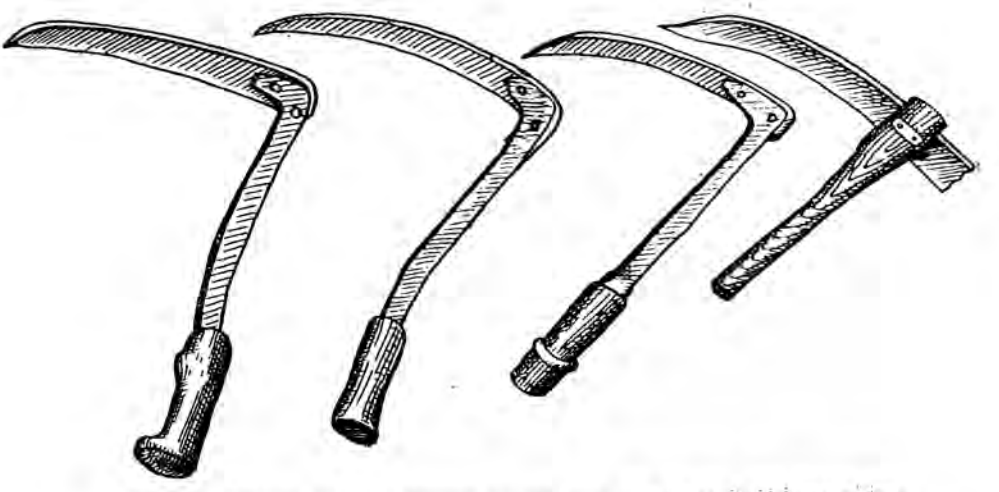


Рис. 43. Серпы, изготовленные из кос — *шалғы орақ* (шалгы орак)

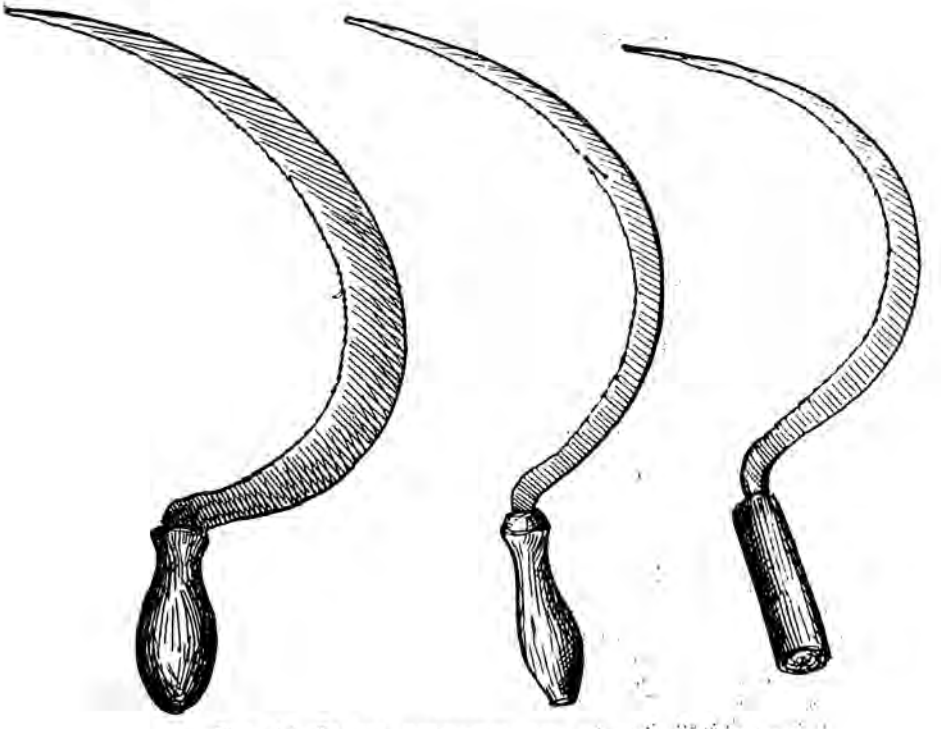


Рис. 44. Серпы, изготовленные по типу фабричных

Ручными орудиями уборки хлеба у земледельцев-казахов служили цельнокованые серпы — *қол орақ* (кол орак) (рис. 40—42), серп, изготовленный из лезвия косы, — *шалғы орақ* (шалгы орак) (рис. 43), и серп, форма которого была заимствована у переселенцев (рис. 44).

Таблица 22

Бороны в Сырдарьинской области[79]

Уезд	Бороны	
	железные	деревянные
Казалинский	—	9 376
Перовский	30	13 072
Чимкентский	71	7 990
Итого	101	30 438

Серп орак состоял из плоского лезвия с заточенной рабочей поверхностью и суживающимся заостренным концом, предручья (черешка) и ручки (сап)[80].

Размеры серпа зависели от заказчика: каждый земледелец выбирал удобное для себя орудие труда. Согласно материалам этнографических экспедиций, длина лезвий колебалась от 22 до 35 см, а ширина — от 4 до 5 см.

Предручье (черешок) было наклонено по отношению к основанию серпа от 95 до 118°, длина его колебалась от 23 до 31 см и зависела от размера лезвия: большему размеру лезвия соответствовал больший размер предручья.

Ручка — сап (обычно длиной около 13 см) прикреплялась к черешку двояким способом. В одном случае ручка насаживалась на черешок и жестко в нем закреплялась, верхняя ее часть обхватывалась для крепления ободком, а конец черешка, проходивший через сквозное отверстие ручки, закреплял нижний конец ручки. Такой способ соединения черешка и ручки наиболее распространен. В другом случае черешок скреплялся с ручкой при помощи железных ушек нижнего конца предручья, которые захватывали верхний паз ручки. Такой вид крепления встречался только на юге Казахстана[81]. Лицевая сторона серпа в месте изгиба и по черешку иногда украшалась штампованным орнаментом в виде звездочек или насечек (рис. 40, 41, 42).

Казахские серпы[82] имели свои аналоги в серпах соседних народов: узбекский урак[83], таджикский дос, дост[84] и др.

Русские серпы с овальным лезвием стали распространяться на территории Казахстана в конце XIX в. главным образом в хозяйствах казахов, живших по соседству с русскими селениями, особенно в северных и северо-восточных областях, а также в Семиреченской области[85].

[79] Материалы по киргизскому землепользованию... Казалинский уезд, с. 42—46; Перовский уезд, с. 34—42; Чимкентский уезд, с. 416—417.

[80] Полевые записи этнографических экспедиций 1956—1975 гг.

[81] Полевые записи Южно-Казахстанской (1959 г.) этнографической экспедиции.

[82] Материалы по киргизскому землепользованию... Павлодарский уезд, с. 45; Каркаралинский уезд, с. 76; Усть-Каменогорский уезд, с. 69 и др.

[83] *Александров Н. Н.* Земледелие в Сырдарьинской области, с. 91.

[84] *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф, вып. II. Душанбе, 1958, с. 51; *Фирштейн Л. А.* Земледельческие орудия..., с. 174—177.

[85] Материалы по киргизскому землепользованию... Каркаралинский уезд, с. 76; Павлодарский уезд, с. 45; Усть-Каменогорский уезд, с. 69; Материалы по обследованию... Семиреченской области, Джаркентский уезд, с. 362; Верненский уезд, с. 264 и др.

В начале XX в. казахские кузнецы уже изготовляли серпы, близкие по форме к русским. Главная особенность этих серпов состояла в том, что лезвие не имело зубьев, было гладким [86].

С начала XX в., со времени знакомства с русской косой-литовкой, в казахских хозяйствах стал употребляться особый вид серпа — *шалғы орақ* (шалгы орак), представлявший собой часть лезвия косы и прикрепленных к ней железного черешка или деревянной ручки (рис. 43). Такой серп из-за большей площади захвата был производительней, чем казахский серп кол орак, кроме того, шалгы орак имел более твердое (закаленное) и лучше обработанное лезвие. Им убирали хлеб и косили сено. С годами такие серпы стали изготовлять казахские ремесленники [87].

При молотьбе употреблялись следующие сельскохозяйственные орудия: вилы — *айыр*, *аша*, грабли — *тырма* и лопата — *күрек* (курек) (рис. 45, 46). Все эти орудия делались из твердых пород деревьев: березы, карагача, клена, в южных уездах Казахстана на их изготовление шли также тутовое и ореховое дерево [88].

Вилы делались из цельного ствола дерева с естественным раздвоенным концом — зубьями (*тіс*), длина вил равнялась примерно 225 см, толщина рукоятки (*сап*) до рабочего конца — 3,5, длина зубьев — 53 см.

Рис. 45. Вилы двузубые (*айыр*) и грабли (*тырма*)

Грабли (*тырма*) состояли из двух частей: рукоятки (*айыр сап*) и граблей (*тырма басы*). Рукоятка, раздвоенная в конце, имела длину до 200 см, толщину — 3 см. Грабли состояли из планки (*тырма басы*) с насаженными на нее зубьями (*тіс*). Зубья вставлялись в сквозные ячейки планки (выступающие

[86] Полевые записи этнографических экспедиций 1956—1975 гг.
[87] Там же.
[88] Там же.

концы их равнялись 13 см), раздвоенный конец рукоятки вставлялся в пазы граблей и закреплялся гвоздями.

Лопата состояла из рукоятки (*сап*) и лопасти (*күрек басы*), соединявшихся между собой гвоздями (длина рукоятки 110 см, лопасти, вырезанной вместе с выступом,— 40—50 см, толщина лопасти 2 см). Рукоятка и лопасть соединялись гвоздями. Общая длина лопаты была около 160 см.

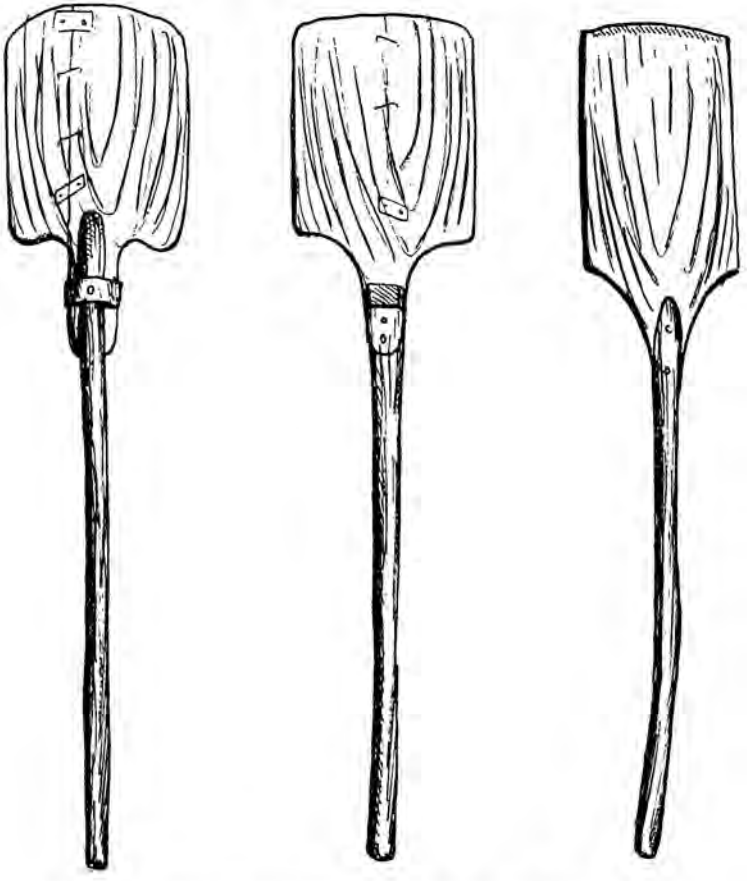


Рис. 46. Лопаты деревянные — *ағаш күрек* (агаш курек)

Вилы и грабли служили при молотьбе для очистки зерна от соломы, а лопаты — для веяния зерна.

После веяния зерно просеивали через решето (*елек, қалбыр*), очищая его от камней, палок и других примесей. В качестве решета употреблялась старая утварь (тазы, ведра и т. д.), в днище которой проби-

вались ячейки размером с зерно. Такое решето подвешивалось на треногу, и через него просеивалось зерно (рис. 47).

В северных уездах Казахстана начиная с конца XIX в. для молотьбы хлеба стали применяться каменные катки, приобретаемые в русских селениях (рис. 48).

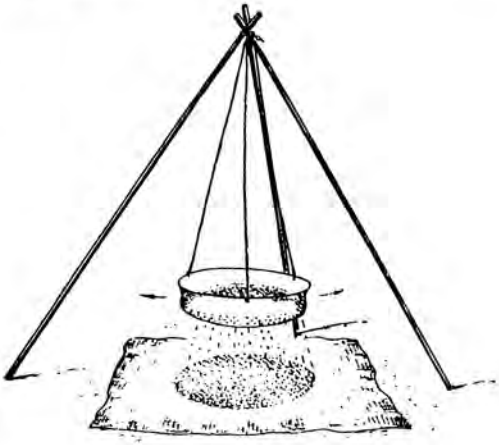


Рис. 47. Решето для очистки зерна — *қалбыр* (калбыр) или *елек*

В начале XX в. байские хозяйства, имевшие большие площади посевов зерновых и сенокосы, стали покупать заводские жатки, косилки, грабли, веялки. Жатки и веялки приобретали крупные земледельческие хозяйства, сенокосилки и грабли также и скотоводы. При этом процент косилок и граблей в земледельческих хозяйствах был значительно выше, чем в скотоводческих. В Акмолинском уезде Акмолинской области, например, 1 сенокосилка и 1 грабли приходились на 7 земледельческих и соответственно на 17 скотоводческих хозяйств [89].

Рис. 48. Молотьба каменными катками (*тас*)

Сельскохозяйственные орудия и машины более всего были распространены в северных и северо-восточных уездах Казахстана.

Материалы статистики не всегда содержат сведения об обеспеченности уездов различными видами сельскохозяйственных машин и ору-

[89] Киргизское хозяйство..., т. V, Акмолинский уезд, с. 79.

дий. В одном случае есть сведения о косилках, а все остальные машины и орудия отнесены в графу «прочие», где, очевидно, бо́льшую часть составляли конные грабли. Это подтверждается, например, данными по Лбищенскому уезду Уральской области: косилки — 74 штуки, конные грабли — 124, веялки — 3 [90]. В Уральском же уезде насчитывалось: косилок — 464, прочих машин — 311 [91], в Темирском уезде соответственно 144 и 111 единиц [92]. Всего в Уральской области было 682 косилки и 549 других сельскохозяйственных орудий.

Жатки, по мнению исследователей, в начале XX в. «только еще вводятся, и распространение их в киргизских хозяйствах принадлежит будущему. Имеются кое у кого и веялки, но тоже как редкость... другое дело сенокосилки... они распространены широко»[93].

Таблица 23

Сельскохозяйственные машины в Акмолинской области [94]

Уезд	Жатки	Сенокосилки и конные грабли
Акмолинский	66	1508
Атбасарский	17	1159
Омский	11	1705
Петропавловский	45	851
Всего	139	5223

По Кокчетавскому уезду Акмолинской области приводятся данные по сенокосилкам, конным граблям и жаткам, всех этих машин вместе — 418 единиц [95]. Вероятно, и в других уездах значительную часть машин составляли сенокосилки и конные грабли.

Факт наличия сельскохозяйственных машин в Семипалатинской области отмечен лишь по Павлодарскому уезду, где, по данным 1910 г., насчитывалось у казахов 78 жаток, 3 молотилки, 16 веялок, 1080 сенокосилок и 1025 конных граблей [96]. В других уездах области сельскохозяйственные машины не отмечены.

О темпах прироста сельскохозяйственных машин в земледельческих районах Казахстана можно судить, например, по Тургайской области. Всех сельскохозяйственных машин, по данным 1908—1910 гг., было здесь 7327 штук.

Сопоставление показывает, что за пятилетие количество сельскохозяйственных машин увеличилось: в Актюбинском уезде — в 9,7 раза, в Иргизском — в 2,9, в Кустанайском — в 26,8, в Тургайском — в 13,4 раза. Примерно таковы же были темпы прироста сельскохозяйственных машин в Акмолинской и в северных уездах Уральской областей.

На юге Казахстана, в Сырдарьинской и Семиреченской областях,

---

[90] Материалы по киргизскому землепользованию... Лбищенский уезд, с. 33—231.
[91] Там же, Уральский уезд, с. 42—45, 92—107, 127.
[92] Там же, Темирский уезд, с. 135, 177; Годовой отчет..., с. 33—35.
[93] Киргизское хозяйство..., т. III, Омский уезд, с. 69.
[94] Там же, т. II, Петропавловский уезд, с. 53; т. IV, Атбасарский уезд, с. 74; т. V, Акмолинский уезд, с. 172; Материалы по киргизскому землепользованию... Омский уезд, с. 195.
[95] Киргизское хозяйство..., т. I, Кокчетавский уезд, с. 72.
[96] Материалы по обследованию... Павлодарский уезд, с. 296.

отмечены лишь единицы сельскохозяйственных машин. Так, в Сырдарьинской области — 2 жатки, 2 веялки и 4 сенокосилки на территории Чимкентского уезда [97].

В Семиреченской области отмечены 2 косилки и конные грабли на территории Капальского уезда, 1 косилка — на территории Джаркентского, 5 косилок и конных граблей, 3 веялки — на территории Верненского уезда [98].

Таблица 24

Сельскохозяйственные машины в Тургайской области в 1908—1910 гг. [99]

Машины	Актюбинский уезд	Иргизский уезд	Кустанайский уезд	Тургайский уезд
Косилки	3274	—	1467	—
Жатки	1347	589	491	126
Молотилки	3	—	17	—
Веялки	—	—	13	—
Итого	4624	589	1988	126

Таблица 25

Сельскохозяйственные машины в Тургайской области в 1913—1915 гг. [100]

Машины	Актюбинский уезд		Иргизский уезд		Кустанайский уезд		Тургайский уезд	
	1913	1915	1913	1915	1913	1915	1913	1915
Сенокосилки	8 399	9 295	360	560	6 514	6 795	590	717
Конные грабли	8 482	8 823	360	560	5 971	6 416	579	746
Точильные станки	11 137	12 366	355	560	12 297	13 951	110	140
Жнейки:								
лобогрейки	5 706	8 652	23	21	13 597	15 291	50	62
молотилки	259	330	—	—	1 429	1 546	—	—
самосбрасывающие лобогрейки	78	145	—	—	1 286	36	—	—
Сеялки	995	961	—	—	605	983	—	20
Веялки	3 741	4 825	—	—	7 706	8 222	7	—
Итого	38 797	45 370	1 098	1 701	44 905	53 250	1 336	1 685

[97] Материалы по киргизскому землепользованию... Чимкентский уезд, с. 416—417.

[98] Материалы по обследованию... Капальский уезд, с. 163; Джаркентский уезд, с. 192; Верненский уезд, с. 206.

[99] Материалы по киргизскому землепользованию... Тургайская область. Оренбург, 1911—1913. Итоговые таблицы по уездам.

[100] Обзор Тургайской области за 1913 г. Оренбург, 1914, с. 13; Обзор Тургайской области за 1915 г. Оренбург, 1916, с. 13. Суммарное число сельскохозяйственных машин, а также превышение уровня 1915 г. над 1910 г. выведено нами на основе пообщинных таблиц.

5. СПОСОБЫ МОЛОТЬБЫ, ПЕРЕВОЗКИ И ХРАНЕНИЯ УРОЖАЯ

Основные орудия и приемы молотьбы, перевозки и хранения урожая на территории Казахстана в целом были общими, различия проистекали из особенностей почвенно-климатических условий, степени распространения земледелия, близости хозяйственных и торговых центров, уровня обеспеченности хозяйств рабочим скотом и орудиями и, в известной мере, традицией.

Для обмолота сжатого хлеба казахи-земледельцы заранее подготавливали гумно — *қырман* (кырман, среднеазиатское — хирман). Там, где земледелие было поливным, гумно готовилось в непосредственной близости от посевов (*егістің ішінде* — внутри посевов, *егістің қақпасында* — у ворот пашни), нередко на одной из делянок (*атыз*) хлебного поля (например, в присырдарьинских районах, в низовьях р. Арысь, по р. Иргиз) или возле зимовок (постоянных оседлых поселений), что характерно для Тургайской области, Атбасарского и Акмолинского уездов Акмолинской области. Устройство гумна возле зимовки имело место и на юге, например в адырной зоне, составляющей как бы подошву горы Казыгурт (правобережье р. Келес), в обширной предгорной полосе, примыкающей к западным отрогам хребта Каржан (левобережье р. Келес), издавна использовавшейся под посевы неполивной пшеницы — *тәлімі бидай* (талими бидай)[1]. В районах неполивного земледения (Кокчетавский, Петропавловский, Омский, Павлодарский, Семипалатинский уезды) кырман располагался как вблизи посевов, в отдалении от зимовок или поселений, так и возле зимовок. В Уральской области посевы и гумно находились на летних пастбищах — жайляу. Если посевы производились на одних и тех же или близлежащих участках, то одно и то же гумно использовалось из года в год. В зависимости от характера почвы в приемах подготовки гумна имелись некоторые различия. В тех местах, где почва была сильно задернована (в северных уездах Акмолинской и Семипалатинской областей), на площадке, выбранной для кырмана, лопатой или кетменем снимали дерновый слой, оголенный грунт заливали водой (в зависимости от размеров тока выливали до десяти бочек воды). Когда площадка начинала подсыхать, ее покрывали слоем сена и по нему в течение нескольких часов гоняли животных — лошадей или верблюдов, сменяя уставших через определенные промежутки времени. Иногда гоняли животных, запряженных в телеги с каким-либо грузом. В результате такой трамбовки земля на площадке становилась твердой, как камень[2]. Тогда

[1] *Александров Н. Н.* Земледелие в Сырдарьинской области. Ташкент, 1916, с. 128, 129, 130; Полевые записи Чимкентской (1975 г.) этнографической экспедиции. Р. Я. Рассудова высказывает предположение, что это одно из искажений широко распространенного в Средней Азии термина «ляльми», употребляемого в разных местах в различных вариантах (лалми, лэлим, ляльм, лялляма и др.). См.: *Рассудова Р. Я.* О видах поливных и неполивных земель в Средней Азии. — В сб.: Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975, с. 126, 127. Казахское *тәлімі*, вне всякого сомнения, является одним из вариантов «ляльми».

[2] Материалы по обследованию... Семипалатинской области, Павлодарский уезд, с. 93, 131.

сено сгребали вилами и граблями, давали земле просохнуть в течение 2—3 дней, после высыхания тщательно подметали площадку, и кырман был готов к приему урожая.

В местах, где поверхностный слой почвы не был задернован, траву подрезали лопатами (в Уральской области — серпами, ножами — главным образом женщины и дети), неровности разравнивали и заливали водой. После подсыхания площадку тоже утрамбовывали, гоняя лошадей или верблюдов по разостланному на площадке сену. При необходимости площадку повторно заливали водой и повторно трамбовали.

В некоторых местах свойства почвы позволяли делать ток и без утаптывания лошадьми: снимали дерн, землю поливали, после подсыхания ток был готов [3]. В Кокчетавском уезде наряду с описанным выше применялся и другой способ: на площадку, не очищенную от дерна, настилали сухую солому и поджигали, трава выгорала, и очищенная поверхность земли оказывалась достаточно твердой для использования под гумно [4].

При ежегодном подновлении кырмана площадку подравнивали, заливали водой и после подсыхания земли утрамбовывали с помощью бревна или толстой доски, привязанных к лошади.

Площадь кырмана зависела от числа голов рабочего скота, участвующего в молотьбе, от ожидаемого урожая и достигала 8—10 м в диаметре. Посредине тока вбивали в землю нетолстый короткий столб (около 2 м длиной), на который надевалась свободно скользящая петля, сплетенная из ивовой лозы в виде восьмерки, или же маленькое свободно вращающееся колесо, к которому прикреплялись приводы для животных. Этот столб назывался *оп*, *оп ағаш*. Но его применяли не везде, в отдельных районах Чимкентской области оп вбивали только при обмолоте волами.

Сжатый хлеб обычно связывали жгутом из травы *қылқан* (кылкан — дикий ячмень) или *боз* (ковыль) в снопы (*бау*); из снопов, поставленных колосьями вверх, чтобы птицы не могли садиться и склевывать зерно, составляли копны — *шөмеле* (шомеле), *қаума* (каума), *көрсұғым* (корсугум) и в северных областях оставляли на 10—15 дней для просушки. В Кустанайском уезде, где снопы перевозили на возах, для просушки ставили не копны, а так называемые зароды из 100—150 снопов — примерно на 1,5—2 воза. Там же, где сжатый хлеб перевозили вьюком, размеры копен делали такими, чтобы одну копну целиком навьючить на верблюда; обычно верблюжий вьюк состоял из 30—40 снопов, по 15—20 с каждой стороны. В Актюбинской области снопы волокли также верблюдами на алаше [5]. При перевозке на волокушах снопы складывали не

---

[3] Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинская область, Усть-Каменогорский уезд, с. 75.

[4] Полевые записи Кокчетавской (1956 г.) этнографической экспедиции.

[5] Полевые записи Актюбинской (1972 г.) этнографической экспедиции.

в копны, а в двускатные валки — *итарқа* (итарка), *жадағай сұғым* (жадагай сугум)[6]. На юге, где хлеб не требовал долгой просушки, его старались по возможности быстрее перевезти на ток.

В Уральской области собранный урожай часто оставляли на ниве сохнуть в пучках (*десте*) до стадии шелушения, а затем увязывали в снопы, которые перевозили на ток, где их скирдовали. Если приступали к молотьбе не сразу, то скирды огораживали.

Рис. 49. Обмолот снопов с помощью животных

Когда у хозяйства (или у объединившихся двух-трех хозяйств) рабочих рук хватало, перевезенную часть урожая тут же начинали молотить. Часть работников была занята жатвой, часть перевозкой и часть молотьбой. Богатые хозяйства, имевшие много рабочего скота, заскирдовав хлеб возле кырмана рядом с жилищем, обмолот проводили постепенно. В каждый стог складывалось не менее 15 и не более 40 возов, а на воз, запряженный парой волов, накладывали 100—120 снопов[7]. Бедняки же старались свой небольшой урожай намолотить возможно быстрее. В некоторых местах для обмолота проса устраивали два тока: на одном молотили, на другом провеивали[8].

---

[6] *Аргынбаев Х., Захарова И. В.* 1958 ж. Оңтүстік Қазақстан облысында ұйымдастырылған этнографиялық экспедиция. — В сб.: Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Алма-Ата, 1961, с. 97.

[7] Полевые записи Кзыл-Ординской (1973 г.) этнографической экспедиции.

[8] Материалы по киргизскому землепользованию... Тургайская область, Кустанайский уезд, с. 139.

Самым распространенным способом молотьбы у казахов-земледельцев была молотьба с помощью животных (*оп қосу, оп айдау, өгізбен бастыру, атпен, түйемен бастыру*) (рис. 49). Она заключалась в следующем. Посредине тока раскладывали снопы, пускали волов (5—8 голов), верблюдов или лошадей (до 12—15 голов) и гоняли их по кругу. Погонщиком обычно был подросток, садившийся на крайнего вола и погонявший всех длинным кнутом. Когда волов было немного, их гоняли свободно, не привязывая друг к другу. Но когда ряд состоял из 5—6 и более голов, то первого вола привязывали к столбу (*оп ағаш*), и он ходил вокруг него по небольшому кругу, второго вола привязывали к пер-

Рис. 50. Провеивание зерна

вому за рога или за шею, третьего — ко второму и т. д., чтобы был охвачен весь разложенный хлеб. Когда волов было много, их пускали в два ряда, друг за другом. Эту упряжь волов на юге называли *геле, геле топ* (от таджикско-узбекского *гәлә* — табун, стадо, стая). Вола, кружившего вокруг столба, называли *оптыр өгіз* (оптыр огуз), его не меняли и глаза ему не завязывали. Через пробег в 20—25 кругов меняли направление хода волов. Когда оптыр огуз привыкал к своей работе, столб могли убрать, а голову вола за рога (или за мурындык — продетую через ноздри палочку) привязывали поводком к ноге, и он вращался на одном месте как бы вокруг своей оси.

Время от времени колосья ворошили вилами, переворачивали, сгребали ближе к середине тока (рис. 50). Вилы (*айыр, айыр ағаш, аша, бесақа*) были самодельными, деревянными, пяти-четырех-трех- и двухзубыми, на юге большей частью пятизубыми (*бесақа*). Позднее, в начале XX в., употребляли и фабричные железные вилы. Двухзубые вилы слу-

жили для подхватывания снопов, пятизубые — для ворошения колосьев при молотьбе и первичного провеивания. Употреблялись и деревянные грабли — *тырмауыш, тырмауық, тырнауыш.*

Одну партию снопов молотили в течение 1,5—2 часов, затем вилами и граблями отделяли солому от зерна и сгребали в две отдельные кучи (кучу полуочищенного зерна называли *майқан* — майкан). Затем на очищенный кырман расстилали следующую партию снопов. Два-три человека в день обмолачивали три партии снопов.

Молотьба с помощью волов более всего была распространена в Чимкентском и Аулие-Атинском уездах. Просо и кунак предпочитали обмолачивать верблюдами, если их не было — волами. На небольших кырманах гоняли 4—5 верблюдов, на больших — более 10 [9].

В северных и западных уездах Казахстана, где было развито коневодство, при обмолоте хлеба в байских хозяйствах использовались лошади. Их привязывали к различной длины веревочным приводам вертящегося колеса на столбе и гоняли по снопам. В маломощных хозяйствах зерно молотили двухколесными и четырехколесными арбами и телегами, груженными для тяжести камнем, мешками с песком, дерном. Возчиками обычно работали подростки. Один-два взрослых и один мальчик в день намолачивали около 30 пудов зерна. Бедняцкие хозяйства нередко при молотьбе объединялись в супряги (*ортақ, серік, түйсік, қырмандас* — ортак, серик, туйсик, кырмандас). На Мангышлаке, где крупный рогатый скот не разводили, на молотьбе использовались в основном верблюды, реже — лошади. В Семиречье молотили почти исключительно лошадьми и волами, только в Лепсинском уезде применяли и каменный каток [10].

В Чимкентском и Аулие-Атинском уездах, особенно в малоскотных хозяйствах, широко применялась молотьба зерновых с помощью плетеной волокуши, называемой уал [11]. Для изготовления волокуши использовали развесистые ветки растущих поблизости деревьев с крепкой и упругой древесиной, таких, как береза, тал, тутовник. Ветки прикрепляли к двум жердям с двух сторон. Все промежутки между ветвями туго забивали цикорием (*шашыратқы*) — травой с крепкими безлистными тугими стеблями или тонкими ветками кустарников (например, шенгеля) и хворостом. Эту массу из травы и сучьев перехватывали тонкими ветками наподобие плетня и в нескольких местах привязывали к поперечным жердям. Изготовленный таким способом мат представлял собой простейшее, но весьма надежное молотильное орудие (длина его в среднем достигала 2—2,5 м, ширина — 1,5 м, толщина — 20—30 см). К одной из двух продольных жердей на значительном расстоянии друг от друга привязывали веревку за два конца, середину ее прикрепляли к ярму волов или

---

[9] Полевые записи Чимкентской (1971—1975 гг.) этнографической экспедиции.

[10] Материалы по обследованию... Семиреченской области, Верненский уезд, с. 264; Капальский уезд, с. 218; Лепсинский уезд, с. 367.

[11] Уал был широко распространенным в Средней Азии молотильным орудием. Узбеки также называли его уал (вол, бол, увал), таджики — чапар.

к седлу лошади. Для тяжести на уал клали несколько необмолоченных снопов или мешки с песком (дерном). Мальчик-погонщик садился на ярмо или в седло и гонял животных по расстеленным снопам. По мере обмолачивания дно уала забивалось остью и чешуей колосьев и становилось, как щетка.

У присырдарьинских земледельцев уал был меньших размеров, напоминал простейшую борону мала из плотноувязанных ветвей кустарника, форму имел не четырехугольную, а листообразную [12].

Мнение, что уал служил только для ворошения разостланных снопов, а не для обмолота зерна, нам кажется неверным. При молотьбе уалом разостланный хлеб ворошили вилами (бесака), реже — деревянными граблями. К тому же уал применяли в основном именно малоскотные хозяйства: он заменял им десяток быков или лошадей, так как волочили его обычно одна или две лошади, верблюд или пара волов. Иногда после молотьбы лошадьми или волами по майкану (предварительно провеянному только вилами зерну) пускали еще уал для полного обмолачивания зерна. Если хотели предохранить зерно от дробления при обмолоте, особенно пшеницу и ячмень, также применяли уал. Когда от уала требовалось и ворошение, в его тело вертикально к плоскости втыкались остроконечные палочки, которые ворошили колосья и стебли [13]. Но это, по-видимому, местное приспособление, не типичное для казахского земледелия [14]. Одного уала было достаточно для обмолота всего урожая одного или двух объединившихся хозяйств.

В Аулие-Атинском уезде и в Семиречье (Джаркентском, Лепсинском и Капальском уездах) казахские земледельцы стали пользоваться каменным катком лишь в начале XX в. [15] В это же время катки появились в северных и северо-западных уездах. Каток представлял собой каменный валик длиной 90—100 см, диаметром 45—50 см, с восемью гранями. Были катки меньших размеров: 80 см длиной, 40 см в диаметре, с шестью гранями. С торцов катка наглухо заделывались два металлических стержня (длиной 15—20 см), которые вкладывались в специальные отверстия у деревянной рамы. К передней части рамы прикреплялись два металлических кольца, за которые привязывались постромки лошади, таскавшей каток по току с разостланными на нем снопами. Казахи-хлебопашцы покупали катки на рынке и в казачьих станицах у русских и украинских мастеров. Позднее их стали изготовлять и казахские мастера-каменотесы. Производительность труда при молотьбе с помощью катка была в два раза выше, чем с помощью животных: 1—2 взрослых и мальчик-

[12] Полевые записи Чимкентской (1971, 1975 гг.) этнографической экспедиции.

[13] О таком назначении уала у зеравшанских кипчаков имеется сообщение К. Ш. Шаниязова в монографии «К этнической истории узбекского народа». — Ташкент, 1974, с. 177.

[14] Так же, как описано нами, объясняет назначение уала для земледельцев-узбеков Б. С. Гамбург в ст. «К характеристике орудий земледельцев Ферганской долины и Ташкентского оазиса конца XIX — первой четверти XX в.». — В сб.: Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975, с. 119, 120.

[15] Материалы по обследованию... Семиреченской области, Лепсинский уезд, с. 367; Джаркентский уезд, с. 362.

погонщик могли в течение дня намолотить 50—60 пудов зерна. Таскавших каток животных сменяли за день 2—3 раза.

В Павлодарском, Семипалатинском и Усть-Каменогорском уездах казахи-земледельцы начали пользоваться и простейшими конными молотилками. Их покупали, а еще чаще брали в аренду баи у богатых русских крестьян. Сведений о числе конных молотилок по областям нет, известен лишь факт, что в Кустанайском уезде Тургайской области в 1910 г. с развитием земледелия у казахов уже насчитывалось 96 конных молотилок, 195 жаток и 15 сноповязалок [16].

Обмолоченное зерно предварительно провеивали вилами. В местах, расположенных вблизи городов, в начале XX в. стали применять желез-

Рис. 51. Очистка зерна просеиванием через решето

ные трех-четырехзубые вилы (айыр). Присырдарьинские земледельцы покупали их, как и кетмени, лемеха, железные лопаты, грабли,— в Туркестане, жители районов, тяготевших к Чимкенту,— в Чимкенте или еще южнее — в Ташкенте, но свои пятиконечные вилы — бесака — тоже широко употребляли.

Кучу полупровеянного зерна называли *майқан* (майкан). При достаточной силе ветра приступали к провеиванию зерна деревянной лопатой (*күрек, ағаш күрек*), которая не повреждала верхний слой тока, и зерно не смешивалось с землей. Под чистое зерно иногда подкладывали кошму или палас. Сдуваемую ветром шелуху и полову собирали в отдельную кучу вне тока. Если ветер был несильным, зерно провеивали два раза. Однако провеянное таким образом зерно содержало еще немало сора

[16] Краткий статистический обзор Тургайско-Уральского переселенческого района на 1908 г. Оренбург, 1909, с. 30.

, шар, шарлы бидай), от него избавлялись путем ссыпания зерна на у из деревянной чаши (*шара*) на кошемную или тканую подстилку. едшие в обиход решета (в северных районах к концу XIX в., в юж- вероятно, намного раньше) сделали провеивание из чаши излиш-

Для просеивания проса казахи делали частое решето (*елек*) из вы- нного крученого кишечного волокна мелкого рогатого скота; для еивания пшеницы, ячменя и овса — решета (*қалбыр* — калбыр) из ьких тесемок сыромятной кожи (*қайыс таспа* — кайыс таспа)[17] 51). В северных и западных областях вместо решета использовали лические и жестяные бидоны с пробитыми в дне отверстиями раз- и с зерно. Их тоже называли калбыр (*ғалбир, ғалвир* у узбеков и иков).

Семипалатинской и Акмолинской областях пользовались больше ими решетами. Большие решета вмещали 5—6 кг зерна, их обычно шивали к железной треноге.

провеивании и просеивании зерна в северных и центральных райо- азахстана участвовали все трудоспособные члены семьи земледель- ожных районах женщины в работе на току, как правило, не участ- и.

начале XX в. в казахском земледельческом хозяйстве появились , прежде всего в северо-восточных уездах (Омский, Павлодар- Семипалатинский, Усть-Каменогорский, Зайсанский)[18]. Покупка та- шины была, разумеется, под силу лишь немногим байским хозяй- Но пользовалось веялками гораздо большее число хозяйств, беря енду[19].

XIX в. почти повсеместно для перевозки скошенного хлеба на гум- льзовался вьючный транспорт и волокуши. Гужевой транспорт века стал распространяться в северных уездах (Кокчетавском, авловском, Омском, Павлодарском, Семипалатинском), где каза- едельцы жили в близком соседстве с русскими крестьянами-пере- ми. В начале XX в. вьючный транспорт для перевозки сжатого десь уже почти не использовался, он был вытеснен колесным. ались большей частью русскими четырехколесными телегами. инском и Кустанайском уездах, в северных частях Акмолинско- асарского уездов в казахском хозяйстве тоже распространился транспорт. Этому способствовали природные условия, равнин- ность, удобная для прокладки проселочных дорог.

верных уездах Тургайской и Акмолинской областей сжатый лей на гумно перевозили на пароконных и одноконных четырех- телегах и бричках. Телеги и брички казахи покупали на яр- русских или украинских мастеров, позднее их стали делать ие мастера. На одноконные брички укладывали 50—60 снопов

—

нбаев Х., Захарова И. В. Указ. соч., с. 96.
ериалы по обследованию... Семипалатинской области, с. 204.
гизское хозяйство Акмолинской области, Омский уезд, с. 78.

хлеба, на пароконные — 100—120 снопов. Двухколесными арбами для перевозки снопов пользовались мало.

В Уральской области характер местности также позволял прокладывать грунтовые дороги, и колесный транспорт стал использоваться для перевозки зерна на зимовки с кырманов, расположенных на летних пастбищах, рядом с посевами. Для этого служили двухосная и одноосная казахские телеги *төртаяқ арба, екіаяқ арба* (тортаяк арба, екиаяк арба)[20].

По внешнему виду казахская телега мало отличалась от русской. Отличия были лишь в деталях: ось казахской телеги была деревянной, колеса без железного обруча, одноосная арба имела деревянный или плетеный кузов.

По Семиреченской области есть сведения о количестве арб, повозок и саней в казахских хозяйствах трех уездов. Верненский уезд (1911 г.): арб — 1336, саней — 3590, повозок — 128; Джаркентский уезд (1910 г.): арб — 70, саней — 639, повозок — 17; Капальский уезд (1910 г.): арб — 243, саней — 4336, повозок — 75[21].

Для доставки снопов с поля на близкий кырман использовались верблюды и волокуши — *сүйреткі* (суйретки), иногда снопы переносили на руках, а в Актюбинском уезде также волокли верблюдом на алаше[22].

В Перовском и Казалинском уездах у городов и крупных селений отдельные хозяйства для перевозки снопов с пашни на гумно пользовались двухколесными арбами среднеазиатского типа.

В Чимкентском уезде к югу от г. Чимкента, в адырной зоне, известной с давних пор как район сухого земледелия, к началу XX в. казахские земледельцы стали применять четырехколесные телеги, лобогрейки для жатвы, каменные катки для молотьбы, веялки. Этот усовершенствованный инвентарь и передовые приемы неполивного земледелия местные казахи переняли у русских переселенцев с Северного Кавказа, поселившихся в 1870 г. к северу от Ташкента в большом селе Тоболино. Отдельные крупные хозяйства сеяли до 50 батманов пшеницы (батман в этих местах — 11 пудов, на 1 дес. — 1 батман). Телеги использовались как для перевозки урожая в снопах с полей на зимовку, где находились кырманы, так и для доставки пшеницы в Ташкент для продажи[23].

Но в части уездов Семиречья и на юге Семипалатинской области в начале XX в. основным способом перевозки снопов с поля на ток была перевозка вьюком на верблюдах, а в местах с гористым рельефом перевозка на волокушах.

Обычно нормальным грузом для крепкого верблюда считалось 16 пудов — по 8 пудов на каждую сторону. При определении числа снопов, навьючиваемых на верблюда, принимался во внимание такой расчет:

---

[20] Полевые записи Западно-Казахстанской (1973 г.) этнографической экспедиции.

[21] Материалы по обследованию... Семиреченской области, Верненский уезд, с. 206; Джаркентский уезд, с. 192; Капальский уезд, с. 350.

[22] Полевые записи Актюбинской (1972 г.) этнографической экспедиции.

[23] Полевые записи Чимкентской (1975 г.) этнографической экспедиции.

в верблюжьем вьюке обычно было 32 снопа. Количество навьючиваемых снопов варьировалось в зависимости от величины снопов и породы верблюдов, но более 40 снопов нигде не клали.

Вьючили снопы на верблюдов с помощью специальных приспособлений, разных для одногорбого и двугорбого верблюдов. Седло для двугорбого верблюда называлось *жазы,* для одногорбого — *ауыт.* Жазы представляло собой войлочную попону и две полутораметровые палки — *жазыағаш* (жазыагаш), которые укладывались вдоль боков верблюда на свернутую кольцом кошму *қом* (ком), одетую поверх его горбов и связанную на концах веревками. Две партии снопов по 15—16 штук увязывались веревкой и подвешивались с каждого бока верблюда.

Ауыт, в зависимости от того, назначался ли он для навьючивания снопов или для мешков с зерном, также имел отличия. В одном случае на покрытого кошомной подстилкой верблюда надевалась деревянная рама, поверх которой клали груз и закрепляли веревками, в другом деревянные балки, по две с каждого бока верблюда, обматывались камышом и стягивались кошмой или брезентом, в образованный таким образом короб закладывались мешки с зерном [24].

Нельзя не отметить традиционный извозный верблюжий промысел, бытовавший у казахов бассейна Сырдарьи и Арыси. На время жатвы, обмолота и перевозки урожая в зерновые предгорные районы юга в бассейнах рек Келес, Сайрамсу, Бадам и др. и в верховья Арыси приезжали казахи с семьями, со своими верблюдами, груженными солью, которую продавали местному населению. Прибывшие располагались аулом по речкам в юртах, косах и шалашах, нанимались на перевозку урожая. Некоторые из них выжигали в пустыне саксаульный уголь и по пути в Ташкенте продавали его, а затем спешили к жатве. Сначала они участвовали в уборке и перевозке урожая в низинах, а затем поднимались выше, где к этому времени поспевали хлеба.

Жнецы получали плату натурой, из расчета посеянных батманов зерна. Перевозка оплачивалась из расчета 1, 1,5, 2 снопа с каждого вьюка в зависимости от расстояния между пашней и кырманом. Сбрасывая вьюк на кырмане, они откладывали свою долю в сторону. Когда хозяин завершал молотьбу, на освободившемся кырмане они обмолачивали свои снопы и увозили домой чистое зерно. Местное население называло их *«науқаншы»* (науканши) — от слова *«науқан»* — кампания, страда. Так что существовал своеобразный тип сезонных сельскохозяйственных рабочих, «страдников»; места их постоянного жительства не установлены.

Как отмечалось, на юге, в Семиречье и в южных районах Семипалатинской области, особенно в горных местностях, распространенным средством перевозки снопов и сена являлись волокуши (*сүйреткі* или *чегене*). Устройство волокуши было очень простым: две длинные жерди *сырғауыл* (сыргауыл) соединялись в нескольких местах в нижней части поперечными балками с помощью веревок или тальника, свободные концы жердей

[24] Полевые записи Западно-Казахстанской (1973 г.) этнографической экспедиции.

подвешивались к седлу лошади или вола или привязывались к короткой веревке, перекинутой между горбами верблюда. Водитель ехал на впряженном в волокушу животном.

Если кырман находился очень близко от жнивья — *аңыз* (аныз), казахи- хлеборобы переносили снопы вручную, при этом, кроме веревки, которой обхватывались снопы, ничего не использовалось.

Казахи издавна хранили зерно в вырытых в земле ямах, называемых *ұра* (ура), реже — *қамба* (камба). Ямы выкапывали вблизи зимовки, на более или менее возвышенном месте, чтобы избежать проникновения сырости от дождевых и талых вод. Форма ям была в разных местах разная: в Семиречье, например, ямы делали в плане круглыми, в Тургайской области — четырехугольными, в Чимкентском уезде было принято копать яму, расширяя ее книзу, наподобие опрокинутой воронки. Различия в размерах ям зависели не только от требуемой емкости, но и от качества грунта, от глубины залегания грунтовых вод.

Ямы к засыпке зерна готовили также по-разному. В одних местах их обмазывали глиной или саманом (глина с мякиной), в других местах дно и стены ям обжигали, в третьих устилали брезентом, старой алашой или кошмой. Для обжига пользовались соломой, камышом, хворостом, дно ямы устилали соломой, сухим, но мягким сеном или камышом, стены обкладывали этим же материалом (часто плетеным).

Рис. 52. Перевозка сена на верблюде

В зерно, ссыпанное в большие ямы с расчетом хранения в течение года или более, клали соль, чтобы в нем не заводились насекомые-вредители[25]. Сверху зерно покрывали толстым слоем соломы, затем засыпали

[25] Полевые записи Чимкентской (1975 г.) этнографической экспедиции.

землей, утрамбовывали и замазывали глиной. В отдельных волостях поверх зерна набрасывали старую кошму, кусок алаши и затем покрывали соломой. Были случаи, когда яму поверх соломы перекрывали сырцовым кирпичом и затем засыпали землей.

Глубина ям для хранения зерна была обычно небольшой. В Тургайской области, например, бóльшая часть ям имела глубину немногим более одного метра, такую же ширину и длину около 1,5 м. В нее входило 45—50 пудов зерна. Наряду с такими ямами рыли и большие, вмещавшие до 200 пудов.

Рис. 53. Сеятель

В Акмолинском и Атбасарском уездах рыли четырехугольные ямы. Их размеры варьировались от 1,5×1×1 до 2×1,5×1,5 м. В Петропавловском уезде ямы рыли круглыми в плане и конусообразными в вертикальном разрезе глубиной до двух аршин [26]. В Усть-Каменогорском и Зайсанском уездах копали ямы четырехугольной формы [27], в Уральской области — квадратной, в Перовском и Казалинском уездах форма ям была, как в Чимкентском уезде, — в виде опрокинутой воронки. В Букеевской орде и в Мангышлакском уезде Закаспийской области зерно также хранили в основном в ямах, вырытых возле зимовок, их обмазывали глиной или подвергали обжигу.

Когда из ям по мере надобности брали зерно, то вскрывали яму с одного края или угла и тут же замазывали отверстие. Там, где было

---

[26] Материалы по киргизскому землепользованию... Акмолинская область, Петропавловский уезд, с. 201.

[27] Там же, Семипалатинская область, Усть-Каменогорский уезд, с. 75; Корреспонденция из Зайсанского уезда. — Киргизская степная газета, 1896, № 45.

много зерновых ям в одном месте, нанимали сторожа, труд которого оплачивали зерном [28].

Зерно для повседневного потребления хранили в плотных шерстяных (больше из верблюжьей шерсти) домотканых мешках *қап* (кап) — в передней жилого помещения *ауыз үй* (ауыз уй), или в специальном коробе — сусеке в хозяйственном помещении (*шошала*). В земледельческих районах Чимкентского уезда казахские хлебопашцы хранение зерна в ямах заменили хранением в закромах, устраиваемых в хозяйственном помещении. Закрома — *кендік* (кендик) здесь делали обычно из сырцового кирпича. Засыпав зерном, их закрывали досками и замазывали глиной. В северных районах Аулие-Атинского уезда иногда весь хлеб хранили сложенным в мешки в доме. Держать запасы хлеба просто в мешках в доме, наряду с хранением в ямах, было принято и в Петропавловском уезде, в хозяйственных пристройках — в Кокчетавском уезде. В Усть-Каменогорском уезде иногда устраивали сусеки в зимовке (*бора шарбақ* — бора чарбак) под крышей из плетня, обмазанного глиной. В Кустанайском уезде с конца XIX в. часть казахских богатых хозяйств стала хранить зерно в закромах, отгороженных в подсобном помещении — клети или даже в специальном помещении — амбаре. В Актюбинском уезде с начала XX в. богатые хозяева также стали строить амбары специально для хранения зерна. В поселениях жатаков Акмолинского и Атбасарского уездов казахи стали строить деревянные или саманные амбары, клети или лари, куда и ссыпали зерно.

В Уральской области зерно для повседневного потребления хранили в сусеках прямоугольной формы, из камней, обмазанных глиной, верх сусека закрывали съемной крышкой, обтянутой брезентом. В Перовском же уезде, особенно в его восточной части, сусеки делали плетеными из прутьев и обмазывали их глиной.

Сенокошение в хозяйственной практике оседлых и полуоседлых казахов во второй половине XIX — начале XX в. занимало уже довольно значительное место, особенно в северных уездах, богатых сенокосными угодьями, и в горных районах юга. Все большее распространение получила русская коса *бел орақ* (бел орак), но ручной серп *қол орак* (кол орак) еще преобладал, особенно там, где травострой был редким. Так, в Букеевской орде с заливных лугов сено скашивали косами (после 1910 г. у богатых здесь появились и сенокосилки), а в степи с редким травяным покровом траву косили серпами. Серп употреблялся и в других уездах, даже северных, как, например, в Кустанайском.

Скошенное сено сперва подсушивали в валках, а затем вилами или граблями (*шөп тырма*) сгребали в кучу (*қаума*). Через 2—3 погожих дня его собирали в копны, затем грузили на арбу и доставляли к месту зимовки. На зимовке сухое сено складывали в стога или скирды (*мая*, *кебен*, *іскірт*), обносили скирду заборами из тала (*шарбақ*), хвороста

---

[28] Полевые записи Чимкентской (1975 г.) этнографической экспедиции.

или же окружали рвом (*ор*) с входными воротами. Во многих местах вошло в практику скирдование на кровле скотопомещения. К зимовке сено подвозили на арбах, вьюком, иногда волокушей.

6. ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ОБРЯДНОСТЬ У КАЗАХОВ

Земледельческая обрядность у казахов складывалась на ранних этапах их истории и, как и у других народов, облекалась в религиозную оболочку. За долгие века бытования в мусульманской среде древние земледельческие обряды и обычаи утратили некоторые языческие элементы и черты, исламизировались.

Обряды и поверья казахов, связанные с пахотой, севом, молотьбой и сохранением урожая, с орошением, были очень близки к таковым у узбеков и таджиков. Такая близость отразилась в почти повсеместном признании как казахами, так и другими народами Средней Азии мифического патрона земледелия Дикан-бабы[1]. В обрядах и поверьях казахов, связанных с земледелием, значительное место занимал и другой мифический персонаж — Хызыр (по-казахски *Қыдыр*) — даритель удачи, покровитель тружеников и путников.

В южных районах пахоту начинали в марте с прилетом трясогузки (*наурузек, наурыз-торғай*). Бытовали и другие признаки, по которым устанавливали время пахоты, например, проникновение солнечных лучей в юрту сквозь отверстия в войлочном покрытии. По этому поводу была поговорка: *үйге үт кірді — егіншіге құрт кірді,* т. е. «как в юрту проникает солнечный луч, так казаха-земледельца покидает покой»[2]. День начала пахоты обычно назначали старики, предварительно посовещавшись между собой. Это должен был быть один из счастливых дней недели — *сәтті күн* (сатти кун): среда, четверг, суббота. В отдельных местах, где был свой «метеоролог» — *есепші* (вычислитель), пахоту начинали в указанный им день[3]. Перед выходом на пахоту в чьей-либо юрте в котле варили *қос көже* (это могло быть и *наурызкөже* — похлебка в честь науруза — астрономического нового года, наступающего в день весеннего равноденствия) и выносили его за аул на возвышенное место. После угощения хозяин объявлял, что намерен завтра начинать пахоту, а старики благословляли его[4].

Обычно все пахари аула приступали к пахоте в один день. Варили в честь Дикан-бабы кос коже, устраивали общественную трапезу. Поев коже, обращались к покровителю с мольбой: «Дикан-баба, қолдай гөр!» — «Дикан-баба, поддержи нас!».

Сев зерна (*дән себу, тұқым себу* — ден себу, тукым себу) мог произ-

---

[1] В литературных источниках обряды описываются очень редко и сведения, вошедшие в раздел, основываются главным образом на полевых этнографических данных.

[2] Полевые записи Чимкентской (1975 г.) этнографической экспедиции. *Ут* (хут) — название знака зодиака Рыбы, соответствующего последнему месяцу года (с 19—20 февраля по 20—21 марта).

[3] Полевые записи Чимкентской (1971 г.) этнографической экспедиции.

[4] Там же.

водить не каждый пахарь, а лишь опытные люди. Прежде чем начать сев, очерчивали полосу, которую мог охватить сеятель, разбрасывая зерно (*сүдігерге тап салып өтеді*). Приступая же к севу, сеятель произносил краткую молитву, обращенную к аллаху и Дикан-бабе.

Завершив пахоту, сев и боронование, казахи-земледельцы приступали к очистке оросительной сети и рытью новых арыков. В южных районах в эти дни готовили жертвенную похлебку (*наурызкөже, құдайы көже, қос көже*), выпекали лепешки, доставляли их на место работ и угощали работающих, при этом хозяйки пели ритуальные песни. Когда работы по очистке канала и арыков и укреплению запруды в голове канала завершались, при пуске воды из реки в канал, по древнему обычаю, резали скот (обычно бычка — *өгізше*). Кровь жертвенного животного спускали прямо в воду, не давая ей стекать на землю. Затем по жребию определяли очередность полива и пускали воду в головной арык.

В случаях прорыва плотины в голове канала приходилось все сооружать заново, совершать повторное жертвоприношение, но уже не бычком или бараном, а белой кобылицей (*боз бие*), хотя обычно жертвенными животными были бараны и крупный рогатый скот [5].

В отношении казахов — потомственных земледельцев, населявших нижнее течение реки Чу, Л. Чермак сообщает об «обычае делать складчину между членами всего тогана для покупки овцы, которую съедают при первом пропуске воды в новый тоган» [6].

В тех районах, где подъем воды осуществлялся при помощи чигиря, казахские хлебопашцы каждую весну после его установления устраивали празднество с жертвоприношением, обрядами, играми, скачками волов и песнопением в честь изобретателя чигиря. Здесь уместно привести выдержки из очерка Т. Сейдалина о земледелии у казахов бассейна р. Тургай; его зачинателем здесь традиционно считался некий Сенткул. «Около 1800 г. он впервые посеял на рукаве Тургая — Қабырге... семена привезенной им пшеницы, проса, джугары, арбузов, дынь, лука, моркови, тыквы и других... Кроме урюка и винограда, все опыты Сенткула удались отлично, но только при усиленном поливе»[7]. Число последователей Сенткула росло, к 1866 г. было уже около 500 семей егинши по течению одного Тургая, а по всему бассейну реки — около 900 семейств.

Поливали казахи свои посевы посредством старинных приспособлений, называемых *қол-қауға* (кол-кауга), *атпа,* а также с помощью чигиря, изобретенного, по преданию, неким Али-Чинаром в незапамятные времена и приводимого в движение одним или двумя волами. Начало полива сопровождалось празднеством. Мифический изобретатель и покровитель чигиря Али-Чинар был известен и среди казахов средней

---

[5] Полевые записи Актюбинской (1972 г.), Кустанайской (1969 г.) этнографических экспедиций.

[6] *Чермак Л.* Оседлые киргизы-земледельцы на р. Чу и заметки о пути через Голодную степь с картою. Записки Зап.-Сиб. отдела РГО, кн. XXVII. Омск, 1900, с. 19.

[7] *Сейдалин Т.* О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая. — ЗООРГО, вып. I. Казань, 1870, с. 238.

Сырдарьи, однако следы этого мифа в других районах пока не обнаружены, хотя чинар (платан) является деревом, распространенным именно в южной части Средней Азии. Там отдельные части чигиря, требовавшие особой прочности, изготовлялись из чинара, и это, вероятно, послужило причиной появления мифа о нем как о покровителе чигиря.

Если наступала засуха, казахи-земледельцы устраивали моление (*тасаддық* — от арабского *тасаддуқ*, то есть жертва, жертвоприношение) с жертвоприношением и общественной трапезой. Проводилось оно, как правило, вне поселения, на открытом месте, возле водоема (речки, реки, канала, озера, родника). Нередко для этого собирали с населения аула деньги или муку. В установленный день, захватив детей, все собирались в назначенном месте. Руководство тасаддыком поручалось одному из уважаемых стариков, приготовлением пищи ведали женщины. Как и перед пуском воды в канал, жертвенное животное резали над водой, давая крови стечь в воду. После еды и чаепития читали молитвы, просили бога о ниспослании дождя.

Характерно, что духовенство всячески пыталось использовать случаи совпадения тасаддыка и выпадения дождя в своих интересах, более того приурочивало его к такой погоде, когда мог пойти дождь.

Повсеместно среди казахских егинши было распространено поверье, что череп лошади, верблюда (реже коровы), надетый на жердь, вкопанную другим концом в землю, является оберегом и предохраняет посевы и огородные культуры от сглаза.

Для Кустанайской области этнографы отмечают устройство земледельцами праздника *«көк жағыс»* (кок жагыс) в честь Дикан-бабы во время, когда всходы поднимались на 20—30 см от земли. Кровью принесенной в жертву скотины окропляли поле, чтобы предотвратить всякие беды и несчастья и уберечь посевы от болезней и сорняков.

Жатва особо сложными ритуальными действиями не обставлялась. Есть сведения о приготовлении коже из первого сжатого снопа пшеницы. Так, у казахов-земледельцев нижнего течения Чу Л. Чермак отмечает: «...приготовление коже из первого сжатого снопа пшеницы, которое затем выпивается всем тоганом» (т. е. общиной, орошающей свои поля из одного тогана), и высказывает соображение, что «это может быть обряд жертвоприношения для умилостивления божества, во власти которого находятся вода и урожай, или для благодарения его за благополучную жатву» [8].

Больше всего обрядов в цикле земледельческих работ было во время молотьбы [9]. Во многих местах кырман называли «Дикан-баба» в связи с поверьем, что это будет способствовать успеху в работе на току и умножению зерна.

На току не разрешалось разводить огонь, держать воду, так как считалось, что она может «притянуть» тучи и дождь.

---

[8] Оседлые киргизы-земледельцы..., с. 19.
[9] Полевые записи Чимкентской (1971 г.) этнографической экспедиции.

Во время молотьбы мальчики-погонщики пели песни, обращенные к животным, например:

Оптыр майда, оп майда,
Майда болмай болмайды.
Сабаны саған пайда,
Дәні маған пайда.

Молоти, молоти!
Без молотьбы нельзя.
Солома — тебе на пользу,
Зерно — мне на пользу.

При провеивании обмолоченного зерна призывали хозяина ветра Мирхайдара криком: «Мірхайдар, Мірхайдар, кел, Мірхайдар!»

У казахов нижней Сырдарьи был, очевидно, свой *пір* (пир) ветра Жалангаш-ата. Обращение к нему казаха-егинши, просящего ветра для провеивания зерна, опубликовано под названием «Призыв ветра» А. Диваевым в его переводе:

О, Джалангаш-ата, вызывай ветер,
Чтобы взвился он черным туманом,
С силою и с бураном...
Чтобы раздувал он лохмотья на голыше,
Чтобы блестело его тело.
Пусть сделает [ветер] так, чтобы оголилась голова
И чтобы принудил он дрожать голого.
Я не могу изыскать способа
Очистить от соломы вымолоченное зерно...
О, Джалангаш-ата, напусти с юго-запада
Ветер красный со свистом!
О, ветер красный, бушуй, собравши все силы!
Ты тот буйный ветер, который стремится
Через высокие вершины гор...
О, свирепый ветер, нескончаемо гудишь ты
с востока!
От падения широкого горного потока
Волнуется блестящая поверхность тихого озера...
Собравши всю свою мочь,
Засвищу я, подобно удаву,
Приди же, ветер, приди скорее!

Вызываю тебя со свистом змеи,
Воссылаю тебе свой уран [10],
Ибо я не могу сдувать, подобно тебе, солому.
О, ветер, ветер! По воле твоей катится бесконечно
ибелек [11],
По дуновению твоему тухнет огонь,
Летя со стремительной силой,
Ты подметаешь поверхность земли...
О, ветер, вызываю, вызываю тебя на помощь!!!

На юге существовал обычай окропления кровью кырмана (*қырманды қандау*). Для этого каждый хозяин кырмана прямо возле кучи зерна

[10] Уран — боевой клич.
[11] Ибелек (вернее, эбелек) — перекати-поле.

резал жертвенное животное. Мясо варили тут же, сюда же созывались соседи и аульчане на угощение *«қырман тойы»*. Приходил и *мұраб* (мираб), забирал свою долю от урожая. Казахи, жившие издавна поблизости от узбеков, к мясу жертвенного животного добавляли пшеницу и варили халим (по-казахски *әлім ботқа*). Это жертвенное угощение, посвященное новому урожаю и его покровителю Дикан-бабе, как и само пиршество, называлось у казахов *сасқор* (саскор). Когда кырман был недалеко, саскор могли устраивать и дома.

Обряды и поверья казахов в конце XIX — начале XX вв. были порождены отсталостью, пережитками древних верований, а также влиянием ислама. После утверждения социалистического строя и в результате роста культуры народа они исчезли.

***

Обобщенный в книге исторический, этнографический материал по основным отраслям казахского хозяйства конца XIX — начала XX в. характеризует его наиболее существенные черты в скотоводстве и земледелии, прогрессивные сдвиги, которые происходили в нем или намечались в результате внутреннего развития и влияния экономики и культуры России. Книга отражает многие стороны материальной и отчасти духовной культуры казахского народа, ее национальное своеобразие и вместе с тем значимость его этнокультурных связей с другими народами.

Несмотря на многовековой хозяйственный опыт, в котором воплотились трудовые навыки и традиции народа, хозяйство казахов рубежа XIX—XX вв., как показывает книга, было экстенсивным, отсталым. Его производительные силы были скованы господствовавшим в стране общественно-политическим строем, а в условиях казахского аула — и довлевшими в нем докапиталистическими институтами. Магистральный путь прогресса казахского хозяйства, как и всего народного хозяйства страны, лежал на путях революционного преобразования экономического и политического строя, на путях расширения на интернационалистической основе хозяйственных и трудовых контактов народов. Такие пути казахскому народу, как и другим народам многонациональной России, открыла Великая Октябрьская социалистическая революция.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Население 14

ЖИВОТНОВОДСТВО

1. Скотоводство (историко-археологический очерк) 31
2. Пастбищные угодья и их сезонное использование. Водопои 59
3 Направление и протяженность кочевых путей 71
4. Об основных типах скотоводческого хозяйства у казахов 81
5. Основные виды домашнего скота и их распространение 93
6. Молочная пища и утварь 115
7. Обычаи и поверья казахов, связанные со скотоводством 127

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И ИРРИГАЦИЯ

1. Земледелие (историко-археологический очерк) 137
2. Распространение поливного и неполивного земледелия. Способы орошения и типы ирригационных сооружений 166
3. Казахское земледелие и распространение сельскохозяйственных культур 188
4. Виды сельскохозяйственных орудий 204
5. Способы молотьбы, перевозки и хранения урожая 236
6. Земледельческая обрядность у казахов 249

ХОЗЯЙСТВО КАЗАХОВ
НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

Материалы к историко-этнографическому атласу

Утверждено к печати Ученым советом Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР

Рецензенты: академик АН КазССР, профессор *А. Х. Маргулан*, доктор исторических наук, профессор *Г. А. Жданко*, кандидат исторических наук *Б. Е. Кумеков*

Редактор *Р. Н. Давыдова*
Худож. редактор *А. Б. Мальцев*
Оформление художника *И. З. Уразаева*
Техн. редактор *В. М. Муромцева*
Корректор *Т. П. Нежданова*

ИБ № 819

Сдано в набор 15.02.80. Подписано в печать 5.04.80. УГ 15138. Формат бумаги 70×90¹/₁₆. Типографская № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. п. л. 21,8 (в т. ч. 8 карт 3,08 усл. п. л.). Уч.-изд. л. 24,7 (в т. ч. 8 карт 5,6 уч.-изд. л.). Тираж 1350. Заказ 22. Цена 3 р. 70 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР.
Типография издательства «Наука» Казахской ССР.
Адрес издательства и типографии: *480021, г. Алма-Ата, Шевченко, 28.*

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
7	19 снизу (в сноске 5)	VII	VIII
7	9 снизу (в сноске 5)	«Tiaditional	«Traditional
17	4 сверху (графа 8)	15,09	15,03
57	2 снизу (в сноске 90)	Западной Орды	Золотой Орды
145	21 сверху	ал-Максиди	ал-Макдиси
172	подпись к рис. 24	*туйе шыгыр*	*туйе шыгыр*